

А. В. Курочкин

**УКРЕПЛЕНИЕ И УКОРЕНЕНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИИ:
ПРОЦЕСС ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ
В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОЙ
ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ**

А. В. Курочкин

**УКРЕПЛЕНИЕ И УКОРЕНЕНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИИ:
ПРОЦЕСС ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ
В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОЙ
ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ**

Монография

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2021

УДК 329(470)
ББК 66.69(2Рос)
К93

*Рекомендовано к изданию редакционно-издательским
советом Набережночелнинского института
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»*

Рецензенты:

доктор социологических наук, профессор
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения» (г. Санкт-Петербург)

Б.А. Исаев

доктор политических наук, доцент, профессор
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

А.А. Керимов

Курочкин А. В.
**К39 Укрепление и укоренение политических партий в России:
процесс институционализации в условиях ограниченной
электоральной конкуренции : монография / А. В. Курочкин. –
Чебоксары: ИД «Среда», 2021. – 264 с.**

ISBN 978-5-907411-54-8

В монографии рассматривается роль ограниченной электоральной конкуренции в институционализации политических партий в России. Обосновывается система взаимоотношений и взаимосвязи процессов институционализации российских политических партий в условиях ограниченной электоральной конкуренции. Раскрыты такие проблемы, как исторические факторы институционализации политических партий в России, критерии, содержание, основные характеристики и этапы институционализации российских политических партий, а также перспективы институционализации партий в условиях ограниченной электоральной конкуренции.

Книга рассчитана на преподавателей, научных работников, аспирантов и всех интересующихся вопросами деятельности политических партий.

DOI 10.31483/a-10302
ISBN 978-5-907411-54-8

© Курочкин А. В., 2021
© ИД «Среда», оформление,
2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ	13
1.1. Понятие политической партии	13
1.2. Институциональный подход к политическим партиям	26
1.3. Ограниченная электоральная конкуренция и её влияние на институционализацию российских политических партий	39
ГЛАВА II. ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИИ	52
2.1. Генезис политических партий в Российской Империи и СССР	52
2.2. Этапы институционализации политических партий в постсоветской России	65
2.3. Траектория предшествующего развития как фактор институционализации современных российских политических партий	79
ГЛАВА III. КРИТЕРИИ, СОДЕРЖАНИЕ И ЭТАПЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ	95
3.1. Критерии институционализации политических партий	95
3.2. Содержание институционализации российских политических партий	109
3.3. Этапы институционализации российских политических партий	121
ГЛАВА IV. ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ	133
4.1. Институциональные условия участия российских политических партий в политическом процессе	133
4.2. Особенности институционализации партии «Единая Россия»	146
4.3. Специфика институционализации оппозиционных политических партий	155
ГЛАВА V. ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ	171
5.1. Противоречия и препятствия в процессе институционализации российских партий	171
5.2. Институциональные ограничения формирования новых партий в России	181
5.3. Траектории развития институционализации российских политических партий в условиях ограниченной электоральной конкуренции	188
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	200
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	204

ВВЕДЕНИЕ

Партии, прочно вошедшие в современную российскую политическую систему, являются одним из ключевых способов по агрегации, артикуляции и представительству интересов граждан во властных структурах как общегосударственного масштаба, так и в региональном, и даже в местном сегменте политики. Сегодня партии участвуют в формировании не только федеральных органов, но и основных институтов власти в субъектах Российской Федерации, а также органов, занимающихся местным самоуправлением.

Актуальность исследования российских партий объясняется тем местом, которое партии занимают в политической системе общества. Политические партии по своей природе выполняют уникальные функции. Они обеспечивают представительство интересов общественных групп, создают механизм политической ответственности и подотчетности власти, рекрутируют политическую элиту, являются ведущими институтами политической мобилизации, структурируют политическое пространство. С изменением функций партийных организаций трансформируются их возможности, которые непосредственным образом зависят от типа политической системы. Они воплощают в себе определённые политические ценности, демонстрируют тенденции государственного регулирования, являются значимым институциональным критерием. Проекция политической реальности, в которой функционируют партии, сопряжена с воплощением соответствующих возможностей данных организаций, прежде всего, в плане влияния на государственную власть.

Институционализация российских политических партий является важным политическим процессом, определяющим контуры партийной системы и способность партий выполнять значимые для политической системы функции. Значимость процесса институционализации российских политических партий определяет актуальность данной работы.

Результаты институционализации российских политических партий выражаются в выполнении ими своих непосредственных функций. Однако функции политических партий претерпевают значительные изменения, и эти изменения требуют своего научного изучения¹. Во-вторых, условия и особенности российской политической системы оказывают непосредственное влияние на выполнение партиями своих функций. Данный аспект российского политического процесса не нашел значимого отражения в политической науке.

Современная российская политическая система содержит в себе совокупность ограничений политической конкуренции. Это связано с тем, что политическая конкуренция, с одной стороны, является важнейшим элементом демократического режима, но с другой стороны, несет в себе потенциал для политической дестабилизации. Система ограничений политической конкуренции непосредственно влияет на электоральную конкуренцию между политическими партиями, а, значит, и на институционализацию российских политических партий. Значение влияния ограничений электоральной конкуренции на институционализацию российских политических партий также определяет актуальность проведенного исследования.

¹ Трансформация функций политических партий в государствах Западной Европы рассмотрена в: Майр П. Управляя пустотой: размывание западной демократии. – М.: Изд-во Инта Гайдара, 2019. – 209 с.

Создание сбалансированной системы ограничений политической конкуренции – это важнейший вопрос, стоящий как перед российской политической элитой, так и перед российским обществом. Сбалансированная система подразумевает под собой такую систему ограничений, когда конструктивные общественные интересы представлены в процессах принятия политических решений, но при этом не допускается дестабилизация политической системы и потеря управляемости государством. Этот актуальный политический вопрос не может быть решен без его осмысления в рамках политической науки, что делает проведенное нами исследование актуальным не только в теоретическом, но и в практическом аспекте.

Процессы создания и институционализации новых российских политических партий особо активизировались после политических реформ 2011–2012 гг. Однако недопредставленность некоторых общественных групп в российском политическом процессе, политическое отчуждение некоторых сегментов российского общества – все это делает вопрос о дальнейшем реформировании российской системы ограничений политической конкуренции остроактуальным. Как результат, назрела потребность в исследовании не только исторических и политико-правовых основ партийной деятельности, но также современных проблем и противоречий, наблюдаемых в рамках институционализации российских партий в условиях ограниченной электоральной конкуренции.

На данный момент проблема влияния системы ограниченной конкуренции на институционализацию российских политических партий является слабо разработанной. Это объясняется самой спецификой постановки проблемы, при которой одновременно затрагиваются исследовательские вопросы и о содержании, интерпретации процессов институционализации партий, и выявлении роли системы ограниченной конкуренции на институционализацию российских политических партий. Несмотря на то, что отдельные аспекты проблематики институционализации российских партий освещались в отечественных научных изданиях, исследований институционализации российских партий в условиях ограниченной конкуренции нет.

Научные труды, в которых исследуются различные стороны институционализации российских партий в условиях ограниченной конкуренции можно разделить на четыре группы.

Первую группу составляют работы российских и зарубежных авторов, посвященные общим проблемам теории политических институтов и изучению процесса политической институционализации.

В данной группе работ авторы сосредоточились на вопросах институционализации, понятия «институционализация» вообще и «политическая институционализация», в частности. Количество фундаментальных теоретических трудов по вопросам политической институционализации не велико. В отечественной науке существуют исследования политической институционализации, но в зарубежной науке подобного рода исследований больше. Разработка категории «институционализация», ее критерии ведется, в основном, в зарубежной литературе. Теоретические аспекты процессов политической институционализации включают себя вопросы о субъектах политической институционализации, стадий институционализации, факторов институционализации, критериев и т. д. Появление теоретических работ по теории политической институционализации было связано с появлением неинституционализма, как основного теоретического подхода к анализу политики в 70-х гг.

XX века. Именно неоинституциональная парадигма политических исследований задала вектор рассмотрения партий и партийных систем через призму процессов институционализации.

Среди зарубежных авторов необходимо выделить таких исследователей как Л. Брум и Ф. Селзник², П. Бурдьё³, А. Панебьянко⁴, К. Джанда⁵, В. Рэндолл и Л. Свасанд⁶, Д. Марч и Д. Олсен⁷, Д. Норт⁸, Э. Остром⁹, С. Хантингтон¹⁰, Дж. Цебелис¹¹. Основополагающая работа С. Хантингтона «Политический порядок в развивающихся обществах» подняла вопрос о роли политических институтов в обеспечении политической стабильности. С. Хантингтон отмечал, что для достижения данной цели необходимо институционализировать систему политических институтов, закрепить их. Устойчивость институтов связана с устойчивостью всей политической системы общества. Большой вклад в разработку теории политических институтов внесли Нобелевские лауреаты по экономике Д. Норт и Э. Остром. В своих работах они рассматривали вопросы создания и функционирования общественных благ и вопросы их политического регулирования. В последние годы интерес к политическим институтам возрос в связи с популярностью теории вето-игроков, разработанным Дж. Цебелисом.

Среди российских авторов важный вклад в научное исследование теории институтов и политической институционализации внесли М.Х. Фарушкин¹², О.И. Зазнаев¹³, М.А. Завадская¹⁴, С.В. Патрушев¹⁵, П.В. Панов¹⁶ и др.

² Selznick Ph. Foundations of the Theory of Organization / Ph. Selznick // American Sociological Review. – No 13 (1). – 1948. – P. 25–35; Broom L., Selznick Ph. Sociology: A Text with Adapted Readings / L. Broom, Ph. Selznick. – New York: Row and Peterson, 1955. – 660 p; Selznick Ph. Institutionalism «old» and «new» / Ph. Selznick // Administrative Science Journal. – No 41 (2). – 1996. – P. 270–278.

³ Бурдьё П. Социология политики / П. Бурдьё [пер. с фр., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко]. – М.: Социо-Логос, 1993. – 336 с.

⁴ Panebianco A. Political Parties: Organization and Power / A. Panebianco. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 318 p.

⁵ Джанда К. Сравнение политических партий: исследование и теория / К. Джанда // Современная сравнительная политология. – М.: МОНФ, 1997. – С. 84–144.

⁶ Randall V., Svasand L. Party institutionalization in new democracies / V. Randall, L. Svasand // Party Politics. – 2002. – Vol. 8. – № 1. – P. 5–29.

⁷ March J.G. and Olsen J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // American Political Science Review. – 1984. – Vol. 78. – P. 734–749.

⁸ Норт Д. К. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.

⁹ Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. – М.: ИРИСЭН: Мысль, 2011. – 445 с.

¹⁰ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.

¹¹ Tsebelis G. Veto Players: How Political Institutions Work. – NY: Princeton University Press, 320 p.

¹² Фарушкин М.Х. Политические институты демократического общества / М.Х. Фарушкин // Всероссийская научная конференция «Перспективы развития современного общества», 13–14 декабря 2002 г. Часть I: материалы. – Казань: Изд-во Казанского гос. техн. ун-та, 2003. – С. 130–146; Фарушкин М.Х. Политическая культура общества / М.Х. Фарушкин // Социально-политические науки. – 1991. – № 4. – С. 103–112.

¹³ Зазнаев О.И. Вторая молодость «долгожителя»: концепт «политический институт» в современной науке / Проблемы политической науки / О.И. Зазнаев [Науч. ред. М.Х. Фарушкин]. – Казань: Центр инноват. технологий, 2005. – С. 3–29; Зазнаев О.И. Политическая институционализация: концептуальный анализ / О.И. Зазнаев // Вестник КГТУ им. А.Н. Туполева. – 2005. – № 4. – С. 70–73.

¹⁴ Завадская М. Проблемы измерения политической институционализации: современной состояние исследований / М. Завадская // Политическая наука. – № 3. – 2009. – С. 56–70.

¹⁵ Патрушев С.В. Институционализм в политической науке: Этапы, течения, идеи, проблемы // Политическая наука. – М., 2001. – № 2. – С. 149–189.

¹⁶ Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 230 с.

Вторую группу составляют работы по теории партий и партийных систем. Разработка проблематики политических партий и партийных систем имеет длительную историю. Появление современных политических партий в XIX веке с самого начала привлекало внимание исследователей. Исследования партогенеза, институционализация самых первых политических партиях в западных демократиях, эволюция партий – эти вопросы встречались в ранних исследованиях М.Я. Острогорского¹⁷, М. Вебера¹⁸, Р. Михельса¹⁹. Первые исследования партий проходили в рамках парадигм старого институционализма и политической социологии. Позже, уже после Второй мировой войны, работы известного партолога М. Дюверже²⁰ внесли значительный вклад в исследование институционализации партий и партийных систем. В фокусе его внимания были не только демократические, но и тоталитарные политические системы и соответствующие партии. Чуть позже в работах Дж. Сартори были продолжены исследования институционализации партийных систем²¹. Значительный прорыв в исследовании институционализации политических партий, определения критериев их институционализации был сделан в работах американского политолога К. Джанды²². Подход исследовательского коллектива американских политологов под руководством К. Джанды был развит М. Х. Фарукшиным в работе «Методологические проблемы политической науки»²³. Значительный вклад в развитие современной теории партий был сделан П. Мэйром²⁴. В его работах была разработана теория кризиса классических массовых партий, обоснована концепция «картелизации» партийной конкуренции.

Отечественные политологи также внесли свой вклад в развитие теории партий и партийных систем. В первую очередь обращают на себя работы Г.В. Голосова²⁵. В его работах разработан индекс эффективного числа партий и новая классификация партийных систем, основанная на пространственном количественном анализе. В отечественной политической науке также были разработана проблематика партийных систем с доминирующей партией²⁶, вопросы технологий политической агитации, политического маркетинга и т. д.²⁷

Третью группу можно включить работы, касающиеся анализа российских политических партий и российской партийной системы. Появление современных российских партий и формирование российской партийной

¹⁷ Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 640 с.

¹⁸ Вебер М. Избранные произведения: перевод с немецкого. – М.: Прогресс, 1990. – 804 с.

¹⁹ Michels R. Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. – New York: Dover Publications, 1959. – 421 p.

²⁰ Дюверже М. Политические партии. – М.: Академический Проект, 2000. – 558 с.

²¹ Sartori G. Parties and Party Systems. – L.: ECPR Press, 2005. – 368 p.

²² Janda K. Political Parties: A Cross-National Survey. – New York: The Free Press, 1980. – 1019 p.

²³ Методологические проблемы политической науки / под ред. Фарукшина М. Х. – Казань: 1996. – 95 с.

²⁴ Майр П. Управляя пустотой: размывание западной демократии. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. – 209 с.

²⁵ Голосов Г.В. Сравнительная политология и российская политика, 2010–2015: сборник статей. Спб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2016. – 667 с.

²⁶ Стрельцов Д. В. Системы доминантных партий: некоторые подходы к методологии исследования. – Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 105–118.

²⁷ Кисляков М.М. Региональный политический маркетинг в современной России: состояние и тенденции развития: (на материале регионов Сибири): диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. – Кемерово, 2013. – 374 с.; Недак И.Л. Политический маркетинг. – Полис. Политические исследования. – 2010. – №3. – С. 144–155.

системы нашли отражение в исследованиях отечественных политологов. В российской партологии рассматривалась достаточно широкая проблематика, связанная с российскими партиями: особенности российского партогенеза, идеологические позиции российских партий²⁸, российские партии и выборы²⁹, внутрипартийная демократия российских партий, российская партийная система, российские оппозиционные партии³⁰ и т.д.

Начало современных отечественных исследований политических партий было положено в работах М.Х. Фарукшина³¹, где впервые в отечественной партологии были систематизированы и опубликованы результаты исследований партий зарубежных политологов. Исследованию российских партий и российской партийной системы посвящены также работы И.И. Глебовой³², В.Я. Гельмана³³, Г.В. Голосова³⁴, Ю.Г. Коргунюка³⁵, Б.И. Макаренко³⁶, Е.Ю. Мелешкиной³⁷, К.Г. Холодковского³⁸, Т.В. Шмачковой, А.В. Кынева³⁹. Существуют работы, посвященные влиянию реформ 2011-2012 гг. на российские партии и партийные системы⁴⁰.

Большой вклад в развитие отечественной партологии внес Б.А. Исаев. Его работы затрагивают как исторические аспекты российского партогенеза⁴¹, так и вопросы теории партий и партийных систем⁴². Обращают на себя работы А.А. Керимова, посвященные становлению российского парламентаризма как среды для существования российских политических партий⁴³.

²⁸ Коргунюк Ю.Г. Правая, левая — где сторона? (Политические партии России в условиях разворачивающегося кризиса) // *Полития*. 2009. №2. С. 195–209.; Малинова О. Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России. — *Полис. Политические исследования*. 2007. № 1. С. 6–21.

²⁹ Гаман-Голутвина О. В. Российские партии на выборах: картель «хватай-всех» // *Полис. Политические исследования*. 2004. № 1. С. 22–25.

³⁰ Гельман В. Я. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // *Полис. Политические исследования*. 2004. № 4. С. 52–69.

³¹ Буржуазные политические партии: Социально-философский анализ / М. Н. Марченко, М. Х. Фарукшин. — М.: Высш. шк., 1987. — 133 с.

³² Глебова И. И. Партия Власти. — *Полис. Политические исследования*. 2004. № 2. С. 85–92.

³³ Гельман В. Я. Политические партии в России: от конкуренции — к иерархии // *Полис. Политические исследования*. 2008. № 5. С. 135–152.

³⁴ Голосов Г.В. Сравнительная политология и российская политика, 2010–2015: сборник статей. Спб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2016. — 667 с.

³⁵ Коргунюк Ю. Г. Партийная реформа 2012–2014 гг. и структура электоральных размежеваний в регионах России. — *Полис. Политические исследования*. 2015. № 4. С. 97–113.

³⁶ Партии и партийные системы: современные тенденции развития / Б. И. Макаренко — рук., И. М. Локшин, А. Н. Максимов [и др.]. — М.: РОССПЭН, 2015. — 302 с.

³⁷ Мелешкина Е. Ю. Политические партии на постсоветском пространстве: опыт коллективного исследования. — *Полис. Политические исследования*. 2006. № 6. С. 178–182.

³⁸ Холодковский К. Г. Противостояние левые — правые: анахронизм или смена координат? — *Полис. Политические исследования*. 2006. № 6. С. 81–96.

³⁹ Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции / А. В. Кынев, А. Е. Любарев, А. Н. Максимов; Ком. гражд. инициатив, Фонд «Либер. миссия». — М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2015. — 367 с.

⁴⁰ Вилков А.А. Эволюция российской многопартийности после выборов 2016 года / *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. Т.17. №1. 2017. С. 62–69.

⁴¹ История партий и партийных систем: [в 3 частях]: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры: для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным направлениям / Б.А. Исаев. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юрайт, 2018.

⁴² Исаев Б.А. Теория партий и партийных систем: учебник для бакалавриата и магистратуры: для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным направлениям и специальностям: по направлению подготовки «Политология» / Б.А. Исаев. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юрайт, 2016. — 369 с.

⁴³ Керимов А.А. Ретроспективный взгляд на эволюцию теории и практики парламентаризма в России / Керимов А.А. // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. История. №54. — С. 45–52.

Несмотря на наличие определенного количества исследований российских партий и партийных систем в отечественной науке остается не изучен вопрос о том, как российские политические партии существуют в условиях современной системы ограничений политической межпартийной конкуренции и как система ограничения межпартийной конкуренции влияет на институционализацию российских политических партий.

Четвертую группу составляют исследования, в которых рассматриваются непосредственные проблемы институционализации российских политических партий. Представляется необходимым отметить, что большинство трудов по институционализации российских политических партий и партийной системы посвящены вопросам именно правовой институционализации, зачастую упуская из вида политическую сторону институционализации. К такого рода работам относится исследование С.Е. Заславского⁴⁴, выполненное в рамках юридической науки. Однако для понимания процессов политической институционализации партий необходимо отойти от формально-юридического подхода и сосредоточиться на политических факторах институционализации, включая влияние как формальных, так и неформальных политических акторов и институтов.

Работы отечественных исследователей⁴⁵, затрагивающих вопросы непосредственно политической институционализации партий, проводились более 10 лет назад и потеряли актуальность вследствие политических реформ 2011-2012 года. Произошедшие за это время в политической системе России изменения требуют своего научного осмысления. Существуют также работы, рассматривающие институционализацию партий с точки зрения демократизации российского общества⁴⁶. С нашей точки зрения необходим анализ с точки зрения создания системы ограниченной политической конкуренции в современной России.

В Казанском университете под руководством профессора М.Х. Фарукина была защищена диссертация А.И. Дюгуровой посвященная институционализации российской партийной системы⁴⁷. Исследование российской партийной системы несомненно помогает в осмыслении институционализации российских политических партий.

М.Х. Фарукин также выступил научным консультантом по не менее значимой докторской диссертации С.А. Сергеева, целью которой явилось комплексное исследование институциональных процессов в формировании политической оппозиции, а также отдельных аспектов институционализации оппозиционных политических партий⁴⁸.

⁴⁴ Заславский С.Е. Политические партии России: Процесс правовой институционализации: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.02. – М., 2004. – 406 с.

⁴⁵ Галкин А.П. Институционализация политических партий в современном российском обществе: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.05. – Волгоград, 1998. – 171 с.; Зимина Н.В. Институционализация политических партий как политико-правового института в современной России: региональный аспект: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Зимина Н.В.; [Место защиты: Чит. гос. ун-т]. – Чита, 2008. – 181 с.

⁴⁶ Кандыба Р.А. Политические партии: опыт институционализации и деятельности в условиях демократизации политической системы России / Р. А. Кандыба; Министерство образования и науки Российской Федерации, Российская ассоциация политической науки; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет». – Пятигорск ПГУ, 2017. – 194 с.

⁴⁷ Дюгурова А.И. Институционализация партийной системы в Российской Федерации: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Дюгурова А.И.; [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. – Казань, 2011. – 171 с.

⁴⁸ Сергеев С.А. Политическая оппозиция в современной России (федеральный и региональный аспекты): дис. д-ра полит. наук: 23.00.02 / Сергеев С. А.; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2005. – 390 с.

Однако признание заслуг названных авторов не отменяет того факта, что с момента проведения последнего крупного комплексного исследования институциональных тенденций в области развития политических партий научные представления о партийных отношениях и современная российская политика претерпели значительные трансформации. Это обусловило наличие вполне объяснимых пробелов в современной политической науке и, как следствие, нерешённость значимой группы вопросов.

В итоге концептуальные аспекты институционализации применительно к политическим партиям нуждаются в обновлении и систематизации. Исследование российского института политических партий показало отсутствие целостного представления об их природе и факторах развития, а стремительно меняющееся законодательство остро ставит вопрос о процессах институционализации российских партий. В представленной работе через призму институционализации проанализированы изменения в векторе развития партийных отношений в современной России с учётом политических традиций и на фоне достижений зарубежной и отечественной политической науки. Данная монография восполняет научный пробел, связанный с процессом институционализации политических партий в современной России в условиях ограниченной электоральной конкуренции.

Целью данной работы является выявление сущности институционализации политических партий Российской Федерации в условиях сложившейся системы ограниченной электоральной межпартийной конкуренции.

Достижение данной цели осуществлялось посредством решения следующих основных задач:

- раскрыть понятие политической партии;
- исследовать институциональный подход к политическим партиям;
- рассмотреть ограниченную электоральную конкуренцию и определить её влияние на институционализацию российских политических партий;
- выявить критерии институционализации политических партий;
- оценить содержание институционализации российских политических партий;
- выделить этапы институционализации российских политических партий;
- проанализировать генезис политических партий в Российской Империи и СССР;
- раскрыть особенности этапов и установить критерии институционализации политических партий в постсоветской России;
- определить траекторию предшествующего развития как фактор институционализации современных российских политических партий;
- оценить институциональные условия участия российских политических партий в политическом процессе;
- охарактеризовать особенности институционализации партии «Единая Россия»;
- установить специфику институционализации оппозиционных политических партий;
- выявить противоречия и препятствия в процессе институционализации российских партий;
- проанализировать институциональные ограничения формирования новых партий в России;
- спрогнозировать траектории развития институционализации российских политических партий в условиях ограниченной электоральной конкуренции.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XIX в. до 2021 года.

Методологическая основа исследования институционализации политических партий и проблем ограниченной электоральной конкуренции базируется на целой совокупности методов. Среди них активно использовались системный и структурно-функциональный методы, а также метод институционального анализа. В работе институт политических партий рассматривается в качестве сложного и неоднозначного политического явления, развивающегося под влиянием различных факторов и в условиях значительного государственного вмешательства как во внутрипартийные процессы, так и в процессы межпартийной электоральной конкуренции.

Метод системного анализа задействован при исследовании политико-социальных факторов, влияющих на институционализацию партийных организаций, а также для прогнозирования траектории последующего развития партийной системы Российской Федерации в условиях ограниченной электоральной конкуренции.

На основе структурно-функционального метода были установлены модели государственного воздействия на политические партии и проведена оценка пределов государственного вмешательства в партийную деятельность. Также данный метод позволил выявить политические технологии, используемые как государством, так и партийными организациями на выборах всех уровней. Кроме того, при помощи указанного метода автор сумел проследить связь между интереса правящих элит и парламентскими партиями при политическом проектировании партийных отношений, отягощённых административно-бюрократическими тенденциями.

В работе значительную роль сыграл метод сравнительно-ориентированного изучения случая. Изучение институционализации политических партий лишь одного государства (России) не умаляет значение изучения опыта других государств. Однако выявление общих и частных условий, влияющие на институционализацию политических партий в европейских партийных системах, США – задачи, выходящие за рамки данной работы.

Институциональный метод применялся для оценки формальных и неформальных практик, влияющих на степень вовлеченности партий в политический процесс Российской Федерации, а также особенностей реализации права граждан на объединение в партийные структуры. Неинституционализм послужил фундаментальным методом по установлению содержания политических норм, предопределяющих административно-бюрократические стратегии по ограничению партийных возможностей на участие в избирательном процессе.

Благодаря методу политико-правового анализа были исследованы нормативные основы функционирования политических партий. Автор действовал не только нормативно-правовые акты, исходящие от высших институтов государственной власти, но и массив партийных документов, в которых содержатся институциональные особенности реализации ключевых функций политических партий.

Мы полагаем, что сама постановка исследовательского вопроса несет в себе научную новизну: как ограничения электоральной конкуренции влияют на институционализацию партий. В работе решена задача по выявлению системы взаимоотношений и взаимосвязи процессов институционализации российских политических партий в условиях ограниченной электоральной конкуренции. Мы исходим из того, что разные формы

ограниченной конкуренции по-разному влияют на институционализацию партий. Поэтому в нашей работе установлена взаимосвязь между условиями ограниченной электоральной конкуренции и результатами институционализации российских политических партий.

При этом термин «ограничение электоральной конкуренции» мы понимаем в широком смысле – как систему необходимых государственных мер по упорядочиванию борьбы за власть в рамках электоральной борьбы за голоса избирателей. Наша позиция заключается в том, что ограниченная электоральная конкуренция обладает не только отрицательными чертами, но несет в себе некоторые положительные моменты, на которые мы обращаем внимание в своей книге. Положительное значение ограничений электоральной конкуренции заключается в упорядочивании электоральных процессов, регламентации правил борьбы за политическую власть, предотвращении опасных хаотичных процессов столкновения разнонаправленных общественных сил и интересов.

Чрезмерные ограничения электоральной конкуренции несут в себе угрозу узурпации политической власти, уничтожения оппозиции, отсутствия общественного диалога при поиске решений общественных проблем. Накопление общественных противоречий и недопредставленность общественных интересов в политической системе могут привести к дестабилизации, появлению внесистемных партий и движений, радикализации оппозиции. Создание возможностей и условий для институционализации политических партий, наоборот, помогает стабилизации политического процесса, включению всех общественных сил в конструктивный политический диалог.

Для каждой политической системы важнейшим вопросом является создание сбалансированной системы ограничений электоральной конкуренции. С одной стороны, ограничения электоральной конкуренции не должны способствовать узурпации власти и угнетению оппозиции. В обществе должны быть возможности для институционализации новых партий, реализации коллективных политических прав и поддержании необходимого уровня политического плюрализма в обществе. С другой стороны, ограничения электоральной конкуренции должны упорядочить процесс борьбы за власть. Сбалансированные ограничения электоральной конкуренции создают условия для конструктивного общественно-политического диалога, удовлетворению общественных запросов на выражение своих интересов, отсечению от участия в политике радикальных элементов, политизирующих неконструктивные, популистские и опасные для общества политические позиции.

Мы полагаем, что партийные системы с доминирующими партиями создают благоприятные условия для институционализации системных парламентских политических партий. Во-первых, доминирующая партия сама по себе достигает высшего уровня политической институционализации. Во-вторых, соперничающие с ней парламентские партии также органично вписываются в электоральный процесс, находя свои ниши на политическом рынке и закрепляясь в них. Наличие доминирующей партии говорит о том, что электоральный процесс в государстве протекает стабильно, что является условием для успешной институционализации партий.

Взгляд на институционализацию политических партий в России через «очки» ограниченной электоральной конкуренции, на наш взгляд, является новым и, полагаем, заинтересует читателя, что будет способствовать научному диалогу.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

1.1. Понятие политической партии

Существующие в политической науке определения понятия «политическая партия» могут помочь исследователю в определении критериев институционализации партий. Содержания понятия «политическая партия» раскрывается через признаки политических партий. Основные признаки политических партий могут быть использованы при анализе институционализации партий. В политической науке существуют исследования, убедительно доказывающие, что признаки партий не остаются неизменными, а меняются вслед за эволюцией политического процесса демократических государств. Анализ признаков партий необходим для уточнения критериев институционализации партий.

Зависимость центральных политических процессов, происходящих во многих современных государствах, от деятельности партийных организаций повлияла на повышение интереса к их сущности и к функциональному предназначению. Именно партиям предоставляется комплекс возможностей по легальному воздействию на государственно-управленческие процессы. В отдельных партийных системах они обладают политической монополией на принятие решений по многим общественно значимым вопросам. В силу этого партии стали объектом исследования в различных научных направлениях. Вместе с тем понимание политических партий неоднозначно в смежных областях знания.

В политологии партии считаются ключевой влиятельной фигурой, связанной с управлением государством и с функционированием национальной политической системы. Напротив, в рамках государственно-правовых наук партии являются субъектами отдельных, специфических правоотношений. Занятие отдельными партийными организациями (преимущественно парламентскими) концептуальных позиций в регулировании определённых вопросов позволяет спрогнозировать текущие и стратегические изменения в государственной политике. Поэтому условия партийной деятельности исследуются в рамках таких наук, как государственное и муниципальное управление, философия, история, социология, экономика, конституционное право и в ряде других.

М. Вебер, выделяя три ключевых этапа развития политических партий, определял их через три соответствующих понятия⁴⁹:

1) аристократические объединения, призванные выражать волю определённой элитарной группы (аристократия по родственному принципу и её приближённые);

2) политические клубы, объединяющие не только элиту, но и граждан, разделяющих определённую общую протоидеологию;

3) массовые организации, открытые для любого гражданина и занимающиеся публичной деятельностью, основанные на внутренней демократической ротации.

Развивая последний подход, Р. Михельс⁵⁰ и М. Дюверже⁵¹ акцентировали внимание не столько на идеологической составляющей, позволяющей консо-

⁴⁹ Вебер М. Политические работы (1895–1919) / пер. с нем. М.: Праксис, 2003. – С. 135–137. – 424 с.

⁵⁰ Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Антология мировой политической мысли. М.: Мысль, 1997. Т. II. С. 191.

⁵¹ Дюверже М. Политические партии / Пер. с франц. М.: Академический Проект, 2000. – 538 с.

лидировать людей в политическую партию, а сколько на тенденциях, протекающих в организационно-партийной плоскости. В структурных вопросах партийной деятельности М. Дюверже закладывал основной институциональный признак, отмечая, что «организованное целое» должно учитываться в совокупности с другими элементами при анализе политических институтов⁵².

Недостаточность формального организационно-управленческого условия, в сущности, политической партии отмечал в своих работах М.Я. Острогорский⁵³. Он отмечал, что партии монополизируют процессы принятия решений, отнимают свободу действий у рядового члена партийной фракции в парламенте. Партийная дисциплина превращает членов парламента в «винтики» партийной машины⁵⁴. Понимание партии как партийной машины с подавлением индивидуальности рядовых членов и членов парламента – главные выводы работ М. Я. Острогорского.

Понятие «политическая партия» сегодня находится за пределами традиционных представлений, которые сложились на протяжении второй половины XIX – первой половины XX века. На фоне предмета той или иной гуманитарной науки партии представляются и как участники определённых политических отношений⁵⁵, и в качестве способа в достижении целей и задач на территории государства или региона⁵⁶, а в некоторых случаях они раскрываются в наднациональном измерении⁵⁷.

В рамках политологического понимания партий исследователи расходятся во мнении. Сегодня существуют целые научные школы, которые своеобразно трактуют это понятие. Даже внутри них не утихают дискуссии касательно назначения и пределов партийной деятельности. На фоне развития субъективных основ партийных отношений особым научным трендом современности является объективизация политических партий в институциональном поле⁵⁸.

⁵² Дюверже М. Политические институты и конституционное право // Антология мировой политической мысли. М.: Мысль, 1997. Т. II. С. 664.

⁵³ Острогорский М.Я. Демократия и политические партии // Антология мировой политической мысли. М.: Мысль, 1997. Т. IV. С. 308.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Демидова Т.К. Партии как субъекты модернизации: теоретическая модель и политическая практика // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 2. С. 540; Лаврентьев С.Н. Партия как субъект кадровой политики: теоретико-методологические основы // Социология власти. 2011. № 7. С. 56; Хамидуллин К.И. Политические партии как субъекты финансового права // Теория и практика общественного развития. 2012. № 9. С. 275.

⁵⁶ Маздогова З.З. Парламентская партия как политико-правовой институт // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 8. С. 89; Вагина Л.С. Партии России в процессе политической социализации молодого поколения (на примере Оренбургской области) // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 1. С. 190.

⁵⁷ Меликян А. Правовая регламентация государственного финансирования политических партий в правовых актах международных организаций // Закон и право. – 2011. – № 3. – С. 22-23; Михалева Г.М. Влияние европейских партийных систем на становление российских партий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2011. № 3. С. 118-126.

⁵⁸ Петришина-Дюг Г.Т. Политическая партия: понятие и основные признаки // Актуальные проблемы современной науки. 2013. № 4. С. 123; Гриценко Н.П. Российские партии в контексте модернизации политической системы: проблемы и перспективы развития // Человек. Сообщество. Управление. 2011. № 1. С. 20; Лапаева В.В. Право гражданина Российской Федерации на объединение в политическую партию: основания и пределы ограничения // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 1. С. 7; Межиева А.К. Политико-коммуникативный аспект во взаимодействии государства и общества в современной России // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2011. – № 1. – С. 145.

В силу такого пёстрого многообразия подходов, трактующих партии через призму определённых направлений и идеологических особенностей, складываются теоретические конструкты, выводящие партийные отношения за традиционные институциональные рамки. Это, в частности, означает, что формализация понятия политической партии через законы служит определяющим, но не единственным инструментом раскрытия её сущности. Тем самым в политической науке сложилась классификация партий на зарегистрированные и незарегистрированные, которая граничит с такими видами, как признанные и непризнанные партии⁵⁹.

В качестве причины подобного рассогласованного понимания политических партий выступает неравномерность их развития в разных политических системах, предопределившая разницу в восприятия принципов и ценностей, на которых основывается партийная деятельность. Поэтому возникающие пробелы в понимании тех или иных политических явлений и процессов активно восполняют другие науки и, в частности, социологическая и правовая доктрина.

В современной политической науке универсализация категорий на уровне политической теории происходит за счёт наработок, произведённых в отраслевых науках. В результате учёные вынуждены оперировать самыми разными, в том числе спорными трактовками политических партий. Рассмотрим их более подробно.

Один из наиболее распространённых подходов имеет социологические корни, что позволяет раскрывать сущность политической партии в качестве специфической общественной организации⁶⁰. Однако уже в правовом смысле партии отождествляются с юридическим лицом особого рода, в связи с чем объясняются существующие ограничения и запреты в их деятельности: как на этапе создания, так и в момент ликвидации⁶¹.

Подобную модель демонстрируют положения, изложенные в абз. 2 п. 1 ст. 3 Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях»⁶² (далее – Федеральный закон № 95-ФЗ). В частности, там подчёркивается, что партия в качестве организационно-правовой формы выступает разновидностью общественной организации.

Подобное восприятие политической партии сопряжено с известной классификацией юридических лиц через их целевые параметры: частно-правовые и публично-правовые организации. Именно экономическая ос-

⁵⁹ Саетов А.А. Политические стратегии демократической оппозиции в борьбе за власть в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 5. С. 27-29; Гаганов А.А. Партия без регистрации: кто вправе заниматься политической деятельностью // В сборнике: Партия нового типа: необходимость и перспективы создания в России Научно-экспертная сессия (семинар). Центр научной политической мысли и идеологии (Центр Сулакшина). 2015. С. 50-64.

⁶⁰ Лапасва В.В. Политическая партия: понятие и цели. К принятию закона о партиях // Журнал российского права. 2002. № 1. С. 16-25; Спасский Е.Н. Понятие политической партии: эволюция основных научных трактовок // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2008. № 4. С. 41-45.

⁶¹ Семенова Л.З. Политические партии, понятие и сущность // Юридический мир. 2010. № 10. С. 23-29; Ерыгин Я.А. Понятие юридической личности политической партии // Современное общество и право. 2017. № 1 (26). С. 84-93.

⁶² Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О политических партиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 29. – ст. 2950; 2019. – № 30. – ст. 4137.

нова заложена в определяющем критерии современных российских партий, для которых требуется государственная регистрация⁶³. Запрет на извлечение прибыли в качестве основного акцента деятельности партийной организации вытекает из её социально-политической направленности, т.е. связан с её природой. Тем самым происходит, по сути, исключение данного вида организации из экономического оборота⁶⁴.

В аспекте институционализации российских партий логика подобного осмысления строится на длительном отсутствии специального закона, направленного на регулирование партийных отношений. Партии традиционно рассматривались в качестве специфической разновидности общественных объединений, которые, в свою очередь, считались организационно-правовой формой некоммерческих юридических лиц, т.е. имели преимущественно гражданско-правовую, а не конституционно-правовую плоскость регулирования. Действовавшее в 1990-е гг. законодательство акцентировало внимание на финансово-хозяйственных условиях существования данных организаций с одновременным размытием их сущности на фоне других общественно-политических объединений.

Отчасти данный акцент наблюдается в нормах современного российского законодательства. Так, кроме задач и функций партийной деятельности, Федеральный закон № 95-ФЗ установил порядок вступления партий в определенные имущественные отношения. Например, закреплены объекты, которые могут принадлежат партии на праве собственности, определён целевой характер для её имущественной базы, установлен перечень источников не только партийных доходов, но и расходов, что сопряжено с выделением условий имущественной ответственности политических партий.

Подобный механизм институционализации демонстрирует приоритет государственного контроля над гражданской инициативой при признании общественного объединения в статусе политических партий. Из-за этого правоведы регулярно поднимают проблему коллизий между Федеральным законом № 95-ФЗ и иными источниками регулирования партийных отношений⁶⁵.

Необходимость регистрации российской политической партии, как правило, обусловлена потребностью легализовать её статус, т.е. получить признание от государства в качестве участника политической системы. Если же брать за основу предмет партийной деятельности, то данная организация предстаёт в совершенно ином виде с тем комплексом особенностей, которые не сопряжены с вопросами легитимизации.

⁶³ Михалёва Г.М. Партии, некоммерческие организации новые формы гражданской активности: алгоритмы взаимодействия // Россия и современный мир. 2013. № 1 (78). С. 101-118; Фрумина С. Открытость и прозрачность управления финансами некоммерческих организаций (на примере политических партий) // Финансовая жизнь. 2016. № 2. С. 54-57; Приходько И.Н. Трансформация некоммерческих организаций в политические партии // В сборнике: Теоретические и практические аспекты развития научной мысли в современном мире. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2015. С. 327-331.

⁶⁴ Капталан И.М. К определению понятия политической партии как субъекта гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – № 4 (18). – С. 86; Кудрявцева Г.А. Гражданско-правовой статус общественных объединений // Государство и право. – 2005. – № 3. – С. 38.

⁶⁵ См., например: Митин Г.Н. Ошибочное понимание закона о политических партиях // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 13. С. 13; Савченко О.Г. Правоспособность политических партий в сфере имущественных отношений // Юрист. 2010. № 12. С. 60.

В частности, речь идёт о ключевых возможностях, которые предоставляются политическим партиям при оформлении их статуса (по участию в различных выборах, по пропаганде собственных взглядов, по упрощённому порядку согласования для проведения публичных мероприятий, по доступу к государственным и муниципальным средствам массовой информации и т.д.). Большинство из указанных привилегий недоступны другим общественно-политическим организациям, не приобретшим в Российской Федерации партийный статус.

По данному поводу следует затронуть концепцию, обосновывающую существование коллективных политических акторов. Она длительное время доминировала в рамках советской науки⁶⁶. В связи с тем, что общественно-политическая деятельность по законодательству РСФСР не ставилась в зависимость от государственной регистрации, в качестве участников социалистических отношений рассматривались как общественные объединения, так и определённые коллективы граждан, которые лишь внешне имели черты субъектности⁶⁷. Примечательно, что ряд из них законодательно относился к юридическим лицам, а некоторые признавались в качестве коллективных объединений, не образующих юридическое лицо⁶⁸.

Сегодня представления о коллективных субъектах в политических науках активно реализуются в отраслевом значении⁶⁹. Так, политические партии раскрываются у отдельных исследователей именно через подобное коллективное образование⁷⁰. Обосновано такое восприятие тем, что отдельные субъективные элементы возникают у партий в момент, предшествующий их государственной регистрации, что выражается в отдельных правах и обязанностях, принадлежащих объединениям граждан, которые создают соответствующую политическую партию.

Указанный подход воплотился и в действующем партийном законодательстве. Например, Федеральный закон № 95-ФЗ называет проведение партийного учредительного съезда в качестве обязательного факта по со-

⁶⁶ Ямпольская Ц.А. Общественные организации в СССР / Ц.А. Ямпольская. М.: Изд. «Наука», 1972. – С. 29. Кудрявцева Г.А. Теоретические предпосылки исследования материальной основы деятельности общественных организаций // Общественные организации и органы общественной самостоятельности в СССР: сб. статей. М., 1985. С. 15-27.

⁶⁷ Буташиный Д.А. Организация как субъект и объект коллективной деятельности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2013. № 3. С. 29-35; Добролюбов С.В. Коллективный агент и коллективный субъект: некоторые основания концептуализации // Социологический журнал. 2012. № 2. С. 53-79.

⁶⁸ Самылов И.В. Понятие и система коллективных субъектов права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. № 4. С. 30; Позняков П.Н. Правовое положение коллективных публичных субъектов права. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2004. С. 14.

⁶⁹ Кимберг А.Н., Налетова А.С. Концепты индивидуального и коллективного субъектов // Человек. Общество. Управление. 2006. № 3. С. 17-24. Регеда Е.В. Круг коллективных субъектов этнических отношений в Конституции Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 1. С. 24; Симонов В.А. О системообразующих факторах этнической общности как коллективного субъекта политики и права // В сборнике: Международные юридические чтения Материалы научно-практической конференции: в 5 частях. Омск, 2005. С. 8-13.

⁷⁰ Чиркин В.Е. О территориальном публичном коллективе и власти народа // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2006. № 5. С. 3; Добрюк К.И., Добрюк Я.К. Типология социальных организаций // Труды Дальневосточного государственного технического университета. 2005. № 141. С. 100; Аванесян С.Р. Понятие и сущность партийной идентичности в условиях современного развития России // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1. С. 40.

зданию политической партии вместо решения об её государственной регистрации (п. 1 ст. 11). Парадоксально при этом требование, что при отсутствии записи о создании партии в едином государственном реестре юридических лиц подобная структура не осуществляет полноценную деятельность на территории Российской Федерации (п. 1 ст. 15).

Тем самым вся совокупность политических и экономических возможностей появляется у партии не в момент её создания, а с момента удостоверения государством факта существования данного общественного объединения, т.е. после процесса по легитимации партийного статуса.

Из этого правила развивается множество дискуссий о сущности партий, находящихся в процессе своего создания. Так называемые «непризнанные партии» существовали всегда, даже в советскую эпоху, когда формально функционирование партий не запрещалось, но ставилось в зависимость от государственной идеологии, обозначенной в конституционных актах⁷¹. Имеются такие организации и сегодня, занимаясь определённой деятельностью при отсутствии у них государственной регистрации⁷². Однако не представляется возможным рассматривать их действия как политические, поскольку у таких объединений отсутствует большинство партийных «льгот».

В частности, подобные общественные объединения не могут выступать на выборах, они не наделены нормотворческой функцией, в том числе в локально-корпоративном измерении, а их деятельность редко оказывает существенное влияние на государственные органы, формируемые партиями. Кроме того, участники политической системы не признают их полноправными субъектами, тем самым, не наделяя их соответствующим статусом⁷³.

Вместе с тем незарегистрированные организации могут фактически существовать на протяжении долгого времени. Их представители часто используют определённую символику и название данного незарегистрированного объединения, участвуют в политических заявлениях, организуют общественные мероприятия, стремятся получить доступ к средствам массовой информации (преимущественно иностранного типа), ведут агитационную работу, но не по собственной политической раскритике, а больше по снижению доверия к тем политическим партиям, которые обладают официальным статусом и занимают определённые места во властных институтах.

⁷¹ Барашков Г.М. Эволюция коммунистической идеологии: от государственной к партийной в СССР – Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Саратов, 2005. С. 49, 196 с.; Калачёв А.П. К вопросу о становлении в СССР законодательства, регулирующего деятельность политических партий // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 2. С. 291-293.

⁷² Александров К.А. Картельные партии в структуре партийно-политического представительства современной России // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 3. С. 113; Черепов К.А. Институционализация некоммерческих общественных объединений в России // Вестник Забайкальского государственного университета. 2008. № 3. С. 104; Карпун К.М. Современный этап развития некоммерческих организаций в РФ: федеральное законодательство и практика функционирования // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3. С. 139.

⁷³ Борзова И.С. Оппозиционные группы: влияние на мировую политику // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 2 (29). С. 50; Малугин С.Б. Теоретические особенности классификации российской политической оппозиции // Вопросы гуманитарных наук. 2009. № 2. С. 351.

Поэтому другая группа исследователей определяют партии в более широком значении, разграничивая их на те организации, которые имеют официальный статус, и на объединения, существующие без признания со стороны государства⁷⁴. Обоснованием в данном подходе является исторический опыт, свидетельствующий о деятельности партийных организаций, которые в своём преимущественном количестве создавались без «легального» признания со стороны власти⁷⁵. Тем самым в силу своей долговечности либо из-за смены вектора государственной политики такие структуры обретали возможность влиять на политическую повестку в стране.

Примечательно при этом, что большинство учёных признают пограничный характер деятельности «непризнанных партий» даже в рамках демократических политических систем. При этом даже в теоретическом ключе подобная деятельность расценивается как противоправная⁷⁶ либо маргинальная⁷⁷.

На этом фоне некоторые авторы отмечают, что категория «общественное объединение» по своему политико-правовому смыслу означает известную свободу в их образовании, а равно в беспрепятственном осуществлении гражданами своей деятельности и в открытом участии в ней всех желающих. Поэтому партия нередко воспринимается в качестве некоего выражения субъективной политической свободы, предоставленной государством конституционным образом⁷⁸. Тем самым приверженцы указанного подхода считают некорректным ставить знак равенства между партией и общественно-политическим объединением, раскрывая сущность партийной организации в гораздо более широком значении⁷⁹.

Примерно такую же позицию занимают те авторы, которые определяют партию в качестве примера социально-политического института⁸⁰. Это значительно размывает партийную сущность, поскольку она является

⁷⁴ Лебедев В.А., Киреев В.В. Проблемы развития учения о политических партиях как элементе политической системы в науке конституционного права // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 15. С. 7; Решетников О.М. Политическая партия – общественное объединение // Современные гуманитарные исследования. 2013. № 1. С. 83.

⁷⁵ Ерыгина В.И. История партийного нормотворчества в России // История государства и права. 2008. № 5. С. 19.

⁷⁶ Граник В.В. Характеристика экстремистских организаций и объединений // Российский следователь. 2013. № 7. С. 32; Арановский К.В. Политические партии в электронном контексте и в российской перспективе // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 4. С. 41.

⁷⁷ Савельев П.Ю. Какие партии были в Российской Империи? // Россия XXI. 2012. № 2. С. 100.

⁷⁸ Дорофеев С.Н. Право граждан на объединение как правовой фундамент создания политических партий: российский и мировой опыт // Право и управление. XXI век. 2007. № 2. С. 115; Русинов В.И. Конституционное право граждан на объединение в политических партии в Российской Федерации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Екатеринбург, 1997. С. 16; Токмаков К.К. Право граждан на объединение в политических партии в условиях правового государства. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1992. С. 5.

⁷⁹ Агафонова К.А. Категория политической свободы в конституционном праве (на примере свободы создания и деятельности политических партий). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2009. 174 с.; Моисеев А.М. К вопросу о временном характере установления ограничений права граждан на объединение в политических партии // Бизнес в законе. 2008. № 1. С. 26-28.

⁸⁰ Оськин С.А. Формирование и функционирование современной российской партийной системы: социально-философский анализ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2010. № 2. С. 43-54; Васильцов С. И. Обухов С.П. Думские партии в системе социально-политических институтов. М.: Центр исслед. политической культуры России, 2007. 136 с.

формой объединения граждан по совпадающим политическим интересам в рамках организационной (по М. Дюверже) структуры⁸¹.

Вместе с тем у приверженцев такой трактовки наблюдается ряд внутренних противоречий как относительно самого понятия партии, так и по её внешнему оформлению.

С одной стороны, социально-политические институты снабжены собственной свободой, что позволяет им функционировать преимущественно по тем правилам, которые они сами вырабатывают при наличии общего согласия участников таких отношений.

С другой стороны, при наличии собственной внутренней структуры и необходимости в распределении управленческих полномочий такие институты неизбежно соприкасаются с внешним воздействием, в том числе со стороны общества и государства. Поэтому различные общественные объединения с выраженными политическими интересами не могут отождествляться лишь с политическими партиями.

В указанном измерении политико-правовое значение таких образований, как общественно-политическая организация и общественно-политическое движение, может значительно исказиться. Однако их близость к партиям в политической плоскости отнюдь не случайна.

Длительное время, предшествовавшее принятию Федерального закона № 95-ФЗ, партийная деятельность была подчинена требованиям Федерального закона № 82-ФЗ «Об общественных объединениях». Поэтому партия определяется в Российской Федерации как разновидность общественного объединения, которое выполняет политические функции и наделено соответствующим комплексом возможностей. Примечательно, что схожее понятие партий существовало в Российской Империи⁸².

Партия, являясь политическим объединением, занимается деятельностью, сопряжённой с реализацией власти. Таково ключевое предназначение партий на фоне других общественных организаций. Партии создаются и функционируют только с целью своего участия в политических отношениях, для возможности оказывать воздействие на государственные институты, для обретения власти и для её последующего осуществления.

Вместе с тем, с точки зрения социально-политического подхода, партия в полной мере наделена функциями социального института⁸³, ведь она формирует, ищет и консолидирует интересы различных людей, при этом системно оформляет и выражает их при своём участии в политической системе страны.

Выведение партийных структур за существующие институциональные пределы (в виде ограничений и запретов) через конституционное признание за гражданами права объединяться в такие организации можно

⁸¹ Кирсанова Н.П. Партии в символическом пространстве политики // Теория и практика общественного развития. 2013. № 5. С. 63-68; Деметрадзе М.Р., Морозов В.Н. Современное подходы к правовым оценкам институтов гражданского общества (постсоветское пространство) // Вестник Академии права и управления. 2010. № 20. С. 54-65.

⁸² Дарков А.А. Периодизация истории правового регулирования деятельности политических партий в России // Право и государство: теория и практика. 2009. № 5. С. 123.

⁸³ Чижов Д.В. Российские политические партии как институт гражданского общества и политической системы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2006. С. 47; Кандыба Р.А. Развитие института политических партий периода трансформации российского общества. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Пятигорск, 2005. С. 62.

расценить лишь в качестве абсолютизации политической партии. Эта негативная тенденция способна вызвать идеологизацию тех политологических категорий, которые призваны объяснять, а не размывать политические явления и процессы.

Попытка раскрыть сущность политических партий через значение, которое придаётся иным общественным объединениям, является барьером в их институционализации. Такой процесс ведёт в обратную сторону, имеет регрессный характер, поскольку возвращает исследователей к ситуации неопределённости в партийном статусе. Тем самым расширение термина «политическая партия» по социально-политическим стандартам активно подпитывает деятельность общественных структур, не обладающих достаточным объёмом ресурсов, но стремящихся заполучить политическую власть. Последние, как правило, нивелируют значение уже существующих в стране партий.

Это наглядно стало заметно на парламентских выборах в Российской Федерации в 2016 г., когда из 74 зарегистрированных партий право на участие в избирательном процессе смогли реализовать лишь 17, а в избирательный бюллетень попали 14 партийных организаций.

Вопрос о легальности той деятельности, которую осуществляет так называемая «внесистемная оппозиция», обычно консолидирующая сегодня «непризнанные партии», среди исследователей раскрывается неоднозначно.

С одной стороны, партийный процесс, являясь длительным и многоступенчатым, изначально связан с существованием будущей организации вне институциональных пределов⁸⁴. Любое общественно-политическое движение, выражающее протест государственной власти, считается не вполне законным либо маргинальным, ведь через законодательные акты происходит выражение политической воли государства, а отнюдь не конкретных партий⁸⁵.

Кроме того, «непризнанные партии» активно пропагандируют идею касательно невозможности своего нахождения в оппозиции и одновременного «сотрудничества» с правящей властью, если они «согласятся» приобрести статус, который выгоден существующему «режиму»⁸⁶. Тем более, что сравнительно недолгая история отечественного партийного института демонстрирует такие негативные тенденции, как хаотичность, непостоянство и внутреннюю противоречивость в порядке реализации партийных возможностей⁸⁷.

Поэтому нет объективной необходимости в обретении легального статуса политической партии, когда вследствие стихийных обстоятельств мо-

⁸⁴ Баишев Р.М. Становление и развитие национально ориентированных партий и движений в России // Поволжский педагогический поиск. 2013. № 1 (3). С. 190.

⁸⁵ Малугин С.Б. Теоретические особенности классификации российской политической оппозиции // Вопросы гуманитарных наук. 2009. № 2. С. 350; Козодой В.И. Становление политической оппозиции в России: исторический опыт // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 57. С. 200.

⁸⁶ Кузьмин А.Г. Праворадикальное движение в современной России: особенности идеологии и перспективы развития. Часть 2 // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2007. Т. 3. № 2. С. 90.

⁸⁷ Шабров О.Ф. Партогенез и партийные системы: параметры, классификация, российская реальность // Социология власти. 2006. № 1. С. 35.

гут вновь произойти значительные перемены в административных требованиях к их регистрации. Подобные изменения подкрепляют сомнения в легитимности деятельности уже зарегистрированных партий, что нередко выражается в их многочисленных перерегистрациях, даже если сформированное политическое объединение существует продолжительное время⁸⁸.

Действительно, эволюция партийной деятельности на примере Российской Федерации сопряжена с экспериментальным подходом со стороны государственной власти применительно к партийному сектору. Частые поправки, очевидные сужения и расширения партийных свобод позволяют констатировать ориентацию государственной политики на временный практический эффект.

Так, с 1991 г. на фоне Закона СССР «Об общественных объединениях», а затем и на фоне принятия Конституции Российской Федерации катализировался процесс по увеличению общественных объединений, претендующих на статус политических партий. При этом намерение участвовать в выборах в Государственную Думу в 1993 г. выразили 35 избирательных объединений и блоков, однако преодолеть избирательный порог сумели только восемь партийных организаций.

В следующий электоральный цикл власть попыталась расширить возможность по участию партий и иных общественных объединений в выборах через принятие в 1995 г. Федерального закона № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»⁸⁹, а затем и Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»⁹⁰. Тем самым доступ избирательным возможностям приобрело множество общественных организаций, обозначивших соответствующие цели в своих учредительных документах. Вместе с тем результат по парламентским выборам 1995 г. особо не выделялся на фоне предыдущих избирательных кампаний⁹¹.

Уже в 2001 г. принятый Федеральный закон № 95-ФЗ «О политических партиях» повлёк значительное сокращение количества организаций, претендующих на партийный статус. Бесконтрольность процессов, развивавшихся в 90-е гг., привела к потребности смести центр создания политических партий исключительно на федеральный уровень.

Подверглись ликвидации региональные партии, которые ранее считались достаточным ресурсом для проведения избирательных кампаний на локальном уровне. Государство получило возможность применять в отношении партий серьёзные санкции в силу формальных оснований (при уменьшении численности партийных членов, при отсутствии структурных подразделений в половине субъектов федерации, при неучастии в выборах за определённый срок и т.д.). Поэтому была унифицирована сама

⁸⁸ Муравлёв В.Н. Партогенез и партийный спектр современной России // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2007. № 7. С. 20.

⁸⁹ Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 21. – ст. 1930. в первоначальной редакции.

⁹⁰ Федеральный закон от 21.06.1995 N 90-ФЗ (с изм. от 17.11.1998) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 26. – ст.2398; 1999. – № 26. – ст. 3178. (утратил силу).

⁹¹ Иванченко А.В., Любарев А.Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 94.

партийная структура с порядком осуществления политическими партиями своей деятельности, что повлекло их серьёзную финансовую зависимость от институтов власти.

Выдвижение политических деятелей через партии особо не изменилось, сопровождаясь известной свободой для всех общественных объединений. Но столь значительное ограничение в создании партий стало поводом возразить контролируемому государством партогенезу. Такие тенденции усилили позиции сторонников «непризнанных партий» по невозможности образования партийной организации в свободном виде и угрозе принудительной реорганизации для уже зарегистрированных объединений.

Более очевидной стала концепция принятого закона по стабилизации политических процессов в стране на фоне серьёзных кризисов, развивавшихся на протяжении 1990-х гг. Сюда же можно отнести курс на построение известной вертикали власти и на образование крупных коллективных участников, способных обеспечить национальные интересы в государственной политике.

Приведённый краткий исторический экскурс демонстрирует, что на фоне роста численности партий и при необходимости их сокращения определяющее значение сохраняет тот факт, который привязывает существование политических партий к их государственному признанию. Поэтому в политическом измерении партия в строгом смысле всегда воспринимается как особая бюрократическая организация (по М. Веберу).

В развитие данного подхода к сущности политической партии возникло восприятие партии как специфической организационной формы⁹². Помимо того набора свойств, которые выделяются у любой общественной организации (по корпоративному единству, по наличию структуры управления, по официальному наименованию, по выступлению от собственного имени в политических отношениях, по имущественному балансу и несению самостоятельной ответственности), политическая партия характеризуется целым комплексом особых признаков.

Например, в отличие от других российских общественных организаций, она может принимать участие в различных выборах, в парламентской деятельности, несёт политическую ответственность, обладает особенностями в плане партийного членства, а также должна иметь региональные отделения. Тем самым у неё образуются специальные возможности и обязанности, не характерные другим организационным формам политической направленности.

В таком ракурсе за последнее десятилетие получила широкое развитие в политологической доктрине концепция партий как публичных организаций⁹³. За её основу взята невозможность распространения принципов,

⁹² Джалилов Э.А. Организационно-правовые формы участия политических партий в выборах и референдумах // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 1. С. 92; Сидоров В.Н. Двойственная правовая природа политической партии // Юридические науки. 2006. № 4. С. 105.

⁹³ Александров К.А. Картельная политическая партия как фактор трансформации партийной системы современной России. Диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук. Орел, 2013. 165 с.; Радько Д.В. Изменения стратегий деятельности политических партий России в условиях мирового экономического кризиса. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Краснодар, 2012. 215 с.; Зимица Н.В. Институционализация политических партий как политико-правового института в современной России (региональный аспект). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Чита, 2008. 181 с.

свойственных социально-политическим институтам, на создание и дальнейшее существование партии⁹⁴. Поэтому партийные организации наделены властно-распорядительными полномочиями в связи с реализацией ими государственных и общественных задач.

Исходя из этого, сторонники публичных организаций приписывают партиям следующие черты⁹⁵:

1) деятельность ориентирована на решение задач социального характера, т.е. на общую пользу;

2) происходит реализация публичного интереса вопреки частным предпочтениям;

3) партийная деятельность сопряжена с публичной властью: с её достижением, осуществлением и сотрудничеством с определёнными государственными структурами для решения управленческих вопросов в обществе;

4) выполняются регламентирующие и управленческие функции;

5) происходит навязывание политической воли персонально не определённому кругу лиц;

6) имущественная основа формируется из средств участников и из дополнительно привлечённых ресурсов, к числу которых относится финансовая помощь государства;

7) партийные члены наделены равными правами и обязанностями, при этом участие в управлении не даёт им привилегий и льгот на фоне остальных членов;

8) партийная ответственность носит публично-правовой характер.

Однако в указанном подходе к политическим партиям присутствует ряд несоответствий. Так, властно-распорядительные полномочия и наличие публичной власти признают далеко не за всеми партийными организациями, а лишь за теми из них, которые получили парламентские мандаты.

По законодательству Российской Федерации, кроме парламентской деятельности, партии не имеют возможностей, связанных с реализацией государственной власти. Это подтверждается существующим в ст. 26 Федерального закона № 95-ФЗ перечнем основных партийных прав, где нет указания на осуществление партией каких-либо властных полномочий.

Если говорить о тесном сотрудничестве партий и органов публичной власти, то такие взаимоотношения зачастую построены по вертикальному типу. Предоставленные государственным и местным органам полномочия не ранжированы по политическим объединениям точно так же, как и права партий по отношению к ним не имеют специфики, т.е. являются такими же, как и права практически любого объединения граждан.

⁹⁴ Григорьева Л.А. Взаимоотношения государства и политических партий в современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2009. 196 с.; Федоренко Н.Г. Влияние политических партий на функционирование российского государства. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2009. 163 с.

⁹⁵ Лайпанова Д.Б. Партии в российском политическом процессе: эволюция и специфика функционирования. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Ставрополь, 2009. С. 61. 159 с.; Таскаев В.П. Политические партии как социальные корпорации (социологический анализ проблем становления в современной России). Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Екатеринбург, 2008. С. 87. 186 с.

Не состоятельны заявления тех авторов, которые считают, что партии, как публичные организации, создаются государственной властью⁹⁶. Как известно, любая партийная организация иницируется гражданами, а также их объединениями. Допустимо создание партий путём трансформации отдельных общественных организаций.

Не является верным суждение о финансовой помощи, оказываемой государством всем партиям. Подобная поддержка допустима лишь для тех партийных организаций, которые участвовали в соответствующих выборах, и сопровождается целым комплексом требований.

Так, по п. 5 ст. 33 Федерального закона № 95-ФЗ при решении вопроса о возмещении партийных расходов из средств федерального бюджета требуется, чтобы «... федеральный список кандидатов, выдвинутый политической партией на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, получил по результатам выборов не менее 3 процентов голосов избирателей, принявших участие в голосовании по федеральному избирательному округу». Так, по итогам парламентских выборов в 2016 г. данный барьер преодолели лишь 4 парламентских партии, а отдельные партийные организации (например, «Яблоко») лишились государственной финансовой поддержки в связи с недостижением установленного избирательного порога.

Тем самым раскрытие партии как публичной организации на фоне отдельных публично-правовых атрибутов сегодня не представляется возможным. Более того, восприятие партий только через определённый вид юридического лица в условиях институционализации препятствует установлению её политико-правовой сущности, поскольку происходит отождествление партийных организаций с другими общественно-политическими объединениями. Это обосновано трансграничностью категории «политическая партия», которая вышла за пределы национальных политических систем (например, партии Европейского союза).

Исходя из этого, каждое государство в виде принимаемых и реализуемых требований уточняет, что такое политическая партия. В системе большинства общественных объединений, функционирующих в рамках политического структура общества, партии, консолидируя граждан, позволяют реализовывать собственно политические цели⁹⁷. Это ключевое предназначение партийных организаций, что находит своё выражение в законодательном требовании о закреплении подобных целей и задач в партийных уставах⁹⁸.

⁹⁶ Линец С.И., Линец И.А., Мышьякова Д.В. Институты гражданского общества как субъекты публичной политики в современной Российской Федерации: инициативность и рационализм // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. № 3. С. 171–175; Ерыгин Я.А. Проявление двойственной правовой природы политических партий как юридических лиц частного и публичного права // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 12. С. 20–23.

⁹⁷ Петришина-Дюг Г.Г. Политическая партия: понятие и основные признаки // Актуальные проблемы современной науки. 2013. № 4. С. 124; Гриценко Н.П. Российские партии в контексте модернизации политической системы: проблемы и перспективы развития // Человек. Сообщество. Управление. 2011. № 1. С. 19; Сафронков В.В. Правовой механизм реализации политическими партиями государственно-властных полномочий // Юридическая мысль. 2010. № 4. С. 104.

⁹⁸ Зимин В.А. Политические партии – важнейший элемент политической системы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 410; Косогов Е.В. Модернизация политической системы в России: проблемы и перспективы реформирования политических партий // Экономические и гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 11.

Так, по ст. 3 Федерального закона № 95-ФЗ партия раскрывается как общественное объединение, созданное для участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и местного самоуправления.

В имеющейся дефиниции особо подчёркивается категория «общественное объединение», которое по данному законодательному акту не отождествляется лишь с соответствующей организационно-правовой формой или с особым типом юридического лица. Схожее восприятие политических партий прослеживается в законах ряда других государств. В условиях демократических систем современности партийные организации выстраиваются в сложную сеть связей горизонтального характера, опосредующих гражданское общество, которое традиционно должно строиться на принципах саморегулирования и саморазвития. Достижение указанных конституционных ценностей активно потворствует демократическому процессу по получению, распределению и разделению власти.

1.2. Институциональный подход к политическим партиям

Институциональный подход к политическим партиям заключается, прежде всего, в их определении как важнейших институтов современных политических систем.

Институциональный теоретико-методологический подход сосредотачивает свое внимание на вопросах институционализации, понятия «институционализация» вообще и «политическая институционализация», в частности. Количество фундаментальных теоретических трудов по вопросам политической институционализации не велико. В отечественной науке существуют исследования политической институционализации, но в зарубежной науке подобного рода исследований больше. Разработка категории «институционализация», ее критериев ведется, в основном, в зарубежной литературе. Теоретические аспекты процессов политической институционализации включают себя вопросы о субъектах политической институционализации, стадий институционализации, факторов институционализации, критериев и т.д. Появление теоретических работ по теории политической институционализации было связано с появлением неoinституционализма, как основного теоретического подхода к анализу политики в 70-х гг. XX века. Именно неoinституциональная парадигма политических исследований задала вектор рассмотрения партий и партийных систем через призму процессов институционализации.

В то же время акцентирование институционального подхода лишь на формальных сторонах функционирования партий ведет к тому, что из поля зрения исследователя выпадают другие важные стороны политической реальности. Для анализа политических партий в современной политической науке используется «новый» институционализм. Он позволяет усовершенствовать исследовательскую оптику и включить в предмет исследования неформальные институты и практики. Использование неoinституционализма в данной работе позволило включить фактор ограничения электоральной конкуренции в исследовательскую парадигму.

Появление системного и институционального подходов сопряжено с соответствующим усложнением структуры самого общества, с качественным

обновлением представлений о нём, с восприятием материальных и нематериальных объектов общественных отношений⁹⁹. Поэтому родоначальниками данного подхода выступили исследователи преимущественно в области экономики и социологии¹⁰⁰. На фоне разрозненности общественных отношений требовалось их надлежащее структурирование, поиск определённого общего знаменателя, при помощи которого можно разграничить и области соответствующих знаний, и методы, необходимые для их получения. Вследствие этого постепенно вырабатывались критерии для образования и развития социальных, экономических и политических институтов¹⁰¹.

Расширение механизмов регулирования общественных отношений привело к увеличению социальных регуляторов, среди которых потребовалось выделить не только политико-правовых норм, но и инструментов саморегуляции. Поэтому их отграничение от других социальных правил происходило по системно-институциональному основанию¹⁰². И «старый институционализм», и «новая институциональная теория» построены на иерархичности механизма регулирования отношений. Вместе с тем остается открытым вопрос о том, влияет ли такая структурированность на институциональные процессы в обществе, если они регламентированы политическими нормами?

Установить связь между двумя этими тенденциями учёные пытаются длительное время. Стоит отметить, что дискуссии по этому поводу продолжаются в современности с той лишь разницей, что сегодня институциональную проблему поднимают не только в политической теории, но и в отраслях политической науки. Это сопровождается процессом увеличения числа институтов в рамках сложившейся политической системы.

Институтом в современной науке называют любую организацию, имеющую, с точки зрения многих авторов, хотя бы какое-нибудь влияние на политическую систему общества¹⁰³. Примечательно, что политический

⁹⁹ Фролов С.С. Социальные институты в современном обществе // Социология власти. 2010. № 3. С. 28; Осипова М.А. Социальные институты в механизме управления обществом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2011. № 1. С. 88.

¹⁰⁰ Жихарев К.Л. Базовые институты институциональной матрицы: общество, хозяйство, экономика // Российский экономический интернет-журнал. 2008. № 2. С. 23; Шадрин А.Е. Трансформация экономических и социально-политических институтов в условиях перехода к информационному обществу // Информационное общество. 1999. № 2. С. 27-33.

¹⁰¹ Журавлёва И.А. Институционализация социальных практик и трансформация социальных институтов в обществе знаний // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7-2. С. 80.

¹⁰² Беседина В.А. Генезис и развитие социально-правовых институтов, их функций и принципов права в условиях трансформирующегося российского общества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 8. № 35. С. 34; Беседина В.А. Социально-правовые институты современного российского общества: особенности формирования и развития. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. Санкт-Петербург, 2005. С. 11; Фомин Э.В., Фомина Ю.А. Институты законотворчества в российском обществе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2012. № 3. С. 66.

¹⁰³ Гусева М.М. Политические институты в политической системе современной России: генезис, механизмы функционирования, тенденции. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2007. 202 с.; Стрежнева М.В. Региональные политические институты (на примере Европейского Союза и Содружества Независимых Государств. Социокультурный анализ). Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2000. 303 с.; Прищеп С.Н. Трансформация политических отношений и её влияние на деятельность политических институтов в постсоветской России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2008. 194 с.

институт, по мысли большой группы исследователей, традиционно должен соответствовать определённым набору норм. В то же время мнения на сей счёт расходятся.

Так, в представлении Т. Парсонса достаточным считалось существование на протяжении определённого временного промежутка социальных норм, регламентирующих те или иные общественно-политические отношения, чтобы считать их соответствующим политическим институтом¹⁰⁴.

Другая группа авторов отмечает, что институты обладают более «узкой направленностью», тем самым нормативная составляющая выражается в определённых рамках, нарушение которых не допустимо¹⁰⁵.

Третьим направлением в доктрине является отождествление политических институтов с формальными соглашениями, которые могут быть направлены на различные сферы общественной жизни, но которые заключены субъектами, обладающими властью¹⁰⁶.

Такое восприятие в полной мере нашло отражение в институте политических партий как комплексе норм, регламентирующих отношения, связанные с созданием и функционированием особого вида общественно-политических объединений граждан.

Имеются предположения, что политический институт – это одновременно и комплекс норм, регламентирующих определённый вид отношений, и сама совокупность таких отношений¹⁰⁷.

Аналогичным образом трактуется понятие «партийные нормы», которое в представлении одних учёных является институтом¹⁰⁸, а по предположению других – необходимым элементом институционализации партийных отношений¹⁰⁹.

На этом фоне особый интерес вызывает признание в качестве институтов даже тех политических явлений и процессов, которые не имеют чёткой нормативной основы¹¹⁰.

¹⁰⁴ Parsons T. Structure and process in modern societies. Glencoe, Ill, 1960, p. 177.

¹⁰⁵ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. с. 17, 18.

¹⁰⁶ Levi M. A logic of institutional change // The limits of rationality / ed. by K.S. Cook, M. Levi. – Chicago, 1990. p. 405.

¹⁰⁷ Атнагулов Р.М. Политические институты: теоретико-методологический аспект. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Казань, 2002. 188 с.; Сергеева Е.В. Формирование методологии анализа политических институтов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Саратов, 2006. 166 с.; Аарон Т.Д. Становление институтов политического диалога в странах с этнокультурным многообразием. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Ростов-на-Дону, 2018. 207 с.

¹⁰⁸ Решетников О.М. О партийном праве // Актуальные проблемы современной науки. 2014. № 5 (79). С. 55-56; Минниев И.В., Токмин С.А. Партийный акт как источник права // Академический юридический журнал. 2014. № 4 (58). С. 4-12; Никифоров А.Ю. Развитие партийного законодательства в России (конец XX – нач. XXI вв.) // Правовое государство: теория и практика. 2015. Т. 3. № 41. С. 34-38.

¹⁰⁹ Долгих Ф.И. Партийное право в системе российского права // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. № 5. С. 8-12; Маркова Е.Н. Конституционализация политических партий в государствах Восточной Европы // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 15. С. 35-40.

¹¹⁰ Ворошилов А.С. Экономические, политические и идеологические институты как симметричные элементы институциональных матриц // Colloquium-journal. 2019. № 1-6 (25). С. 14-15; Гимаев И.З. Развитие институтов социально-политического аудита в России // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2018. № 5 (143). С. 140-143; Парфенова С.Р. Парадигма института репрезентативности власти как базового понятия российской политической системы // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2017. № 4 (37). С. 94-99.

Подобный разброс в отечественном институциональном подходе вызван целым комплексом причин. С момента трансформации советской политической системы произошло значительное разрастание институтов. Появились нормы, которые вышли за рамки классических институтов, традиционно ассоциирующихся с определённой политической организацией.

В аспекте политических партий, которые всегда рассматривались в контексте парламентаризма и избирательных систем, появилось множество норм, не направленных на реализацию основных партийных функций. Как следствие, в литературе стали выделяться отдельные функции политических партий в качестве политических институтов¹¹¹.

Увеличение ведомственного нормотворчества также отразилось на процессе партийной институционализации в современной России, результатом чего стал переход многих норм подзаконного уровня в тексты действующих законов и уставов партий. Тем самым между ними постепенно исчезла граница регулирования, которая должна была выполнять функцию институциональных ограничителей.

Также в качестве фактора рассогласованного понимания институционального подхода стали очевидные дефекты, возникшие ещё при предыдущей эпохе институционализации, когда одна норма регламентировала порой совершенно разные, не связанные друг с другом, общественные отношения. Наиболее наглядно это заметно на примере прав и обязанностей политических партий в финансовой, хозяйственной, административной сферах с одновременным провозглашением общих институциональных рамок. Последние, в свою очередь, должны иметь настолько универсальный характер, чтобы отраслевые особенности (экономические, правовые, избирательные) не влияли на их одинаковое понимание. Как видно из российского партийного законодательства, в настоящий момент эта задача в полной мере не решена.

Немалую роль в существующей дискуссии относительно системного и институционального подходов сыграло длительное отсутствие нормативного закрепления понятия «политическая партия» (появилось в Российской Федерации лишь в 2001 г.).

Институциональные признаки в политологии всегда связаны с теоретическим осмыслением¹¹². Особенно актуально решение данных вопросов применительно к новым политическим явлениям, когда соответствующая нормативная база ещё не сформирована либо находится в стадии своего образования, что требует установление принципов регулирования, особенностей субъектного состава и других элементов, значимых, прежде всего, для научного осмысления¹¹³.

¹¹¹ Мамедова В.Э. Нормативное регулирование института ответственности членов политической партии // Политика и общество. 2016. № 11 (143). С. 1530-1536; Сергеев С.Г. Потенциально внеконституционные политические институты как «попутный продукт» партийного строительства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2011. Т. 11. № 4. С. 83-88.

¹¹² Гаман-Голутвина О.В. Политические институты как предмет политического анализа // Власть. 2009. № 2. С. 130-132; Головашина О.В., Жуков Д.С. Нелинейные эффекты динамики социально-политических институтов // Ineternum. 2012. № 2 (7). С. 49-59; Артемьева Т.В. Политические институты и политические процессы в контексте академических модернизаций // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2 (43). С. 114-117.

¹¹³ Линецкий А.И. Латентные институты: стихийная стандартизация поведения и её политическое значение // Полис. Политические исследования. 2014. № 6. С. 166-182; Шкель С.Н. Неформальные институты в политическом процессе постсоветских государств // Фундаментальные исследования. 2014. № 12-7. С. 1582-1585.

Однако сегодня институциональной основой для любого политического явления стали не нормы, которые направлены на регламентацию отношений, а сами отношения. Поэтому многие научные представления построены на принципе совпадения системы отношений со структурой института¹¹⁴. Аналогичным образом системные особенности отдельно взятого института (политические партии) также зависят от системы партийных отношений¹¹⁵.

В рамках механизма институционализации сложилось разное понимание институционального подхода. В политической науке не принято проводить разграничение соответствующих институтов, поскольку в нормативном плане они уже не имеют определяющего значения и находятся во взаимосвязи друг с другом.

Указанный разносторонний подход к пониманию институтов продиктован отсутствием единообразного восприятия учёными институционального метода. Это влияет на параметры институционального подхода к российским политическим партиям.

Вместе с тем понятие политического института давно раскрыто в рамках общей политической теории в качестве организаций, которые имеют значение для политической жизни¹¹⁶. При этом особых дискуссий вокруг такого определения политического института в рамках современной науки не наблюдается.

Однако, что именно следует понимать под значением той или иной организации для политической жизни, не находит единого мнения среди учёных. В частности, являются ли партийные отношения видом в рамках определённой группы политических отношений или составляют отдельную группу общественно-политических отношений?

Многие авторы уверены, что виды отношений в плоскости их политических акторов зависят от структуры самого явления или процесса¹¹⁷. Внутри этого подхода выделяется дискурс, затрагивающий понятие как самой структуры, так и её отдельных элементов¹¹⁸.

¹¹⁴ Макарин А.В. Политические институты: к методологии исследования // Политический анализ. 2009. № 9. С. 37-50; Толочко А.В. Многопартийность в системе политических институтов современной России: тенденции и перспективы // Запад-Россия-Восток. Археология. История. Философия. Юриспруденция. 2013. № 1-2. С. 67-73; Исаев И.А. Социальные (политические) институты и власть // Право и государство: теория и практика. 2008. № 9 (45). С. 26-37.

¹¹⁵ Епархина О.В. Политические институты и отношения в современной России: социостратификационный контекст исследований // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2008. № 8. С. 103-109; Большаков И.В. Политическая культура, неформальные институты и стабильность системы // Власть. 2011. № 2. С. 70-73; Ирхин Ю.В. Как понять современную и историческую роль политических институтов? // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 5. С. 356-360.

¹¹⁶ Гусева М.М. Политические институты в политической системе современной России: генезис, механизмы функционирования, тенденции. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2007. 202 с.; Ананьев В.С. Модернизация политических институтов современной России как фактор вывода страны из глобального экономического кризиса. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2011. 231 с.; Прищеп С.Н. Трансформация политических отношений и её влияние на деятельность политических институтов в постсоветской России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2008. 194 с.

¹¹⁷ См. подробнее: Атнагулов Р.М. Политические институты: теоретико-методологический аспект. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Казань, 2002. 188 с.; Сергеева Е.В. Формирование методологии анализа политических институтов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Саратов, 2006. 166 с.

¹¹⁸ Халитова А.Х. Выборы как институт политической демократии в трансформирующемся российском обществе (федеральный и региональный аспекты). Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2004. 405 с.; Макеев Д.А. Политическая оппозиция как институт современного российского общества. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2004. 127 с.

Другой точки зрения придерживаются представители философского направления в политологии, отмечая собирательность термина «политический институт». В частности, в последнем одновременно содержатся следующие смыслы: организационно-нормативный, социально-определяющий и хронологический¹¹⁹. Поэтому необходимость разграничения указанных категорий зависит от цели, поставленной исследователем при изучении определенного политического института. А получив ответ на данный вопрос, можно решить проблемы применения институционального подхода к политическим партиям.

Позиция учёных по привязке институциональных признаков политических партий и партийных отношений, на мой взгляд, препятствует соотношению таких составляющих, как нормативная и организационная основы институционализации, которые нельзя игнорировать при применении системного подхода. В таком восприятии политические партии являются одновременно и совокупностью специальных правил, и комплексом отношений, и отдельно взятой разновидностью политических организаций, представляющих значение для государства и общества.

При отождествлении партий с соответствующим набором норм происходит формализация институционального подхода, что далеко не всегда соответствует тому состоянию партийных отношений, которое сложилось в определённой политической системе. Если закон служит определяющим признаком институционализации, то лишь он может разграничивать те отношения, которые регулируются им при помощи различных методов и принципов. Напротив, при его отсутствии (как это происходило на протяжении 1990-х гг.), политические партии всё равно находились в различных институциональных процессах: в рамках избирательной системы, в парламентской плоскости, в системе взаимоотношений с государством и со смежными общественно-политическими организациями.

При выделении института учитываются определённые специфические признаки, свойственные данному виду общественных отношений на фоне действующего механизма их регламентации. Если формализовать эту цепочку, то внутри каждого института должны выделяться нормы с некими специфическими объектно-субъектными элементами¹²⁰. Однако подобный подход не гармонирует с практикой функционирования политических партий в системах, в которых отсутствует, как таковой, специальный закон о партийной деятельности. Кроме того, в Российской Федерации институциональное значение имеет не только Федеральный закон № 95-ФЗ, но и ряд иных нормативно-правовых актов, определяющих порядок выстраивания отношений между партиями и государством.

Тем самым применение институционального подхода к политическим партиям неизбежно требует признать Федеральный закон № 95-ФЗ в качестве нормативной основы данного института. Тем самым следует неверный вывод о том, что партии, функционирующие в условиях отсутствия такого закона, не образуют соответствующего института.

¹¹⁹ Абрамов А.В. Политический институт и политическая институционализация: определение понятий // Власть. 2010. № 5. С. 53-55; Волков М.М. Становление понятия политический институт // Мир современной науки. 2018. № 5 (51). С. 86-88; Березина Н.И. Миф как политический институт: проблемы определения // Философия права. 2007. № 1 (20). С. 57-59.

¹²⁰ Ворошилов А.С. Экономические, политические и идеологические институты как симметричные элементы институциональных матриц // Colloquium-journal. 2019. № 1-6 (25). С. 14-15; Абрамов А.В. Политический институт и политическая институционализация: определение понятий // Власть. 2010. № 5. С. 53-55.

Поэтому изменения, произведенные в нормативно-правовых актах, сразу же отображаются на содержательной стороне соответствующего политического института. Однако такое предположение нарушает статичную функцию всей системы права¹²¹. Особенно несостоятельно такое развитие норм по отношению к базовым политическим институтам, которые сдерживают законодателя (государство) от случайных манипуляций с нормативным материалом¹²².

Отчасти воплощение последнего тезиса можно наблюдать на примере выборов, проводимых в Российской Федерации. Это выражается не только во введении и трансформации ряда сдерживающих барьеров (сбор подписей избирателей, прохождение т.н. «муниципального фильтра» и др.), но и в изменении избирательного порога для политических партий при их прохождении в парламенты всех уровней. Тем самым законодательство утрачивает свою институциональную функцию, превращаясь в политическую установку, которая имеет временный эффект (по А. Лейпхарту)¹²³.

Поэтому ключевые элементы института более статичны, чем динамично развивающееся законодательство. Нельзя воспринимать в качестве института определённый нормативно-правовой акт либо его структурный элемент, если они носят ограниченный во времени характер либо имеют переходное (юридико-техническое) предназначение. Последних в российском партийном праве достаточно много, учитывая непостоянство законодательства и его регулярное изменение в пределах электоральных циклов.

Отсюда можно признать, что соотношение законов с институтами политической системы по равнозначному типу носит в современной науке архаичный характер, вследствие чего искажаются представления о процессах, образующих институционализацию.

На принципиальном отличии институтов права от институтов политической системы строится концепция так называемого «многоуровневого понимания»¹²⁴. В соответствии с ней институты, как и сама политическая система, следует рассматривать не в каком-то обобщённом виде, а в разных значениях. При этом требует своего разграничения теоретический и эмпирический материал, под которым понимаются конкретные политические практики¹²⁵. В такой плоскости институт является, прежде всего, совокупностью концепций, взглядов, представлений об организационном оформлении определённого вида общественно-политических отношений¹²⁶.

¹²¹ Свирин Ю.А. О соотношении системы права и системы законодательства // Современное право. – 2013. – № 5. – С. 8.

¹²² Шминке А.Д. Система права и система законодательства России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Саратов, 2012. – 30 с.; Панкратова М.Е., Рапеева Н.Ю., Ивашко Г.В. Право как динамическая структура: теоретическое осмысление системы права и правовой системы (окончание) // Современное право. – 2013. – № 9. – С. 4-8.

¹²³ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М.: Аспект Пресс, 1997. 287 с.

¹²⁴ Квасова Г.О. Уровни и функции институтов политического рынка // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. № 4 (23). С. 149-156; Бальхин А.Г. Понятие и признаки местного самоуправления как института политической системы Российской Федерации // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. № 3. С. 224-228.

¹²⁵ Ключков В.В. Английское общее право и его влияние на эволюцию политических институтов и практик до начала XIX века // Юристь – Правоведь. 2015. № 6 (73). С. 67--72; Чирикова А.Е. Институт региональной власти в России: современные политические тенденции и неформальные практики // Казанский федералист. 2012. № 4. С. 22-51.

¹²⁶ Рыбаков А.В. Политические институты: проблемы теории и актуальная практика / А.В. Рыбаков. М.: МАИ-ПРИНТ, 2009. С. 74. 223 с.; Чернякин В.Г. Политические институты. Методология исследования. Монография / В. Г. Чернякин; Акад. экономической безопасности МВД России. М.: АЭБ МВД России, 2006. 154 с.

Получается, что институт не воспринимается всеми исследователями в качестве формы. Он не является неким условным набором норм, объединённых определёнными формальными признаками. Ему лишь придаётся субъективный смысл, т.е. он зависит от непосредственных участников и порядка их признания в качестве акторов определённых отношений.

В целом, данная трактовка институционального подхода во многом соответствует реальному положению вещей, когда вопрос о том, что и при каких условиях признается институтом, полностью является усмотрением учёных. В силу этого использование категории «институт» ограничивается рамками научных представлений о политических процессах¹²⁷. Отсюда следует, что институт политических партий – это не сами нормы и не сами отношения, а комплекс научных представлений о них, который может совпадать с формальной стороной политической системы либо идти с ней вразрез.

Соответственно, можно невольно прийти к выводу, что институциональный подход является исключительно теоретическим подходом к пониманию тех или иных политических конструкций. Очевидно, что назначение институционального подхода заключается не только в структурировании политической науки, но и в надлежащей систематизации тех общественно-политических отношений, которые выступают предметом изучения.

Вследствие этого имеется и альтернативное восприятие института в его объективном смысле. В частности, оно раскрывается через совокупность общественных отношений, подверженных политико-правовому воздействию, включая их отражение в политической науке¹²⁸.

Примечательна в данном подходе объективизация политического явления, позволяющая оценить его в диалектическом ключе, что крайне популярно среди современных учёных. Вследствие этого большинству научных трудов, в которых использован подобный метод исследования тех или иных отношений, свойственен критический характер, поскольку объективное состояние явления и его политико-нормативное воплощение, как правило, не совпадают.

Наиболее наглядно это наблюдается на примере политических партий. Так, исследователи полагают, что партия обретает черты субъектности с момента её учреждения, т.е. проведения учредительного собрания или съезда. Напротив, российское законодательство называет в качестве такого факта государственную регистрацию политической партии в органах юстиции. Тем самым представления учёных о моменте возникновения партийных организаций расходятся с действующим нормативным материалом, но соответствуют конституционным ценностям относительно свободы политических объединений и многопартийности.

Кроме того, в рамках данного восприятия выделяется категория так называемых «комплексных институтов». Последние предполагают наличие двух уровней в структуре любого института – общетеоретического и

¹²⁷ Фролова О.А. Политическая системы США: институты и акторы. М.: Российский университет дружбы народов, 2016. С. 41. 144 с.

¹²⁸ Дюверже М. Политические институты и конституционное право // Социология власти. 2011. № 5. С. 206-217; Сергеев С.Г. Внеконституционные политические институты в Российской Федерации: модернизация институциональной подсистемы. Саратов, 2014. С. 35. 196 с.

эмпирического¹²⁹. Соответственно, определяются общие черты, характерные данному институту вне зависимости от его нормативно-правовой формы, и специфические признаки, осложнённые предметом отношений, в которых реализована институциональная модель¹³⁰. При этом центральным остаётся объективный образ системы отношений, признаваемой институтом.

Таким образом, сложившиеся в политической и социологической науках подходы к пониманию институтов напрямую отразились на содержании институционального подхода к политическим партиям. Последний в зависимости от выбранной исследователем позиции может быть связан с субъективным восприятием, с нормативной или организационной формой воплощения или с объективным характером рассматриваемых отношений. Применительно к политическим партиям это, соответственно, система общественных отношений, система общественно-политических объединений, а также конституционное право граждан на создание подобных организаций и участие в их деятельности.

Вместе с тем, институциональный подход к российским политическим партиям не ограничен только восприятием института, на что обращают внимание отдельные учёные.

Так, Г.М. Михалева критично относится к институционализму, сформированному отечественной политической наукой¹³¹. В частности, институциональный подход российской политологической школы ограничен рамками отдельных организационных форм, поскольку считается, что институты в политике являются структурными элементами более крупных звеньев политической системы. Как справедливо отмечает автор, такое осмысление институтов неблагоприятно сказалось на развитии институционального подхода, т.е. задержало его эволюцию на долгие десятилетия через ограничения исключительно структурного анализа¹³².

Поскольку сам институт не рассматривался в качестве социального регулятора, многие исследования, базировавшиеся на институциональном подходе, содержали уклон на формальную сторону политических явлений.

Зависимость систематизации и институционализации только от государства, как центрального участника политической системы, не может рассматриваться как основополагающий признак институционального и системного подходов, потому что в создании и реализации соответствующих норм и правил воплощается не только государственный интерес, но и интерес общества¹³³.

¹²⁹ Елисеев С.М., Исаков И.Ж., Кирсанова Н.П. Политические процессы и институты на постсоветском пространстве. Санкт-Петербург: Межрегиональный институт экономики и права, 2009. 244 с.; Фоменко С.С. Институт парламентаризма в политической системе современной России: этапы, факторы и тенденции развития. Монография / С. С. Фоменко. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2011. 224 с.

¹³⁰ Разенков А.С. Образование политической партии: вопросы генезиса политического института и его функционирования. М.: Полиграф сервис, 2018. С. 91. 188 с.

¹³¹ Михалева Г.М. Изменение институтов выборов и партий в трансформационном контексте // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2018. № 3. С. 213-217.

¹³² Михалева Г.М. Основные этапы становления и типологизации европейских партий // В сборнике: Европейский союз / коллектив авторов Медушевский Н.А., Гордеева М.А., Михалева Г.М., Кутырев Г.И. Риски и вызовы современного этапа политической эволюции. М., 2019. С. 149-163.

¹³³ Михалева Г.М. Партийная реформа и региональные партийные системы // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2018. № 4. С. 236-245.

Интерес, как консолидирующий и разграничивающий фактор, называется в качестве одного из основополагающих принципов институционального подхода¹³⁴. Вследствие этого проводится параллель между правовым и социологическим восприятием политической партии¹³⁵. А учитывая, что ключевой функцией права выступает регламентация общественных отношений, такой подход имеет довольно серьёзную аргументацию и получил широкое распространение среди современных исследователей¹³⁶.

Одновременно с достоинствами применения социально-юридического институционального подхода наблюдается и целый комплекс недостатков. Поскольку институт является определённой структурой поведения, ему соответствует не только обособленная группа норм, но и иные социальные категории – функции, статусы, роли, ценности, идеалы, культурные образы и типы мышления, а также принципы, поведенческие модели и т. д. Очевидно, что цель образования института «политические партии» заключается вовсе не в выделении этих разнообразных параметров. Соответственно, и сам институциональный подход к партиям основан далеко не на всех социологических категориях. Значит, его совмещение в юридическом и социологическом плане, по моему убеждению, вряд ли можно считать целесообразным.

Историческая состоятельность, как основа для институционального подхода, выдвигается А.И. Овчинниковым, который, базируясь на том же социологическом подходе, аргументирует применение институционального подхода в виде повторяющегося поведенческого момента¹³⁷. Институт в таком восприятии можно рассматривать лишь те общественные отношения и нормы, которые зарекомендовали себя на протяжении длительного периода времени, стали «привычными» для соответствующей политической системы. Все остальные формы консолидации норм, хоть и обладающие внешними признаками института, являются либо субинститутами, либо неким произвольным набором правил и установок¹³⁸. Чтобы рассматривать партии как институт, необходимо их типизировать в рамках сложившейся политической системы в целом, в том числе с учётом такой категории, как политическое сознание, которое является элементом признания организационной формы поведения¹³⁹.

¹³⁴ Михалева Г.М. Непарламентские партии на улице: праздник и протесты // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2015. Т. 11. № 1. С. 62-75.

¹³⁵ Першина И.В. Концептуальные основания аргументации в дискуссии по правовому интересу // Юридическая техника. 2013. № 7-1. С. 255; Маштаков К.М. Правовая аргументация необходимости обеспечения баланса публичных и частных интересов // Юридическая техника. 2013. № 7-1. С. 210.

¹³⁶ Вольчик В. Роль группы специальных интересов в эволюции института власти-собственности в России // Управление мегаполисом. 2008. № 2. С. 172; Баранов П.П. Правовые институты гражданской политики как форма презентации национальных интересов // Юрист – Правовед. 2008. № 1. С. 101; Карелина С.А. Категория интереса и институт несостоятельности (банкротства) как средство разрешения конфликта интересов // Законодательство. 2007. № 3. С. 30.

¹³⁷ Овчинников А.И. Герменевтико-феноменологическая концепция права. Часть I // Северо-Кавказский юридический вестник. 2010. № 2. С. 20.

¹³⁸ Плетнев Д.А., Николаева Е.В. Элементы институциональной структуры в современных корпорациях // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 18 (347). С. 111-122; Чашин А.Н. Запрещённые субъекты как элементы институциональной подсистемы политической системы // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 9. С. 5-7; Мирошниченко Н.В. Институциональная диагностика как элемент институционального управления // Наука и общество. 2011. № 3 (3). С. 224-227.

¹³⁹ Степанов В.Е. Институт политических партий как отражение процесс общественной самоорганизации // Инновационная экономика и общество. 2018. № 4 (22). С. 84-90; Шаповалов В.Л. Развитие партийной системы на муниципальном уровне как элемент трансформации институциональных основ российского местного самоуправления // Муниципальная академия. 2013. № 1. С. 8-13.

В данном виде можно наблюдать попытку сочетания объективного и субъективного подхода к политическим партиям. С одной стороны, не отрицается факт социальных отношений как основного институционального компонента. С другой, ставится зависимость от временного промежутка, в котором развиваются отношения, составляющие предмет института политических партий. Очевидно, последнее определяют учёные, которые, в конечном итоге, устанавливают степень институциональности партийных отношений.

Критерий «типизации» отношений, названный в качестве определяющего институционального фактора, тем не менее, не нашёл единообразного понимания среди исследователей. Как следствие, образовался подход к институтам с точки зрения их «типичности» и «нетипичности» для национальной политической системы¹⁴⁰. При этом типизация институтов проводится по самым разным параметрам, начиная от формально-юридических критериев¹⁴¹ и заканчивая исключительно субъективными предположениями самих учёных¹⁴².

В общем виде, оценка существующих социально-политических отношений и образование между ними целых групп и видов является субъективной оценкой. Степень воздействия тех или иных институтов на людей определяется по критерию их «объективности» для общества, их восприятием со стороны общества и государства как должного явления¹⁴³.

Соответственно, институциональный подход заключается в объективизации субъективных оценок о том, что определённый вид отношений является институтом и не подлежит дальнейшему оспариванию. При этом на стадии образования института происходит некий творческий процесс, когда научное сообщество выстраивает ряд аргументов объективного характера.

Согласиться со всеми тезисами представителей данной концепции применительно к политическим партиям не представляется возможным. Однако принципы историчности и субъективизма присутствуют в механизме институционализации партийных отношений. Вместе с тем уклон институционального подхода на пропаганде определённого типа мышления не позволяет замыкать цепочку представлений о способах и факторах возникновения институтов с точки зрения современной политической философии.

¹⁴⁰ Гельман В.Я. «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2010. № 2 (57). С. 6-24; Коровин К.С. Неформальные и формальные институты в контексте политического режима (на примере СССР) // Теория и практика общественного развития. 2017. № 8. С. 92-94; Андреева Р.В. Неформальные политические институты в сравнительной политологии // В сборнике: Наука ЮУрГУ. Материалы 66-й научной конференции. 2014. С. 990-995.

¹⁴¹ Панеях Э.Л. Неформальные институты и формальные правила: закон действующий VS. закон применяемый // Политическая наука. 2003. № 1. С. 44.

¹⁴² Дереникян К.А. Формальные и неформальные институты и механизмы их формирования // Вестник университета. 2009. Т. 1. № 2. С. 90.

¹⁴³ Патрушев С.В. Институциональная политология в российской перспективе // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2011. № 4. С. 142-148; Колядин А.М. Общественно-государственные отношения и некоторые теоретико-методологические проблемы институционализации политического класса // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 5. С. 183-187; Суслов Е.В. Институты как факторы обеспечения политического порядка в демократическом государстве // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2015. № 13 (210). С. 173-179.

Подобный парадигмальный подход, на мой взгляд, можно было использовать несколько десятилетий назад, когда имелась выстроенная система политических категорий, происходило их адекватное отражение в науке, а также присутствовала чёткая идеологическая установка и прослеживалась стабильность законодательства. Сегодня можно наблюдать прямо противоположную тенденцию как в части законодательного материала (т.е. формы реализации политических институтов), так и внутри самой доктрины, где единство мнений встречается крайне редко. Тем более невозможно однозначно судить об исторических процессах, поскольку временные рамки развития политических партий значительно сузились. На подобное явление «ускорения времени» в историческом масштабе указывают значительное количество исследователей, в том числе в области партийной истории¹⁴⁴.

Соответственно, ставить знак равенства между системным и институциональным подходом, по моему мнению, не представляется возможным в силу отсутствия критериев оценки историчности и «привычности» политических партий, которые регулярно трансформируются. Тем более выглядит неубедительным тезис о том, что абсолютно любое политическое явление, типичное для своего времени, может рассматриваться как институт при условии его признания.

Вполне очевидно, что институциональный подход применим не ко всем объектам политической жизни, а лишь к тем, которые так или иначе имеют непосредственную связь с политической системой. Например, нецелесообразно рассматривать в качестве института такие явления и процессы, как политическое лидерство, внесистемная оппозиция, политическое участие и т.п.

Также институционально-социологическая теория не отвечает на главный вопрос – кто именно может определять наличие или отсутствие институтов в политической системе? Чье сознание способно определять «типичность» и «нетипичность» политических явлений?

Отчасти ответ на эти вопросы попытались дать представители французской политической школы начала XX в. Так, М. Ориу полагал, что политические институты отражают объективную структуру социальной и политической жизни, т.е. основаны на фактическом порядке¹⁴⁵. В силу данного обстоятельства отпадает зависимость существования институтов от политического сознания, от факта их признания определённой группой субъектов. При этом М. Ориу подчёркивает, что взаимосвязь институтов с политическими нормами не имеет принципиального значения, поскольку она стирается в силу существующего политического порядка¹⁴⁶. Поэтому основной целью институтов, по Ж. Бюро, как раз выступает достижение системной упорядоченности норм, практики и деятельности политических акторов¹⁴⁷.

¹⁴⁴ Филатов Н.Н. «Ускорение»: особенности концептуализации представлений о политическом времени // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2009. № 1. С. 50; Невакшенов А.Е. Дискуссия о цикличности партийной истории в историко-политической мысли США 1970-1980 гг. // Омский научный вестник. 2008. № 5 (72). С. 21-24; Шапошникова Е.А. Отечественный партотенез: состояние и развитие // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2016. № 2 (313). С. 78-83.

¹⁴⁵ Ориу М. Основы публичного права / пер. с фран. под ред. Е. Паушканиса и Н. Челябинова. – М.: Изд-во Коммунистической академии, 1929. – С. 12.

¹⁴⁶ Ориу М. Указ. соч. – С. 12.

¹⁴⁷ Burdeau G. L'Etat. – P., 1970. – P. 9.

Стоит отметить по этому поводу, что отрицание формальной стороны институционального подхода напрямую противоречит природе большинства политических явлений. Как известно, обязательное свойство публичной политики – нормативность. Оно обеспечивает стабильность отношений, сопровождает построение политической системы, элементом которой считаются институты. Соответственно, институциональный подход, основанный на отнесении тех или иных политических явлений к определённым институтам, всегда сопровождается зависимостью от содержания и построения специальных норм. Он основан на их потенциально возможном или уже сложившемся объединении в определённый вид или группу.

Проанализированные концепции к восприятию институтов и институционального подхода к политическим партиям демонстрируют в определённом виде высокую степень абсолютизации. Общим среди них выступают три основных параметра, напрямую связанных с институциональными тенденциями:

- объект политического воздействия – партийные отношения;
- субъекты отношений, включая государство;
- форма выражения института и институциональных процессов.

Учитывая современный механизм партотгенеза и сложившуюся политическую систему, отрицать значение каждого из указанных элементов невозможно. В то же время акцентирование институционального подхода лишь на одном из них приводит либо к чрезмерному разрастанию количества институтов, либо к их неоправданному сокращению, что на фоне сложившихся и вновь образующихся элементов политической системы выглядит искусственной манипуляцией.

Одновременно с этим следует обратить внимание, что единых стандартов в понимании институтов в политике в настоящее время нет. В свою очередь, это позволяет каждому учёному самостоятельно решать вопрос о критериях институционализации.

Немаловажным при этом остаётся специфика самого политического явления, к которому применяется тот или иной способ исследования. Как отмечалось ранее, далеко не любое политическое явление можно подвергнуть институциональному анализу. Соответственно, в каждом конкретном случае необходимо учитывать не только объективную обусловленность институционализации партийных отношений, но и заинтересованность со стороны определённых субъектов в их оценке через институциональный процесс.

Также следует выделить другую особенность институционального подхода в партийных отношениях, как отсутствие непосредственной зависимости от существования самих институтов. Если какое-то политическое явление не признано институциональным элементом политической системы (незарегистрированные партии, экстремистские политические движения), это не должно означать, что к нему неприменим институциональный подход. Напротив, имея нормативную форму и предмет регулирования, его можно идентифицировать по политико-правовой природе, по источниковой базе, по объёму и методам построения самих отношений.

Таким образом, институциональный подход к политическим партиям заключается, прежде всего, в их квалификации в сложной структуре элементов политической системы, признанной научным сообществом. Также он позволяет выделить и разграничить от смежных категорий отдельные элементы партийных отношений, в частности, их объект, субъектный состав, особенности регулирования и саморегуляции, средства и способы их осуществления и влияния на общество.

1.3. Ограниченная электоральная конкуренция и её влияние на институционализацию российских политических партий

Изучение особенностей ограничений электоральной конкуренции позволяет лучше понять специфику политического режима государства. Ограничения электоральной конкуренции, выраженные в различных политических и правовых институтах, являются неотъемлемой частью любой политической системы. Исключением являются политические системы, в которых электоральная конкуренция находится под прямым запретом государства. В других политических системах степень ограничений, накладываемых государством на электоральную конкуренцию, сильно различается. Положительное значение ограничений электоральной конкуренции заключается в упорядочивании электоральных процессов, регламентации правил борьбы за политическую власть, предотвращении опасных хаотичных процессов столкновения разнонаправленных общественных сил и интересов.

Чрезмерные ограничения электоральной конкуренции несут в себе угрозу узурпации политической власти, уничтожению оппозиции, отсутствию общественного диалога при поиске решений общественных проблем. Накопление общественных противоречий и недопредставленность общественных интересов в политической системе могут привести к дестабилизации, появлению внесистемных партий и движений, радикализации оппозиции. Создание возможностей и условий для институционализации политических партий, наоборот, помогает стабилизации политического процесса, включению всех общественных сил в конструктивный политический диалог.

Для каждой политической системы важнейшим вопросом является создание сбалансированной системы ограничений электоральной конкуренции. С одной стороны, ограничения электоральной конкуренции не должны способствовать узурпации власти и угнетению оппозиции. В обществе должны быть возможности для институционализации новых партий, реализации коллективных политических прав и поддержании необходимого уровня политического плюрализма в обществе. С другой стороны, ограничения электоральной конкуренции должны упорядочить процесс борьбы за власть. Сбалансированные ограничения электоральной конкуренции создают условия для конструктивного общественно-политического диалога, удовлетворению общественных запросов на выражение своих интересов, отсекают от участия в политике радикальных элементов, политизирующих неконструктивные, популистские и опасные для общества политические позиции.

Показателем сбалансированной системы ограниченной электоральной конкуренции является отсутствие масштабных требований со стороны политических акторов или общественных групп по изменению правил регистрации партий, избирательной системы, регулирования межпартийной конкуренции в избирательных кампаниях и т.д. Согласие большинства политических акторов с правилами «политической игры» делает политическую систему более устойчивой. Не существует такого набора правил электоральной конкуренции, которые удовлетворили абсолютно всех

участников политического процесса, однако достижение максимально возможного консенсуса об этих правил является решаемой задачей.

Ограничения электоральной конкуренции задают параметры институционализации политических партий. Любое государство выдвигает институциональные требования к процессу создания политических партий, регламентирует их функционирование, задает правила для межпартийной конкуренции. Возможности институционализации партий напрямую зависят от того, как в политической системе реализован баланс между гарантиями на создание и деятельность партий, с одной стороны, и ограничениями на такую деятельность, с другой.

Основное предназначение политических партий по достижению и осуществлению власти всегда предполагает наличие конкурентной среды. Одна партийная организация соперничает с другой за поддержку избирателей, используя при этом различные способы влияния. Это естественные условия демократических политических систем, построенных на партийном участии в публичной политике¹⁴⁸.

Электоральная конкуренция является разновидностью политической конкуренции¹⁴⁹. Она характеризуется общими признаками, как то: наличие политического взаимодействия¹⁵⁰, столкновение политических интересов¹⁵¹, конфликтность¹⁵², нацеленность на власть (ресурсы власти)¹⁵³, политическая состязательность¹⁵⁴. Последний аспект наиболее показателен при исследовании партийных систем.

Существование в рамках одной системы нескольких партий неизбежно приводит к политической конкуренции по различным вопросам, в том числе по работе с электоратом. Если избирательный процесс служит основным способом легитимации власти, равно как и партийное участие в нём, то соперничество между организациями, которые получили возможность контактировать с избирателями, должна строиться на принципах электоральной конкуренции¹⁵⁵. Однако состав таких принципов у учёных различается в зависимости от исследуемых партийных систем.

¹⁴⁸ Карпович О.Г. Демократические институты и их роль в системе государственного управления // Политика и общество. 2015. № 3 (123). С. 387-394; Замотаев Д.Ю. Эволюция развития и формирования общественных движений и организаций в системе современного демократического общества // Вестник международных научных конференций. 2015. № 4 (8). С. 11-15; Наматбекова Н.М. Политические партии в демократической системе // Современные гуманитарные исследования. 2006. № 2 (9). С. 361-364.

¹⁴⁹ Долгих Ф.И. Политическая конкуренция в России и политические партии // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 2. С. 9-14.

¹⁵⁰ Кошель Д.И. Политическая конкуренция в современной России: аспекты политико-правовой регуляции. Дисс. ... канд. пол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. С. 38.

¹⁵¹ Парк Р. Конкуренция // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. / Пер. ... Сост. и общ. ред. С.П. Банковской. Ч.1. М., 2002. С. 392-394.

¹⁵² Рубин А.Л. Конкуренция как политический феномен // Ars Administrandi. Искусство управления. 2010. № 3. С. 5-10; Рылкина А.П. Конкуренция и конфликт: их статус в политической культуре современного российского общества // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2010. № 19 (90). С. 224-230.

¹⁵³ Емельянова Л.А. Исторические и социально-политические основы конкуренции // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 5. С. 252-261.

¹⁵⁴ Обухов Д.В. Политическая конкуренция и политический рынок в пространстве социальной реальности // Теория и практика общественного развития. 2011. № 4. С. 38-40.

¹⁵⁵ Шапиро И. Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики // Полис. Политические исследования. 2001. № 5. С. 54-64; Трегубов Н.А. Конкуренция на выборах и мотивы голосования: дискурс и практика // Дискурсология: методология, теория, практика. 2016. № 10. С. 328-352; Чередов И.Г. Сравнение динамики партийных систем Великобритании, Германии и Франции по методу распределения Нагайамы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2009. Т. 5. № 3. С. 182-191.

Например, многие выделяют обязательность соблюдения политического плюрализма как ключевого принципа электоральной конкуренции¹⁵⁶. Ряд исследователей отмечают, что партиям необходимы условия, при которых наблюдается разумное соотношение законных способов борьбы за власть и за избирателя¹⁵⁷.

Некоторые авторы акцентируют внимание на принцип партийного равенства как главного критерия, определяющего тип электоральной конкуренции в избирательной системе¹⁵⁸. За ним неизбежно требование о надлежащем гражданском контроле над избирательным процессом¹⁵⁹, что сопряжено с необходимостью формирования прочной институциональной основы¹⁶⁰.

Однако в любой из существующих избирательных систем можно выявить дефекты в реализации указанных принципов. Так, в двухпартийных системах, тем не менее, существует множество политических партий (в США – порядка 38 федеральных партийных организаций, в Великобритании – 20, в Испании – 23 парламентских партии по итогам выборов 2015 г.). Тем не менее, двухпартийные системы демонстрируют признаки ограниченной электоральной конкуренции в части реализации обозначенных принципов, когда значение имеют лишь отдельные партийные силы, десятилетиями борющиеся за власть. Отсюда следует, что ограничение политической конкуренции строится не на определённых принципах, раз и навсегда заданных для всех государств. В каждой партийной системе имеются специфические основания, способствующие развитию ограниченной электоральной конкуренции.

¹⁵⁶ Дудников Е.В. Политический плюрализм и становление многопартийности в Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Воронежский государственный университет. Воронеж, 2011. 230 с.; Старостенко К.В. Политический плюрализм и политическое многообразие: некоторые проблемы политической теории // Социум и власть. 2010. № 1 (25). С. 34-38; Яблук Н.Г. Политический плюрализм в дискурсе американской политической науки // США и Канада: экономика, политика, культура, 2009. № 1 (469). С. 47-69.

¹⁵⁷ Кинзерская И.Л. Влияние электоральных институтов и практик на развитие политической конкуренции в России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Санкт-Петербург, 2009. С. 71. 192 с.; Исимбекова З.А. Технологии электоральной конкуренции политических партий на парламентских выборах в современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Саратов, 2013. С. 48. 212 с.

¹⁵⁸ Абакуменко С.Е. Реализация конституционного принципа равенства политических партий в условиях становления пропорциональной избирательной системы в России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 2010. 169 с.; Комкова Г.Н. Права большинства и принцип равенства политических партий: проблемы реализации // В сборнике: Выборы в конституционной системе власти Материалы IX Международного Конституционного Форума. 2018. С. 74-78; Волкова М.А. Цели и принципы деятельности политических партий в контексте участия граждан в управлении делами государства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14. № 2-1. С. 344-348.

¹⁵⁹ Борисов И.Б. Общественный контроль на выборах как фактор легитимности власти // Юридический мир. 2012. № 9. С. 58-61; Босова Е.Н. Контроль на выборах: политико-правовой аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2019. Т. 19. № 1. С. 102-105.

¹⁶⁰ Халитова А.Х. Выборы как институт политической демократии в трансформирующемся российском обществе (федеральный и региональный аспекты). Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / М., 2004. С. 117. 405 с.; Макаренко Б.И. Выборы: функции и влияние на политические институты // Политическая наука. 2019. № 1. С. 13-32; Михалева Г.М. Изменение институтов выборов и партий в трансформационном контексте // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2018. № 3. С. 213-217.

Для целостного понимания этого явления необходимо обратиться к теоретическим истокам, на базе которых строится классификация современных электоральных систем. Если руководствоваться экономическими подходами к пониманию и типологии конкуренции, то исследователи рассматривают политическую конкуренцию как функциональную¹⁶¹. В свою очередь, электоральная конкуренция является видовой, поскольку различные предложения, адресованные избирателям, служат одной цели¹⁶². Таковой выступает достижение власти и реализация с её помощью социального представительства, т.е. консолидированных интересов.

Однако электоральная конкуренция может возникать далеко не только между политическими партиями. Это зависит от особенностей национальной избирательной системы, от влияния партийных структур на власть и на электорат. Тем самым в качестве участников, между которыми возникает электоральная конкуренция, могут выступать как отдельные лица, так и группы (малые и большие), в том числе избирательные блоки и союзы.

В силу такого широкого понимания термина «электоральная конкуренция» соперничество между партиями на выборах традиционно рассматривают в плоскости предметной (или межпартийной) конкуренции¹⁶³. Как и в экономическом, так и в политическом плане подобная разновидность конкуренции позволяет установить, кто является субъектом электорального процесса, каковы его предпочтения и ресурсы, способствующие получению голосов избирателей.

Однако на базе такого подхода актуализируется другая классификация электоральной конкуренции в зависимости от её структуры. В силу этого на политическом рынке могут возникать: чистая (совершенная) электоральная конкуренция, монополистическая и олигополистическая формы конкуренции¹⁶⁴.

Кроме того, учёные проводят параллельную градацию электоральной конкуренции между политическими партиями, разделяя её на совершенную, ограниченную и монополистическую¹⁶⁵. Критерии для отнесения той или иной избирательной системы к указанным видам выражаются в целом комплексе условий. Прежде всего, это количество политических

¹⁶¹ Пилигина В.А. Демократические ценности и традиции политической конкуренции в аспекте проблем политического участия // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2016. № 1 (3). С. 41-48.

¹⁶² Жедь Б.А. Политическая конкуренция и проблема социальной стабильности: соотношение концептов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2013. Т. 13. № 2. С. 68-72.

¹⁶³ Куценко А.Г. Межпартийная политическая конкуренция (российский и международный опыт). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Московский государственный институт международных отношений (университет). М., 2004. 165 с.; Медведева В.К. Политическая конкуренция и избирательный процесс // Вопросы политологии. 2012. № 2 (6). С. 44-49.

¹⁶⁴ См.: Гончаров Л.А. Современная межпартийная конкуренция в политической практике России и Германии / Л.А. Гончаров. – Воронеж: Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2008. – С. 51. 137 с.

¹⁶⁵ Сосина Ю.В. Теоретико-игровые модели политической конкуренции. Диссертация на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук. – М., 2006. – С. 67. 120 с.; Никифорова И. Феномен политической конкуренции в системе научных категорий // Wschodnioeuropejskie Zsopisismo Naukowe. 2016. Т. 13. № 3. С. 63-69; Петрищев М.В. Английская классическая политическая экономия и К. Маркс о рыночной конкуренции // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2012. № 13. С. 165-174.

партий, способных провести собственную избирательную кампанию¹⁶⁶, их независимость (как друг от друга, так и от власти)¹⁶⁷, наличие своего электората¹⁶⁸, прозрачные и действующие правила организации выборов¹⁶⁹. Также в более узком диапазоне специалисты оценивают способ, с помощью которого полученные на выборах голоса трансформируются в депутатские мандаты¹⁷⁰. Не меньшее значение приобрели т.н. «пороги представительства» и структура бюллетеня¹⁷¹.

Кроме того, оценка партийных и избирательных систем в плоскости ограниченной электоральной конкуренции проводится по таким признакам, как возможность использования различных политических технологий, доступность средств массовой информации для всех или для определённых партий, свобода политической агитации, зависимость партийных организаций от бюрократических процедур, позволяющих приобрести право на участие в выборах. Все перечисленные условия в своей совокупности показывают особенности избирательного процесса, через который партии могут выполнить большинство своих функций. Если такие возможности ограничены или распределены неравномерно между политическими игроками, то используется термин «ограниченная электоральная конкуренция»¹⁷².

Проецируя рассматриваемое понятие на российскую политическую систему, исследователи констатируют наличие как общих, так и специальных признаков ограниченной электоральной конкуренции. Так, к первой группе относятся явления и процессы, характерные для любой системы с т.н. «контролируемой демократией». К их числу традиционно относят¹⁷³:

- значительное влияние (вмешательство) органов исполнительной власти в электоральные процессы;
- зависимость от бюрократических структур институтов, отвечающих за организацию и проведение выборов;

¹⁶⁶ Мархинин (мл.) В.В. Среда политической конкуренции: состояние и перспективы партийной системы в современной России (региональные аспекты) // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 2. № 3. С. 345-355.

¹⁶⁷ Любарев А.Е., Шпагин С.А. Партийная реформа и динамика межпартийной конкуренции на региональных выборах 2012-2018 гг. // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2018. № 4. С. 189-207.

¹⁶⁸ Исимбекова З.А. Эффективность условий и факторов формирования партийных технологий электоральной конкуренции // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2012. № 4 (33). С. 42-48.

¹⁶⁹ Кинзерская И.Л. Эволюция партийной конкуренции в России (1990-2009) // Политический анализ. 2009. № 9. С. 51-65.

¹⁷⁰ Володина С.В. Параметры избирательной системы как объект реформирования: технологии влияния // Полис. Политические исследования. 2014. № 5. С. 108-117.

¹⁷¹ Куценко К.Е. Базовые подходы к анализу факторов формирования партийных систем // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2008. Т. 4. № 3. С. 115-126.

¹⁷² Пасхина И.С., Телин К.О. «Партия ноль»: российские выборы через призму эффективного числа партий // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 43-53; Евстифеев Р.В. Элиминативные стратегии в системе электоральной конкуренции современной России // Выборы: теория и практика. 2014. № 2 (30). С. 24-28; Казбекова М.А. Электоральная конкуренция партий власти с партиями оппозиции в России и Казахстане (сравнительный анализ) // Социология власти. 2009. № 5. С. 179-187.

¹⁷³ Мурашова Е.Е. Политический центр в партийных системах разного типа // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2010. № 1. С. 77-89; Дюгурова А.И. Теоретический инструментальный анализ партийных систем // Система ценностей современного общества. 2009. № 8. С. 33-38; Исаев Б.А. Характеристики партийных систем и вычисление некоторых показателей партиом // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2016. Т. 12. № 1. С. 29-51.

- чрезмерная зависимость политических партий от регистрационных процедур, в том числе для получения права на участие в определённых выборах;

- неопределённый объём административного контроля над партийной деятельностью, в том числе в области имущества и финансов, необходимых для реализации электоральных функций;

- ограниченная возможность партий оспаривать решения власти, в том числе по вопросам собственной деятельности.

Специальные признаки ограниченной электоральной конкуренции демонстрируют особенности, свойственные определённой избирательной системе, сложившейся в стране. Тем самым они формируют уникальный облик электоральных процессов, происходящих в каждом отдельно взятом государстве. В этом плане Российская Федерация представляет собой богатый эмпирический пласт, характеризующий электоральную конкуренцию по ограниченному типу.

Примечательно, что определённые признаки такой системы возникали и исчезали в разные временные периоды. Это выражается в частом и порой в кардинальном изменении институциональных условий участия партий в выборах.

В частности, при отсутствии консолидированного закона, регламентирующего партийную деятельность, в Российской Федерации постсоветского периода значение в электоральной конкуренции приобрели избирательные блоки и союзы, а не политические партии. Право на участие в выборах принадлежало широкому спектру общественных объединений, среди которых партии имели хоть и значительное влияние на избирателей, но не обладали монополией. Тем не менее, указанная особенность привела в конце 1990-х гг. к фактической двухпартийной системе, в которой две организации – «Единство» и «Отечество – вся Россия» – пытались взять на себя лидирующие функции. Однако такое положение вовсе не означало, что отсутствовало влияние на избирателей других партийных сил. Наиболее наглядно это можно было наблюдать в региональных парламентах.

Напротив, при появлении специального закона, направленного на упорядочение партийной системы в России, круг участников избирательных отношений стал резко сокращаться. Во многом такое снижение конкуренции было вызвано искусственными ограничениями, среди которых и запрет на существование региональных партий, и высокие требования к численности партийных членов, и обязанность иметь большое количество региональных партийных отделений. Целые категории субъектов, принимавших ранее участие в избирательных процессах, вовсе исчезли с политической арены либо были вынуждены «раствориться» в корпоративных партийных структурах.

Проиллюстрированные примеры показывают, что вне зависимости от институциональных рамок электоральная конкуренция в Российской Федерации может приобретать черты ограниченного типа по совершенно другим причинам. Рассмотрим их более подробно.

Первичное ограничение возможностей по участию в выборах происходит при обращении к сущности категории «политическая партия». В российской институциональной среде данное понятие всегда имело

неоднозначный характер. Так, несмотря на признаки общественного объединения, партии понимались и в качестве специальных субъектов избирательного процесса, и как равноправные структуры на фоне других избирательных блоков и союзов. Поэтому введение обязательной государственной регистрации для организаций, претендующих на статус политической партии, служит ключевым ограничением предполагаемой электро-альной конкуренции.

Данный тезис подтверждается рядом скандальных дел, связанных с отказом в регистрации партий, выражающих резко оппозиционную риторику. Например, отказ в регистрации Партии Народной Свободы в 2011 г. был основан на целом комплексе оснований, большинство из которых сводились к необходимости «продублировать» в партийном уставе положения Федерального закона № 95-ФЗ. В частности, партия была обязана установить ротацию руководителей собственных коллегиальных руководящих органов¹⁷⁴. Кроме того, т.н. «исполнительный директор» Партии Народной Свободы определялся федеральным политическим советом, а не партийным съездом. Тем самым внутрипартийные вопросы, в которые обычно не должно вмешиваться государство, были и остаются поводом к непризнанию отдельных общественных объединений в качестве политической партии¹⁷⁵.

Другой пример рассматриваемого вмешательства – отказ в регистрации Пиратской партии России. Основанием для этого послужила неопределённость в избрании и в полномочиях председателей региональных контрольно-ревизионных комиссий¹⁷⁶. Данные вопросы, по мнению Министерства юстиции РФ, также должны быть отражены во внутрипартийных документах, в том числе в уставе политической партии.

Впрочем, наличие регистрации вовсе не означает, что политическая партия сможет составить электоральную конкуренцию. В силу изменений, произошедших в партийной системе Российской Федерации за 2012–2014 гг., количество зарегистрированных партий значительно увеличилось (до 77 в 2014 г., до 61–63 партии – в 2019 г.).

Одновременно с этим ужесточились условия допуска партийных организаций до выборов – как федеральных, так и региональных. Среди существенных ограничений следует выделить:

- необходимость прохождения т.н. «муниципального фильтра», выражающегося в обязанности большинства партий, претендующих на регистрацию избирательными комиссиями субъектов федерации, собирать

¹⁷⁴ Уведомление Министерства юстиции Российской Федерации об отказе в государственной регистрации политической партии «Партия народной свободы «За Россию без произвола и коррупции» при ее создании от 21 июня 2011 г. N 15-40062 [Электронный ресурс]. URL: http://www.svobodanaroda.org/about/docs/refusal_to_register.php. (дата обращения: 23.06.2019).

¹⁷⁵ Постановление ЕСПЧ от 12.04.2011 «Дело «Республиканская партия России (Republican party of Russia) против Российской Федерации» (жалоба N 12976/07). По делу заявитель жалуется на отказ российских властей внести изменения в ЕГРЮЛ, а также на ликвидацию партии Верховным Судом РФ по причине несоблюдения ею требований о минимальной численности и минимальном количестве региональных представительств. По делу допущено нарушение требований ст. 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Бюллетень Европейского Суда по правам человека, 2011, N 12.

¹⁷⁶ Уведомление Министерства юстиции Российской Федерации об отказе в государственной регистрации политической партии при создании от 29 декабря 2012 г. N 15-107164/12 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pirate-party.ru>. (дата обращения: 23.06.2019).

подписи муниципальных депутатов и избранных глав муниципальных образований (от 5 до 10% с распределением голосов по территориям и обязательным нотариальным заверением);

- сбор подписей избирателей в поддержку выдвижения партии на выборы, при этом наблюдается чрезмерная зарегулированность данной процедуры со стороны органов, отвечающих за организацию избирательного процесса (определён даже цвет пасты для авторучек, при помощи которых заполняются подписные листы, введены запреты на использование сокращений мест проживания избирателей и т.п.);

- сложные и противоречивые правила агитации с сокращёнными сроками, приходящимися преимущественно на период, когда избиратели отсутствуют в месте постоянного жительства (летние месяцы, начало осени);

- ограничительные требования к открытию и использованию банковских счетов, необходимых для финансирования партийных действий на выборах;

- усечённая возможность оспаривания партиями отказов в регистрации на выборах, при этом осложнённая короткими сроками и неустоявшейся доказательственной базой, которую суды могут признать в качестве основания для удовлетворения партийных жалоб;

- введение т.н. «федеральной квалификации» для партий, представленных в Государственной Думе Российской Федерации либо в региональных законодательных собраниях. Тем самым «парламентские партии» получили преференцию в виде отсутствия обязанности по сбору подписей избирателей.

Таким образом, в силу действующих институциональных ограничений в 2016 г. из 75 зарегистрированных в Российской Федерации политических партий, обладавших правом на участие в парламентских выборах, изъявили желание лишь 25. Вместе с тем только 4 партийных организации были допущены ЦИК РФ к сбору подписей избирателей, но не справились с этой задачей, получив отказ в регистрации на данных выборах.

Получается, что ограниченная электоральная конкуренция строится не на нарушении принципов, обозначенных в Конституции и в отраслевом законодательстве. В российских условиях она приобретает исключительно административно-бюрократический оттенок, предопределяющий возможность органов, отвечающих за организацию избирательного процесса, создавать и применять правила, препятствующие партиям становиться участниками конкурентной политической среды.

Однако указанные выше средства ограничения партийной активности на различных видах выборов являются лишь следствием, а не причиной устоявшегося типа электоральной конкуренции. Факторы, детерминирующие такое состояние политической системы, во многом схожи с обоснование ограниченной конкуренции в экономике.

Традиционно в экономической теории причины ограничения конкурентной среды сводятся к двум группам¹⁷⁷:

- 1) факторы, вызванные публично-правовыми образованиями (государством, муниципальным образованием);

¹⁷⁷ Жигун Л.А. Методологические основы регулирования конкуренции в промышленности. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. – Владивосток, 2004. – С. 82, 423 с.; Гордеев В.А. Конкуренция и её развитие: политэкономический аспект. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. – Иваново, 2007. – С. 111, 298 с.; Ведин Н.В. Дialeктика сотрудничества и конкуренции в хозяйственной эволюции общества. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. – Казань, 2007. – 286 с.

2) факторы, спровоцированные непосредственными участниками рынка (компаниями, предпринимателями, деловыми ассоциациями).

Аналогичным образом строится механизм ограничения электоральной конкуренции в политической системе, но с определённой спецификой. В частности, в отличие от экономических отношений, государство и участники электоральных процессов могут срачиваться, представляя собой, в сущности, единого субъекта. Таковым в современной российской политической системе является доминирующая партия, которая обладает не только большинством депутатских мандатов в федеральном и в региональных парламентах, но и осуществляет кадровый контроль за органами, олицетворяющими другие ветви власти.

В этой связи мнения исследователей расходятся. Одни полагают, что подобная связь между т.н. «партией власти» и государственными институтами не имеет очевидного характера¹⁷⁸. Например, обратный эффект в виде административного контроля за партийной политикой отмечают И.И. Назаров и В.А. Горохов¹⁷⁹. Паритетный характер подобной взаимосвязи оценивают Э.А. Кочкарова и К.Ф. Мальцева¹⁸⁰. Представители теории элит вовсе не акцентируют внимания на партийно-политическую форму, сводя рассматриваемые отношения к межличностным властным особенностям¹⁸¹.

В институциональном значении факт первостепенности – партии или кадров – не имеет принципиального значения. Как со стороны законодательного органа, так и в плоскости деятельности специальных органов исполнительной власти партийные организации подвергаются одинаковому ограничительному воздействию. Принимая очередные поправки в действующее законодательство, Федеральное Собрание РФ продолжает наделять Министерство юстиции РФ широкими полномочиями по трактовке условий существования политических партий. Это выражается в целом комплексе подзаконного (преимущественно ведомственного) нормотворчества, направленного на установление дополнительных ограничений в регистрации партийных структур, а также в их допуске к избирательному процессу.

¹⁷⁸ Носкова Е.Ю. От «партии власти» к «партии большинства»: этапы эволюции «партии власти» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 11. С. 342-346; Саква Р. Партия и власть в современной России: между представительством и мобилизацией // Политическая наука. 2015. № 1. С. 60-72; Макаренко И.Л. Участие политических партий в формировании органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: особенности современного конституционно-правового регулирования // Международный журнал конституционного и государственного права. 2018. № 4. С. 102-106.

¹⁷⁹ Назаров И.И. «Партия власти»: системный анализ представительства в государственных органах власти // Рго нупс. Современные политические процессы. 2014. № 1 (13). С. 24-38; Горохов В.А. Доминирующая партия и отношения «принципал – агент» между центральной властью и главами исполнительной власти субъектов РФ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2011. Т. 7. № 1. С. 126-135.

¹⁸⁰ Кочкарова Э.А. Некоторые вопросы взаимодействия органов государственной власти и политических партий // Modern Science. 2019. № 4-1. С. 201-206; Мальцева К.Ф. Партия власти в России: специфика идеологического оформления // Общественные науки. 2011. № 6. С. 241-249.

¹⁸¹ Хованская Е.В. Политическая партия – власть – элита // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. № 4. С. 270-272; Усова Ю.В. Политические элиты современной России в контексте позиционирования политических партий // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. С. 95; Гильманов В.В. Методы исследования современных российских партий как механизмов электорального рекрутирования правящих элит и лидеров // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 2А. С. 172-182.

Подобная монополизация политической системы имеет естественный характер¹⁸². Любая доминирующая корпорация будет стремиться к устранению конкурентов. Примечательно, что в экономической теории признаётся факт заинтересованности к ограничению конкуренции со стороны т.н. «компаний-аутсайдеров»¹⁸³.

В политической плоскости наблюдается схожая картина, когда партии, обладающие парламентскими местами, легитимируют властные решения, направленные на ограничение электоральной конкуренции. Примером этому может служить голосование в Государственной Думе РФ за законопроект по введению т.н. «муниципального фильтра» на региональных и местных выборах. Помимо фракции «Единая Россия», данный документ поддержали и депутаты от КПрФ (против выступили депутаты от фракции ЛДПР и от партии «Справедливая Россия»)¹⁸⁴.

Суть указанного ограничения сводится к обязанности кандидатов (в том числе партий), претендующих на участие в региональных и местных выборах, собрать подписи депутатов муниципальных представительных органов и избранных глав муниципальных образований в количестве от 5 до 10%. Точную цифру устанавливает субъект Российской Федерации в своём избирательном законодательстве. Учитывая тот факт, что большинство мест в муниципальных представительных органах принадлежит депутатам от партии «Единая Россия», возникает противоречивое правило: доминирующая партия определённым образом даёт согласие на участие в выборах своим конкурентам¹⁸⁵.

Подобный шаг был вызван либерализацией партийной системы за счёт снижения в 2012 г. регистрационных требований (по количеству региональных отделений, по численности партийных членов и т.п.). Вследствие этого зарегистрированных партий в Российской Федерации стало больше, что подразумевало усиление их конкуренции на выборах. Однако практически одновременное ужесточение избирательного законодательства как на федеральном, так и на региональном уровне повлекло фактическую невозможность реализации партийных прав и свобод. Примечательно, что пострадавшими от данной политической технологии стали кандидаты от КПрФ, голосовавшей за введение «муниципального фильтра»¹⁸⁶.

Таким образом, ограничение электоральной конкуренции происходит как в интересах правящей партии, так и с согласия конкурирующих парламентских партий, вынужденных идти по коалиционному пути в целях достижения общих политических целей.

¹⁸² Никитина Н.Н. Дialeктика конкуренции и монополии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – Уфа, 2005. – 190 с.; Королькова Е.И. Естественная монополия: регулирования и конкуренция // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2001. Т. 5. № 1. С. 83-112; Долгова И.В., Швейко Н.В. Монополия и конкуренция // Финансы и кредит. 2001. № 3 (75). С. 44-59.

¹⁸³ Васильев Е.П., Воробьев И.Н. Совершенная конкуренция и монополия: теоретические пределы // Современная конкуренция. 2008. № 2 (8). С. 130-135; Пармененков К.Н. Эволюция теоретических представлений о взаимодействии монополии и конкуренции // Экономика. Налоги. Право. 2011. № 3. С. 64-73.

¹⁸⁴ «КПрФ ополчилась на муниципальный фильтр» [Электронный ресурс]: http://www.ng.ru/politics/2019-03-18/3_7533_kprf.html Доступ – свободный (дата обращения: 06.07.2019).

¹⁸⁵ «Муниципальный фильтр преодолели меньше половины» [Электронный ресурс]: <http://journalufa.com/12441-municipalnyy-filtr-preodoleli-menshe-pолоviny.html> Доступ – свободный (дата обращения: 06.07.2019).

¹⁸⁶ «КПрФ помогут пройти муниципальный фильтр на президентских выборах в Республике Татарстан» [Электронный ресурс]: <https://www.business-gazeta.ru/article/135216> Доступ свободный (дата обращения: 06.07.2019).

Если представлять выборы как одну из форм политического рынка, то его ключевые игроки, подобно экономическим акторам, стремятся закрепить собственное положение и установить дополнительные барьеры для «входа» других конкурентов. При этом подобная технология выражается как в институциональных условиях, так и в политических установках, направленных на низовой уровень (т.е. муниципальным образованиям).

Желание стабилизировать политическую обстановку в стране сродни желанию экономических доминант упорядочить уровень цен на рынке определённого товара или услуги. В условиях ограниченной конкуренции электорату предлагаются лишь те политические партии, чьи программы при прочих равных условиях могут уступать другим политическим предложениям. Тем самым избиратель вынужден приобретать тот «политический товар», который имеется в наличии, либо отказываться от участия в его приобретении (в виде снижения явки на выборах).

Вместе с тем, если следовать постулатам экономической теории, в ситуации ограниченной конкуренции могут быть заинтересованы все участники¹⁸⁷. Эта специфика возникает в условиях «рецессии», влекущей снижение спроса на товар (услугу)¹⁸⁸. При сохранении производственных мощностей на прежнем уровне неизбежна ситуация, когда участники рынка начинают согласованные действия в пользу необходимости «замораживания» цен. Именно такая мотивация движет политическими партиями, соглашающимися с появлением новых ограничений в электоральном процессе. Однако лишь сравнительно небольшая доля из них, не участвуя в законотворческой деятельности, вынуждены следовать тем институциональным рамкам, которые устанавливают крупные игроки политического рынка.

Это объясняет статистику ЦИК РФ о непропорциональном соотношении количества партий, имеющих право принимать участие в федеральных и региональных выборах, с партиями, которые получают регистрацию на таких выборах. Даже в плоскости тех, кто желает стать игроком в избирательном процессе, оказывается довольно малое число партийных организаций, которые подают заявление в ЦИК РФ или в центральные избирательные комиссии субъектов РФ (25 из 75 в 2016 г. на федеральных парламентских выборах, 12 из 61 в 2019 г. на парламентских выборах в Республике Татарстан).

Вместе с тем ограничения к доступу на выборы существуют во всех политических системах мира, выражаясь в целой совокупности избирательных цензов. Так, внесение залога в отдельных странах расценивается как вторичный инструмент ограничения электоральной конкуренции, препятствующий попаданию случайных фигур в «большую политику». Однако в западных демократиях он приобрёл символическое значение, не выполняя фактически свою изначальную функцию.

¹⁸⁷ Васильева З.А. Формирование факторов экономического роста хозяйственных систем на основе механизмов конкуренции и сотрудничества. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. – Красноярск, 2006. – 454 с.; Карибов А.П. Постиндустриальные перспективы развития конкуренции и монополии // Власть. 2012. № 8. С. 76-79.

¹⁸⁸ Петров М.А. Стратегия развития конкуренции в банковском секторе экономики. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. – Саратов, 2006. – 418 с.; Бородин К.Г. Современные агропродовольственные рынки: конкуренция, интеграция, регулирование. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. – М., 2005. – 345 с.

Например, во Франции размер избирательного залога, вносимого кандидатами в президенты, составляет всего лишь 2 000 евро. Данная сумма не является обременительной для большинства граждан. Однако необходимость сбора подписей сохранена: от 5 000 граждан, занимающих различные должности в органах государственного управления и представляющих в общей сумме не менее 30 территориальных департаментов.

Предвыборные процедуры в парламентской плоскости приобрели во Франции очевидным образом символическое значение. Так, избирательный залог для участия в выборах в Национальное Собрание выражается в 200 евро. При выдвижении кандидата на сенаторский пост залог составляет 400 евро.

Не препятствуют участию в выборах барьеры, установленные в избирательной системе Нидерландов. В частности, там практикуется аналогичная система, совмещающая необходимость внесения политическими партиями определённой залоговой суммы и одновременного сбора подписей. Размер избирательного залога составляет 12 400 евро, после оплаты которых партии должны собрать подписи 30 избирателей в каждом из 20 избирательных округов. Примечательно, что условием возврата указанной денежной суммы служит результат выборов, равный хотя бы 45 000 голосов. Указанные ограничения электоральной конкуренции не помешали в 2017 г. попаданию в избирательный бюллетень 28 политическим партиям, каждая из которых выдвигала примерно по 30 кандидатов.

Более ощутимые в экономическом плане черты сдерживания носит институт избирательного залога в украинской политической системе. В частности, для регистрации партии на парламентских выборах требуется внесение на бюджетный счёт суммы, эквивалентной 2 000 минимальных зарплат. Для сравнения при регистрации кандидатов, идущих на выборы в украинский парламент по мажоритарной системе, требуется оплатить лишь 12 минимальных заработных плат. Однако при выдвижении партийных кандидатов на президентские выборы законодательство Украины установило условие об оплате не менее 2,5 млн. гривен, что эквивалентно 100 тыс. американских долларов.

Тем не менее, внесение даже больших сумм избирательного залога не является ощутимым сдерживающим фактором при участии политических партий на выборах. К тому же, данная процедура не может быть бюрократизирована в том виде, в каком она представлена при сборе подписей (как самих избирателей, так и должностных лиц в системе государственного и муниципального управления).

Вместе с тем в украинской политической системе отсутствует запрет на «продажу» партий, чем нередко пользуются отдельные кандидаты, не сумевшие зарегистрировать собственную партийную организацию. Примечательно, что и в Российской Федерации в институциональной плане не прослеживается запретительных условий для приобретения политической партии как юридического лица. Но в избирательной практике последнего десятилетия случаи купли-продажи таких организаций встречаются крайне редко. Пик распространения сделок по приобретению партий пришёл на вторую половину 1990-х гг., несмотря на довольно условные требования к регистрации подобных общественных объединений.

Отчасти, это вызвано теми обстоятельствами, что наличие партийного статуса не гарантирует попадание в российскую избирательную систему. Усложнённый порядок регистрации партий распространяется на аналогичные процедуры, применяемые на различных видах выборов. Тем самым большинство существующих в Российской Федерации партийных

организаций фактически не имеют доступа к избирательному процессу, что вынуждает их находиться в «спящем» состоянии. Последнее, как правило, завершается ликвидацией партии либо на добровольной основе, либо по иску регистрирующего органа (Министерства юстиции).

В то же время отсутствие избирательного залога в таких системах, как ФРГ, не означает, что политическая партия автоматически признаётся участником избирательного процесса. Немецкие партийные организации должны пройти процедуру «аутентификации» в Федеральной комиссии по выборам, которая проверяет, являются ли данные юридические лица политическими партиями в соответствии с германским законодательством.

Кроме того, после такой верификации партийного статуса в ФРГ перед парламентскими выборами требуется собрать подписи избирателей в каждом избирательном округе: не менее 200 подписей на общенациональных выборах и 0,1% от электората (но не более 2 000 подписей) на региональных выборах.

Несмотря на прочные политические традиции, потребность в бюрократизации немецкого избирательного процесса с каждым годом возрастает. Это выражается в некоторых случаях в недопуске партийных кандидатов к избирательному процессу в федеральных землях. Например, в июле 2019 г. на выборах в лантаг Саксонии было отказано в регистрации 43 кандидатам, выдвинутым в рамках партийного списка «Альтернативой для Германии». Основанием для такого решения, оспариваемого впоследствии в Конституционном Суде, стала разница в председателях и процедурах по выдвижению кандидатур на двух партийных конференциях.

Таким образом, институциональные рамки, сложившиеся в Российской Федерации применительно к реализации партиями своих возможностей на участие в выборах, носят политико-административный характер. Они определяют диспропорцию в партийной системе, в которой существует большое количество партий, не обладающих ресурсами для выполнения ключевых функций. Зависимость их участия в выборах от органов исполнительной власти (например, при проверке подлинности подписей избирателей со стороны органов внутренних дел) нарушает принцип разделения властей и вносит дисгармонию в механизм «сдержек и противовесов».

Поддержание ограниченной электоральной конкуренции, по существу, выступает одним из направлений современной государственной политики. В каждой политической системе складывается собственный комплекс требований к участникам, включая партии, при их попытках стать актором определённых отношений. Вместе с тем в одних партийных системах эту функцию выполняет само государство (Российская Федерация, Индия, Бразилия), а в других она делегируется непосредственным субъектам политической системы (партии в США, Великобритании, избиратели и избирательные объединения в ФРГ).

В институциональной плоскости значение в ограничении электоральной конкуренции приобретают не только нормы, но и практика их толкования и применения к партийным организациям. Выполнение предвыборных условий в одних избирательных системах позволяет большому количеству партий участвовать в борьбе за голоса избирателей, а в других приобретает ярко выраженный бюрократический характер, когда решение о регистрации кандидатов принимается не гражданами, поддерживающими ту или иную политическую силу, а органами исполнительной власти (или органами со смежным статусом).

ГЛАВА II. ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИИ

2.1. Генезис политических партий в Российской Империи и СССР

Институционализация первых российских партий, несомненно, осуществлялась при сильном воздействии государства. Можно констатировать, что партии зародились «сверху». При этом политические традиции строились на недостатке политико-правового опыта. Если в начале прошлого века данная тенденция была полностью связана с отсутствием нормативных рамок, то в постсоветское время возобновление этой традиции произошло под эгидой возрождения такой политической ценности, как многопартийность. само по себе государственное регулирование партийной деятельности в России сопряжено с ограничением соответствующих политических прав и свобод. Требования к партиям увеличивались и уменьшались в результате не только общественных настроений, но и под курсом монополизации всей политической системы со стороны государства. Попытки либерализации партийной системы сменялись ограничениями в плоскости электоральной конкуренции.

Развитие партийных отношений в России происходило со схожими тенденциями, которые наблюдались на протяжении XIX в. в Европе. Однако данный процесс неизбежно сопровождался своими национальными особенностями по ключевым институциональным параметрам: по субъектам, по нормам, по вектору государственной политики и по проблемам ограничения электоральной активности.

В этой связи среди исследователей институционального оформления партий сложились различные подходы к восприятию их участия в политической системе, что в своей совокупности дало противоречивый исторический образ партийных организаций в отечественной историко-политологической науке.

Вопрос о начальном этапе институционализации российских политических партий сопровождается полемикой учёных относительно критериев, по которым то или иное общественное объединение могло претендовать на статус партийной организации. Из многочисленных точек зрения на данную проблему можно выделить две концепции, которые устоялись в современной науке.

Согласно первой под партиями необходимо понимать любые организованные политические группы, существовавшие в России на протяжении XVI-XIX вв. вне зависимости от их признания со стороны государства¹⁸⁹. Собственно, их институционального оформления вообще не могло быть, поскольку деятельность подобных объединений имела неформальный характер, а в условиях отсутствия в стране парламента не наблюдалось какого бы то ни было механизма регулирования данных протопартийных организаций, кроме как на территориально-феодальном уровне¹⁹⁰.

¹⁸⁹ Исаев Б.А. Партология. Т. 1. История партий. – СПб.: Балтийский гос. технический ун-т. 2007. С. 8. 251 с.

¹⁹⁰ Севостьянов Д.В. История политических партий // Социогуманитарный вестник. 2011. № 1. С. 83

Вместе с тем сторонники данного подхода полагают, что институционализация отношений в таких политических группах происходила в горизонтальном ключе, т.е. при помощи внутрипартийного нормотворчества как базового инструмента в упорядочении связей между членами «партий»¹⁹¹. При этом формально-юридического выражения данные нормы не имели. Механизм их выработки и реализации также остаётся неясен, равно как и сама возможность считать объединения бояр и купцов в качестве партийных организаций.

Поэтому наиболее востребованной среди исследователей является концепция правосубъектности партий. На примере России она хронологически привязана к началу XX в. Это связано с тем, что партийные организации впервые были признаны государством, т.е. у них появились определенные права и обязанности¹⁹². Примечательно, что данная позиция широко распространена не только у правоведов, но и среди представителей политической науки¹⁹³. В литературе отмечается новизна по тому периоду времени политико-правового института партий¹⁹⁴. Это выражалось в экспериментальном подходе власти касательно выбора механизма правового регулирования.

Серьёзной проблемой и одним из ключевых барьеров в современном российском партотенезе является «прерывание политической традиции многопартийности в стране на длительный срок»¹⁹⁵ и её последующее возрождение, но уже в обновлённых условиях¹⁹⁶.

Собственно, эта черта является продолжением сложившейся политической традиции. В начале 1990-х гг. зафиксированы примерно такие же тенденции, что и в российском политическом опыте начала XX в. Такое сопоставление не случайно. Более того, данные процессы можно считать тождественными. На их основании принято проводить историко-политические параллели. И именно они характеризуют особенности институционализации партийных отношений.

¹⁹¹ Лайпанова Д.Б. О многообразии партий в истории // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 4. С. 353; Дарков А.А. Периодизация истории правового регулирования деятельности политических партий в России // Право и государство: теория и практика. 2009. № 5. С. 124.

¹⁹² Заславский С.Е. Политические партии России (процесс правовой институционализации). Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2004. С. 52; Минина Н.В. Законодательная база становления и функционирования политических партий России в начале XX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Воронеж, 2007. С. 29; Тихомирова Ю.С. Правовые формы контроля деятельности политических партий. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2003. 67.

¹⁹³ Зеленко Б.И. Политические партии как институциональный фактор становления гражданского общества в современной России. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2004. С. 83; Лайпанова Д.Б. Партии в российском политическом процессе: эволюция и специфика функционирования. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Ставрополь, 2009. С. 47; Чижов Д.В. Российские политические партии как институт гражданского общества и политической системы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2006. С. 58.

¹⁹⁴ Резников Е.В. Социально-правовое развитие и правовой статус политических партий в России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Волгоград, 2004. С. 42.

¹⁹⁵ Севостьянов Д.В. История политических партий // Социогуманитарный вестник. – 2011. – № 1. – С. 82.

¹⁹⁶ Автономов А.С. Партии и партийные системы в России и в мире: история и современность // Государственная власть и местное самоуправление. – 2007. – № 8. – С. 35; Решетников О.М. Государство и партии: история взаимоотношений // Власть. – 2013. – № 1. – С. 084.

Если говорить о партиях лишь в их законодательном ключе, то стало научной традицией периодизировать эволюцию партийных организаций по четырём позициям¹⁹⁷:

- первая приходится на вторую половину XIX в., но заканчивается февралём 1917 г.;

- вторая исчисляется с февраля 1917 г. и представляет собой непродолжительный период (условно до весны 1919 г.);

- третья имеет самый обширный временной промежуток, поскольку приходится на март 1919 г. и длится вплоть до наступления 1991 г.;

- четвёртая считается современным этапом институционализации в условиях воплощения новых конституционных ценностей и установок применительно к партийным организациям. Соответственно, она приходится на промежуток с 1991 г. и продолжается по настоящее время.

При этом относительно первого этапа и в исторических, и в политических науках продолжают дискуссии, поскольку фактически партийные организации уже существовали в 80-х гг. XIX в., однако юридически они были признаны лишь в 1906 г. и то лишь частично, в качестве права граждан на объединение, не противоречащее законам.

Вместе с тем, если рассматривать партийные отношения, то период со второй половины XIX в. до февраля 1917 г. можно расценить как этап, в котором создаётся довольно много партий в Российской империи (около 170)¹⁹⁸. Одновременно с этим выделяется соответствующее количество внутренних документов нормативного содержания, в которых отражались особенности партийных отношений.

Стали традиционными такие источники политико-партийных норм, как программы и уставы. Но все они находились в динамике, следствием чего стала их частая корректировка. Кроме того, активно использовались такие формы выражения партийных интересов, как предвыборные платформы. Сюда же относят избирательные программы партий¹⁹⁹.

Все данные акты имели предназначение обеспечивать избирательную кампанию в Государственную Думу. Тем самым парламентские средства реализации партийных возможностей стали единственным способом легальной политической борьбы. Иные варианты партийной деятельности попросту не затрагивались нормативными актами.

Однако считать именно данные источники в качестве форм институционализации сегодня малопродуктивно, поскольку каких-либо конкретных норм они не содержали и в классическую модель регулирования даже на корпоративном уровне не вписываются. Если говорить о нормативной стороне актов, исходящих от самих партийных организаций Российской Империи, то их характер позволяет сделать вывод лишь о политическом регулировании, а не о правовом.

В этой связи необходимо отметить такую особенность политических партий, как избирательность в предоставлении им определённых возмож-

¹⁹⁷ Ерыгина В.И. История партийного нормотворчества в России // История государства и права. – 2008. – № 5. – С. 19.

¹⁹⁸ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. Прил. 1.

¹⁹⁹ Митин Г.Н. Особенности конституционно-правового регулирования статуса политической партии как юридического лица. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2010. С. 72.

ностей. Так, право на распространение избирательных бюллетеней принадлежало лишь двум категориям партий. В частности, это либерально-консервативные и собственно консервативные партийные организации. Именно они считались легализованными в своём статусе.

Вместе с тем, на фоне отсутствия аналогичного права у других партий, в период проведения выборов в дореволюционные сходы Государственной Думы практически все они обладали собственными избирательными программами и платформами. Примечательно, что к их числу относились даже крайне консервативные партии, а также ряд революционных организаций. Тем самым формальное партийное право контрастировало с фактическими правами, которые активно присваивали себе партии с «полулегальным» статусом.

Ещё одной спецификой институционализации политических партий выступает отсутствие целого ряда базовых дефиниций. Так, в дореволюционном праве, например, не определялся термин «политическая партия». Не наблюдалось подобного раскрытия и в Основных государственных законах Российской империи 1906 г.

Вполне закономерно, что не появилась данная категория даже в положениях Конституции Российской Федерации²⁰⁰. Это характеризует внешнюю тождественность в законодательном материале как основы институционализации политических партий. И таких параллелей можно провести достаточно много.

Так, на основании ст. 80 Основных государственных законов Российской империи, которая продублировала положения Манифеста 17 октября 1905 г., устанавливалось право граждан на свободное образование обществ и союзов в целях, которые не должны противоречить действующему законодательству²⁰¹.

Аналогичная политико-правовая формула использована в нормах Конституции Российской Федерации 1993 г. В частности, объявлено о наличии субъективного права на объединение. Более того, даже сформулирована гарантия, выражающаяся в свободе деятельности различных общественных объединений. При этом выделены политические ценности и принципы. Например, в ч. 3 ст. 13 Конституции подчёркивается многопартийность. Там же речь идёт о политическом и идеологическом многообразии.

Таким образом, игнорирование понятия «политическая партия» в базовых законодательных актах носит сознательный характер. Он подтверждается сложившимися в России политико-правовыми традициями. Примечательно, что такие традиции в условиях правового государства в большей степени являются формой политических, а не правовых норм.

На этом фоне ст. 6 Конституции РСФСР 1978 г., где подчёркивалась определяющая роль КПСС, является историко-правовым исключением²⁰². Но вернёмся снова к имперскому партийному праву.

²⁰⁰ Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. – 1993. – 25 дек.

²⁰¹ Основные государственные законы Российской империи, Высочайше утвержденные Императором 23 апреля 1906 г. // Собрание узаконений Российской империи. – 1906. – Отд. 1-е. – № 98. – Ст. 603.

²⁰² Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики: Принята на внеочередной сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апреля 1978 г. – М.: Известия, 1993. – 126 с.

В Российской империи партии считались сугубо политическими объединениями. Причём они выступали лишь одним из видов подобных структур. Партийная деятельность имела строго целевой характер. Он выражался в достижении политической власти, а также в её последующей реализации. Примечательно, что такую же сущность имеют партийные функции в действующем сегодня законодательстве Российской Федерации.

Тем самым политические партии выделяются на фоне других общественных объединений. В России они носят государственно-ориентированный характер²⁰³.

В силу указанной особенности отечественные политические партии в зависимости от проводимой государством политики могут либо отделяться от общей массы организаций путём предоставления им особого правового статуса, либо приобретать облик общественно-политических организаций.

Поэтому наделение объединений наименованием «политическая партия» имеет не только определяющую цель, но и подчёркивает их сильную зависимость от государственного усмотрения. Речь в данном случае идёт не только о партийной политике, но и о политике в области гражданского общества.

Манифест 17 октября 1905 г. служит первоначальной политико-правовой формой институционализации российских партий. Он провозгласил известную свободу в их создании. При этом данная свобода распространялась далеко не на все партийные организации. Тем самым сразу же появилась их политическая классификация на тех, кто обладает легальным статусом, и кто такового не имеет. Последнее относилось в большей степени к партиям радикального толка. Примечательно, что функционирование таких партий не нарушало непосредственным образом положения Манифеста 1905 г.

Подобный подход позволял разграничивать политические партии от других объединений, которые активно пытались повлиять на политику Российской Империи. Речь идёт о профессиональных союзах, а также об иных структурах политической направленности. Однако последний признак у названных организаций имел фрагментарный характер, поскольку не являлся основной целью их существования.

В политической же плоскости оставались организации, которые находились в зоне влияния отдельных партийных объединений. Так, «левый фланг» выделялся теми профессиональными рабочими союзами, которые тесно сотрудничали с социал-демократами. Аналогичным образом можно обозначить пример со Всероссийским крестьянским союзом и его сотрудничеством с эсерами. Довольно крупной влиятельной организацией являлся Совет съездов горнопромышленников юга России.

Все подобные организации подвергались политическому влиянию государства в общем порядке. Партии же считались объектом специальной государственной политики. Собственно, такой подход пришёл из стран Западной Европы. Там подобный механизм разграничения партийных и непартийных организаций произошёл ещё в конце XIX в.²⁰⁴.

²⁰³ Дарков А.А. Периодизация истории правового регулирования деятельности политических партий в России // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 5. – С. 123.

²⁰⁴ Rogozin I.I. Политические партии в истории России: от самодержавия до перестройки: монография. – СПб: Сударыня, 2006. – С. 29.

Появление прав и свобод у политических партий произошло не в качестве самоцели. Это имело исключительно инструментальный характер. Так, для удовлетворения потребности в образовании гражданского общества провозглашалась свобода образования партий. Они, в свою очередь, должны были повлиять на сознательность самих граждан, чьи интересы представляли и частично реализовывали партийные структуры.

Кроме того, имелась другая политическая ценность, свойственная любому государству, ставшему на путь демократизации. Это политическая активность самого населения. Без повышения общего культурного уровня воплотить перечисленные политико-социальные установки через одно лишь законодательство было невозможно.

Российская империя, как государство, понимала политические партии в качестве особого союза и общества. Однако фактически это были общественные объединения. Тем не менее, Временные правила об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. раскрывали общество следующим образом: «соединение нескольких лиц, которые, не имея задачи получения для себя прибыли от ведения какого-либо предприятия, избрали предметом своей совокупной деятельности определенную цель», а союзом – «соединение двух или нескольких таких обществ»²⁰⁵.

Вместе с тем допустить неограниченную свободу союзов государство не могло в силу потенциальной опасности возникновения различных радикальных и экстремистских организаций. Они в своей непосредственной деятельности тогда смогли бы претендовать на официальный статус и на участие в политической жизни страны. Учитывая то обстоятельство, что подобные образования всегда ставят политические цели, кроме как через законодательство легализовать свой статус они не способны²⁰⁶.

По данной причине Временные правила об обществах и союзах запрещали те объединения, которые преследовали цели, отличающиеся от норм общественной нравственности или влекущие уголовную ответственность, а равно организации, которые угрожали общественному порядку и безопасности. Примечательно, что данный запрет произошёл на фоне факторов, способствующих принятию Манифеста 1905 г.

С одной стороны, благодаря деятельности антигосударственных сил в стране была организована массовая забастовка, приведшая в результате к необходимости политических уступок.

С другой, законодательство, призванное регламентировать деятельность политических объединений, впредь запрещало подобные цели и методы политической борьбы.

Аналогичный запрет действовал для обществ с «заграничным участием». Это могли быть иностранные учреждения или граждане, которые управляли напрямую или косвенно российскими организациями. Особенно жёсткий контроль в реализации данного запрета наблюдался, если подобные объединения преследовали конкретные политические цели.

²⁰⁵ Временные правила об обществах и союзах: Именной высочайший Указ Правительствующему Сенату от 4 марта 1906 г. // Собрание узаконений Российской империи. – 1906. – Отд. 1-е. – № 48. – Ст. 308.

²⁰⁶ Нарусланов Э.Ф. Экстремистские организации: становление и современное состояние // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 2 (141). С. 30; Серов С.Л. Механизм формирования экстремистских организаций в Российской Империи конца XIX – начала XX вв. // История государства и права. 2007. № 23. С. 17.

Возведение указанных ограничений в ранг политических ценностей актуально и тогда, и сегодня. Не случайно их можно обнаружить в положениях Федерального закона «О политических партиях». Тем самым наложение подобных обязанностей является несомненным достижением правового регулирования. Более того, соблюдение ряда ограничений считается воплощением соответствующих конституционных принципов.

Однако провозглашение таких ценностей и их реализация на практике – две стороны одной медали, что характеризует политическую и конституционную действительность. Применительно к нормам Временных правил об обществах и союзах это имело негативный эффект. Установление известных ограничений было направлено исключительно против политической оппозиции. Хотя в формально-юридической плоскости запреты предполагали ограждение общества и государства от опасных политических партий, учёные отмечают, что общественные интересы не сходились с подобными «протоконституционными ценностями»²⁰⁷.

Такой политизированный подтекст Временных правил об обществах и союзах был логичен, ведь всё имперское законодательство обеспечивало охрану именно тех устоев, которые поддерживали самодержавный режим.

Тем самым политическая реальность и политические принципы значительно различались применительно к отношениям, в которых участвовали партийные структуры.

Стоит также отметить ограничительный характер норм о других общественных объединениях. По мнению известного отечественного юриста В.В. Ивановского, «в эпохи сравнительно низкого уровня жизни государства склонны смотреть на общества и собрания не столько с точки зрения их полезности, сколько с точки зрения их опасности для самой государственной организации. Отсюда разного рода стеснительные полицейские меры, всюду практиковавшиеся в периоды абсолютного режима»²⁰⁸.

Следует добавить, что именно административная сторона вопроса станет определяющей в дальнейшей институционализации партий.

В.Г. Матвеев полагал, что «законодательство о праве союзов и собраний в таких государствах направляется, обыкновенно, не столько к обеспечению их свободы, сколько к устранению возможных злоупотреблений этой свободой»²⁰⁹.

В таком высказывании кроется известная истина о сущности политических свобод, а именно – о том, что сам механизм их осуществления не должен подвергаться излишним институциональным ограничениям. Напротив, возможные негативные последствия использования политических свобод могут и должны становиться объектом запретов.

Подобный вариант правового регулирования партийных отношений считался довольно прозаичным. На момент появления первых партийно-правовых норм в России лишь зарождалось правовое государство со слабым сегментом в виде гражданского общества. Исходя из этого, любые ограничения партийных свобод были обоснованы государственными интересами.

²⁰⁷ Савельев П.Ю. Какие партии были в Российской империи // Россия XXI. 2012. № 2. С. 97.

²⁰⁸ Ивановский В.В. Учебник административного права: Полицейское право, право внутреннего управления / В.В. Ивановский. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Казань: Б.и., 1907. – С. 211.

²⁰⁹ Матвеев В.Г. Право публичных собраний: Очерк развития и современной постановки во Франции, Германии и Англии. – СПб.: Типография т-ва «Общественная Польза», 1909. – С. 12.

С другой стороны, преобладание императивных методов, выразившееся в увеличении партийных обязанностей в ущерб партийным правам, неизбежно влѣк переход к следующему этапу. И в его рамках обнажалась потребность в либерализации партийного законодательства.

Примечательна ещё одна специфическая черта в императорском законодательстве. Так, статус политических общественных объединений, т.е. тех структур, которые занимались любой деятельностью, никак не отграничивался от партийно-правового статуса. Это обосновывалось тем обстоятельством, что сами организации с политическими целями фактически только сформировались и искали оптимальный вариант для своего дальнейшего существования: то объединялись, то разъединялись по идеологическим, политическим, экономическим и иным причинам.

Вместе с тем отсутствие в нормах Временных правил об обществах и союзах подобного разграничения являлось больше институциональным дефектом²¹⁰, нежели сознательным достижением власти. Единственная градация подобных организаций строилась на их политическом и неполитическом характере. При этом за основу такой классификации была взята цель в виде возможного получения прибыли, т.е. возможности заниматься коммерческой деятельностью. Это так же вызывает неоднозначную оценку у исследователей, которые в большинстве своём считают данный критерий излишне узким²¹¹.

Тем самым к началу XX в. российское законодательство не характеризовалось своей консолидированностью в части партийной деятельности. Оно преимущественно выражалось в избирательных нормах и в нормах, определявших статус Государственной Думы. Именно в них располагались отдельные партийно-правовые условия.

Примечателен также тот факт, что подобные нормы распространялись лишь на парламентские партии. Однако юридического понятия данной категории в них не наблюдалось. Тем самым императорское законодательство, определявшее отдельные партийные свободы, сегодня нельзя назвать специальным. Оно выполняло функцию протопартийных институциональных рамок, призванных фрагментарно восполнить возникшие пробелы в регулировании общественно-политических отношений.

Следующим институциональным этапом в оформлении партийных отношений стало 20 февраля 1906 г. Именно в эту дату были утверждены нормы в отредактированном Манифесте «Об учреждении Государственной думы»²¹². Теперь в нём был выделен специальный раздел. Его нормы касались парламентского состава. Поскольку сами депутаты представляли разнообразные слои общества, их статус имел двойственный характер. Так, одновременно со своей основной функцией – народного представительства – парламентарий обладал определённым набором прав и обязанностей перед тем объединением, в котором он состоял. И речь шла не только об общественно-политических, но и о партийных организациях.

²¹⁰ Романов А.В., Зейналова Л.М. История становления политических партий в России // В сборнике: Социально-гуманитарные тенденции: история и современность. Сборник статей Международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 226

²¹¹ Изергина В.П. Проблема политико-территориального устройства России в программных документах общероссийских политических партий начала XX века // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. – 2010. – № 4. – С. 79.

²¹² Учреждение Государственной думы: Манифест от 20 февраля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1906. – Собр. 3-е. – Т. XXVI. – Отд. 1-е. – Ст. 27424.

Для партийных членов, наравне с другими парламентариями, провозглашались отдельные гарантии. К их числу относилась свобода суждения и свобода мнения. Однако подобные политические свободы должны были реализовываться лишь в думской деятельности. Примечательно, что Манифест не содержал обязанности отчитываться перед избирателями. При этом он уравнивал депутатов с высшими государственными служащими в плоскости наступления для них возможной ответственности.

В отдельных ограничениях для парламента обнаруживалась ещё одна специфика сущности политических партий. Так, в аспекте функционирования партийных фракций стало очевидным, что партия – это не только специальная организация, созданная вне стен Думы. В качестве партий могли рассматриваться так же фракционные объединения²¹³.

Однако выделение соответствующих свобод как у самой Думы, так и у её непосредственных участников, включая партии, меркло на фоне системы властных полномочий, принадлежавших Правительству Российской империи. Учитывая то обстоятельство, что партии в стране продолжали формироваться, Правительство имело доминирующее положение. Более того, оно даже находилось в позиции противопоставления себя партийным организациям.

Собственно, в политическом плане такая тенденция считалась закономерной, ведь незначительный опыт функционирования партийной системы сопровождался слабостью самих партийных структур. Кроме того, в стране фактически не завершилось разделение властей. Было до конца непонятно, каковы объекты в политическом воздействии со стороны различных органов и общественно-политических сил.

На этом фоне следует выделить препятствия в партийном развитии. Например, в качестве такового считались нормы, содержащиеся в ст. 8 – 10 отделения I Временных правил об обществах и союзах. Это был запрет на вступление в политические партии для большой группы граждан. В частности, к таковым относились и государственные служащие, и приравненные к ним железнодорожники, и работники связи. Более того, участие в партийной деятельности было недопустимым для военнослужащих. И подобный запрет распространялся на все иные общества с политическими целями²¹⁴.

²¹³ Лашманкин Е.А. Статус фракций политических партий в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации (конституционно-правовое исследование). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2012. С. 112; Власов А.Р. Фракции парламентских партий как субъект политико-правовых отношений // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. Серия: Право. 2014. № 12 (3). С. 18.

²¹⁴ Об участии служащих в обществах, союзах, политических партиях и собраниях: Постановление Совета Министров от 2 ноября 1905 г.; Об участии служащих в обществах, союзах, политических партиях и собраниях: Постановление Совета Министров от 16 декабря 1905 г.; О воспрещении военнослужащим принимать участие в политических партиях и собраниях: Высочайшее указание от 16 декабря 1905 г.; О воспрещении принимать участие в политических партиях и собраниях: Приказ по Морскому ведомству от 19 декабря 1905 г.; Об участии служащих в обществах, союзах, политических партиях и собраниях: Постановление Совета Министров от 11 января 1906 г.; О воспрещении принимать участие в политических партиях и собраниях: Приказ по Морскому ведомству от 21 января 1906 г.; Об участии в политических обществах: Циркуляр Главного Штаба от 31 января 1906 г. № 28; Об изменении пункта «а» ст. 1 и ст. 2 Приказа по военному ведомству 1905 г. № 804: Высочайшее указание от 8 октября 1906 г.; О праве судей участвовать в политических партиях: Определение Правительствующего Сената от 9 октября 1906 г.; Об участии служащих в политических партиях и собраниях: Правительственное сообщение от 18 ноября 1906 г. // Савич Г.Г. Новый государственный строй России: справочная книга / Г.Г. Савич. – СПб.: Б.и., 1907. – XXIV, 602 с.

Данный подход соответствовал позиции, которую занимали и Николай II, и С.Ю. Витте. Его основой стала защита интересов государственного аппарата. Аналогичным образом вопросы «идеологической безопасности» распространялись на ряд стратегически значимых сфер. К их числу, прежде всего, относились транспорт и связь. Тем самым любая публичная служба считалась принципиальным строительным элементом при сохранении государственных устоев.

В этой связи появление подобных норм-запретов имело историческую подоплёку. В частности, к ним относились народные волнения, которые происходили не только перед появлением Манифеста 1905 г., но и двумя годами позже. Подобным образом власть желала устранить ключевые причины, благодаря которым на политическую арену попали различные партии.

Это обосновывает акцентирование партийных функций лишь на Государственной Думе. Причём само по себе возникновение рассматриваемых возможностей связано с пробелом в праве. В частности, ни в избирательном, ни и в парламентском законодательстве не было сформулировано соответствующего запрета. Тем самым прослеживается политическая традиция. Партии могут проявлять свою активность лишь в связи с парламентской деятельностью. В партии запрещено вступать целой категории граждан в связи с ограждением интересов государства. Сегодня это служащие прокуратуры, органов внутренних дел, военнослужащие, судьи.

Если проводить параллели с Федеральным законом «О политических партиях», то можно объяснить ещё одну политическую традицию. Она касается внепартийного статуса для Президента Российской Федерации. В частности, даже если ранее он имел партийное членство, последнее должно быть приостановлено на время исполнения обязанностей в качестве главы государства. Данный запрет образовался именно из законодательства и политического устройства Российской Империи. Как известно, монарх ни при каких обстоятельствах не относился ни к одной политической партии. Его возможную партийную принадлежность даже не требовалось регламентировать через правовые нормы. Это просто было невозможно в силу сложившихся политических традиций. Единственным вариантом для главы государства оставалось проявление симпатии относительно отдельных политических групп. Но данный аспект тоже нельзя урегулировать законодательным образом.

В историческом разрезе следует упомянуть ещё одну политическую традицию, свойственную России. Это феномен «партии власти». Он предопределил и развитие партийных функций в советский период, и трансформацию партийного участия в постсоветское время.

Если брать начало XX в., то можно говорить лишь о прототипе партии власти. Поскольку чиновникам вступать в партии было запрещено, влияние отдельных партийных структур на интересы государственного управления имело сегментарный характер. Так, на подобный статус претендовали представители правого крыла в либеральном лагере. Они назывались октябристами и позиционировали себя как выразители интересов трёх крупных социальных кругов: землевладельцев, предпринимателей и чиновников²¹⁵.

²¹⁵ Гавроева Е.С. Заявления депутатов IV Государственной Думы как источник по истории раскола фракции октябристов // В сборнике: Герценовские чтения 2017. Актуальные проблемы русской истории. Сборник научных и учебно-методических трудов. 2018. С. 274.

Сам Николай II в мае 1907 г. заявил относительно представленных ему членов «октябристской» партии: «Сожалению, что не вся дума состоит из таких людей, как вы: тогда спокойна была бы Россия, а я был бы счастлив»²¹⁶. После избрания лидера октябристов А.И. Гучкова в Государственную думу третьего созыва Николай II сказал его брату, Н.И. Гучкову: «Я узнал, что брат ваш выбран, как мы счастливы»²¹⁷.

Сама партия «Союз 17 октября» выражала приверженность монархическим принципам. В плане своей идеологии она демонстрировала правое крыло в рамках «русского либерализма». Подобная политическая программа импонировала не только императору, но и членам правительства.

Примечательны в этом плане и количественные показатели партии октябристов по итогам выборов в Государственную думу. Так, если в первом созыве их представители занимали всего 16 мандатов, то уже во втором созыве это были 43 депутата. В рамках третьего созыва их количество возросло до 154, что позволило считать октябристов многочисленной фракцией²¹⁸.

Особо следует подчеркнуть попытки представителей данной партии позиционировать себя в качестве конституционного центра среди других парламентариев в стенах Государственной Думы.

О специальном статусе «октябристов» говорят и те факты, которые связаны с их политической деятельностью в Государственной Думе третьего и четвертого созывов. В частности, данная фракция внесла 148 законопроектов. 11 из этих проектов стали законами. И хотя по современным меркам подобная цифра считается незначительной, в Российской Империи это имело весомый характер. Такое количество законов было рекордным среди тех законопроектов, которые принимались по инициативам всех партийных фракций и за всё время существования Государственной Думы до революции²¹⁹.

Вместе с тем идея «партии власти» в Российской Империи никак не выражалась в институциональном плане. Законы не содержали и, собственно, не могли содержать каких-либо привилегий отдельным партийным организациям в условиях демократизации общества, хотя фактически такое преимущество было очевидным.

Исходя из этого, принцип равноправия партий в отечественной политической системе сложился уже в начальных условиях её европеизации. Однако данный принцип лишь частично воплощался на практике, что предопределило политическую судьбу партийных организаций.

Принято выделять такую специфику политической реальности партий, как порядок их появления. Если в западноевропейских государствах основные партии трансформировались из соответствующих фракций, сложившихся в рамках парламента, и тем самым могли влиять на состав правительства, то в России этот процесс происходил в обратном порядке.

²¹⁶ Журнал Совещания с.-петербургских членов ЦК Союза 17 октября. 19 мая 1907 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций, заседаний ЦК: в 2 т. / отв. ред. В.В. Шелохаев; авт. предисл., введ. и коммент. Д.Б. Павлов. – М.: РОССПЭН, 1996. – Т.1. Протоколы съездов и заседаний ЦК: 1905–1907 гг. – С. 353.

²¹⁷ А.И. Гучков рассказывает // Вопросы истории. –1991. – № 9/10. – С. 194.

²¹⁸ Законотворчество думских фракций, 1906–1917 гг.: документы и материалы: К 100-летию с начала деятельности Государственной думы в России / Фонд изучения наследия П.А.Столыпина; редкол.: И.И.Демидов, В.В.Шелохаев; под ред. П.А. Пожигайло. – М.: РОССПЭН, 2006. – С. 92–94.

²¹⁹ Там же. – С. 94.

Так, отечественные партии образовывались под определённые выборы, и их целью было создание будущей парламентской фракции. Что же касалось вопросов функционирования правительственного органа, то они по политической традиции находились в исключительном ведении монарха. Мнение парламентариев при этом никогда особо не учитывалось²²⁰.

Нормы Временных правил об обществах и союзах 1906 г.²²¹ применялись включительно по апрель 1917 г. Ряд партий из-за свержения царского режима в феврале 1917 г. прекратили своё существование почти сразу (особенно партии консервативного толка).

Сами по себе большевики выступали против принципа многопартийности. Лишь отдельные варианты существования других партийных организаций воспринимались ими в качестве «необходимого зла»²²². Однако наличие т.н. «партиёрских» партий было исключительно формальным.

Те программные акты, которые ранее считались лишь внутривнутрипартийным документом, на примере большевиков приобрели более весомый политический характер. Они применялись ко всем партийным отношениям, получив значение почти что законодательного акта. Собственно, эта форма предопределила институт партий на протяжении всего будущего советского периода.

Именно на советское время приходится активизация использования нехарактерных для государственной политики форм. В качестве таковых называлось «революционное правосознание трудящихся масс». Аналогичным образом выделялось т.н. «пролетарское право». Оно представляло собой совокупность принципов и социально-политических ценностей, которые считались ограничителями любого правового регулирования, особенно в партийной среде²²³. В ущерб законодательству на передний фланг выходят такие формы, как решения, принятые руководящими партийными органами. Тем самым источники политических норм стали рассматриваться как формы партийного права.

В действительно именно нормы, имеющие партийную природу, стали приобретать черты правовых норм. Это происходило через партийные и общественные призывы, а также через те решения, которые принимались на партийных съездах. Сюда же относились протоколы проведения заседаний партийного пленума. Широко практиковалось оформление условий и норм через акты, принимаемые центральными партийными органами. Политико-правовое значение приобрели даже указания партийных секретарей.

²²⁰ Аронов Д.В. Теоретические аспекты определения статуса монарха и монархической составляющей государственной власти в либеральных конституционных проектах начала XX в. как основа думского законодательства либеральных партий 1906-1907 гг. // В сборнике: Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Центр истории парламентаризма. 2014. С. 30.

²²¹ Временные правила об обществах и союзах: Именной высочайший Указ Правительствующему Сенату от 4 марта 1906 г. // Собрание узаконений Российской империи. – 1906. – Отд. 1-е. – № 48. – Ст. 308; Временные правила о собраниях: Именной высочайший Указ Правительствующему сенату от 4 марта 1906 г. // Там же. – Ст.309.

²²² Меганов С.А. Партия большевиков в период формирования однопартийной системы (проблемы взаимодействия и конфликты с политическими оппонентами) // В сборнике: Власть и общество: практики взаимодействия и конфликты Материалы Девятой региональной научной конференции. 2015. С. 124-128.

²²³ Шабанова И.К. От права пролетарского к праву социалистическому: метаморфоза советских правовых установок // Академический вестник. 2013. № 1 (23). С. 80.

Все перечисленные источники в дальнейшем были легализованы через необходимость их утверждения со стороны органов государственной власти. Подобный процесс получил название «юридизация»²²⁴. В рамках современной политической доктрины он считается базовым элементом институционализации определенных отношений²²⁵.

Именно такая специфика правового воздействия на партийные отношения сопровождала Советское государство на протяжении всего его существования. В этой связи необходимо отметить придание партийным нормам даже более высокого юридического значения на фоне обычных правовых норм. Данная тенденция выражалась в совместном принятии нормативных документов со стороны не только государственных, но и партийных органов (различные постановления ЦИК ВКП (б) и Совета Министров СССР)²²⁶.

По Конституции РСФСР 1936 г. партия являлась способом реализации права каждого гражданина на объединение. Однако именно Коммунистическая партия обладала приоритетом в использовании указанного субъективного права. В частности, по ст. 126 подчёркивалось, что особая категория граждан, выделяющаяся своей активностью и сознательностью, вступают именно в Коммунистическую партию Советского Союза.

Схожие формулировки заметны в Конституции СССР 1977 г. и в нормах Конституции РСФСР 1978 г.

Неоднозначность процесса институционализации политических партий на протяжении первых этапов их существования, а затем и в советское время носило экспериментальный характер. Обе данных стадии испытывали сильное влияние от проводимой государством политики. При этом политические традиции строились на недостатке политико-правового опыта. И если в начале прошлого века данная тенденция была полностью связана с отсутствием партийного законодательства, то в постсоветское время возобновление этой традиции произошло под эгидой возрождения такой политической ценности, как многопартийность.

Само по себе государственное регулирование партийной деятельности в России сопряжено с ограничением соответствующих политических прав и свобод. Требования к партиям увеличивались и уменьшались в результате не только общественных настроений, но и под курсом монополизации всей политической системы со стороны государства. Любая либерализация партийных прав неизбежно приводила к усилению императивных методов в регламентации партийной деятельности.

Вместе с тем институционализация партийных отношений при помощи специального нормативного акта не является единственно оптимальным механизмом. Вследствие этого нормы о партийных организациях всегда будут находиться в плоскости разных законов, а значение приобретают соответствующие политические практики.

²²⁴ Дубинина Е.Н. Юридизация отношений в современном обществе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2010. С. 81.

²²⁵ Герман Р.Э. Исторический подход в политике: сущность, цели, институционализация // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2010. № 3 (79). С. 63-68; Гришин Н.В. Институционализация государственной электоральной политики // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2015. Т. 11. № 1. С. 89-107; Зырянов С.Г. Политическая институционализация электоральных процессов в странах с переходными политическими режимами // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. 9. № 1 (34). С. 170-181.

²²⁶ Стешенко Л.А., Шамба Т.М. История государства и права России. Академический курс. В 2 т. Т. 2: XX в. М., 2003. С. 239.

2.2. Этапы институционализации политических партий в постсоветской России

Критерием периодизации этапов стали условия и особенности институционализации российских политических партий. Первым этапом институционализации политических партий в постсоветской России стал этап с начала Перестройки и до первых выборов в Государственную Думу РФ в 1993 году. Вторым этапом стал период с 1993 года до принятия Федерального закона «О политических партиях» в 2001 году. Третий этап начинается в 2001 году и продолжается по настоящее время.

Западные исследователи подчёркивают дефекты развития гражданского общества на примере Российской Федерации²²⁷. Они связывают данную тенденцию с традиционностью и государства, и социальных институтов. При этом отмечается, что периодически возникают различные новые проявления в рамках общественной активности.

Как известно, гражданское общество должно иметь независимый от государства статус. Оно не может ему подчиняться или создаваться им в вертикальном порядке. В противном случае говорят о разных недостатках гражданского общества, в том числе об его искусственности²²⁸. Тем самым те отношения, которые возникают в подобных условиях, начинают входить в предмет ведения государства, т.е. становятся предметом политического проектирования.

Однако рассуждать о дефектах гражданского общества только по заявленным мероприятиям публичной политики – неэффективный метод оценки. Сегодня в большинстве государств так или иначе регламентируются отношения, которые обретают свою форму и предназначение именно в сфере гражданского общества.

Отсюда следует, что отрицать значение политических установок в развитии гражданского общества нельзя. Помимо отношений, непосредственно связанных с государственной властью, любое направление политики сопряжено с определенными ценностями, представляющими интерес для общества. И в качестве таковых как раз выступает многопартийность, идеологический и политический плюрализм, свободное развитие личности, равенство общественных объединений и т.д.

Партии являются в постсоветской России одним из наглядных форм активности гражданского общества. Можно сказать, что с момента коренной трансформации политической системы в 1990 г. именно партийные организации сумели убедительно доказать свою состоятельность на различных видах выборов, проводимых в стране.

Поэтому в аспекте «отрицательной» оценки российского гражданского общества уже не актуально говорить об излишне коротком сроке возобновления партийного разнообразия²²⁹. Последнее является сегодня

²²⁷ Transition from socialism. State and civil Society in the USSR / ed. By Kukathas Ch. – Melbourn, 1991. – 368 p.; Кочетков А.П. Западные политологи о гражданском обществе // Вестник Московского университета: Серия 12: Социально-политические исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. №2. С.68–76.

²²⁸ Ларина О.Г., Ларина Е.А. Теоретико-правовые основы развития политической системы общества и гражданского общества: классификация научных подходов // Право и практика. 2018. № 1. С. 8; Сиземская И.Н. Социальное государство и гражданское общество: линии сопряжения в условиях модернизационных трансформаций // Философские науки. 2018. № 2. С. 45.

²²⁹ Гражданское общество – общество граждан. Коллективная монография / Морев М.В., Гужавина Т.А., Смолева Е.О., Каминский В.С., Косыгина К.Е., Уханова Ю.В., Головчин М.А., Попов А.В., Россоханский А.И. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2018. С. 14.

политической ценностью, которая воплощена в реальность практически сразу. И появилась она отнюдь не при помощи Конституции 1993 г., а ещё в 1990 г. в рамках действующей тогда Конституции СССР 1977 г. В частности, на основании специального закона²³⁰.

Вполне уверенно можно согласиться с традиционализмом, о котором говорят западные исследователи применительно к России. Но это традиционализм не только самого общества, но и политической реальности, в которой данное общество развивается.

Так, партийные отношения в период с начала 1990-х годов и по сегодняшней день испытывают очевидное влияние сложившегося в России политического опыта. И речь идёт об опыте, который нарабатывался ещё в начале XX в.

По Закону СССР от 14.03.1990 N 1360-1 произошла значительная трансформация прежних политико-правовых ценностей. Исключительность прав, которые имелись у коммунистической партии, была нивелирована. С момента вступления в силу рассматриваемого закона право граждан на объединение стало распространяться на любые политические партии.

Примечательно при этом, что партийные организации в своём политическом плане не сильно выделялись на фоне других смежных структур. Так, по ст. 6 Конституции СССР 1977 г.²³¹ (в редакции Закона от 14.03.1990 N 1360-1) они обладали правом участвовать в выработке государственной политики. Более того, им принадлежало право на управление как государственными, так и общественными делами.

Однако точно такие же возможности с 1990 г. приписывались различным общественным структурам. На их фоне ст. 6 Конституции СССР 1977 г. выделяла, например, профсоюзные и молодёжные организации. Кроме того, к числу субъектов политических отношений стали относиться не только организации, но и т.н. «массовые движения». Использование такой терминологии, вместе с тем, не гармонизировало с институциональной основой существования данных субъектов. Так, активно использовалось понятие «общественное движение».

Тем самым в период «Перестройки» наблюдалась примерно такая же политическая обстановка, как и в начале XX в. Тогда партийные организации как бы растворялись среди многих других общественно-политических образований.

В дальнейшем из конституционных норм исчезло упоминание о Коммунистической партии. Однако вслед за этим конституционные положения перестали вообще содержать категорию «политические партии». Равным образом теперь нет политических принципов по «массовым» или общественным движениям. Зато появилась не вполне конкретизированная ценность в виде многопартийности.

Есть ещё одна параллель с законодательством начала XX в. Так, на протяжении практически всех 1990-х годов в Российской Федерации не было

²³⁰ Закон СССР от 14.03.1990 N 1360-1 «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР» // Свод законов СССР. – Т. 1. – с. 130-1. – 1990. (далее – Закон от 14.03.1990 N 1360-1).

²³¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята Верховным Советом СССР 07.10.1977) (в ред. от 14.03.1990) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1977. – № 41. – ст. 617; Свод законов СССР. – Т. 3. – С. 14. – 1990.

принято консолидированного партийного закона. Это существенно образом снижало эффективность в институционализации данной группы отношений. Равным образом, не был понятен перечень возможностей и функций политических партий. Все они складывались из разрозненных институциональных условий, причём разной отраслевой принадлежности.

Несмотря на то, что принятая в 1993 г. Конституция Российской Федерации установила много политических принципов, применимых к партиям, развитие партийных функций происходило, вместе с тем, нединамичным образом. Все они касались преимущественно избирательной системы.

Непосредственно после принятия Закона от 14.03.1990 № 1360-1 катализировались различные общественные движения. Причём те из них, которые образовались в форме общественного объединения, стали позиционировать себя именно политическими партиями.

Во многом такая тенденция поддерживалась и Законом СССР «Об общественных объединениях»²³². Он начал действовать уже в 1991 г., не проводя особых отличий между партийными и общественными организациями.

Более того, сама партия считалась общественной организацией. Она базировалась на тех же принципах, что и любое другое общественное объединение. В частности, её деятельность строилась на добровольности и равноправии членов, на самоуправлении и гласности.

За счёт таких общих подходов со стороны государства произошло резкое увеличение политических партий. Например, парламентские выборы в 1993 г. происходили при участии 35 политических сил. Это были самые различные избирательные объединения и блоки. Вместе с тем по Указу Президента был определён 5-процентный избирательный порог. Примечательно, что его сумели преодолеть исключительно политические партии, а не иные общественные объединения²³³. Во всяком случае, это были те организации, которые в силу своего устава позиционировали себя партийными структурами.

Впрочем, свободный механизм реализации партийных возможностей просуществовал недолго. Значительные ограничения по ним стали наблюдаться в предвыборный период по формированию Государственной Думы Российской Федерации второго созыва. Формой выражения таких ограничительных мер стал Федеральный закон № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»²³⁴, принятый в мае 1995 г.

По данному нормативно-правовому акту партии вообще утратили институциональную основу для осуществления своих функций. Они не входили в предмет регулирования данного закона. Более того, в нём напрямую указывалось на обязательное появление в ближайшем будущем другого закона, направленного именно на партийные отношения. Как известно, он так и не был принят в 1990-е гг.

Исследователи отмечают, что косвенным образом Федеральный закон № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» распространялся на политические

²³² Закон СССР от 09.10.1990 N 1708-1 (с изм. от 19.05.1995) «Об общественных объединениях» // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1990. – № 42. – ст. 839.

²³³ Гаджимагомедов Г.А., Ивлиев Г.П. Участие Правительства Российской Федерации в законодательной деятельности. М.: Норма, 2008. С. 37.

²³⁴ Федеральный закон от 19.05.1995 N 82-ФЗ (ред. от 20.12.2017) «Об общественных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 21. – ст. 1930; 2017. – № 52 (Часть I). – ст. 7927.

партий²³⁵. Это обосновывалось элементарным отсутствием других специализированных норм. В плане отдельных функций партийных организаций можно было выделить лишь избирательный процесс. Во многом это соответствовало правовым традициям, заложенным ещё в Российской Империи.

Ярким проявлением упомянутых тенденций стал ещё один закон, принятый так же в 1995 г. Это Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»²³⁶. По нему провозглашалось право участвовать в парламентских выборах довольно широкому кругу организаций.

За основу брались избирательные объединения, которыми считались далеко не все общественные организации. В частности, это лишь те корпоративные структуры, которые в качестве учредительной цели ставили участие в государственных выборах.

Среди таких организаций значились и политические партии. Однако особых возможностей по воздействию на власть у них не имелось. Это подтверждается и статистикой Министерства юстиции Российской Федерации. На тот момент право на участие в парламентских выборах принадлежало 258 общественным объединениям²³⁷. Кроме того, аналогичное право имелось даже у 15 профессиональных союзов. Однако фактически участвовали представители лишь от 148 избирательных объединений, а ещё 77 выдвигались непосредственно от избирателей²³⁸.

Впрочем, результаты проведённых в 1995 г. парламентских выборов показали несостоятельность размывания партийных функций в области избирательного процесса. В состав Государственной Думы удалось попасть преимущественно представителям политических партий (4), что и в предыдущий электоральный цикл. Фракционное распределение внутри нижней палаты парламента показало, что удельный вес беспартийных депутатов не был значительным.

Тем самым фрагментарность правовых норм касательно партийных функций не может считаться причиной такого результата. При этом очевидно замедление в процессах институционализации политических партий²³⁹.

²³⁵ Шеломенцев В.Н. Общественные объединения в России: теоретико-правовой и институциональный анализ. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2006. С. 114; Лысенко В.В. Общественные объединения как форма реализации конституционного права на объединение в Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2001. С. 71; Шаповалова Л.Д. Особенности политических партий Российской Федерации как общественных объединений // В сборнике: Государственная власть и общество России в XX веке материалы межвузовской научной конференции. Российский государственный гуманитарный университет, Историко-архивный институт. Кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций. 2004. С. 180.

²³⁶ Федеральный закон от 21.06.1995 N 90-ФЗ (с изм. от 17.11.1998) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 26. – ст. 2398; 1999. – № 26. – ст. 3178.

²³⁷ Цит. по: Иванченко А.В., Любарев А.Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 94.

²³⁸ Результаты выборов в Думу II созыва // Электронный справочник «Федеральное Собрание» [Электронный ресурс] URL: <http://www.panorama.ru/fs/gd2rezv.shtml> Доступ – свободный. Дата обращения: 29.06.2018.

²³⁹ Зимина Н.В. Институционализация политических партий как политико-правового института в современной России (региональный аспект). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Чита, 2008. С. 77; Сергаев Е.А. Институционализация российских партий: стимулы к долговременному членству // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 1. С. 81; Резников Е.В. Правовое положение политических партий и их правовая институционализация в России // В сборнике: Право. Законность. Демократия Сборник научных трудов. Под ред. И.В. Ростовщикова. Волгоград, 2003. С. 184.

Иным образом сложилась бы обстановка при наличии детализированных норм, даже если бы таковые были сформулированы в рамках Конституции.

Отчасти разделение партийного статуса с избирательными объединениями объясняется концепцией коллективных субъектов. Она продолжительное время поддерживалась со стороны советской политико-правовой доктрины. Так, правовой статус любых организаций в РСФСР определялся отнюдь не по факту их государственной регистрации. Последняя имела место быть, но в несколько ином виде, чем это происходит по действующему законодательству. Поэтому в социалистическом праве выделялись различные общественные объединения. Кроме того, черты субъектности имели также коллективы граждан²⁴⁰.

Примечательно, что и те, и другие принято было разделять на два типа. В частности, одни из них имели организационные формы. Другие же считались коллективными объединениями, но уже без организационного статуса²⁴¹.

Не стоит забывать, что сегодня концепция коллективных субъектов в публичной политике не отрицается. Правда, диапазон реализации их возможностей значительно сужен²⁴².

В силу этого некоторые авторы рассматривают политические партии именно через призму приведенной концепции²⁴³. В качестве аргумента берётся временной фактор по появлению партийной активности. Например, отдельные её черты наблюдаются задолго до прохождения государственной регистрации. Это выражается в определённых функциях. Все они принадлежат объединениям граждан, которые занимаются созданием политической партии.

Отчасти можно наблюдать реализацию концепции коллективных субъектов даже в действующей партийной системе. Например, в п. 1 ст. 11 Федерального закона № 95-ФЗ. По данной норме в качестве юридического факта, влияющего на появление политической партии, назван учредительный съезд. В то же время по п. 1 ст. 15 деятельность подобной незарегистрированной структуры не является партийной. Тем самым полноценные права партия приобретает лишь при наличии записи о ней в едином государственном реестре юридических лиц.

Вместе с тем не следует списывать со счетов факт существования незарегистрированных партий. Последние могут заниматься общественно-политической деятельностью довольно продолжительное время даже в условиях, когда конкретные партийные функции им не принадлежат по закону.

²⁴⁰ Климанов Р.В. Коллективные субъекты права в сфере рыночных отношений. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Волгоград, 2003. С. 9; Крипак И.И. Сложный коллективный субъекта права. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Кострома, 2006. С. 72.

²⁴¹ Самылов И.В. Понятие и система коллективных субъектов права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. № 4. С. 30; Позняков П.Н. Правовое положение коллективных публичных субъектов права. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2004. С. 24.

²⁴² Регеда Е.В. Круг коллективных субъектов этнических отношений в Конституции Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 1. С. 24; Фильчакова С.Ю. Трудовой коллектив как субъект коллективно-договорных отношений в законодательстве дружественных независимых государств // Сибирский юридический вестник. 2013. № 2. С. 111; Гараев И.Г., Саттарова Н.А. Особенности правового положения коллективных субъектов финансового права // Финансовое право. 2010. № 6. С. 19.

²⁴³ Чиркин В.Е. О территориальном публичном коллективе и власти народа // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2006. № 5. С. 3; Добрюк К.И., Добрюк Я.К. Типология социальных организаций // Труды Дальневосточного государственного технического университета. 2005. № 141. С. 100; Аванесян С.Р. Понятие и сущность партийной идентичности в условиях современного развития России // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1. С. 41.

Говоря о подобных структурах в их современном виде, необходимо подчеркнуть ещё одну политическую традицию. Так, проводимая государством политика либерализации избирательных процессов предопределила существование именно незарегистрированных партий. Отсутствие различий между ними и другими общественными организациями привело к появлению некоего третьего варианта партийно-общественной активности. Кроме того, возможность самих граждан в 1990-е гг. выдвигать своего претендента на парламентские выборы позволяла незарегистрированным организациям считать себя партиями, ожидающими более благоприятного «политического климата».

О смешанном статусе тех организаций, чья деятельность специализируется на политике наряду с другими близкими целями, проведено мало исследований. Как правило, интерес учёных представляют либо общественные объединения, либо профсоюзы, либо иные общественно-консолидированные формы, стремящиеся к воздействию на власть.

Вместе с тем, очевидно, что круг таких субъектов гораздо шире в условиях, когда законодательно за ними закреплено право участвовать в политической системе страны. В таком случае наблюдается определённый виток институционализации данных коллективных образований, как можно было наблюдать в России начала XX в.

В большинстве же своём история партийных организаций в других странах, равно как и в Российской Федерации постсоветского периода, продемонстрировала полное отсутствие детализированных правовых норм, регламентирующих деятельность подобных объединений. Вследствие этого существенных различий между ними и партиями обнаружить достаточно сложно.

Однако рано или поздно государство сталкивается с необходимостью приведения отношений в данной сфере к определённому порядку. Во многом это происходит путём придания партийным организациям особого статуса, т.е. наделения их специальными функциями. Так произошло и в современной истории российской партийной системы.

Действующий основополагающий нормативно-правовой акт о политических партиях применяется с 14 июля 2001 г. Его наименование уже предопределило концентрацию партийных функций – Федеральный закон «О политических партиях»²⁴⁴. Это значительный этап в институционализации политических партий²⁴⁵. Можно сказать, что это первая политико-правовая форма, отображающая в своём консолидированном виде тенденции обретения партиями определенной субъектности.

Интерес представляет не только содержание данного закона, но и его прототипы. Изначально, помимо президентского законопроекта, существовал и вариант закона, подготовленный Центральной избирательной комиссией Российской Федерации (далее – ЦИК). Имелись и другие альтернативные законопроекты, но им не уделялось столь серьёзного внимания. Примечательно, что проект ЦИК представлял собой совокупность более жёстких требований к политическим партиям²⁴⁶.

²⁴⁴ Федеральный закон от 11.07.2001 N 95-ФЗ (ред. от 05.12.2017) «О политических партиях» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2001. – № 29. – ст. 2950; 2017. – № 50 (Часть III). – ст. 7546.

²⁴⁵ По мнению отдельных исследователей, конституционализация политических партий в целом – это реализация конституционных принципов и ценностей в специальном законодательстве (Агафонова К.А. Категория политической свободы в конституционном праве (на примере свободы создания и деятельности политических партий). Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. М., 2009. С. 34).

²⁴⁶ Лапаева В.В. Закон о политических партиях: в чем суть альтернативных подходов // *Журнал российского права*. 2001. № 2. С. 13.

Стоит признать, что подобный парламентский выбор отражал ту политическую традицию, которая сложилась к сфере гражданского общества и гражданской активности. Разработка закона была растянута во времени. В частности, она началась в 1999 г., фактически с момента проведения парламентских выборов. Такая особенность была сопряжена отнюдь не с поиском оптимальной модели партийного облика. Требовалось воспользоваться сложившейся политической ситуацией в Российской Федерации для проведения президентских выборов в 2000 г. В особенности – по обретению пропрезидентского парламентского большинства.

Политический традиционализм проявился и в стремлении элит реализовать идею о новой «партии власти», тем самым отчасти восстановив советский партийный подход, но значительно адаптированный под образовавшиеся демократические условия. Например, в качестве ключевого предназначения Федерального закона № 95-ФЗ выступила трансформация политической системы за счёт ликвидации региональных партий. Это происходило на фоне укрепления вертикали власти в условиях нового федерализма.

Как известно, изменение федеративного подхода всегда сопряжено с изменением парламентаризма²⁴⁷. В российских условиях начала 2000-х гг. это позволяло продолжить курс на централизацию партийных процессов²⁴⁸. Кроме того, конституционный принцип разделения властей обретал качественно иные очертания, которые без установления соответствующих функций политических партий не имел бы демократической основы.

Впрочем, длительный период поиска модели государственного регулирования партийных отношений диссонировал с тем, как быстро был принят сам Федеральный закон № 95-ФЗ. На тот момент это считалось нехарактерным для российского законотворческого процесса. В частности, Государственная Дума проголосовала за данный закон в окончательном виде 21 июня 2001 г., и буквально 29 июня он успешно проходит через Совет Федерации. Поэтому 11 июля Президент Российской Федерации подписывает принятый закон.

Особенно эклектично анализируемый закон смотрелся в стенах Совета Федерации. Учитывая его направленность против региональных партийных структур, парламентарии, представляющие интересы субъектов федерации, должны были подвергнуть одобренный Государственной Думой вариант жёсткой критике²⁴⁹. Вдобавок, ранее, когда проходили обсуждения нескольких проектов будущего закона, со стороны регионов звучали подобные призывы. Однако сенаторы так и не заблокировали прохождение Федерального закона № 95-ФЗ.

²⁴⁷ Захаров А. А. Парламентаризм, бикамерализм и федерализм: российская версия // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6. С. 124

²⁴⁸ Митин Г. Н. Ошибочное понимание закона о политических партиях // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 13. С. 12; Джалилов Э. А. Некоторые вопросы толкования Федерального закона «О политических партиях» // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 2. С. 65; Курочкин А. В. Эволюция правового статуса политических партий в России // Власть. 2012. № 9. С. 180.

²⁴⁹ Грызлов Б. В. Современный этап развития российского парламентаризма // Сводный реферативный сборник журнала Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2008. № 1-4. С. 22b; Маренич Л. А., Омеличкин О. В. Об изменениях в законодательстве Российской Федерации сквозь призму особенностей партийной идентичности граждан // Вестник Академии знаний. 2012. № 3. С. 133.

Вполне естественно, что столь поспешное прохождение закона через все ключевые инстанции детерминировало ряд коллизий. Речь идёт, прежде всего, о тех противоречиях, которые коснулись партийных функций по ранее принятому законодательству. В частности, это принципы, заложенные в Федеральный закон «Об общественных объединениях», возможности осуществления над партиями прокурорского надзора, гарантии партийного доступа к средствам массовой информации. Имелись определенные расхождения с имущественными и налоговыми аспектами функционирования политических партий.

Ряд исследователей отмечают расхождение Федерального закона № 95-ФЗ с конституционными положениями. Так, устранение региональных партийных организаций плохо сочеталось с конституционным принципом федерализма (ст. ст. 30, 71 и 72 Конституции РФ)²⁵⁰. Придание определённой исключительности правам федеральных партий вступало в диссонанс с конституционно провозглашённым равенством всех общественных объединений перед законом (по ч. 4 ст. 13 Конституции РФ)²⁵¹. Аналогичным образом затрагивались и конституционные свободы граждан. Например, свобода выбирать политическое объединение (по ч. 2 ст. 30 Конституции РФ)²⁵².

Тем самым федеральный центр установил монополию на регламентацию партийных отношений. Это не вписывалось в существующую избирательную систему, сложившуюся в субъектах Российской Федерации. По существу, многие политические игроки, набравшие обороты на протяжении 1990-х гг., законодательно утратили своё право участвовать в ключевых вопросах политической системы. Теперь их права принадлежали лишь тем организациям, которые легитимировали свой статус через федеральное Министерство юстиции.

В частности, образование партий по территориальному принципу становилось вне закона. Данный тренд оформился ещё в Европе в середине 1980-х гг. Однако на примере федеративных отношений 1990-х гг. он рассматривался как явное нарушение²⁵³. Создание крупных партий по корпоративному типу в столь огромной федерации лишало регионы (разные по своему политическому весу) возможностей на выражение собственных интересов.

На фоне многообразия политических предпочтений у субъектов Российской Федерации сужение диапазона представительства лишь до общегосударственных партий не вязалось со сложившейся политической реальностью. Особенно показательно данное противоречие стало в связи с заявленной идеей децентрализации. Именно она постулировалась разработчиками закона, который устранял права регионов на вмешательство в партийные отношения²⁵⁴.

²⁵⁰ Патрушева Н.С. О трансформации статей Федерального закона «О политических партиях» в контексте российской многопартийности и федерализма // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2016. № 1 (32). С. 26-32.

²⁵¹ Комкова Г.Н. Права большинства и принцип равенства политических партий: проблемы реализации // В сборнике: Выборы в конституционной системе власти. Материалы IX Международного Конституционного Форума. 2018. С. 74

²⁵² Ежевский Д.О. Современная специфика некоторых субъектов избирательного процесса в Российской Федерации // Юстиция. 2015. № 1. С. 3.

²⁵³ Ханукаева А. Партия – партийный лидер – общество: проблемы коммуникации в современной России // Власть. 2006. № 10. С. 22; Романов Б. Особенности формирования политических партий в современной России // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 6. С. 59.

²⁵⁴ Зазнаев О.И., Гарипов Р.Ф. Конституционно-правовые проблемы идентификации отдельных органов и должностных лиц с ветвями государственной власти Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 4. С. 139.

Сформировавшиеся к моменту принятия Федерального закона № 95-ФЗ региональные партийные организации позиционировали себя в качестве фундамента власти губернаторов. Речь шла именно о региональном парламентаризме, когда законодательные собрания субъектов федерации обеспечивали правотворческие проекты местной политической элиты с их реальным осуществлением в политической практике.

Собственно, часть упомянутой элиты стала жертвой принятого закона. Например, партийные элиты в субъектах федерации утрачивали свои первоначальные функции. С момента вступления Федерального закона № 95-ФЗ в силу они попросту «растворялись» в федеральных партийных структурах. В противном случае им не удавалось реализовать право на участие в выборах. В частности, в ключевых для них парламентских выборах, проводимых в своих субъектах Российской Федерации. Теперь такие прерогативы находились лишь у федеральных партий.

В связи с этим обнажился и экономический аспект партийного существования. Региональные партии обладали порой значительным имущественным активом, позволявшим проводить широкомасштабную агитацию и рекрутирование. В период обсуждения законопроекта сохранялась надежда, что подобное имущество останется в собственности существующих организаций²⁵⁵. Но возобладала идея единства партийной собственности. Это означало, что любая партия – в трактовке Федерального закона № 95-ФЗ – является единственным собственником такого имущества. Тем самым её региональные подразделения в качестве экономического правообладателя вообще не наделялись никакими субъективными правами.

Аналогичным образом не получили поддержки в стенах обеих палат парламента предложения о придании региональным партиям смежного политического статуса. Например, по опыту отдельных стран они могли бы считаться ассоциированными партийными членами или партийным коллективом²⁵⁶.

Таким образом, Федеральный закон № 95-ФЗ очерчивал партийное членство только в виде индивидуальных участников. Они не обладали правом вступать в другие партийные организации при наличии соответствующего партийного членства. Примечательно, что подобный вопрос относится исключительно к внутрипартийной дисциплине и никогда не подвергался внешнему государственному регулированию²⁵⁷. Максимально допустимый ранее уровень определения этой проблемы – партийный устав²⁵⁸.

²⁵⁵ Слобожникова В.С. Политические партии современной России: между светскостью и религиозностью // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2005. Т. 5. № 1-2. С. 83; Михалева Г.М. Эволюция административных партий в современной России // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2009. № 1. С. 98.

²⁵⁶ Головенченко В.И. Восприятие партий как носителей идеологии в политической культуре современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2009. Т. 9. № 3. С. 106; Буюк Т.Р. Становление системы с доминирующей партией в современной России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2009. № 4. С. 215.

²⁵⁷ Вышкварцев В.В. Двойное членство и партийное сторонничество в российских политических партиях // Современный юрист. 2013. № 3. С. 94; Данилов М.В. Привлечение в партии новых членов как технология политизации общественных отношений // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 3. С. 21.

²⁵⁸ Грохотов А.В. Организационные аспекты партийного рекрутмента в современной России // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 3. С. 71; Сербинович Л.Ю. Конституционно-правовые основы организации и деятельности российских общественных объединений: история и современность // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2008. № 3. С. 109.

Исходя из такой трактовки партийного членства, любая идея о коллективном участии теряла свою актуальность²⁵⁹. Но подобный тренд прослеживался не только во внутрипартийной организации. Так, основной способ выражения воли политических партий – выборы – мог проходить, в том числе, через избирательные блоки. Допускались разные варианты состава подобных объединений, как и в 1990-е гг. Однако исключением здесь являлась руководящая функция политической партии. Тем самым допускался любой избирательный блок, но с обязательным наличием хотя бы одной партийной структуры в своём составе.

Подобное законодательное ограничение шло вразрез с конституционной ценностью в виде общественной инициативы. Кроме того, партии оставались видом общественного объединения, что распространяло на них конституционный принцип равенства перед законом. Очевидно, в избирательных правах такое равенство ликвидировалось.

Данная особенность Федерального закона № 95-ФЗ подчёркивала курс на свёртывание общественной активности через неконтролируемые организационные формы. Структуры, возникшие за период либерализации политических прав общественных объединений, должны были теперь представлять некую вертикальную систему. Учитывая, что к моменту вступления в силу положений партийного закона их было порядка трёх тысяч, ограничивались интересы довольно большой группы давления. Вместе с тем за каждой общественной организацией стояла возможность приобрести партийный статус. Впрочем, её реализация стала крайне сомнительной.

Не последнее значение в этом вопросе имел законодательный запрет на образование партий в силу ряда признаков. К таковым относились национальная, религиозная и профессиональная основа. Если ранее отдельные представители подобных объединений практически без барьеров участвовали в политической жизни наравне с партиями, то с 2001 г. политическим амбициям данных организаций наступил конец. Примечательно, что в связи с обозначенным в Федеральном законе № 95-ФЗ запретом несколько иначе стала выглядеть норма, содержащаяся в ст. 19 Конституции РФ. В частности, по запрету ограничивать права граждан в силу расовой, национальной и религиозной принадлежности.

Заемствованным из европейского законодательства оказался вопрос о государственном финансовом влиянии в партийную деятельность²⁶⁰. Его на фоне российской политической системы отождествляли с прямым управлением партиями со стороны государства²⁶¹.

Более того, подобное финансирование очевидным образом противоречило конституционно провозглашённому равенству среди общественных объединений (ч. 4 ст. 13 Конституции РФ). Нарушение этого принципа происходит через выборы. Тем партия, которые получили определённое количество голосов, по закону предоставляется очевидное преимущество не только наличием парламентских мест, но и дополнительными ресурсами. Особенно явно данное право прослеживается у «партии власти».

²⁵⁹ Саква Р. Дилеммы развития российской партийной системы // Политическая наука. 2010. № 4. С. 185; Пономарь С.П. Политические партии как социальные сети // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2008. № 1. С. 34.

²⁶⁰ Сафонов В.Е. Зачем и для чего нужны политические партии в современной России? // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2010. № 4. С. 39.

²⁶¹ Молокова М.А. Становление и развитие оппозиционных партий в современной России // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 338. С. 58.

Смежной проблемой стало право на равный доступ партий к средствам массовой информации²⁶². Нагляднее всего нарушение данного принципа прослеживалось и продолжает прослеживаться в субъектах Российской Федерации. Он напрямую сопряжён с неравным финансированием партийной деятельности при участии государства.

Одновременно с этим была запрещена анонимность при осуществлении пожертвований на партийные нужды²⁶³. Тем самым диапазон поступлений средств на организацию партийной работы сужался, а участие государства в несвойственной ему партийной деятельности расширялось.

Например, особенные споры вызывало укрепление государственного контроля. Более корректнее называть его в аспекте партийных отношений государственным надзором в силу широкого предмета и властных полномочий²⁶⁴. При этом данный надзор распространялся на все жизненные циклы партии. В частности, усложнённый порядок государственной регистрации, система бюрократических мер при осуществлении партиями своих функций, развёрнутая система ответственности за самые различные нарушения, в том числе за те, которые имеют незначительную общественную опасность.

К числу властного влияния на партии относились уже не только предупреждения. Органы государственного управления теперь могли приостанавливать партийную деятельность за определённые несоответствия. Причём за аналогичные нарушения могло произойти и более радикальное последствие – ликвидация политической партии.

Так, Федеральный закон приравнивал основаниями для отказа в государственной регистрации партийной организации с соответствующими основаниями для её ликвидации. К их числу стали относиться:

- недостаточное количество партийных членов. К моменту принятия закона необходимый «порог» участников в партии составлял 10 тысяч человек;
- непредставленность партии хотя бы в половине из существующих субъектов федерации. Более того, к региональному представительству добавлялось требование о минимальной численности членов (в зависимости от периода эта планка варьировалась от 50 до 100 партийных членов в регионе);
- несоблюдение численной пропорции по представительству региональных отделений при проведении учредительного съезда политической партии. К данному основанию приравнивалось непредставление информации или неверное оформление документации для контролирующих органов;
- неисполнение обязанности партии участвовать в выборах.

В качестве контролирующих инстанций в проектах закона значились две государственные организации. Так, прокуратура должна была осуществлять

²⁶² Петрова Е.В. Система средств массовой информации политических партий России: исторический контекст и современное состояние // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2008. № 1. С. 142.

²⁶³ Зими́на Н.В. Институционализация политических партий как политико-правового института в современной России (региональный аспект). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Чита: Читинский государственный университет, 2008. С. 28; Григорьева Л.А. Взаимоотношения государства и политических партий в современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2009. С. 57.

²⁶⁴ Зеленко Б.И. Политические партии как институциональный фактор становления гражданского общества в современной России. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2004. С. 31; Юрьев В.М. Политические партии современной России: к характеристике дискурса // Pro nunc. Современные политические процессы. 2004. № 2. С. 18.

общий надзор над партийной деятельностью, который в большей степени касался соблюдения законодательства о юридических лицах, т.е. гражданско-правовых и административно-правовых условий партийных функций. Министерство юстиции Российской Федерации занималось основным контролем над соблюдением партийного законодательства, а также устава политической партии. Однако прокурорская часть государственного контроля над партиями в результате из норм Федерального закона № 95-ФЗ исчезла.

И со стороны специалистов партийного права, и из уст противников принятого Федерального закона № 95-ФЗ звучала примерно одинаковая аргументация. Установленные административные условия существования партийной организации не подходили ни к одной демократической партии, созданной за время «Перестройки».

В силу такого количества заградительных барьеров на пути партийной деятельности стало вполне закономерным удивление, вызванное позицией Совета Федерации, где закон вместо отклонения получил своё одобрение²⁶⁵. Тем самым парламентское сообщество согласилось на новую институциональную реальность партийной деятельности, выбрав правительственный курс по ограничению гражданской активности. За этим шагом последовала трансформация федеративных отношений в сторону централизации государственной власти.

Отсюда можно сделать вывод о доминировании политических факторов в институционализации партийных отношений. Во многом это подтверждается абсолютным большинством голосов, отданных в верхней палате российского парламента в пользу Федерального закона № 95-ФЗ. Следовательно, стихийно образовавшиеся за 1990-е гг. партийные структуры подвергались рукотворной систематизации. Устанавливался качественно новый порядок для политических партий корпоративистского толка. И подобные изменения были направлены не только на партийные функции, но и на всю партийную систему в целом.

В качестве инструментов государственной перегруппировки партий выступила не только унификация законодательства, существовавшего долгий период без специального нормативно-правового акта. Во многом принятие Федерального закона № 95-ФЗ сопровождалось централизацией партийных процессов и увеличение государственного вмешательства.

В политическом плане, где теперь предстояло реализовываться партийным принципам и ценностям, которые получили новую трактовку, Федеральный закон «О политических партиях» проявил себя особенно наглядно. Он значительно ограничил пространство, в рамках которого действовали представительные институты. Его нормы увеличили членство партий и расширили их задачи. С их помощью стала усиливаться в плане своего политического преимущества правительственная партия.

Последняя в новых политических реалиях принимала на себя функцию координационного парламентского центра. Все остальные, умеренно оппозиционные партии, должны были заниматься протестным электоратом в сторону стабильной правотворческой инициативы. По существу, конституционно запрещенное смещение ветвей власти преодолевалось легальным способом – за счёт проправительственного большинства среди

²⁶⁵ Зеленко Б.И. Политические партии как институциональный фактор становления гражданского общества в современной России. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2004. С. 35.

парламентариев. Кроме того, непопулярные правительственные законопроекты обеспечивались парламентской поддержкой, в то время как региональное одобрения уже не требовалось даже в политическом плане.

Такое стремление к изменению политической реальности небезосновательно. Установление партийной дисциплины с последующей её проекцией на фракционную дисциплину препятствовало превращению Государственной Думы в площадку для баталий и склок. Теперь заблокировать парламентскую повестку дня стало практически невозможно, хотя совершенно обратные тенденции демонстрировали созывы нижней палаты парламента на протяжении всех 1990-х гг.

Тем самым установление трёхпартийной или «четырёхпартийной» системы вполне соответствовало предназначению многих ограничений в Федеральном законе № 95-ФЗ. Государству контролировать деятельность небольшого числа партийных фракций гораздо проще, чем пёстрый набор разногласных общественно-политических сил.

Ещё одним политическим последствием применения Федерального закона № 95-ФЗ в начале 2000-х гг. стала борьба с «партиями-маргиналами»²⁶⁶. Речь шла не только о радикальных политических силах, но и о тех общественных движениях, которые не были лояльны к преемственности власти. В частности, таковых насчитывалось больше ста. Во многом нивелирование их шансов на политическое участие началось гораздо раньше, с момента трансформации избирательного процесса. При помощи этого была обеспечена безоговорочная капитуляция отдельных маргинальных партий, прежде всего, на региональных выборах.

Среди политических факторов изменения политической реальности для партий стало ослабление, прежде всего, коммунистической оппозиции в рамках парламента. Примечательно в этой связи, что именно данная политическая сила голосовала против Федерального закона № 95-ФЗ²⁶⁷.

Таким образом, по специальному закону нельзя считать концепцию институционализации партий в качестве какого-то политического компромисса. Во многом избежать необходимости в его достижении позволяли излишне абстрактные конституционные нормы. Изначально установленная в качестве конституционно-правового принципа «многопартийность» не позволяла с точностью определить, сколько всего политических партий можно считать достаточным уровнем его реализации. Из Конституции РФ не следует, что партий должно быть неограниченное множество. Равным образом из этого нельзя сделать вывод, что четыре-пять партий не соответствуют критериям конституционной многопартийности.

Оценка результатов внедрения Федерального закона № 95-ФЗ в правовую систему Российской Федерации касалась также утверждений об установлении т.н. «контролируемой демократии»²⁶⁸. Это нередко сопровож-

²⁶⁶ Михалёва Г.М. Институт партий: европейская история и российский опыт многопартийности // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. № 1. С. 136; Шувалова Л.В. Становление и эволюция национальных политических партий и партийных систем: тенденции и перспективы // Вестник Российской нации. 2010. Т. 4-5. № 12-13. С. 79.

²⁶⁷ Шабров О.Ф. Партогенез и партийные системы: параметры, классификация, российская реальность // Социология власти. 2006. № 1. С. 21.

²⁶⁸ Муштук О.З. Генезис российской многопартийности и современная расстановка партийно-политических сил // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2010. № 2 (241). С. 44; Лепский В.Е. Проблемы управления сложностью в совершенствовании механизмов демократии в России // Философия науки. 2013. Т. 18. № 1. С. 206.

дается формально-бюрократическим партийным строительством. Впрочем, в условиях слабых показателей развития гражданского общества и его ограниченных возможностей по воздействию на власть такая тенденция выглядит логично.

Партии не контролировали на протяжении 1990-х гг. деятельность органов исполнительной власти. Они не влияли на судебную деятельность. Тем самым образование мегاپартийных структур было вопросом времени, что и выразилось в появлении Федерального закона № 95-ФЗ. Множество политических сил, которые по отдельности не представляют сильного ресурса власти, не позволяло достигать даже ключевых партийных задач. Напротив, при образовании нескольких огромных партий такие задачи хотя бы формально могут реализоваться.

Однако основная претензия в такой конфигурации касается отсутствия у мегاپартийных организаций одной существенной функции – функции социального представительства. Интересы граждан теряются на фоне интересов властных групп, в то время как Конституция РФ раскрывает партии именно через право на объединение. И это право принадлежит именно гражданам, а не представителям самого государства.

Сегодня ни одна региональная партия не сумела сохранить своих политических позиций. Некоторые их рудименты проявляются в отдельных законодательных собраниях субъектов федерации, но, как правило, они солидарны с парламентским большинством. Невозможность самостоятельного участия в любых выборах лишила подобные партийные структуры не только прав, но и политических возможностей. И такие последствия наблюдаются у большого числа общественных организаций. Речь идёт именно о тех из них, которые сформировались и неплохо проявили себя в 1990-е гг.

Аналитики называют примерное число таких общественно-политических объединений, ставших жертвами Федерального закона № 95-ФЗ и изменений в избирательной системе. В частности, это две трети от общего числа функционировавших в стране организаций, которые выражали интересы порядка половины политически активных граждан²⁶⁹.

Однако утилизация соответствующих возможностей у целого ряда объединений выразилась в другой тенденции, свойственной современной российской политике. Это образование и активизация «несистемной» оппозиции. В Европе такие политические силы считаются нелегальными. В российских же условиях они приобрели промежуточное – полужульганское положение. Во многом оно связано с отсутствием возможности выражать свои интересы парламентским образом.

Более того, незначительна площадка по представлению несистемных политических позиций в рамках Общественной палаты Российской Федерации и аналогичных палат в субъектах федерации. В частности, это выражается в наделении данных структур правом лишь совещательного голоса.

Примечательно, что несистемность российской оппозиции не означает её внепартийности. Отдельные политические движения стремятся приобрести оформленный статус, но фактически не могут реализовать собственных амбиций в избирательных процессах даже регионального

²⁶⁹ Узунян Т.Т. Создание и регистрация политической партии // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 9. С. 7; Барамидзе С.М. Понятие и признаки политических партий в Российской Федерации // Вестник Удмуртского университета. 2009. № 2-2. С. 180.

уровня. Причём, подобная тенденция прослеживается не только у резких противников власти, но и у представителей провластных политических субкультур, имеющих организационную основу.

Таким образом, проведённый исторический экскурс демонстрирует подтверждение основной гипотезы нашего исследования. Она заключается в зависимости политических партий от государственного, а не общественного признания. Тем самым лишь легальный статус позволяет приобретать специальные партийные возможности, а не его легитимное состояние. Такой факт наблюдается и в условиях, когда партийное количество увеличивается, и в условиях сужения партийных свобод. Отсюда следует, что конституционные положения об отдельных субъективных правах в области партийных отношений реализуется только при условии появления специфического юридического лица, а не его политического прототипа.

2.3. Траектория предшествующего развития как фактор институционализации современных российских политических партий

Формирование и институционализация в России партийной системы с доминирующей партией связана с траекторией предшествующего развития. Появление и последующая институционализация «партии власти» рассматриваются как производные от российской политической культуры. Доминирующая партия «взяла на вооружение» опыт однопартийной системы, модернизировав его в условиях контролируемой ограниченной конкуренции. Как итог в России ярко выражена слабость оппозиции и кооптация оппозиционных партий в иерархию партий, выстроенную в начале 2000-х гг.

Неоднозначность и коллизийность процесса институционализации политических партий в России связаны с тем, что государственное воздействие на их статус и деятельность имело циклический характер. Более того, каждый раз это считалось новым явлением: как в начале прошлого века, так и в современной истории. Даже в настоящее время партийные организации находятся в динамике с непродолжительными промежутками стабильности.

Основным детерминирующим фактором такого состояния отечественной партийной системы выступает недостаток в опыте публичной политики, направленной на партийные отношения. Для Российской Империи начала прошлого века это продиктовано полным отсутствием данного института и необходимостью его легализации. Что же касается современного этапа, то здесь причиной выступило прерывание политической традиции в виде принципа многопартийности.

Не вполне состоятельно утверждение, что институционализация партийных отношений в Российской Федерации происходила с прямой аналогией тенденций, наблюдаемых в Российской Империи²⁷⁰. В рамках новейшей партийной истории все же присутствовали тенденции, сложившиеся за длительный советский период. Тем самым политические партии не возникли с чистой страницы, как это происходило в начале XX в.

²⁷⁰ См., например: Усманов Р.Х. Тенденции и перспективы развития российских партий на этапе десятилетия Конституции Российской Федерации // Астраханские политические исследования. 2003. № 3 (6). С. 117.

В частности, по Манифесту от 17 октября 1905 г. было буквально разрешено создание партий. Напротив, к последнему десятилетию XX в. изменилось монопольное право коммунистической партии на выражение общественного мнения и на управление государством. Причём это произошло за счёт поправок в действующую на 1990 г. Конституцию СССР (а именно – в её ст. 6).

Собственно, такое законодательное решение просто зафиксировало фактический распад КПСС, а не явилось причиной этого процесса. В данной плоскости наблюдается прямая параллель с ситуацией вокруг принятия Манифеста 1905 г., который точно так же выразил общественно-политическую реакцию, а не детерминировал её.

Отсутствие специальных норм, направленных на упорядочение партийной деятельности, характерно и началу XX в., и Российской Федерации периода 1990-х гг. Ряд исследователей говорят о том, что это неблагоприятным образом влияло на партийные отношения²⁷¹. Однако именно появление специализированного права негативнее сказалось на демократическом партотенезе. С другой стороны, подобная оценка меняется коренным образом, если говорить о придании партиям особого политического статуса, отличающего их от всех других общественно-политических объединений.

Тем самым различные по форме, но близкие по содержанию стадии институционализации партий в историческом разрезе имеют общие закономерности²⁷². Это говорит о возникновении и применении определённых политических традиций, являющихся одним из инструментов воздействия на партийные отношения в России²⁷³.

Как и в имперском законодательстве, в российском праве образца 1990-х гг. не содержалось официального определения политической партии. Не выделялся даже абстрактный перечень партийных функций и возможностей. Они либо носили фрагментарный характер (преимущественно усложнённый ведомственным регулированием), либо принадлежали многим другим организациям со смежным статусом.

В конституционном значении отсутствовало право на объединение в политические партии. В частности, ни в ст. 80 Основных государственных законов Российской империи²⁷⁴, ни в Конституции Российской Федерации²⁷⁵ такое право не выделялось. Существовала лишь политическая абстракция в виде возможности объединяться, если это не нарушает законы, а равно не мешает правам и свободам других лиц.

²⁷¹ Кундохов А.А. Принцип многопартийности по Конституции 1993 года. Роль политических партий в общественно-государственной системе России // В сборнике: Актуальные проблемы конституционного и международного права. Материалы Второй ежегодной конференции. 2018. С. 135

²⁷² Автономов А.С. Партии и партийные системы в России и в мире: история и современность // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 8. С. 35; Решетников О.М. Государство и партии: история взаимоотношений // Власть. 2013. № 1. С. 084; Севостьянов Д.В. История политических партий // Социогуманитарный вестник. 2011. № 1. С. 82.

²⁷³ Эллис Э. Политические партии и возобновление истории // Полис (Политические исследования). – 1994. № 2. С. 167; Лайпанова Д.Б. О многообразии партий в истории // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 4. С. 353.

²⁷⁴ Основные государственные законы Российской империи, Высочайше утвержденные Императором 23 апреля 1906 г. // Собрание узаконений Российской империи. – 1906. – Отд. 1-е. – № 98. – Ст. 603.

²⁷⁵ Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. – 1993. – 25 дек.

Однако в действующих конституционных нормах имеются соответствующие гарантии в реализации указанного субъективного права. В частности, это свободное осуществление деятельности общественными объединениями, а также провозглашение многопартийности в качестве политико-правовой ценности.

Помимо своего гарантийного характера, указанные положения рассматриваются как конституционные ценности и принципы²⁷⁶. Вместе с тем придание данным нормам некоего декларативного вида позволило иметь гибкое отраслевое законодательство. Его гибкость означает возможность частых изменений, поиска оптимального механизма правового регулирования отдельных вопросов, связанных с партийной деятельностью. В один временной период это ограничения общего характера, а в другой – запреты исключительно специального типа.

Впрочем, само упоминание в конституционных нормах о наличии в политической системе страны партий является несомненным этапом их институционализации. Однако такой же подход приводит к формализации партийных отношений. Этот политический тренд имел место в избирательном законодательстве Российской Империи. Он же сохранился в действующем федеральном законодательстве, направленном на регламентацию избирательных процессов всех уровней.

Декларативность ч. 3 ст. 13 Конституции РФ выражена в неконкретизированном термине «многопартийность». Последний находится в прямой зависимости с толкованием конституционно-правового принципа о политическом и идеологическом многообразии. Невозможно определить с эффективностью его воплощения. Сколько должно быть политических партий, чтобы можно было считать «многопартийность» политической реальностью? Можно ли считать многопартийной систему, при которой реальную власть имеют лишь две политических партии? Тем более не ясным остаются конституционные критерии демократии, объявленной также ценностью и политико-правовым принципом в организации власти.

Все указанные вопросы могут раскрываться либо в политической доктрине, либо в политической практике, которой занимаются институты с особым статусом (например, Конституционный Суд РФ, Федеральное собрание РФ).

В то же время отсутствие до 2001 г. официальной дефиниции «политическая партия» объясняется попыткой государства не вмешиваться в отношения, осложнённые политическими нормами. В этой связи стоит сказать об отсутствии чёткой грани между подобными нормами и нормами права²⁷⁷. Особенно наглядно стираются данные отличия в конституционной плоскости, поскольку любая конституция одновременно является источником и правовых, и политических регуляторов. Равным образом традиции выступают формой выражения и тех, и других норм.

²⁷⁶ Петрова О.Ю. Многопартийность в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Волгоград, 2004. 259 с.; Поздняков Д.А. Современная российская многопартийность: юридические механизмы институционализации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ростов-на-Дону, 2004. 173 с.; Гагиева Н.Р. Многопартийность в Российской Федерации (история, теория, практика, современность). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Санкт-Петербург, 2008. 161 с.

²⁷⁷ Парфенова С.Р. Некоторые вопросы влияния современных политических процессов на детерминацию социальных норм // Вопросы политологии. 2014. № 1 (13). С. 55; Усманова Р.М. Политические традиции и политические нормы: их роль в публичном регулировании общественных отношений // Юридические исследования. 2012. № 2. С. 40.

Говоря о партийной деятельности, нельзя не отметить преобладание именно политических норм²⁷⁸. Тем самым, к примеру, руководящая роль КПСС в конституционных положениях советского периода является лишь способом легитимации таких политических установок.

Примечательно, что советское конституционное право формально не запрещало существование иных партийных организаций. Единственным требованием к ним являлось соответствие нормам действующей Конституции. Учитывая многообразие декларативных положений, сопровождающих буквально каждую конституционную статью, фактическая деятельность любых других партий признавалась правоохранительными органами нарушением. Это наглядно демонстрируют процессы по уголовному преследованию членов таких партийных объединений, как Партия новых коммунистов (1972 г.), Неокоммунистическая партия Советского Союза (1974 г.), «Левая школа» (1973 г.) и др.

На этом примере наблюдается диссонанс между политико-правовыми нормами и политической реальностью относительности возможности граждан объединяться в партии. Тем самым институционализация советских политических партий происходила в двух плоскостях – в юридическом и фактическом. И между ними имелась значительная разница.

Вследствие этого невозможно согласиться с преемственностью конституционных норм в отечественном партогенезе, поскольку и в Российской Империи, и в СССР, и на протяжении 1990-х гг. Российской Федерации отсутствовали специальные законодательные акты, регламентирующие партийные отношения. Все они складывались исключительно в политической практике.

Партии и в условиях современной России, и периода Российской империи, рассматриваются в качестве особой разновидности политического объединения. Оно, в свою очередь, занимается деятельностью, ориентированной на получение политической власти. Более того, на этом функции партии не заканчиваются, ведь куда значимее реализовать властные полномочия, а не просто иметь их формально.

Тем самым прослеживается особая политическая традиция в отграничении партийной организации от смежных объединений. Любая партия должна находиться исключительно в пределах государственно-властных отношений²⁷⁹. Она должна не только стремиться к власти, но и управлять ею.

В этом вопросе необходимо обратиться к законодательному понятию политической партии. Оно раскрыто в ч. 1 ст. 3 Федерального закона № 95-ФЗ. В частности, партия – это общественное объединение. Оно существует исключительно при участии граждан Российской Федерации. И такое участие носит политический характер.

Тем самым не партия, а именно граждане при помощи партии выражают свои политические интересы на управление государственными и общественными делами. Объединительная основа партии необходима, прежде всего, для формирования воли её непосредственных участников, а также для соответствующего выражения общих политических предпочтений.

²⁷⁸ Усманова Р.М. Роль политических норм в публичном регулировании общественных отношений // Право и политика. 2012. № 3. С. 538; Верительникова А.В. Взаимодействие правовых и политических норм в современном обществе // Вестник ВГУ. 2009. № 5. С. 143.

²⁷⁹ Дарков А.А. Периодизация истории правового регулирования деятельности политических партий в России // Право и государство: теория и практика. 2009. № 5. С. 123.

Примечательно, что в самой же законодательной дефиниции ч. 1 ст. 3 Федерального закона № 95-ФЗ обозначены партийные возможности, имеющие под собой исключительно коллективную основу. Последняя – прямое достижение доминировавшей в советское время концепции коллективных субъектов. Таким образом, реализация партийного предназначения происходит по Федеральному закону № 95-ФЗ через:

- участие партийной организации в общественных акциях;
- организацию и осуществление партией политических акций;
- выборы;
- референдумы;
- представительство граждан в определённых органах государственной власти, а равно и в органах, занимающихся местным самоуправлением.

Проанализированная дефиниция сопряжена с исторической особенностью. В частности, с длительным периодом регламентации партийных отношений избирательным законодательством и законодательством в области общественных объединений. Отсюда политическая реальность, в которой осуществляются партийные функции, сопряжена с условиями функционирования других общественных организаций.

Исключительность же партийного статуса обеспечивается через его определяющий политический характер. Только исходя из него существуют все иные возможности. И такие функции традиционно считаются факультативными, т.е. носят дополнительный характер по отношению к политическим свободам партий²⁸⁰.

Однако указанную трактовку партийных функций следует расценивать в аспекте цели принятия всего Федерального Закона № 95-ФЗ. В отличие от начала XX в., в 2001 г. происходило приведение всех партийных структур к единому знаменателю. Тем самым устанавливался новый порядок осуществления возможностей политических партий, созданных преимущественно в условиях переходного периода.

Если в Российской Империи не преследовалась цель каким-либо образом унифицировать и централизовать партийную систему, то в Российской Федерации начала 2000-х гг. именно данные тенденции сопровождали принятие специального партийного законодательства. В результате произошло прямое государственное регулирование партийных функций, причём в пользу увеличения и усиления соответствующих ограничений и запретов по отношению к электоральной конкуренции.

Однако объединительной тенденцией являлось стремление образовать лояльную правительству и главе государства партию, обладавшую значительным преимуществом в рамках парламента. Если в начале XX в. данная задача так и не получила своего законодательного решения, то в начале XXI в. этого удалось достичь со значительным успехом.

В то же время выход партий за пределы своей политической активности, как это происходило на протяжении 1990-х гг. (преимущественно на

²⁸⁰ Теперик А.В. Конституционные основы участия политических партий в российском избирательном процессе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 2000. С. 47; Сологуб С.В. Конституционно-правовое регулирование статуса политических партий в Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2006. С. 82; Пухчалова М.О. Юридическая легитимация современных российских политических партий. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ростов-на-Дону, 2004. С. 78.

региональном уровне), потребовал наличия прочного институционального фундамента для их функционирования, т.е. закрепление в законе соответствующих прав, обязанностей и ответственности. Такой механизм государственного регулирования представляется более прагматичным, чем фрагментарное правовое обеспечение партийной деятельности с обширными пробелами, через которые партийная активность вступает в конфликт с государственной безопасностью.

Вместе с тем любое законодательное регулирование в условиях демократии подразумевает формулировку не только прав и свобод, но и мер по обеспечению их эффективной реализации. Это вкладывается в понятие «гарантия», что касается, прежде всего, защиты партий и иных институтов гражданского общества от неоправданного вмешательства государства.

Тем самым институционализация должна проходить между указанными границами. Они выражаются в двойственном статусе политических партий.

С одной стороны, партии – это ключевой институт в любом гражданском обществе. Исходя из этого, они не могут и не должны находиться в зависимости от государства.

С другой стороны, партии, получившие власть, являются одним из ключевых звеньев политической системы, существующей в государстве.

Аналогичным образом сохранилась политическая традиция беспартийного статуса главы государства. Равно как и относительно монарха в Российской Империи, сегодня для Президента Российской Федерации установлена обязанность не иметь партийного членства. Точнее, такое членство приостанавливается на протяжении всего времени исполнения президентских полномочий.

Единственным отличием в таком сравнении выступает институциональная форма данного требования. Так, в Российской Федерации для этого потребовалось принятие закона, а в Российской Империи данный запрет действовал в силу самой политической невозможности партийной принадлежности главы государства.

Отсюда следует вполне определённая взаимосвязь партийной и парламентской систем, как двух крупных институциональных явлений в политической системе. Без парламентской деятельности, в принципе, немыслима жизнеспособность партии. Все принадлежащие ей возможности, прежде всего, упираются в достижение законодательной власти, где они будут полноценно реализовываться²⁸¹.

Поэтому, помимо политического плана, в статусе партий выделяется особая категория – «парламентская партия». Возможности таких организаций значительно шире стандартной системы партийных функций. Поэтому среди институциональных условий существования политических партий избирательные и парламентские отношения выделяются в самостоятельную группу.

²⁸¹ Новиков Д.В. Парламент как элемент системы российского политического монополизма // European Social Science Journal = Европейский журнал социальных наук. 2013. № 1. С. 475; Горбачев А.А., Скочков А.К. Тенденции и противоречия в процессе формирования российского парламента // Право и политика. 2011. № 5. С. 756; Савушкина О.В. Парламентаризм как фактор устойчивого развития и политической стабильности российского общества // Сводный реферативный сборник журнала Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2011. № 5-8. С. 18.

На данном фоне в России начала XX в. регламентация партийных функций происходила аналогичным образом именно через законы, определявшие положение Государственной Думы. Вместе с законодательством в области выборов эти нормативно-правовые акты считались обязательными звеньями партийного права. И здесь объясняется современная тенденция по разграничению парламентских партий от всех остальных.

В частности, специальный статус в Российской Империи имели только партии, представленные в парламенте. Что же касалось всех других партийных организаций, они не отличались по своему положению от обычных юридических лиц некоммерческой направленности.

Получается, что единственной формой институционализации политических партий в России того периода стали именно избирательная и парламентская системы. Они явились отправной точкой в упорядочении партийной деятельности, хотя при этом не считались сами по себе специальными партийными институтами.

Так, 20 февраля 1906 г. принят Манифест «Об учреждении Государственной думы»²⁸². В этом нормативном документе выделялась группа норм, регламентирующая парламентский состав. В частности, депутаты считались представителями населения из различных социальных групп. При этом все они обладали либо партийным, либо политико-организационным членством в определённом объединении. У них выделялся ряд особых политических свобод. Среди них свобода суждений и мнений. Однако реализовать её можно было исключительно в рамках парламентской деятельности.

Примечательно, что у парламентариев первого созыва императорской Думы отсутствовала обязанность отчитываться перед собственными избирателями. При этом на них распространялись практически те же принципы, которые действовали относительно высших государственных чинов в плане запретов и ограничений.

Учитывая то обстоятельство, что Государственная Дума Российской Империи была исключительным вариантом воплощения партийных возможностей, можно утверждать о политической традиции по выделению статуса «парламентских партий».

Кроме того, основной площадкой реализации партийных функций выступает именно парламентская деятельность. В сравнении с Россией начала XX в. сегодня можно отметить разве что возможность партийного участия не только в общегосударственном парламенте, но и в региональных legislatures. Сюда же, по существу, можно отнести местный уровень в части формирования и выражения политических интересов в представительных органах, занимающихся местным самоуправлением.

Тем самым отдельную категорию образуют т.н. «парламентские» возможности политических партий. Если между общей массой партийных организаций данные функции представляются политическим эксклюзивом, политической «наградой» за качественную электоральную работу, то внутри парламента не должно проследиваться особых различий между правящими и оппозиционными партийными группами. Нарушение этой

²⁸² Учреждение Государственной думы: Манифест от 20 февраля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1906. – Собр. 3-е. – Т. XXVI. – Отд. 1-е. – Ст. 27424.

политической аксиомы непосредственным образом отражается на демократичности парламентских и партийных отношений, т.е. на самом смысле их существования²⁸³.

Отсюда такой повышенный интерес к механизму регулирования партийных отношений в самом парламенте. Он напрямую сопряжён с действием конституционных принципов. А реализация данных процессов вкладывается в понятие институционализации.

Сам парламент олицетворяет собой одну из высших форм государственной власти. Поэтому его деятельность имеет исключительно политическую основу. Поскольку сами партии через своих членов обеспечивают законотворческий процесс, вполне естественно, что устанавливаются границы в государственном вмешательстве в такую деятельность.

Сама по себе партийная деятельность в рамках любого парламента имеет конкретную коллективную форму. Это может быть партийная фракция или группа. Иногда встречаются целые партийно-парламентские клубы. Все они представляют собой совокупности граждан, как имеющих партийную принадлежность, так и не обладающие таковой, но с наличием парламентского мандата. В Российской Федерации это определённые полномочия в рамках одной из парламентских палат или регионального законодательного собрания.

Получается, что не партия, а соответствующая фракция является актором в стенах парламента. Именно она обладает комплексом возможностей в области законодательной власти. Поэтому без установления фракционного порядка парламентской деятельности невозможно политическое участие партий в правотворческом процессе (за некоторыми исключениями по влиянию на подзаконное нормотворчество).

Более того, даже большинство экспертов рассматривают партийно-фракционный тип парламентской деятельности как наиболее эффективный способ реализации партийных функций²⁸⁴. В то же время отмечается возможность коалиционной основы для достижения указанных задач.

Разница здесь заключается в воплощении политических установок. Любая партия с полученным парламентским мандатом определяет либо до выборов, либо непосредственно после их проведения, кто именно будет представлять её интересы в парламенте. Как правило, это самые авторитетные партийные члены. Они должны быть носителями целой системы политических ценностей, выражаемых партией. Эти партийные представители ограничиваются определёнными идеологическими установками. На них распространяются особые партийные нормы, являющиеся разновидностью политических регуляторов.

²⁸³ Гончаров Л. А. Межпартийная конкуренция в структуре современной демократии: политико-институциональные особенности // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. №2. С. 173-175; Трофимов Евгений Александрович Политические партии и представительная демократия в современной России // Дальневосточный аграрный вестник. 2008. №2 (6). С. 94-96; Трунтягин Алексей Александрович Политические партии и демократическое правление // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2010. №3 (11). С. 68-75.

²⁸⁴ Парламенты: Сравнительное исследование структуры и деятельности представительных учреждений 55 стран мира = Parliaments / подготовлено М. Амеллером; пер. с англ. под ред. З.И. Луковников; вступительная статья Ф.И. Калинычева, В.В. Евгеньева. М.: Прогресс, 1967. С. 179; Багаева А.В. История парламентского права и его современная специфика // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2015. № 9. С. 90.

Тем самым выбор именно фракционной формы реализации парламентских возможностей позволяет оперативно наладить различные связи, необходимые для функционирования законодательного собрания. Речь идёт не только о внутренних связях. Фракционная дисциплина способствует ведению диалога и с иными ветвями государственной власти, и с электоратом, и со всем обществом²⁸⁵.

Структура регулирования парламентских возможностей, принадлежащих косвенно партиям, состоит из нескольких уровней. Прежде всего, происходит внедрение специального порядка, с помощью которого создаются фракционные группы. Как правило, все они подлежат парламентской регистрации. В частности, при этом может происходить ограничение численного состава одной фракции.

В рамках парламента выделяются фракционные полномочия. Определению подлежит объём таких полномочий. Чаще всего, он зависит от внутренней организации каждой отдельно взятой палаты парламента или региональной легислатуры.

Кроме того, устанавливаются нормы, направленные на регулирование отношений между фракциями. Аналогичным образом происходит регламентация их отношений с другими субъектами, к числу которых относятся отдельные депутаты и партии.

При этом может значительно различаться объём государственного вмешательства в соответствующие функции, составляющие содержание подобных парламентских отношений²⁸⁶.

Касательно образования парламентских фракций принято выделять две основы. В частности, партийный критерий распространён в избирательных системах, где принимает участие большая численность партий. Тем самым парламент по итогам таких выборов является многопартийным (Нидерланды, Франция). Как правило, подобный критерий содержится в самой конституции. Но допустимы варианты его регламентации через отдельный закон или даже через парламентский регламент.

Выделяется ещё один критерий. Его условно называют «численным». Он заключается в том, что фракция строится по определённом количеству депутатских мандатов. Все эти депутаты принадлежат при этом к одной партии.

На применение данного критерия влияют различные факторы. Это не только особенности партийной или избирательной систем, но и специфика парламентской деятельности. Например, необходимость учитывать при законотворческой деятельности интересы всех представленных в парламенте партий.

В Российской Федерации сегодня применяется промежуточный критерий. Он определён в актах, принятых самими палатами Федерального Собрания: в Регламенте Государственной Думы и в Регламенте Совета Федерации.

²⁸⁵ Курбанов Б.М. Выработка согласованных законодательных решений как конституционная цель (функция) фракций (партийных объединений) в составе парламента демократического правового государства (сравнительно-правовой анализ) // Правозащитник. 2014. № 4. С. 11; Куликов В.В. Место и роль партийных фракций в парламентах стран Запада: сравнительный анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2006. № 2. С. 194.

²⁸⁶ Яргомская Н.Б. Избирательная система и уровень партийной фрагментации в России // Полис: Политические исследования. 1999. № 4. С.122–129.

По Регламенту Государственной Думы²⁸⁷ допустимо существование двух типов депутатских объединений. В ст. 16 говорится о фракциях и группах. Несмотря на общее предназначение, принципы создания этих объединений не совпадают.

Так, фракция в Думе формируется из депутатов одного избирательного объединения. Речь идёт именно об объединении, при помощи которого такие депутаты шли на выборах в состав Государственной Думы. Однако участие во фракции не рассматривается в качестве обязанности депутата. Такое членство имеет строго добровольную основу.

К образовавшимся группам депутатов применяется уже численный критерий. Например, при нарушении минимальной численности участников группы последняя подлежит прекращению. По п. 3 ст. 18 Регламента Государственной Думы для этого даётся месячный период. Условием же выступает снижение количества депутатов при обязательном минимуме в 35 человек.

И у фракций, и у групп есть право на добровольное прекращение своей деятельности. Однако при этом может возникнуть такое негативное последствие, как запрет или ограничение участвовать в дальнейшем в определённых управленческих структурах нижней палаты парламента. Равным образом такой запрет может распространяться на участие в других органах, создаваемых или уже функционирующих внутри Думы.

Примечательно, что Регламент Государственной Думы не называет ряд стандартных способов, позволяющих реорганизовать деятельность фракций. Например, непонятно, допустимо ли фракционное слияние. Вызывает сомнения вопрос, могут ли депутаты выделять определённую группу из уже существующей фракции. Тем самым нет закрытого перечня оснований, по которым происходит прекращение фракционной деятельности. Это привело к образованию такой политической традиции, как существование фракции до конца срока депутатских полномочий, т.е. до истечения срока полномочий парламента к следующим выборам.

Парламентские фракции имеют право создавать руководящие органы в парламенте. Например, они устанавливают, кто будет Председателем соответствующей палаты. Фракции же определяют вице-председателей и других должностных лиц (секретарей). Последние могут осуществлять свои полномочия не только на постоянной основе. Аналогичное право касается формирования парламентских органов (комитетов, следственных комиссий и т.п.).

По ст.ст. 8-10 Регламента Государственной Думы её Председатель подлежит избранию. Кандидатуры на этот пост выдвигаются со стороны депутатских объединений. Однако допускается выдвижение и от отдельных депутатов. Что же касается избрания председателей комитетов и комиссий, то по ст. 22 Регламента Думы право на решение этого вопроса принадлежит лишь объединениям депутатов. Равным образом объединения формируют заместителей данных должностных лиц в парламенте.

В плане формирования фракций Регламент Государственной Думы воспринял основной институциональный принцип по пропорциональ-

²⁸⁷ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. (в ред. от 21.10.2016) № 2134- ПГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст.801; 2016. №26. Ст.3090.

ному представительству политических сил. По ст. 21 за его основу берётся численность соответствующих комитетов и комиссий. Примечательно также то, что формализации подвергнута сама процедура по избранию соответствующих персон, а не основания для определённого решения. Этот вопрос остаётся исключительно в политической плоскости.

Ещё одним политическим аспектом в кадровой структуре парламента выступает личность руководителя соответствующего комитета или комиссии. В данном плане не представляет особой значимости количество представителей одной фракции в определенном органе. Итоговые решения эти структурные звенья принимают с учётом воли руководящего лица. Это тоже считается зоной политической влияния. Вместе с тем в институциональной плоскости требуется проведение соответствующего голосования при принятии всех вопросов, отнесённых к полномочиям того или иного органа внутри парламента.

Не подвержены также государственному регулированию различные соглашения партий и фракций по ключевым вопросам парламентской деятельности. Регламент Государственной Думы вообще не называет подобных возможностей применительно к партийным группам, в то время как законодательно такие возможности не запрещены.

Таким образом, можно констатировать эксклюзивность партийных функций не только в плане участия в выборах, но и по своему представительству в парламентских органах. Тем самым парламентские партии, в отличие от остальных, вправе выдвигать любую кандидатуру на президентских выборах без прохождения этапа по сбору и подтверждению подписей избирателей.

Партии же, не приобретшие парламентских прав, обязаны предоставить Центральной избирательной комиссии РФ не менее 100 тыс. подписей, собранных не менее чем в 40 субъектах федерации. В то же время самовыдвиженцы, не имеющие партийной основы в своей электоральной деятельности, должны собрать не менее 300 тыс. подписей избирателей в свою поддержку.

Вместе с тем приведённые ограничения по реализации избирательных функций политических партий далеко не статичны в Российской Федерации. Законодательство, устанавливающее особенности реализации отдельных партийных прав и обязанностей, меняется столь стремительно, что не успевает сформироваться соответствующая политическая практика. Можно согласиться с оценкой А.Е. Любарева, что с 1988 года по мере трансформации избирательной системы постоянно меняются правила проведения выборов²⁸⁸.

Ещё ни одна избирательная кампания не проводилась по закону, действующему сколько-нибудь продолжительное время. По итогам каждого выборов вносились не только декоративные уточнения по отдельным условиям участия партий в избирательных процессах, но и серьёзные изменения.

Так, после вступления в силу Конституции РФ произошёл активный рост различных избирательных объединений и блоков. Указанная тенденция вызвала потребность скорректировать институциональные рамки в деятельности общественных объединений. В свою очередь, менялись и условия реализации избирательных прав, принадлежащих гражданам.

²⁸⁸ Любарев А.Е. Выборы в Москве: Опыт двенадцати лет 1989 – 2000 / А.Е.Любарев. М.: Стольный град, 2001. С. 12.

Указанные объективные события выразились в принятии в 2002 г. Федерального закона № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»²⁸⁹. В результате он заменил собой целую группу нормативных актов, так или иначе регулировавших ранее избирательные процессы, проходившие на высшем уровне.

Кроме того, федеральное избирательное законодательство всегда строилось на сегментарной основе. По поводу выборов отдельного органа или должностного лица существует специальный закон вместо привычного для континентальной правовой системы единого кодифицированного акта. В этой связи следует выделить политический опыт отдельных субъектов Российской Федерации, в которых действуют собственные избирательные кодексы (например, в г. Москва, в Республике Татарстан).

Такой динамичный характер в изменениях избирательного законодательства получил в политической доктрине наименование «интенция»²⁹⁰. Они выражаются в модификациях правовых норм без затрагивания институциональных рамок определённого процесса.

Зачастую сами законы закладывают диапазон тех трансформаций, которые обязательно произойдут после определённого электорального цикла. В качестве примера можно назвать ст. 99 Федерального закона от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»²⁹¹.

Аналогичная картина наблюдается и на современном этапе институционализации. В частности, избрание депутатов в 5 и 6 составы Государственной Думы Российской Федерации проводилось только по партийным спискам и с установлением 7-процентного избирательного порога для прохождения партий в нижнюю палату парламента. Правда, партии, которые потенциально набрали на выборах 2011 г. от 5 до 7 %, могли бы претендовать на несколько мандатов в новом составе Думы. В действительности, ни одна партия в такой диапазон голосов не уложилась, поэтому данное право никем не осуществлялось.

Напротив, избрание последующих составов Думы, включая 7 созыв в 2016 г., происходило в смешанном порядке, т.е. половина по партийным спискам, половина по одномандатным округам. Более того, это сопровождалось снижением избирательного порога до прежне действовавших 5%. И, опять же, законодательство предполагает предоставление единичных мандатов партиям, которые приблизились к указанному барьеру, но не преодолели его.

²⁸⁹ Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 05.04.2016) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 24. – ст. 2253; 2016, N 15, ст. 2054.

²⁹⁰ Медведев В.Н. Об изменениях избирательного законодательства в условиях российской многопартийности // Вопросы политологии. 2012. № 3 (7). С. 22-31; Аглеева Л.Т. Проблемы правового регулирования предвыборной агитации в свете изменений избирательного законодательства // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 7. С. 17-19; Босова Е.Н. Изменения избирательного законодательства как фактор развития избирательной системы // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 2 (40). С. 84-87.

²⁹¹ Федеральный закон от 18.05.2005 № 51-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 21. – ст. 1919; 2013. – № 27. – ст. 3439. (утратил силу).

Подобное варьирование через законодательные поправки является яркой правовой тенденцией Российской Федерации в политической сфере. Поэтому даже в действующих нормативно-правовых актах нередко встречается словосочетание «текущее законодательство».

В правовой философии подчёркивается возможность законодателя использовать интенциональную природу нормативных актов²⁹². В политическом же ключе речь идёт об определённых условиях, которые ставит сам закон²⁹³. Тем самым частые замены одних норм на другие, их подстройка под новые политические реалии отрицательно влияют на демократическую культуру, но выражают поиск оптимальной конституционной реальности. Это не является политической традицией, как в случае с парламентской деятельностью. Однако такая манипуляция с законодательным материалом превращается в инструмент устранения определённых политических партий за счёт ограничения средств осуществления принадлежащих им возможностей.

Так, изменение избирательных функций у партий становится условием модификации их соответствующей субъектности в рамках избирательного процесса. Данные трансформации влияют на политическую систему и, соответственно, на политический режим Российской Федерации. Рассмотрим это на примере редакций Федерального закона № 95-ФЗ за последние годы.

С 2011 по 2013 годы вносились наиболее серьёзные поправки в партийное законодательство. Все они имели предназначение по снижению объёма государственных требований к политическим партиям.

В частности, редакция закона от 4 апреля 2012 г. оценена никак иначе, как реакция на оппозиционную активность. Причём, речь шла именно о внесистемной оппозиции, не имеющей твёрдой партийной основы по прежним нормам Федерального закона № 95-ФЗ. Уличные протесты, усилившиеся с декабря 2011 г. и продолжавшиеся по май 2012 г., считаются одним из социально-политических факторов резкой либерализации партийного права²⁹⁴.

Стабилизация общества не обеспечивалась сохранением прежней концепции партийного законодательства. Действия внесистемной (внепартийной или псевдопартийной) оппозиции нуждались в опережении, что повлекло ровно 16 поправок. Все они значительно изменили траекторию институционализации российских политических партий. Однако их принятие происходило по известной скорости, сопровождавшей появление первоначального текста Федерального закона № 95-ФЗ ещё в 2001 г.

²⁹² Миронов А.Л. Развитие конституционно-правовых основ государственного управления в системе текущего законодательства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. № 4. С. 47; Аничкин Е.С. Основные пути конституционализации текущего законодательства России // В сборнике: Конституция Российской Федерации: социальные ориентиры, практика реализации (к 20-летию Конституции Российской Федерации) материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ответственный редактор С. В. Землюков. 2014. С. 62.

²⁹³ Лемонджав Р.Р. О правомерности закона в условиях представительной демократии в России // Общество и право. 2012. №2 (39). С. 66 -70; Кабарухин Д.И. Федеративная государственность и гражданское общество: институционально-правовые формы взаимодействия // Вестник ТГУиЭ. 2011. №2. С. 62-65.

²⁹⁴ Румянцев А.Г. Много партий хороших и разных?.. Анализ изменений российского закона «О политических партиях» с точки зрения экономической теории демократии // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 6 (91). С. 57-75; Надольная А.А., Панько А.Г. Оппозиционные партии в политическом поле современной России: попытка типологизации // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012. № 1 (60). С. 267-271.

В частности, когда законопроект проходил обсуждение в Государственной Думе, были значительно урезаны сроки для возможности внести в него изменения. Такая тенденция обосновывалась, прежде всего, тем обстоятельством, что истекал срок президентских полномочий Д.А. Медведева, а также последующим скорейшим погашением протестной активности оппозиционно настроенных масс²⁹⁵.

Изменённый в пользу «либерализации» процесса по созданию партий Федеральный закон № 95-ФЗ преследовал цель легализовать так называемую «внесистемную оппозицию»²⁹⁶. Тем самым большинству «незарегистрированных партий» представилась прекрасная возможность обрести долгожданный официальный статус и начать участвовать в избирательных процессах хотя бы на муниципальном уровне.

С другой стороны, ряд исследователей отнеслись критично к подобным законодательным трансформациям. Так, снижение минимальной численности партийных членов до 500 было расценено как возвращение к т.н. «микропартиям»²⁹⁷. Говорилось о прямой дестабилизации политической системы и о негативных тенденциях в избирательном процессе. Если малочисленная партия не набирает достаточного для избирательного порога количества голосов, то интересы её избирателей остаются неучётными. На фоне разрастания подобных партий повышался риск увеличения доли российских граждан, разобщённых в партийном плане²⁹⁸.

Даже в стенах Совета Федерации рассматриваемые поправки вызвали глубокую озабоченность. Чрезмерное количество партийных организаций, которое неизбежно появилось бы в результате принятия соответствующего закона, направлено на дезориентацию избирателей²⁹⁹. Тем более данный тренд становится очевиден на фоне дублирующихся программно-целевых установок, демонстрируемых «карликовыми партиями». Однако указанные опасения не оправдались.

²⁹⁵ Федоров В.А. Совершенствование российской политической системы и роль оппозиционных партий // Труд и социальные отношения. – 2012. – № 7. – С. 131; Ефимович Н.В. Проблемы становления доминирующей политической партии в России // Актуальные проблемы современной науки. – 2013. – № 4. – С. 119; Кислищны И.С., Кислищны С.А. Сайты политических партий – каковы перспективы? Анализ интернет-коммуникаций в период избирательных кампаний 2007-2012 гг. // Политическая наука. – 2013. – № 1. – С. 225; Иванова М.В. Партийная реформа в период правления Президента В.В. Путина // Ars Administrandi. – 2010. – № 2. – С. 68.

²⁹⁶ Манцуров С.О. Понятие «внесистемная оппозиция» в современном политическом дискурсе // Наука и образование сегодня. 2016. №7 (8). С. 48-50; Ефанова Е.В., Лукьяненко К.К. Оппозиция и стабильность в российской Федерации: институционализация и конфигурация // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2012. №4. С. 89-93.

²⁹⁷ Гудков Л.Д., Башлыкова Н. У населения есть запрос на настоящую партию // Коммерсантъ Власть. 2012. № 18. С. 14; Назаров И.И. Элитарно-патронажная система управления политическими партиями в России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 5. С. 16; Айзатуллин М.М. Проблемные моменты соблюдения политических партиями прав избирателей // Юридический мир. 2011. № 5. С. 53.

²⁹⁸ Иванова В.А. Новый закон о партиях – смена формы или изменение принципов? // Власть. 2012. № 7. С. 119; Цапко М.И. Современное состояние и основные направления совершенствования законодательства о политических партиях // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 2. С. 79; Амиров М.Г., Булатов О.Ш. Конституционно-правовые новеллы в законодательстве Российской Федерации о политических партиях: проблемы и перспективы применения на практике // Юридический вестник ДГУ. 2013. № 1. С. 60.

²⁹⁹ Сизых Ю.А. «Либерализация законодательства о политических партиях в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 1. С. 48; Шашкова Я.Ю. Перспективы реформирования электорального пространства Российской Федерации в контексте новелл законодательства о партиях // PolitBook. 2012. № 1. С. 118; Альтенталлер Д.Н. Трансформация законодательства о политических партиях // Вопросы политологии. 2011. № 1. С. 64.

Например, на президентские выборы в 2018 г. из числа непарламентских партий своих кандидатов выдвинули лишь 20 партийных организаций из 74 зарегистрированных в Министерстве юстиции РФ. Однако в итоговый избирательный бюллетень попали представители только 5 непарламентских партий и 1 самовыдвиженец.

Другим объектом тревожности у специалистов и государственных деятелей выступал национальный вопрос. Учитывая малочисленность партий по новой трактовке Федерального закона № 95-ФЗ, увеличился шанс обретения организационных форм со стороны националистских движений³⁰⁰. В то же время практика продемонстрировала несостоятельность и этих опасений, поскольку никакой дискредитации партийного строительства в Российской Федерации за последние годы не наблюдалось³⁰¹.

Помимо требования к общей численности партийных членов изменился подход и к региональным отделениям партий. С поправками 2012 г. численность членов в них может устанавливаться только самой партийной организацией. Вслед за этим нововведением утратило свою актуальность соответствующее основание для приостановления регистрации партии и для её принудительной ликвидации.

В пользу увеличения изменился период, на протяжении которого партии должны были принять участие в выборах. В частности, с 2012 г. в качестве такого считается семилетний электоральный диапазон (вместо прежнего пятилетнего срока). Тем самым при отсутствии реализации указанной обязанности партии по-прежнему могут быть закрыты в принудительном порядке.

Появилось приостановление регистрации партии в момент её создания. В частности, Министерство юстиции РФ наделено соответствующим правом при выявлении нарушений в поданной партийной документации. Срок приостановления составляет три месяца. При этом заявителю должно быть разъяснено, что именно послужило основанием для приостановления.

Более того, Министерство юстиции получило полномочие по формулированию рекомендаций касательно данного вопроса. Аналогичным образом установился порядок при отказе в государственной регистрации партии.

Также либерализация законодательства затронула финансовую отчётность политических партий перед государством. До поправок 2012 года все партии ежегодно исполняли отчётную обязанность и перед Центральной избирательной комиссией РФ, и перед Министерством юстиции РФ. Последняя инстанция исчезла из норм, регламентирующих теперь порядок исполнения данной юридической обязанности. Одновременно с этим стал длительнее срок такого исполнения. Вместо ежегодного периода сейчас применяется трехлетний.

Поскольку идеи институционализации всегда связаны с прогрессом, с выбором определённого пути развития, любой модернизационный этап в

³⁰⁰ Шрайбер А.Н. Проекты решения демографических проблем современной России политическими партиями // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2012. № 4. С. 234; Хованская Е.В. Политическая партия – власть – элита // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. № 4. С. 271; Решетников О.М. Политическая партия – общественное объединение // Современные гуманитарные исследования. 2013. № 1. С. 83.

³⁰¹ Назаров И.И. Партия власти как специфические фактор формирования новой модели партийной системы постсоветской России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 118. № 2. С. 230; Турищева Н.Ю. Политическая партия как субъект избирательного процесса регионального уровня // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 5. С. 38; Мальцева К.Ф. Партия власти в России: специфика идеологического оформления // Общественные науки. 2011. № 6. С. 243.

формировании партийного законодательства фиксирует соответствующую партийно-политическую реальность.

Тем самым условия, при которых государство лишь минимально будет воздействовать на данные организации, позволит фактическим обстоятельствам повлиять на «жизнеспособность» партий. Это можно было наблюдать на примере парламентских выборов в 2016 г., когда из 77 зарегистрированных партийных организаций фактически приняли участие только 14, а сумели преодолеть избирательный порог – 4 партии, помимо 2 одномандатных кандидата от партий «Гражданская платформа» и «Родина».

Рассмотренные новации партийного законодательства следует признать вторичными в институциональном плане. Значение функций Министерства юстиции в осуществлении контроля над партийными организациями сложно переоценить. Тот факт, что в действующей редакции закона введены более жёсткие ограничения на деятельность органов власти при их общении с партиями, можно рассматривать как шаг вперёд. Однако этот шаг явно недостаточен³⁰².

Вместе с тем стоит констатировать, что отечественное партийное законодательство на современном этапе находится в постоянной динамике, которая ведёт к нестабильности института политических партий. На стадии формирования специальных правовых норм в области партийных отношений, что пришлось на 1990-2000-е гг., такую динамику можно было обосновать необходимостью временных издержек для соответствующего институционального оформления политической системы. Но сегодня столь значительное изменение одного из базовых законов, определяющих правила политической деятельности в России, снижает уверенность публичных акторов в сложившихся институтах и нормах³⁰³.

Одним из основных условий демократических режимов выступают доступные и прозрачные нормы для участвующих политических игроков. В российском сегменте политики вопрос о стабилизации законодательной базы, регулирующей соответствующие отношения, по-прежнему остаётся актуальным. Но обеспечить устойчивое развитие России могут неизменные нормы, направленные на защиту демократических ценностей.

Аналогичным образом необходимо вести речь и о стабильности политической практики. Стадия осуществления партийных функций неизбежно меняется вслед за законодательством, а значит, в её рамках невозможно говорить об институционализации, которая предполагает определённую стабильность, ведь политические ценности и принципы остаются прежними. Напротив, постоянная трансформация в восприятии таких ценностей негативно сказывается на всём процессе институционализации.

В качестве дефекта в действующем механизме контроля остаётся государственное вмешательство во внутренние партийные дела. Тем самым нарушается известная свобода партий на собственное управление и превышены пределы государственного регулирования партийной деятельности.

³⁰² Грачев Н.И. Концепция народного суверенитета: происхождение, практика реализации и основные противоречия // *Философия социальных коммуникаций*. 2009. № 7. С. 43; Галкина Е.В. Демократия и гражданское общество: поиск оптимальных моделей и путей развития // *Власть*. 2009. № 4. С. 42; Ларионова Ю.В. Российская политическая оппозиция в условиях укрепления вертикали власти в начале XXI века // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. 2009. № 8. С. 22.

³⁰³ Завадская М.А. Проблема измерения политической институционализации: современное состояние исследований // *Политическая наука*. 2009. № 3. С. 61; Степанченко В.А. Вектор трансформации политической системы России: феномен малопартийности // *Власть*. 2009. № 9. С. 23.

ГЛАВА III. КРИТЕРИИ, СОДЕРЖАНИЕ И ЭТАПЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

3.1. Критерии институционализации политических партий

Процесс институционализации политических партий подразумевает, что некоторые партии более сильно институционализированы, а некоторые партии институционализированы в меньшей степени. Для более точного определения данных различий предлагается использовать критерии институционализации партий: длительность существования партии, уровень электоральной поддержки, обладание ее представителями депутатскими местами в органах власти разного уровня и муниципальных органах, наличие внутрипартийных конфликтов и расколов. Для российских партий не свойственно обладание должностями в органах исполнительной власти, поэтому данный критерий не включен в указанный выше перечень.

В современной России именно «партия власти» достигла наивысших показателей политической институционализации. «Единая Россия» доминирует в Государственной Думе РФ. Ее фракции также доминируют в органах представительной власти субъектов России и в органах представительной власти муниципального уровня. Уровень электоральной поддержки «Единой России» остается высоким, хоть и изменяется в связи с общественными и экономическими потрясениями. Падение электоральной поддержки «Единой России» в 2011 году было компенсировано воссоединением Крыма с Россией в 2014 году.

«Единая Россия» уступает Коммунистической партии Российской Федерации и Либерально-Демократической партии Российской Федерации с точки зрения длительности существования. Указанные выше оппозиционные партии также являются высоко институционализированными. Из парламентской «четверки» наименее институционализированной партией является Справедливая Россия. Наименее институционализированными партиями в России являются внепарламентские партии, лишенные всякой возможности влиять на политический процесс в России.

Институционализация, как процесс обретения организационных форм партийных отношений, протекает в определённом порядке. Она всегда подвержена влиянию политических тенденций. Их возникновению и развитию способствует большой комплекс факторов, с учётом которых государство выбирает направление и форму навязывания институциональных условий, т.е. определяет характер влияния (на гражданское общество или от гражданского общества).

Одно из базовых определений политической институционализации выдвинул С. Хантингтон. Он понимал её как процесс, в котором определённые организационные формы и используемые процедуры становятся устойчивыми, т.е. представляют собой некую ценность³⁰⁴. В связи с этим учёный выделял критерии указанного процесса, по которым допустимо проводить измерения. В частности, это четыре шкалы³⁰⁵:

- 1) «адаптивность – ригидность»;
- 2) «сложность – простота»;

³⁰⁴ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 52–53.

³⁰⁵ Там же. С. 34.

- 3) «автономность – зависимость»;
- 4) «сплоченность – раздробленность».

Впрочем, не все названные критерии получили поддержку со стороны других исследователей. Так, Г. Бен-Дор настаивал на том, что существуют и иные критерии институционализации, которые могут иметь определяющее значение (например, функциональность)³⁰⁶. Кроме того, некоторые из предложенных Хантингтоном критерии вовсе могут быть исключены (такие, как сложность и ригидность). Поэтому в современной политической науке принято использовать разные индексы, позволяющие измерить институциональные тенденции политических партий: отдельно взятой партийной организации (индексы микроуровня)³⁰⁷ и всей партийной системы (критерии макроуровня)³⁰⁸.

А. Панебианко понимал институционализацию политических партий тоже в качестве процесса, в результате которого определённая организационная форма превращается из инструмента политической борьбы в самостоятельный актор публичной политики³⁰⁹. Из данного определения учёный выводил лишь парный характер соответствующих критериев:

- 1) системные связи, при которых институт (политическая партия) взаимодействует с политической средой и с другими институтами;
- 2) степень независимости партийных организаций при принятии большинства решений.

Применительно ко многим партийным отношениям механизмы институционализации достаточно статичны. Однако воздействие на партийную деятельность (прежде всего, со стороны государства) сопряжена с постоянным поиском оптимальной политико-правовой модели по государственному контролю над политической сферой и гражданским обществом. Этим объясняется, прежде всего, выделение этапов институционализации политических партий в России.

На каждой отдельно взятой стадии институционализации наблюдается свой набор обстоятельств, определяющих содержание соответствующих критериев.

К примеру, в 1990-е гг. доминировали социальные и исторические факторы, что выразилось в отсутствии консолидированной нормативно-правовой базы для функционирования партийных организаций. В этом заключалось воплощение идеи свободы образования партийных объединений с пёстрой палитрой возможностей, позволяющих им воздействовать на государственную власть.

³⁰⁶ Ben-Dor G. Institutionalization and political development: A conceptual and theoretical analysis // *Comparative studies in society and history*. – Cambridge, 1975. -Vol. 17, N 3. – P. 315-316.

³⁰⁷ Сорокин А.Г. Институционализация социал-демократических партий России: исторический опыт и современность // ИСОМ. 2014. №1. С. 67-71; Дюгурова А.И. Индикаторы институционализации политических партий в России // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2011. №1. С. 173-180.

³⁰⁸ Дюгурова А.И. Институционализация партийных систем: введение в проблему // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2010. №1. С. 199-204; Паунежева Г.Х. Институционализация политических партий современной России и мировой опыт партийного строительства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. №4. С. 234-238.

³⁰⁹ Panebianco A. Political parties: Organization and power. – Cambridge: Cambridge univ. press. 1988.

Напротив, в начале 2000-х гг. наглядными становятся собственно политические обстоятельства, которые повлияли на установление отдельных институциональных ограничений и изменение парадигмы партийного строительства. Трансформация института партий в рамках парламентского и избирательного процессов на протяжении 2005-2012 гг. была связано в большей степени с экономико-политическими и социальными предпосылками, которые, в общем виде, предопределили последние редакции нормативно-правовых актов в области партийных отношений.

Аналогичные политические факторы наблюдаются на примере корректировки института выборов в 2012³¹⁰ и в 2014 гг.³¹¹. Это выразилось в дебюрократизации процедуры вступления в избирательный процесс по парламентским выборам в 2016 г., но исключительно для некоторых российских партий.

Исследователи назвали данное явление «федеральной квалификацией»³¹². В частности, она означает освобождение от обязанности сбора подписей для тех партийных организаций, которые так или иначе задействованы в современной политической системе.

В качестве таковых можно выделить три основные группы участников:

1) партии, которые были представлены в Государственной Думе VI созыва. Их всего 4 – «Единая Россия», «Либерально-демократическая партия России», «Коммунистическая партия Российской Федерации» и «Справедливая Россия»;

2) партии, которые продемонстрировали на парламентских выборах 2011 г. 3-процентный показатель в общей сумме собранных ими голосов. К такому относится лишь одна действующая партийная организация – «Яблоко»;

3) партии, представленные хотя бы в одном региональном законодательном собрании. Таковых оказалось довольно много. Среди них выделялась партия «Коммунисты России», известная своими административными исками и жалобами на действия КПРФ и иных партий. Также среди известных избирателю партийных структур значились – «РПР-ПАРНАС», «Российская партия пенсионеров за справедливость», «Родина», «Гражданская Платформа» и др.

В законодательном порядке реализация функции данных политических партий на участие в избирательной кампании было упрощено. Это производилось за счёт занижения уровня требований, исполнение которых обеспечивало попадание на выборы.

³¹⁰ Федеральный закон от 2 мая 2012 г. N 41-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с освобождением политических партий от сбора подписей избирателей на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. N 19. ст. 2275.

³¹¹ Федеральный закон от 22.02.2014 N 20-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. N 8. ст. 740.

³¹² Кандыба Р.А. Факторы, определяющие особенности думской избирательной кампании 2016 г. // В сборнике: «Научный взгляд на современное общество». Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2015. С. 120; Данилов М.В. Влияние изменений в правовом регулировании участия политических партий в выборах на формирование партийной системы с доминирующей партией // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2015. Т. 15. № 2. С. 77.

Что же касается других партий, то их возможность на участие в парламентских выборах осталась неизменной, т.е. осуществлялась в общем порядке. Обосновывалось такое положение тем обстоятельством, что они появились в политической системе относительно недавно, не вызвав особых достижений даже на региональном уровне.

Применительно к тем партийным структурам, которые уже имели определённый политический стаж своей деятельности, напротив, ставилась в упрёк их незначительная активность на прежних выборах. Это согласуется с обязанностью политических партий участвовать в избирательной системе на протяжении определённого периода, в противном случае им может грозить принудительная ликвидация (пп. «в» п. 3 ст. 41 Федерального закона № 95-ФЗ).

Собственно, именно такую институциональную трансформацию обещал Владимир Путин. В частности, в 2012 г. в рамках форума «Селигер – 2012» на вопрос о необходимости подобной модели либерализации государственного контроля за политическими партиями он ответил, что новые политические силы, желающие приобрести партийный статус, только таким образом сумеют понять степень своей общественной поддержки³¹³.

Идея модернизации партийных отношений, основанная на конституционном принципе многопартийности и политического плюрализма, показала с 2012 г. избирательный подход государства в реализации принципа равноправия политических партий. Так, для одних партийных структур это выразилось в явной поддержке за счёт льготного порядка реализации их функций. Другие же партии оказались перед значительным барьером на пути к выборам, преодолеть который никто из них не смог.

Исходя из таких изменений партийного законодательства, в политической доктрине выделилось несколько теорий. Все они обосновывают избирательность к партийным организациям. В частности, на это сказываются критерии развития политической практики.

Так, по мнению одних исследователей, государственное вмешательство в деятельность политических партий имеет институциональную основу³¹⁴. Это означает ориентацию государства на социально-политические институты. Тем самым сначала происходит формирование соответствующей политической картины в построении партийных отношений, а затем фиксируются наиболее значимые для них достижения, в том числе в виде допуска отдельных партий на выборы.

Данное течение в политической науке получило название «социологическое направление»³¹⁵. Её ключевой смысл сводится к необходимости

³¹³ Стенограмма встречи представлена на электронном портале «Наша молодёжь». [Электронный ресурс]. URL: http://nasha-molodezh.ru/go/forums/vstrecha_vladimira_putina_s_uchastnikami_foruma_seliger_2012_chast_1.html Доступ – свободный (дата обращения: 28.01.2016).

³¹⁴ Заславский С.Е. Политические партии России (процесс правовой институционализации). Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2004. С. 51; Бойко С.И. Регулирование связей политической партии с институтами государственной службы в контексте обеспечения политической стабильности // В сборнике: Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Военная академия войсковой ПВО ВС РФ; Научный редактор Амозов В.Г. 2010. С. 33; Зими́на Н.В. Институционализация политических партий как политико-правового института в современной России (региональный аспект). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Чита, 2008. С. 32.

³¹⁵ Котляров И. В. Социологическая модель изучения политических партий // Социологический альманах. 2012. № 3. С. 204-222; Хуако Заур Юсуфович Партии в контексте исторической и политической социологии // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 3 (124). С. 155-162.

определения абсолютной истины для любого института. Однако достичь этой цели можно исключительно за счёт оценки соответствующих общественно-политических связей в объективной реальности.

Сторонники социологического направления в институционализации партийных отношений выделяют следующие критерии:

- фактические особенности формы государственного правления;
- реальное государственно-территориальное устройство с объёмом прав отдельных или всех территорий, входящих в государство;
- особенности развития и изменения политической практики;
- специфика избирательной системы и её доступность организованным политическим силам;
- трансформация политического режима;
- особенности политической культуры;
- специфика социальной структуры общества³¹⁶.

Первооткрывателем рассматриваемой теории стал М. Дюверже, спроецировавший политическую реальность на партийные возможности³¹⁷. Благодаря его выводам о несовпадении партийных условий для развития гражданского общества были выявлены особенности, свойственные отдельным политическим системам. В частности, в российской доктрине появились сторонники исключительно политических условий, определяющих объём партийных возможностей³¹⁸.

Такая институциональная направленность имеет под собой историческую основу. Во всех системах партии создавались в условиях, когда не существовало соответствующего государственного признания их статуса. Как правило, появление первых специализированных партийных условий происходило уже на фоне влияния отдельных партийно-общественных объединений. Тем самым закон, включая конституцию, лишь констатировал наличие у них определённых возможностей. Примерно схожую картину можно было наблюдать в постсоветский период с последующим появлением ограничительных требований в Федеральном законе № 95-ФЗ.

Вместе с тем, обозначенная теория не учитывает влияние самих законов на партийные возможности. Очевидно, что в российских условиях они имеют большее значение на фоне фактически существующих протопартийных организаций.

В этой связи в политической доктрине имеется другая теория институционализации – этатистская³¹⁹. В ней за первооснову берутся политические установки, а точнее – направления государственной политики в области партийных отношений. Поэтому каждый раз объём возможностей

³¹⁶ Заславский С.Е. Политические партии России: Проблемы правовой институционализации. М.: Институт права и публичной политики, 2003. С. 48.

³¹⁷ Дюверже М. Политические партии / Пер. с фр. Л. А. Зимин. М.: Акад. проект, 2000. С. 21–22.

³¹⁸ Князева М.А. Политологический анализ роли российских политических партий в современных условиях // Власть. 2010. № 7. С. 31–34; Радько Д.В. Партообразование в кризисных условиях // Теория и практика общественного развития. 2011. № 7. С. 200–202.

³¹⁹ Голосов Г. В. Партийные системы России и стран Восточной Европы: генезис, структуры, динамика. М.: Весь Мир, 1999. С. 64; Кичигин Г.Е. Воздействие партийного законодательства и законодательства о выборах на статус политической партии в регионе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7-2 (33). С. 54; Волкова Е.А. Куда идет законодательство о политических партиях // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 1. С. 30.

политических партий зависит от государственного усмотрения, т.е. от доминирующей в стране политической силы, способной не только принять, но и реализовать соответствующие задачи³²⁰. Тем самым партийные структуры либо соглашаются на предложенный вариант, либо стремятся повлиять на его изменение.

Спроецировав данную модель на российский институт политических партий, прослеживаются очевидные тенденции определяющей воли государства в институционализации партийных отношений. Причём это происходит далеко не только на официальном бюрократическом уровне, но и в неформальных политических практиках. Проследить эту особенность можно на примере постсоветского периода, когда образовалось огромное количество общественных объединений, претендующих на получение статуса политических партий.

В частности, этому процессу отнюдь не препятствовал Закон СССР «Об общественных объединениях» ещё в 1991 г. По его положениям партии распускались на фоне других общественно-политических организаций. Это выражалось в провозглашении одинаковых для них принципов. Так, и партийные, и непартийные организации функционировали в условиях добровольности, законности и гласности. Для их членов провозглашалось равноправие. В качестве гарантии государственного невмешательства устанавливался принцип самоуправления данными организациями.

Тем самым вертикальный порядок институционализации политических партий практически отсутствовал. Это обеспечивалось целью значительного увеличения гражданской активности через партийные и иные организационные структуры. В то же время допустить все образовавшиеся политические силы в парламент не представлялось возможным. Особенно актуальным является решение подобной проблемы на фоне излишне похожих друг на друга предвыборных программ.

В таком ракурсе возникает потребность в вертикальном ограничении возможностей объединённых политических структур. Примером этого служит Указ Президента, который определяет избирательный порог. В частности, он устанавливался как барьер к прохождению в Государственную Думу. Изначально он составлял 5% от общего числа голосов избирателей, что существенно ограничило шансы многих избирательных блоков на получение депутатских мандатов³²¹.

Аналогичный механизм воздействия на партийные отношения применялся при проведении вторых демократических парламентских выборов. Несмотря на то, что в 1995 г. был принят новый вариант Федерального закона «Об общественных объединениях» (№ 82-ФЗ), партийные функции по-прежнему исключались из его предмета регулирования. Такая ситуация политико-правовой неопределённости позволяла партиям иметь широкие свободы, упирающиеся исключительно в их политический успех.

³²⁰ Курманов М.М. Политические партии в законодательном органе государственной власти субъекта Российской Федерации: законодательство и первые практические итоги // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2004. № 3. С. 02; Амиров М.Г., Булатов О.Ш. Конституционно-правовые новеллы в законодательстве Российской Федерации о политических партиях: проблемы и перспективы применения на практике // Юридический вестник ДГУ. 2013. № 1. С. 60.

³²¹ Гаджимагомедов Г.А., Ивлиев Г.П. Участие Правительства Российской Федерации в законодательной деятельности. М.: Норма, 2008. С. 37.

Примечательно, что точно такие же возможности по Федеральному закону 1995 г. «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» признавались за избирательными объединениями. При этом подобный статус предоставлялся той общественной организации, которая официально закрепила целью своей деятельности – выборы. Для реализации данной установки достаточно было лишь закрепить указанное условие в её уставе. Не удивительно, что воспользоваться этой возможностью пожелали порядка 273 организации, в числе которых значились даже профсоюзы³²².

Собственно, конституционные абстракции в виде многопартийности и политического плюрализма не имели детализации в государственной политике Российской Федерации. Поэтому институциональных различий между партиями и иными политическими структурами не требовалось проводить. Все они при фактических возможностях могли влиять на государственно-управленческие решения. Однако именно партийные организации, а не депутаты-одномандатники, пользовались повышенным интересом у электората. Их специализация исключительно на избирательные кампании позволяла говорить о политических отличиях на фоне непоследовательных объединений и блоков.

Тем самым в качестве ведущего критерия такой институционализации, при которой не требуется наличие специальных законов относительно политических партий, выступают электоральные предпочтения. Излишнее участие большого количества движений и объединений само по себе стало барьером в получении парламентских мест.

Кроме того, установить политические предпочтения таких участников даже на профессиональном уровне – представлялось особой проблемой, ведь необходимо было ознакомиться с десятками избирательных программ. Тем самым электоральное поведение российских граждан оказалось по-европейски предсказуемым и шло вразрез с законодательными положениями: консолидированные структуры получили у них больше доверия, чем блоки и союзы, несмотря на короткие сроки их истории. Т.е. партия, как постоянно действующая организация с выраженными корпоративными элементами, стала ключевым звеном в пёстрой палитре политических объединений. Отсюда вектор развития их функций стал приобретать более очерченный ориентир.

Исходя из этого, первичным критерием институционализации российских партий являются особенности избирательного процесса с фактическим поведением электората. На фоне разъединения или объединения условий, направленных на признание тех или иных партийных организаций, граждане голосуют за более понятные и известные им общественно-политические силы. Тем самым длительность существования партии в условиях отсутствия подобного институционального требования выступает одной из политических гарантий их «узнаваемости» в глазах рядовых избирателей. Напротив, появление новых оформленных политических структур, претендующих на место в парламенте, не всегда достигает в России заявленной задачи.

Данный вывод нагляден в тех условиях, когда происходит неконтролируемое государством увеличение политических организаций. Без сфор-

³²² Иванченко А.В., Любарев А.Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 94.

мированного коллективного электорального мнения невозможна демократическая избирательная система. Подобным образом политическая практика постепенно обретает институциональные и системные черты. Причём данная тенденция возможна даже в условиях ограниченной электоральной конкуренции между партийными структурами.

Однако временной фактор в формировании «стажа» проведения избирательных кампаний со стороны партийных сил требует более легальных методов политической борьбы. Если ранее они основываются исключительно на политических нормах, то со временем появляется потребность трансформировать их в правовые нормы.

Как правило, в этом процессе увеличивается императивное начало. Без него невозможно провести грань между партийными и непартийными организациями. Следует отдельно отметить, что подобные инструменты политической борьбы до сих пор не сформированы в отечественном партийном и избирательном законодательстве, позволяя по-прежнему использовать недемократические технологии для формирования воли избирателей.

Закон в данных условиях, на мой взгляд, следует считать лишь формой институционализации, в которой выражается господствующая политическая воля. Следовательно, даже в оформленном виде политический процесс сопровождается закономерными решениями, в том числе одобренными демократическим большинством в ущерб себе. Рассмотрим эти «негативные» в институциональном плане последствия для функций политических партий.

Прежде всего, рамки партийной системы, сформулированные в Федеральном законе «О политических партиях», резко сузили политическое пространство при формировании представительных учреждений российского государства. Если ранее имелось право на участие избирательных блоков и прочих объединений, составлявших большинство на предвыборном этапе, то с 2001 г. такие участники приобретают чёткую институционализированную платформу.

Если жизнеспособное объединение желает продолжать свою деятельность, оно обязано стать организацией, соответствующей критериям данного закона, т.е. приобрести партийный статус. Это наглядно выразилось в образовании партии «Единая Россия», созданной на базе слияния двух других протосубъектов – избирательных блоков «Единство» и «Отечество – Вся Россия». Подобная новая конфигурация партий обеспечивала преимущественное положение для формирующейся правительственной партии.

Кроме того, принятие закона позволило власти провести ревизию прежде образованных партийных организаций, поскольку они обязаны были пройти перерегистрацию по более серьёзным условиям, т.е. их статус подвергся «пересмотру». Расширение минимального численного состава партии до 10 тысяч членов как раз отражало фактическую сторону вопроса. Это «побуждало» политических активистов, которые ранее участвовали в разрозненных блоках и объединениях, консолидироваться в более крупный институт, чтобы иметь в его рамках соответствующие легализованные возможности.

Возникла парадоксальная ситуация. С одной стороны, итоги избирательных кампаний регионального и федерального масштаба ярко демонстрировали приверженность электората партийным организациям, что, в

свою очередь, должно было побудить членов избирательных блоков и союзов самостоятельно решить вопрос о приобретении официального партийного статуса.

С другой стороны, до введения в действие Федерального закона № 95-ФЗ такая инициатива в политической системе страны фактически отсутствовала. Тем самым можно констатировать, что без вертикального мотивирования в приобретении партийного статуса немислима дальнейшая институционализация политической системы по корпоративному типу.

Несмотря на факты занятия подавляющего большинства мест в парламенте именно партийными организациями, низовые звенья политической системы не торопились кооперироваться на постоянной основе. Это объяснялось очевидной выгодой образования временных объединений в период избирательных кампаний, что не обязывало поддерживать стабильность политических целей и задач. При сохранении таких условий существование в России партий попросту ставилось под сомнение. Зачем нужны отдельно сформированные партийные организации, если возможности на участие в выборах могут получать и другие объединения? На этот вопрос российское законодательство 1990-х гг. никак не отвечало, хотя было очевидно, что на высшем уровне такой ответ рано или поздно придётся дать.

Если сравнивать аналогичные процессы в Европе, то они протекали примерно в том же ключе, за тем лишь исключением, что в этих партийных системах законодательство сложилось за более длительный период.

Институционализация европейских партий сопровождалась, в целом, теми же критериями. Правда, результат формирования институциональной основы партийной деятельности в отдельных государствах оказался совершенно разным. Причём лишь некоторые из них подтвердили концепцию неизбежности трансформации многопартийной системы в двухпартийную (Великобритания, условно – ФРГ «две партии плюс одна»), но большинство сохранили на политическом рынке широкий ассортимент «партийных услуг»³²³.

Формирование партийного законодательства в Российской Федерации преследовало несколько иную цель. Основу трансформирующейся с 2001 г. системы общественно-политического участия стала составлять традиция «правительственного якоря». Речь идёт о проправительственной партии, которая должна иметь широкие парламентские права³²⁴.

Поэтому в качестве ещё одного критерия институционализации партийных организаций называется возобновление института «партия власти»³²⁵.

³²³ Нежданов Д.В. Политический дизайн как инструмент политической борьбы // Власть. 2011. №10. С. 97-99; Якубова Л.А. Лейбористская партия Великобритании в оппозиции (1979-1997 гг.): модернизационные процессы и формирование новых социальных установок // Вестник ТГПУ. 2011. №11. С. 53-60.

³²⁴ Пашкова Я.Ю. Влияние Закона «О политических партиях» на партийную систему и политическую ситуацию в РФ // Журнал АШПИ. 2001. № 13-14. С. 322; Заславский С. Закон о политических партиях. Что дальше? // Сравнительное конституционное обозрение. 2002. № 1. С. 15.

³²⁵ Матросов П.П. Феномен «партии власти» в политической системе РФ // В сборнике: Научно-исследовательская работа обучающихся и молодых ученых Доклады 66-й Всероссийской научной конференции. Научный редактор: В.С. Сюнев. 2014. С. 267; Исаев Б.А. Эволюция партии власти и партии оппозиции в современной России // Конфликтология. 2015. Т. 4. С. 30; Шапошникова Е.А. «Партии власти» в России: отечественное определение понятия и этапы функционирования // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2015. № 23. С. 74.

Вместе с тем, далеко не все специалисты говорят о неравенстве между доминирующей партийной структурой и остальными её политическими конкурентами. Прежде всего, потребность в выделении подобной макро-партийной корпорации связано с отсутствием должной политической практики. В качестве условия правильного порядка применения политических принципов считалось формирование т.н. «системных партий»³²⁶.

Концепция опоры политической системы основывалась и продолжает строиться на потребности в правительственном большинстве применительно к составу Государственной Думы. Это обусловлено доминированием правительственных законопроектов, направленных на решение как острых, так и долгосрочных задач в российском обществе. Применение к данному процессу исключительно демократических методов бесперспективно, поскольку такие законы не приветствуются ни в российском, ни в любом другом обществе. Однако их принятие вместе с тем не может откладываться на долгий срок.

Другим мотивом укрепления партийной вертикали в решении парламентских задач стала перегруппировка политических сил, ангажированных интересами региональной политической элиты. В условиях, когда губернаторы должны были стать лишь звеном в исполнительной власти, их влияние на федеральный парламент требовалось значительно ослабить. И существующие политические принципы этому отнюдь не препятствовали.

В частности, критиковалась практика представительства отдельных субъектов федерации теми депутатами, которые никак не были связаны с соответствующим регионом. Во многом такое положение обеспечивалось отсутствием у депутатов-одномандатников обязанности следовать парламентской дисциплине. Речь идёт, прежде всего, о партийной и о фракционной дисциплине. Вместо них такие парламентарии руководствуются лишь установками из отдельного субъекта РФ.

Отсюда можно выделить такой критерий институционализации российских политических партий, как особенности федеративных отношений. Если происходит усиление централизации властных институтов, то ужесточаются требования к партийному статусу. Именно такой подтекст прослеживается на примере отстранения от участия в выборах смежных непартийных структур.

В 2001 г. такие возможности стали прерогативой лишь общенациональных партий. Для этого потребовалось провести пересмотр легитимации политических игроков. В частности, Министерство юстиции Российской Федерации должно было признать то или иное общественно-политическое объединение партией или отказать ей в приобретении обновлённого партийного статуса.

На фоне партийной практики, сложившейся в западных демократиях, такое условие выглядело нарушением³²⁷. Однако Российская Федерация, так же, как и Европейский Союз, выступала против сепаратистских тенденций. Примечательно, что почти все «регионалистские» партии стремились к наделению своего субъекта федерации наибольшими предпочтениями, которые со временем

³²⁶ Назаров И.И. «Партия власти»: системный анализ представительства в государственных органах // Pro lunc. Современные политические процессы. 2014. № 1 (13). С. 31.

³²⁷ Ханукаева А. Партия – партийный лидер – общество: проблемы коммуникации в современной России // Власть. 2006. № 10. С. 22; Романов Б. Особенности формирования политических партий в современной России // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 6. С. 59.

могли стать реальной угрозой государственной целостности. Тем самым борьба с подобными партийными силами закончилась поражением последних.

Одновременно с данным достижением наблюдалось ослабление регионального представительства в нижней палате российского парламента. С учётом того, что федерация оценивается в качестве ассиметричной, такое положение по-прежнему не устраивает региональные политические элиты, утратившие возможность влиять на федеральные выборы³²⁸. Кроме того, субъекты РФ утратили полномочие по регламентации в собственном законодательстве отдельных партийных вопросов³²⁹.

Также значимым средством воздействия стала утрата региональными политическими партиями своего имущества. Как известно, любая избирательная кампания не обходится без использования колоссальных материальных ресурсов. В условиях кризисных периодов 1990-х гг. наиболее статичные политические силы стремились аккумулировать в региональном сегменте достаточное количество финансов, позволяющих им участвовать в избирательных процессах. Однако по Федеральному закону № 95-ФЗ такое имущество лишалось своего правообладателя в связи с ликвидацией самого статуса партий регионального толка.

Данный имущественный актив нельзя было раздать членам ликвидируемых партийных организаций. Такой же принцип применяется к любым формам общественных объединений. Предписывалось использовать подобное имущество исключительно на определённые цели, которые преследовала прежняя организация, т.е. на политическую деятельность. Вместе с тем раздать имеющиеся ценности тем партиям, которые сохранили свой статус, тоже не представлялось возможным. Поэтому, в сущности, произошло зачисление партийного имущества на федеральный бюджетный баланс.

В то же время идея сохранить имущество вынуждала региональные партии соглашаться на реорганизацию. Если такая структура присоединялась к общегосударственной политической партии, то последняя получала институциональную основу для признания её собственником. Тем самым при отсутствии достаточных политических причин в ряде случаев побудительным мотивом выступили экономические критерии.

Таким образом, финансовая основа институционализации российских политических партий не была оценена исследователями в достаточной степени. Более того, фактически региональное имущество осталось в пользовании у тех же партийных функционеров, ставших лидерами территориальных подразделений политических партий.

По сути, в первое пятилетие применения новой модели партийного статуса прослеживался возврат к советской концепции коллективных субъектов. С одной стороны, партия считалась единым политическим образованием, действующим как юридическое лицо. С другой стороны, её региональные отделения до сих пор имеют отдельные черты субъектности.

³²⁸ Анненкова В.Г. Федерация как форма государственного устройства: содержание и основные направления // Базис. 2017. № 2 (2). С. 23-26; Саламов В.Н. Федерация как форма государственного устройства // Евразийский научный журнал. 2017. № 8. С. 65-66.

³²⁹ Зазнаев О.И., Гарипов Р.Ф. Конституционно-правовые проблемы идентификации отдельных органов и должностных лиц с ветвями государственной власти Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 4. С. 139.

Примечательно, что попытки трансформировать региональные партийные структуры в более свободном варианте предлагались при обсуждении законопроекта в 2000 г.³³⁰ Выдвигались идеи и ассоциированного членства, и коллективного состава политических партий с провозглашением принципа невмешательства федерального руководства в некую свободу политических действий на региональном уровне. Однако данные предложения не получили широкой поддержки у парламентариев.

Аналогичным образом возобладала концепция коллективного субъекта при развитии избирательных функций политических партий. Допускались различные варианты избирательных объединений и блоков, но с обязательным участием хотя бы одной партийной организации. Кроме того, на выборы могли идти сразу несколько партий, действующих как единый субъект избирательного процесса.

Предоставление подобного эксклюзивного права политическим партиям ослабило возможности гражданского общества действовать в отрыве от них. Поэтому ставился вопрос о соблюдении принципа равенства между общественными объединениями, стремящимися участвовать в выборах различных уровней. Получилось встроить многие такие структуры в партийную демократию, которая, в свою очередь, находилась в зависимости от признания государством партийно-правового статуса отдельно взятого субъекта³³¹.

Тем самым, избирательные функции для консолидированных политических структур приобрели условно принудительный характер. Особо следует отметить, что конституционные нормы говорят о добровольности применительно лишь к гражданам при вступлении в общественные объединения, включая партии. Однако нет ни слова о добровольности участия самих объединений в политической системе. Эту конституционную брешь заполнили партийное и избирательное законодательство.

Правда, по-прежнему оставался вариант приобрести партийный статус самостоятельно. Тем более, что для общественных объединений на протяжении двух первых лет применения Федерального закона № 95-ФЗ присутствовала льгота в реализации данной возможности. Однако на фоне и политических, и экономических факторов воспользоваться подобным способом сумели далеко не многие. В частности, удачные примеры показали лишь такие партии, как «Единая Россия» и «Народно-патриотический союз Родина».

Таким образом, в институционализации российских политических партий возобладала идея не коллективных субъектов, а единого субъекта политической активности. Партийная организация признавалась полноправным собственником любого имущества, в том числе находящегося в распоряжении её региональных подразделений³³².

³³⁰ Головаченко В.И. Восприятие партий как носителей идеологии в политической культуре современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2009. Т. 9. № 3. С. 106; Буюк Т.Р. Становление системы с доминирующей партией в современной России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2009. № 4. С. 215.

³³¹ Витрук Н.В. Право, демократия и личность в конституционном измерении (история, доктрина, практика): избранные труды (1991-2012 гг.). М.: Норма, 2012. С. 82.

³³² Слобожникова В.С. Политические партии современной России: между светскостью и религиозностью // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2005. Т. 5. № 1-2. С. 83; Михалева Г.М. Эволюция административных партий в современной России // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2009. № 1. С. 98.

Впрочем, самих норм, формулирующих поддержку для «партии власти» в новой политической реальности, нет. Поэтому определение вектора институционализации происходило не при помощи правовых инструментов, а за счёт административной практики. Речь идёт об усиленном контроле со стороны органов исполнительной власти относительно выполнения установленных партийных обязанностей.

Прежде всего, данная особенность выражалась в усложнении регистрации факта создания политической партии. Преодолеть такой барьер в начале 2000-х гг. сумели немногие, что расценивалось как искусственное сужение диапазона применения конституционного права на объединение³³³. Более того, отдельные исследователи расценивают подобный шаг как поддержку в развитии проправительственной партии, нуждавшейся в государственном сдерживании «политических конкурентов»³³⁴.

Схожую позицию разделяют и отдельные американские учёные, называя такой порядок функционирования политических партий – административным, что плохо сочетается с демократической основой любого государства³³⁵. Однако и в США, и в Великобритании существуют специальные законодательные нормы, предусматривающие необходимость регистрации партийных организаций.

В то же время, например, по п. 2 раздела 2 статьи II Закона США «О политических партиях»³³⁶ регистрационный барьер составляет наличие всего двух участников, включая самого заявителя. Это получило название «инициативная группа». Единственный предмет административной проверки составляет соблюдение в уставе регистрируемой партии основных принципов указанного закона. Примечательно, что все они носят общепризнанный характер (добровольность, запрет на экстремистские цели, нацеленность на национальную, религиозную или профессиональную основу и т.п.).

Следует также упомянуть особенность регистрации политических партий в ФРГ. Так, действует отдельный Закон 1967 г. «О политических партиях»³³⁷, в котором регистрация не названа как юридическая обязанность при создании партии. Подобная регистрация необходима лишь то-

³³³ Зеленко Б.И. Политические партии как институциональный фактор становления гражданского общества в современной России. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2004. С. 31; Юрьев В.М. Политические партии современной России: к характеристике дискурса // *Pro nunc. Современные политические процессы*. 2004. № 2. С. 18.

³³⁴ Соболева Ю.В. Развитие административно-правового регулирования процедуры создания и государственной регистрации политических партий // В сборнике: Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции: в 3 частях. Санкт-Петербургский университет МВД России. 2015. С. 130; Гаганов А.А. Партия без регистрации: кто вправе заниматься политической деятельностью // В сборнике: Партия нового типа: необходимость и перспективы создания в России Научно-экспертная сессия (семинар). Центр научной политической мысли и идеологии (Центр Сулакшина). М., 2015. С. 58; Ильиных А.В. Регистрация политических партий как функция федеральных органов исполнительной власти // В сборнике: Современные проблемы государственного управления Сборник научных статей. Хабаровск, 2013. С. 44.

³³⁵ Hays B.D. Party with the court: political parties and the national judiciary in the creation, maintenance, and transformation of political orders. University of Maryland, College Park. 2004. P. 29.

³³⁶ The United States law «On political parties» / в книге: Платонова Н.И. Финансирование текущей деятельности политических партий в России и зарубежных странах. Сравнительно-правовой анализ. М.: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2017. С. 238.

³³⁷ Федеративная Республика Германии: Конституция и законодательные акты: Пер. с нем. / Редколл.: В. А. Тумашев (пред.) и др.; Сост. Т. Г. Морщакова; Под ред. и со вступ. ст. Ю.П. Урыся. М.: Прогресс, 1991. С.125-148

гда, когда партия желает приобрести соответствующие права юридического лица. До тех пор она может существовать в незарегистрированном виде и также будет рассматриваться в качестве партийной организации.

Примечателен также тот факт, что сама регистрация партий в Германии регламентируется гражданским законодательством в общем режиме, как и для других ассоциаций и союзов. Кроме того, партии попадают в общий список таких организаций, т.е. не предполагается создание их специального реестра, что происходит в Российской Федерации с 2001 г.

Собственно, и в отдельных североамериканских штатах, и в ФРГ партийная регистрация не носит административного характера, поскольку производится через участковые суды либо при их непосредственном участии.

Впрочем, указанная особенность регистрационной процедуры для партий в ФРГ имеет несколько «подводных камней». Прежде всего, в отличие от первоначальной российской модели, в Германии публичные служащие могли иметь партийное членство уже давно. Также необходимо отметить обязанность участковых судов по извещению органов исполнительной власти о начале процедуры регистрации той или иной партии. Последние, в свою очередь, могут заявить в ходе судебного процесса собственные возражения на возможность признания партии юридическим лицом. Например, при наличии в учредительных документах партии или в её фактической деятельности нарушений норм права.

Тем самым, несмотря на участие административных институтов в регистрации немецких партий, данная процедура представляется более демократичной с точки зрения соблюдения конституционных принципов. Кроме того, возможность образования в ФРГ региональных партий также демонстрирует специфику российской институционализации, в рамках которой на сравнительно небольшой срок происходит монополизация политической системы в пользу крупных партийных организаций.

В то же время российская система партийной регистрации не запрещает привлечение суда к оценке правомерности действий со стороны органов исполнительной власти. В п. 5 ст. 20 Федерального закона № 95-ФЗ сформулировано право обжаловать соответствующее решение в судебном порядке. Более того, оно распространяется равным образом не только на отказ в создании партии, но и на приостановление её деятельности, и на ликвидацию. Последние производятся строго в судебном порядке.

В то же время пробелом российского партийного законодательства является отсутствие субъектного состава данного права на обжалование. Непонятно, кто конкретно наделён подобным правом. В силу конституционных положений оно принадлежит любому заинтересованному гражданину и организации, включая государственные органы и органы, занимающиеся местным самоуправлением. Ключевое условие при реализации данного права – обжалуемое решение должно каким-то образом затрагивать права или законные интересы заявителя.

Получается, что судебное участие в партийной регистрации носит в Российской Федерации институциональный характер. По существу, он похож на немецкий вариант, но предполагает не одноразовую, а постепенную процедуру, зависящую от усмотрения заинтересованных в партийной деятельности лиц.

Исходя из этого, можно предположить, что в федеративных государствах сложилось три способа государственного контроля над исполнением обязанностей партийными организациями:

1) общий контроль, предполагающий отсутствие регламентированных государственных полномочий в области регистрации партий в силу исторической давности их существования и политики невмешательства государства в партийную деятельность (США);

2) демократический контроль, на основе которого отсутствует обязанность регистрации партий, а сама регистрационная процедура имеет горизонтальный судебно-административный характер (ФРГ);

3) специальный контроль, который заключается в обязанности регистрации партии для приобретения ею своего статуса с участием специальных органов исполнительной власти и с возможностью последующей судебной оценки принятого решения (Российская Федерация).

В результате проведённого исследования критериев институционализации российских политических партий выявлено их отличие от смежных категорий. В частности, от форм и от способов такой институционализации:

1) политические условия, выражающиеся в стремлении обеспечить преимущество «партии власти», в ограничении права на участие в парламентских выборах, в проводимой политической борьбе и ограничении интересов региональной политической элиты;

2) электоральное поведение, выражающееся в особенностях формирования интересов избирателей, воздействия на них большого и малого количества политических сил, способность партий к консолидации;

3) особенности реализации партиями экономических возможностей (использование имущества, получение финансовой помощи, в том числе от государства).

3.2. Содержание институционализации российских политических партий

Партийные системы с доминирующими партиями создают благоприятные условия для институционализации системных парламентских политических партий. Во-первых, доминирующая партия сама по себе достигает высшего уровня политической институционализации. Во-вторых, соперничающие с ней парламентские партии также органично вписываются в электоральный процесс, находя свои ниши на политическом рынке и закрепляясь в них. Наличие доминирующей партии говорит о том, что электоральный процесс в государстве протекает стабильно, что является условием для успешной институционализации партий.

В понимании К. Джанды институционализация партий должна показывать, в какой степени та или иная политическая партия трансформируется в определённый образ общественного политического сознания³³⁸. По итогам данного процесса партийная организация неизбежно начинается функционировать вне зависимости от своего лидера.

В представлении С. Хантингтона содержание институционализации сопровождается процессом по формированию стабильных и значимых политических партий³³⁹. Тем самым партии, существующие в институционализированных системах, обладают массовой социальной опорой и представляют по отдельности консолидированные политические структуры.

³³⁸ Джанда К. Сравнение политических партий: исследование и теория // Современная сравнительная политология. – М.: МОНФ, 1997. – С. 95.

³³⁹ Huntington S.P. Political Development and Political Decay // World Politics. – 1965. – V. 17, No 3. – P. 394.

В российской политической системе разрастание партийных структур с момента исчезновения монополии КПСС расценивается многими исследователями в качестве несомненного признака демократии и сопровождается соответствующим процессом по демократизации³⁴⁰. Вместе с тем далеко не все партии, сложившиеся в Российской Федерации, прошли институционализацию, что зачастую сопряжено с недостаточным временным промежутком. Последний считается определяющим при оценке т.н. критерия «стабильности» и значимости той или иной партийной структуры. Поэтому многие содержательные вопросы в институциональном плане исследователи выделяют лишь у партии власти.

Помимо возраста партии или партийного стажа, в содержании институционализации выделяется стабильное участие определённой политической силы на выборах. В российской плоскости значение приобретает частая смена партийного руководства, факты разделения или объединения политических партий.

Согласно социологическим наработкам институционализированность любого общественного явления складывается из совокупности показателей, каждый из которых представляет собой определённый признак развития³⁴¹.

Среди них ключевое значение имеют пять индикаторов³⁴²:

- 1) правила – наличие оформленных норм, обязательных к применению в определённых видах отношений;
- 2) установки (образцы) – развитие норм в определённом направлении с иерархией целей, задач, функций и принципов;
- 3) идеология (концепция) – зависимость отношений от определённой модели восприятия на фоне других альтернативных вариантов развития;
- 4) символы – сформированность партийного образа, его социальная оболочка;
- 5) материальные условия – экономическая основа воплощения партийных тенденций в обществе.

По Р. Роузу и Т. Маки принято условие касательно институционализированности партии при тех обстоятельствах, когда она функционирует на протяжении трёх электоральных циклов³⁴³. В связи с этим данные учёные

³⁴⁰ Кандыба Р.А. Политические партии: опыт институционализации и деятельности в условиях демократизации политической системы России / Р. А. Кандыба. – Пятигорск: ПГУ, 2017. – 194 с.; Романович А.Л. Взаимодействие политических партий, блоков и коалиций как фактор демократизации политического процесса в современной России: диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук. М., 2000. – 163 с.; Золотых М.В. Демократический транзит: теория и практика перехода в условиях современной России: диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук. Воронеж, 2012. 201 с.

³⁴¹ Политические партии западных стран: теория и современное состояние: монография / Е. Н. Спасский. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. 168 с.; Дувалов А.Г. Социальные инновации в стратегии управления формированием политической партии: диссертация на соискание учёной степени кандидата социологических наук. М., 2006. 172 с.

³⁴² Категории политической науки: (очерки) / [М.Х. Фарукшин и др.; науч. ред. М.Х. Фарукшин]; Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, Каф. политологии. – Казань: Центр инновационных технологий, 2007. – С. 41. 294 с.; Леонтьева Е.Ю. Процесс институционализации общественных движений и организаций в современном российском обществе (региональный аспект): научно-информационное издание / Е.Ю. Леонтьева, А.Н. Леонтьев, Н. А. Скобелина, Волгоград: Политехник, 2006. С. 88. 237 с.

³⁴³ Rose R., Mackie T.M. Do Parties Persist or Fail? The Big Trade-Off Facing Organizations // When Parties Fail: Emerging Alternative Organizations / Ed. by K. Lawson, P.H. Merkl. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1988. – P. 533-558.

называют лишь четыре переменных, составляющих содержание институционализации политических партий:

- появление партийной структуры сопряжено с участием в свободных выборах;
- в стране функционирует пропорциональная избирательная система;
- партия опирается на организованную социальную группу;
- партия демонстрирует успешный результат на первых выборах, ради которых она создавалась³⁴⁴.

Наличие специальных норм – важная составляющая в институционализации партийных отношений. Это особенно наглядно в ретроспективном анализе формирования и развития партийных организаций. В частности, в 1990-е гг. эти нормы фактически отсутствовали, а сам институт политических партий не имел единой основы. В результате нормативная составляющая партийных отношений имела фрагментарный характер в виде разрозненных правил, содержащихся в нескольких законах.

В частности, в рамках Закона СССР 1990 г. «Об общественных объединениях» имелась статья 16, посвященная не только политическим партиям, но и массовым общественным движениям, и профсоюзам. При этом её нормы содержали ключевые принципы партийной деятельности.

Аналогичным образом нормы партийного права можно было выявить в рамках законодательства о парламенте и в законах субъектов Российской Федерации в силу незапрещённой на тот момент возможности функционирования региональных партий. Вследствие данной особенности в постсоветской науке предпринимались попытки сформулировать концепцию комплексности института политических партий в России³⁴⁵.

Вместе с тем идея комплексного института основана исключительно на субъектном критерии, т.е. любые отношения с участием политических партий должны рассматриваться как предмет такого института. Тем самым не были исследованы другие содержательные стороны институционализации, которые как раз отвечают на вопрос – сформировалась ли данная политическая партия или она находится в стадии своего зарождения (применительно к российской истории – в стадии возрождения).

Говоря о современном этапе институционализации политических партий, комплексный подход возобладал с новой силой в связи с появлением целого закона, содержащего совокупность специальных условий партийной деятельности. Тем самым даже при сомнительном отношении к партийной природе как общественного объединения, вопрос о наличии или отсутствии соответствующей структуры уже никем не ставится.

Более того, в социологии применительно к степени институционализации принято говорить не просто о наличии правил, а о целом кодексе таких правил³⁴⁶. Безусловно, существование специального закона о партиях в полной мере соответствует этому критерию.

³⁴⁴ Там же. С. 536.

³⁴⁵ Радкевич С.Б. Модель организации современной политической партии: опыт сравн.-политол. анализа. Диссертация на соискание учёной степени доктора политических наук. М., 1998. 297 с.; Павленко В.Б. Партии в политической жизни современной России. Диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук. М., 1994. 277 с.

³⁴⁶ Маврин О.В. Процесс трансформации партий и партийных систем современного общества. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Казань, 2004. 143 с.; Куровская О.В. Организационно-управленческие аспекты функционирования политических партий: социологический анализ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Пятигорск, 2005. 185 с.

В то же время вряд ли можно считать его состоятельным с точки зрения институционализации в её объективном измерении. Если считать объектом партийных отношений консолидированную волю граждан, имеющую политический ориентир, то партии приобретают гораздо более чёткие очертания и перестают зависеть от наличия или отсутствия определённого закона.

Устанавливая порядок в осуществлении политических гражданских интересов через специализированную организацию (партию), государство изначально опирается на соответствующую социальную основу, т.е. на сложившиеся в обществе принципы и ценности, а не на средства достижения в них определённого порядка. Исходя из этого, наличие каких бы то ни было норм, направленных на регламентацию данных общественно-политических процессов, стоит рассматривать как содержательный элемент их институционализации.

Объединение норм в определённую форму (в закон) – не является институциональным процессом. Следует вести речь, на мой взгляд, о содержательной стороне нормативного материала, а не о правильности его оформления.

Кроме того, партийные нормы не ограничиваются лишь внешним регулированием данных отношений. Основной массив представляют внутренние регламенты самих партий, основанные на правовых предписаниях. И от того обстоятельства, насколько сами партийные организации способны урегулировать собственные отношения в условиях правового государства, зависит степень их институционализации. В точности следует вести речь о стабильности внутренних партийных отношений, которые затем проецируются на устойчивость партийного участия в политической системе страны.

Вследствие этого встаёт вопрос о границах свободы выражения политической воли граждан, объединяющихся в партии. Если такая возможность ограничена в минимальном ключе (как это наблюдается в политических системах ФРГ, Италии, США, Великобритании), стоит вести речь об одной степени институционализации.

Напротив, в условиях подробного государственного регулирования партийной деятельности, в том числе с долей вмешательства органов исполнительной власти во внутренние вопросы политических партий, степень её институционализации предстаёт в совершенно ином качестве.

Очевидно, что содержание норм (и партийных, и законодательных) должно так или иначе соответствовать ожиданиям в обществе. Нормы должны отвечать степени развития самих отношений, которые они призваны регулировать. Поэтому в политической плоскости качеством надеется сама норма, а не её формализованный характер.

К примеру, если самоорганизация не способна на должном уровне обеспечить развитие таких отношений, эту функцию приобретают внешние регуляторы – правовые нормы. Если же непосредственные участники данных отношений самостоятельно обеспечивают дисциплину и порядок в создаваемых ими общественных связях, то необходимость в их правовой регламентации отсутствует.

Таким образом, следует выделить два подхода к оценке содержания институционализации политических партий по нормативному критерию:

1) объём регулирования партийных отношений показывает заинтересованность государства в развитии данного института:

1.1) если преобладают обязательные требования, а в предмет партийного законодательства входит максимальное число отношений, то следует вести речь о высоком уровне государственного воздействия. В таком случае формальные критерии преобладают над содержательными показателями данных норм;

1.2) напротив, при фрагментарном регулировании со стороны государства партийных отношений формальные показатели низкие, что говорит об отсутствии или минимальном количестве норм. Следовательно, с точки зрения политологии, степень институционализации партий в таком случае тоже низкая;

2) соответствие норм уровню развития партийных отношений демонстрирует обратный процесс – имеется ли необходимость в правовом регулировании данной сферы:

2.1) с этого ракурса степень институционализации партий становится выше в том случае, когда государство использует минимальные рычаги воздействия на политические партии по причине их высокой самоорганизации;

2.2) разрастание нормативного материала на государственном уровне влечёт превращение партий в стандартизированные корпоративные образования с ограниченной свободой регламентации своих внутренних вопросов.

Применив оба подхода к российскому институту политических партий, можно сделать два противоречивых вывода.

С одной стороны, отсутствие специальных норм на протяжении 90-х гг. означает в формальном ключе высокую институционализацию партийных отношений.

С другой стороны, увеличение нормативного материала в области политических партий с 2001 г. снижает уровень их саморегулирования, расширяя возможности государства по воздействию на партийные возможности.

Безусловно, для самих участников партийных отношений минимальный объём государственного вмешательства всегда представляет особый интерес. Социологический подход к оценке институционализации демонстрирует положительную динамику лишь в тех отношениях, в которых у государства отсутствует необходимость в их детальной регламентации³⁴⁷.

Этатистский подход, напротив, заключается в усовершенствовании партийных норм за счёт их разрастания и усложнения. Тем самым складывается известная в политической теории дихотомия государственного и партийного воздействия на политическую систему³⁴⁸.

³⁴⁷ Пешков В.П. Политическая оппозиция как социальный институт реформируемого российского общества: эволюция восприятия массовым сознанием. Диссертация на соискание учёной степени доктора социологических наук. М., 2000. С. 78. 379 с.; Кочьян И.А. Социоструктурная динамика политической системы современной России. Диссертация на соискание учёной степени кандидата социологических наук. Новочеркасск, 2002. С. 43. 156 с.

³⁴⁸ Шапошникова Е.А. Российская партийная система в контексте совершенствования института выборов: монография. – Рязань: Рязанский гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2017. – С. 26. 103 с.; Телков А.С. Политические партии и партийные системы: направления институциональной трансформации. Диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук. М., 2002. 187 с.

Российский институт политических партий в этой плоскости занимает среднее положение. Прежде всего, наличие массива специальных правовых норм делает политическую среду для партийных организаций инвариантной. Достаточно соблюдать ряд формальных условий (включая политические установки), чтобы партия имела оформленный статус.

Об этом свидетельствует статистика Министерства юстиции Российской Федерации, в соответствии с которой с момента «либерализации» партийного законодательства в 2012 г. за три года в стране было зарегистрировано 94 организаций³⁴⁹. Из них 17 партий прекратили своё существование в период с 2012 по 2016 гг.³⁵⁰. Эти цифры свидетельствуют об исключительно административном подходе к деятельности партийных организаций, ряд из которых предпринимают попытки повторно зарегистрироваться и приобрести официальный статус.

Другой вопрос касается жизнеспособности партий в политическом пространстве с регламентированными функциями. Вследствие этого в социологическом представлении содержательная сторона любого воздействия на общественные отношения закладывается в такой содержательный элемент институционализации, как установка³⁵¹. Применительно к отдельным социальным явлениям исследователи, затрагивая институциональный аспект, также используют категории «образец» и «стандарт»³⁵². В большем значении они воспринимаются в качестве психологической предрасположенности людей к определённой политической организации, т.е. связаны с реальными отношениями, подвергающимися воздействию из вне.

Учитывая активность организационных комитетов в России по созданию партий, следует предположить, что восприятие существующего порядка со стороны учредителей партийных организаций находится на высоком уровне. В противном случае попытки зарегистрировать партию вообще не предпринимались бы. Тем самым возведение сложившейся системы в разряд установки произошёл в 2012 г. после достижения протестными движениями значительных послаблений со стороны власти. Во всяком случае, такую констатацию можно наблюдать у исследователей, специализирующихся на данном вопросе³⁵³.

Вместе с тем применение в политологии такого критерия, как установка, вряд ли целесообразно по нескольким причинам.

³⁴⁹ По данным официального сайта Министерства юстиции РФ. [Электронный ресурс] URL: <http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok> (дата обращения: 01.02.2016).

³⁵⁰ Список политических партий, в отношении которых внесена запись о прекращении деятельности самой политической партии и её региональных отделений. Официальный сайт Министерства Юстиции РФ (minjust.ru). (дата обращения: 01.02.2016).

³⁵¹ Сваллфорс С. Институты, установки и политический выбор // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 4. С. 150; Корж Н.В. Проблема ценностей и установок в социологии // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2011. № 3. С. 329.

³⁵² Салмина А.А. Установки населения по отношению к социальной роли государства в России и Германии // Власть. 2015. № 10. С. 177; Казурова О.Ю., Корякина Т.Н. Правовая социализация молодёжи и отношение индивида к праву и закону в зависимости от социально-правовой установки (типа правового сознания) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2003. № 3. С. 159.

³⁵³ Комарова В.В. Политические партии в современной России (проблемы институционализации) // Проблемы права. 2014. № 2 (45). С. 12; Дорожкин Ю.Н., Даминдарова Ф.В. Партии в современной России: реальные политические акторы или их имитация? // Власть. 2014. № 11. С. 94.

Во-первых, любая норма, особенно политическая, может рассматриваться в качестве неперменного стандарта, соблюдение которого сопровождается принудительной силой государства.

Во-вторых, цель любого государственного воздействия заключается в установлении определённого образца поведения.

В-третьих, нарушение политических установок в области партийных отношений чревато утратой официального статуса, т.е. принудительным прекращением деятельности партии. Тем самым иного варианта для существования партийных организаций, кроме как полного соответствия бюрократическим требованиям, в Российской Федерации с 2001 г. не сформировалось.

В качестве примера можно проиллюстрировать ситуацию со статусом Республиканской партии России (позднее – РПР-ПАРНАС). В 2007 г. организация была принудительно ликвидирована на основании решения Верховного Суда Российской Федерации в связи с недостаточной численностью партийных членов (по состоянию на 2007 г. закон требовал в составе партий не менее 50 тыс. человек)³⁵⁴.

Представители Республиканской партии России обратились в Европейский суд по правам человека, который в 2011 г. констатировал незаконность принудительной ликвидации данной организации³⁵⁵. Уже в 2012 г. Верховный Суд России постановил отменить ранее принятое решение о прекращении статуса политической партии.

Однако возобновление статуса у данной организации произошло в несколько этапов. Сначала, в январе 2012 г. были отменены ранее принятые судебные акты по делу о ликвидации партии. На данное определение Министерства юстиции подало частную жалобу, полагая, что возобновление производства по делу нецелесообразно. Правда, чуть позднее, в марте 2012 г., ведомство отозвало и свою жалобу, и иск о принудительном прекращении регистрации Республиканской партии России.

В апреле 2012 г. потребовалось вынести окончательное решение об обязанности Министерства юстиции Российской Федерации произвести восстановление статуса партии³⁵⁶. Лишь в мае 2012 г. данное решение было исполнено, а представителям РПР выдано свидетельство о государственной регистрации.

Примечательность приведённого примера из правоприменительной практики заключается в нескольких значимых обстоятельствах.

³⁵⁴ Определение Верховного Суда РФ от 16.01.2007 по делу N 12-Г06-11 «Дело о ликвидации республиканского отделения политической партии и исключении данных о нем из ЕГРЮЛ передано на новое рассмотрение, поскольку суд первой инстанции неправильно определил обстоятельства, имеющие значение для дела, выводы, изложенные в решении суда первой инстанции, не соответствуют обстоятельствам дела».

³⁵⁵ Постановление ЕСПЧ от 12.04.2011 «Дело «Республиканская партия России (Republican party of Russia) против Российской Федерации» (жалоба N 12976/07). По делу заявитель жалуется на отказ российских властей внести изменения в ЕГРЮЛ, а также на ликвидацию партии Верховным Судом РФ по причине несоблюдения ею требований о минимальной численности и минимальном количестве региональных представительств. По делу допущено нарушение требований ст. 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Бюллетень Европейского Суда по правам человека, 2011, N 12.

³⁵⁶ Определение Верховного Суда РФ от 19.04.2012 N АКПИ12-588 «Дело о ликвидации политической партии прекращено в связи с отказом истца от заявленных требований и принятия данного отказа судом; произведен поворот исполнения решения суда».

Прежде всего, это первый и единственный случай восстановления партийного статуса в России при помощи Европейского Суда по правам человека. В силу этого он стал прецедентом в толковании особенностей применения отдельных оснований для прекращения деятельности политических партий. В частности, партию нельзя ликвидировать лишь за факт несоответствия численности её членов установленным государством требованиям. Вместе с тем соответствующий пункт в ст. 41 Федерального закона № 95-ФЗ сохранился, как и судебная практика по его реализации.

Ещё одним важным составляющим дела РПР стало поведение Министерства юстиции Российской Федерации, которое даже в условиях наличия решения Европейского Суда по правам человека предпринимало попытки замедлить процесс восстановления статуса партии. Тем самым можно отметить особую зависимость института политических партий от их административного признания при помощи государственной регистрации.

Впрочем, сами представители партии и ряд исследователей называли другие причины конфликта власти с Республиканской партией России – политического свойства³⁵⁷. Однако в структуре институционализации данный случай наглядно демонстрирует бюрократизацию партийного строительства.

Стоит отметить, что прекращение производства по делу РПР произошло в большей степени по процессуальным основаниям, в том числе благодаря принятию поправок в Федеральный закон № 95-ФЗ в части уменьшения численности членов партий до 500 человек.

При этом прецедентный характер решения Европейского суда по правам человека не повлиял на российскую судебную практику, в которой ранее сложилось чёткое следование условиям, установленным законом касательно минимальной численности партийных членов.

В связи с этим можно привести пример с «Российской коммунистической рабочей партией – Российской партией коммунистов» (далее – РКРП-РПК), которая в 2007 г. обращалась в Конституционный Суд страны с просьбой проверить на соответствие конституционным положениям основания ликвидации партий, закреплённые в Федеральном законе № 95-ФЗ³⁵⁸. В частности, нарушение общей численности членов партий и снижение численного состава в региональных партийных отделениях, за что данная организация была лишена государственной регистрации.

Альтернативой ликвидации партии по Федеральному закону от 20 декабря 2004 года N 168-ФЗ³⁵⁹ была её реорганизация в форме преобразования в общественное объединение непартийного статуса. Тем самым законодатель оставлял возможность учредителям партий на период несоответствия императивным требованиям переходить в смежную организационную форму.

³⁵⁷ Жедь Б.А. Особенности политической конкуренции в условиях либерализации многопартийности в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2013. № 3. Т. 13. С. 96; Андропова И. В., Камалетдинова А. И. Особенности позиционирования либеральных партий в информационно-коммуникативном пространстве современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2015. № 3. Т. 15. С. 79.

³⁵⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2007 N 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой политической партии «Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов» // Собрание законодательства РФ», 23.07.2007, N 30, ст. 3989

³⁵⁹ Федеральный закон от 20.12.2004 N 168-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» // Собрание законодательства РФ», 27.12.2004, N 52 (часть 1), ст. 5272.

По мнению ряда партий, в том числе выраженному РКРП-РПК в своём заявлении к Конституционному Суду, установление в Федеральном законе «О политических партиях» обязанности соответствовать такой минимальной партийной численности членов (на момент обращения в 2007 г. — 50 тыс. членов) нельзя рассматривать как разумное. Вследствие этого она нарушает конституционное право граждан объединяться в политические партии, а равно ограничивает их право на представительство собственных интересов в парламентах федерального и регионального уровней.

Также спорным считался подпункт «ж» пункта 1 статьи 18 Федерального закона №95-ФЗ касательно обязанности представлять списки членов, составляющих региональные партийные отделения, в целях государственной регистрации. Данное требование представители РКРП-РПК посчитали «формой государственного контроля над идеологическим многообразием, над свободой мысли и слова, мнениями и убеждениями, не совпадающими с официальной позицией на существующий политический, экономический, социальный порядок в стране»³⁶⁰. Соответственно, и ликвидация партий по причине несоблюдения указанных условий также, по мнению РКРП-РПК, вступает в противоречие с Конституцией РФ.

Ранее Конституционный Суд Российской Федерации высказал в своём Постановлении № 1-П от 2005 г. идею о природе монопольного права партий на осуществление общественно-политической деятельности³⁶¹. При этом данная монополия напрямую вытекает из властных отношений, в которых непременно принимают участие партийные организации.

Вместе с тем в условиях добровольности данных объединений они представляют собой необходимый институт представительной демократии, поскольку обеспечивают возможность граждан участвовать в политической жизни. Следовательно, они направлены на поддержание постоянного взаимодействия гражданского общества с государством, что немислимо без целостности и устойчивости национальной политической системы.

Кроме того, Конституция Российской Федерации, называя ключевые принципы партийных отношений, не содержит норм об особенностях создания, осуществления деятельности, реорганизации и ликвидации партий, а равно в ней отсутствуют условия и порядок реализации российскими гражданами своего права объединяться в политические партии.

Тем самым существование специальных норм в виде Федерального закона № 95-ФЗ обусловлено необходимостью развития государственного регулирования в данной сфере. Значит, допускается и определение требований к статусу политических партий.

Конституционный Суд констатирует такой признак российской многопартийной системы, как поэтапность её формирования — в целях обеспечения устойчивости и гарантии политического волеобразования народа. Эта особенность сопровождает характер институционализации партий в том виде, который представлен на момент рассмотрения заявления РКРП-РПК в 2007 г.

³⁶⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2007 N 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой политической партии «Российская коммунистическая рабочая партия — Российская партия коммунистов».

³⁶¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 01.02.2005 N 1-П «По делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 3 и пункта 6 статьи 47 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой общественно-политической организации «Балтийская республиканская партия» // Вестник Конституционного Суда РФ, N 1, 2005.

В связи с такой спецификой Конституционный Суд признал функциональное предназначение Федерального закона 1995 г. «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», который при помощи установления смешанной (мажоритарно-пропорциональной) избирательной системы способствовал «политическому структурированию общества и становлению партийно-политической системы»³⁶².

Переход к партийной монополии на выборах поставил государство в условия, при которых возникла объективная потребность в обеспечении партиями возможности объединять большие группы населения на фоне конституционного принципа многонациональности. Справиться с такой задачей, по мнению Конституционного Суда, способны лишь крупные и чётко структурированные партийные организации, что подчёркивает необходимость закрепления законодательным образом минимальной численности их членов. Тем самым объясняются предпосылки тех изменений, которые произошли в нормативно-правовой базе, направленной на стабилизацию избирательного процесса.

В этом обосновании государство находится в зависимости от этапа развития собственной политической системы, что и постулируется в Постановлении Конституционного Суда от 2007 г. Исходя из такой официальной версии, можно выделить ещё один показатель, влияющий на содержание институционализации политических партий, – идеология.

Стоит отметить, что данная составляющая в партийном развитии выделяется практически всеми исследователями и, так или иначе, рассматривается в плоскости господствующих в обществе представлений относительно определённых процессов. В частности, доминирующим подходом в политической социологии является отождествление всех принимаемых в стране установок с соответствующей публичной политикой государства³⁶³.

Применительно к партиям постулируется идея неизбежности трансформации законодательства вслед за изменением конкретно-исторических условий. Это напрямую отмечается в позициях Конституционного Суда Российской Федерации, который в Постановлении по делу РКРП-РПК подчёркивает принадлежащее государству в лице федерального законодателя право определять минимальную численность партийных членов в качестве условия признания правосубъектности политических партий³⁶⁴. Тем самым констатируется их непостоянный характер, поскольку требования к партиям могут меняться, т.к. они не имеют произвольную основу и объективно связаны с задачами, которые решает законодательство в рамках политической системы.

Более того, изменение норм и установок является своеобразной обязанностью государства, призванного обеспечивать адекватность условий

³⁶² П. 3.1. Постановления Конституционного Суда РФ от 16.07.2007 N 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой политической партии «Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов».

³⁶³ Мелешкин И.Г. Идеологии политических партий в условиях трансформации партийной системы современной России. Диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук. Санкт-Петербург, 2007. 210 с.; Головченко А.В. Партии и идеологии в постсоветской России. Проблемы становления отечественного либерализма / А. В. Головченко, В. И. Головченко. Саратов: Саратовский источник, 2011. 187 с.

³⁶⁴ П. 3.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 16.07.2007 N 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой политической партии «Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов».

функционирования партий по отношению к принципам конституционного строя. Исходя из этого, Конституционный Суд делает заключение, что такая политика Российской Федерации не отменяет и никоим образом не умалает права граждан объединяться в политические партии, а равно не влечёт их несоразмерного ограничения³⁶⁵.

Таким образом, частые изменения партийного законодательства (минимальная численность членов в 2004 г. – 50 тыс. человек, в 2012 г. – 500), обусловленные историческими особенностями развития национальной политической системы, не могут характеризовать степень институционализации партий в Российской Федерации как высокую на фоне политической стабильности аналогичного института в ряде зарубежных стран.

Вместе с тем в условиях господствующей в стране концепции этатизма, реализуемой в рамках российской партийной системы, трансформация условий существования данных организаций является неотъемлемым показателем развития соответствующих институциональных процессов.

Получается, что изменение идеологической составляющей, как степени институционализации, сопряжено с неизбежностью процесса модернизации политических партий. Однако, что именно происходит на институциональном уровне, развитие или вертикальное поощрение нестабильности, остаётся вопросом открытым.

Равным образом сложно оценить эффективность подобного механизма государственного воздействия в условиях сложившейся в России бюрократической практики и позиций наднациональных правозащитных институтов в лице Европейского суда по правам человека.

В связи с этим следует выделить такой содержательный показатель институционализации, как символ или образ института³⁶⁶. Данный критерий наиболее гармонично сочетается с позицией Конституционного Суда Российской Федерации относительно требований к статусу партий.

В частности, как и любой социальный институт, политические партии находятся в активной форме реализации общественных отношений, т.е. демонстрируют постоянную динамику своих возможностей. Соответственно, установление количественных критериев обязанностей не может носить дискриминационный оттенок в силу того обстоятельства, что данное требование не мешает партиям выдвигать разнообразные политические программы.

Кроме того, эти критерии являются равными для всех партийных организаций, т.е. не посягают на принцип их равноправия, в отличие от внедрённых в 2012 г. льготных условий по участию в парламентских выборах для партий с «федеральной квалификацией». Тем самым право граждан на объединение в партии не ограничивается за счёт усложнения механизма его осуществления (путём достижения соответствия изменяющимся требованиям закона).

³⁶⁵ Там же. П. 6.

³⁶⁶ Абросимова Н.В. Технологии создания общественного образа институтов политической власти. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Санкт-Петербург, 2004. С. 81; Новикова Т.Е. Трансформация социального института СМИ в «медиа»: от отражения объективной действительности к созданию образом субъективной реальности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. № 2 (26). С. 132; Захарова М.В. Ценности и образы права // Государство и право. 2008. № 9. С. 105.

Символы, как степень институционализации политических партий, заключаются в тенденциях политической практики. Если граждане в большинстве своём стремятся к соблюдению критериев создания партийных организаций, значит, данные требования рациональны и достижимы.

Именно такой тезис постулируется Конституционным Судом Российской Федерации при оценке оснований для принудительной ликвидации партий. В частности, в обоснование данного вывода приводится по состоянию на 1 января 2007 года официальная статистика Федеральной регистрационной службы при Министерстве юстиции Российской Федерации, в соответствии с которой из 33 зарегистрированных политических партий ровно половина (17 организаций) привели свой статус в соответствие с новыми требованиями законодательства, а три партии в добровольном порядке решили преобразоваться в соответствующие общественные объединения³⁶⁷.

Исходя из этого, государство заявляет о критерии разумности как симболе институционализации. Следовательно, при неблагоприятном развитии социально-политической практики сохранение требований к статусу партий может расцениваться в качестве чрезмерных условий для реализации конституционного права на объединение граждан.

Конституционный Суд России назвал данный критерий «разумной достаточностью» в привязке к образу партии на общенациональном уровне³⁶⁸. Исходя из этого, данный символ должен граничить с двумя интересами.

С одной стороны, это общественные интересы самих граждан, объединяющихся в партии при соблюдении ряда условий. При этом созданная организация должна достигать поставленных перед собой учредительных задач и выполнять функции, возложенные на неё в качестве образа социального института.

С другой стороны, присутствие в статусе партий общенационального элемента как бы заставляет их руководствоваться принципом соразмерности своих возможностей в условиях государства. Таким образом, высокий численный порог членства в партийных организациях помогает им достигать данную идеологическую задачу и обретать черты стабильности.

Следовательно, содержание институционализации политических партий в Российской Федерации формируется из следующих показателей: характера и стабильности, их идеологической основы, политической практики и соразмерности в установлении требований к статусу партийных организаций, достигаемого за счёт особенностей реализации конституционного права граждан на объединение.

³⁶⁷ П. 3.3 Постановления Конституционного Суда РФ от 16.07.2007 N 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой политической партии «Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов».

³⁶⁸ Там же.

3.3. Этапы институционализации российских политических партий

Институционализация современных российских партий проходит три этапа. На первом этапе партии проходят процедуры обязательной регистрации, выполняя все требования федерального законодательства. На втором этапе партии начинают участвовать в избирательных кампаниях различного уровня, расширяя свое представительство. На третьем этапе партии и их образы укореняются в политическом сознании, а их электоральные результаты и доля политического рынка становятся стабильными. Однако данная теоретическая абстракция, несомненно, представляет собой лишь идеальную последовательность этапов, которую не в силах пройти большинство вновь образованных российских партий.

Институционализация в аспекте партийных отношений всегда выступает трансформирующим процессом, который преобразует общественные формы объединений граждан, зачастую не имеющие даже корпоративного оформления, с определённой общей политической целью в конкретную политическую институцию. Основным инструментом такого процесса выступает включение уже сложившихся отношений под определённые стандарты, направленное на упорядочение процессов по образованию, организации и деятельности партий.

Указанное определение доминирует в политической науке, причем как в отечественном, так и в зарубежном его восприятии³⁶⁹. Несмотря на различные понятия, подходы, гипотезы, любое представление об институционализации сводится к одной формуле – партии получают государственное признание в виде специального политико-правового статуса.

По мнению одних авторов, этапы институционализации партий тождественны порядку их образования и осуществления ими непосредственной деятельности³⁷⁰.

Как полагают другие исследователи, процесс вовлечения партий в политическую систему происходит за счёт создания развёрнутой нормативно-правовой базы, направленной на регулирование их деятельности³⁷¹.

Стоит отметить, что большинство подходов, выделяющих этапы институционализации, сводятся исключительно к механизму правового регулирования партийной деятельности. На это изначально делал акцент известный польский конституционалист М. Соболевский, который полагал, что «феномен признания правом политических партий в науке часто называют процессом институционализации партий, хотя точнее следовало бы говорить о правовой институционализации»³⁷².

³⁶⁹ Автономов А.С. Партии и партийные системы в России и в мире: история и современность // Государственная власть и местное самоуправление. – 2007. – № 8. – С. 32; Зими́на Н.В. Институционализация политических партий как политико-правового института в современной России (региональный аспект). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Чита: Читинский государственный университет, 2008. – С. 28; Зеленко Б.И. Политические партии как институциональный фактор становления гражданского общества в современной России. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. – М., 2004. – С. 31; Михалёва Г.М. Институт партий: европейская история и российский опыт многопартийности // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2008. – № 1. – С. 119.

³⁷⁰ Евдокимов В.Б. Партии в политической системе буржуазного общества: научн. изд. / В.Б. Евдокимов. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – С. 42.

³⁷¹ Даниленко В.Н. Политические партии и буржуазное государство / В.Н. Даниленко. – М.: Юридлит, 1984. – С. 85.

³⁷² Sobolewski M. Partii i systemy partyjne swiata kapitalistycznego / M. Sobolewski. – Warszawa, 1977. – P. 361-362.

В то же время партии изначально являются институтом политическим, в рамках которого воспринимаются как формализованные организации с присущими им определёнными признаками. В частности, это наличие структуры партийных отношений, уровни власти, регламентация участия их членов во политической системе и т.д.

Исходя из этого, смысловое значение институционализации политических партий необходимо трактовать в более широком диапазоне, поскольку она связана, помимо всего прочего, с созданием особой партийной системы, соответствующей конституционным требованиям. В качестве главенствующего из них выступает принцип многопартийности, который по-разному воспринимается исследователями.

Так, одни учёные полагают, что речь идёт об определённом количестве партийных организаций, функционирующих в рамках существующей политической системы³⁷³. Другие авторы привязывают понимание многопартийности к свободе граждан на объединение, тем самым выводя формулу, что число партий в стране не может быть ограничено³⁷⁴.

На мой взгляд, сочетание таких политических ценностей, как многопартийность и многообразие, отнюдь не случайно. Смысл анализируемого принципа заключается в том, что в стране должно быть не просто много партий, а все они должны представлять разные идеологические направления. В этой связи не следует трактовать ч. 3 ст. 13 Конституции РФ от общего контекста всей указанной статьи, посвящённой идеологическому многообразию.

В таком ракурсе институционализация затрагивает не только этапы по законодательному оформлению статуса партийных организаций, но и развитие внутрипартийного (корпоративного) нормотворчества при помощи устава, внутренних регламентов, решений и прочих документов, содержащих правила поведения для участников партийных отношений. Соответственно, рассматривать только правовое регулирование деятельности политических партий как их институционализацию, по моему мнению, чрезмерно узкий подход, не отражающий действительного масштаба данного процесса.

Косвенно это подтверждает преамбула Федерального закона № 95-ФЗ, в которой дублируется конституционное положение о политическом многообразии и многопартийности и выводится принцип равноправия партий по критерию содержания их уставов и программ. В преамбуле подчёркивается, что гарантируется реализация данного равенства партий перед законом лишь в части обеспечения их идеологической составляющей, но не в имущественном и в политико-административном плане.

Кроме того, политическое многообразие на фоне реализации принципа многопартийности предполагает не только широкий «ассортимент» партийных организаций в политической системе Российской Федерации, но и их возможность участвовать в деятельности властных институтов.

³⁷³ Левенков П.В. Многопартийность или множественность партий? // Российский юридический журнал. 2009. № 3. С. 192-197; Ерыгина В.И. Многопартийность как одна из правовых гарантий свободы общественного мнения // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 2. С. 26-30.

³⁷⁴ Петрова О.Ю. Многопартийность в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Волгоград, 2004. С. 81.

Конституционная норма не уточняет, где именно она должна реализовываться. Тем самым её предписание адресовано всем сферам общественно-политической жизни, в том числе парламенту. Это означает, что даже на фоне неудовлетворительных результатов на выборах, партии, не прошедшие в палату законодательного собрания, вправе претендовать на определённую форму участия в её деятельности.

Отчасти данный аспект политической реальности нашёл своё отражение в ст. 26.2 Федерального закона № 95-ФЗ относительно права непарламентских партий участвовать в пленарных заседаниях Государственной Думы и законодательных собраний субъектов федерации. Примечательно, что в первоначальной редакции закона данное право отсутствовало. Однако на практике представители партий, не вошедших в состав того или иного парламента, имели возможность участвовать в законотворческой деятельности с той лишь особенностью, что этот вопрос регламентировался не правовыми, а политическими нормами, т.е. носил неформальный характер.

Появление в рамках Федерального закона № 95-ФЗ партийного права на участие в пленарных заседаниях органов законодательной власти является государственной гарантией реализации соответствующего конституционного принципа. Тем самым ранее не формализованное субъективное право было поставлено в зависимость от усмотрения властных структур. С 2010 г. это усмотрение значительно сузилось, хотя и сохранился прежний порядок определения партийного участия в пленарных заседаниях.

Так, осуществление данного права на уровне Государственной Думы конкретизируется Регламентом нижней палаты российского парламента³⁷⁵. В частности, абз. 1.2 ст. 38 предоставил полномочие по решению этого вопроса Совету Государственной Думы. Последний определяет перечень политических партий, представители которых могут приглашаться на пленарные заседания. Это означает, что далеко не все действующие партийные организации могут претендовать на попадание в данный список, иначе бы норма обязывала рассылать приглашения всем партиям, зарегистрированным Министерством юстиции РФ.

Более того, при составлении перечня политических партий, чьи представители могут принимать участие в заседаниях Государственной Думы, данный Совет должен руководствоваться предложениями парламентского Комитета по контролю и регламенту. Тем самым в абз. 1.2 ст. 38 Регламента Государственной Думы заложен барьер к реальному воплощению права, предусмотренного ст. 26.2 Федерального закона № 95-ФЗ. При этом непонятны критерии, которыми руководствуется Совет Государственной Думы при решении вопроса, какие именно политические партии, не представленные в парламенте, будут допущены до участия в пленарном заседании. Тем самым условия реализации рассматриваемого партийного права по-прежнему определяются политическими нормами.

Даже в российских условиях, где институционализация, как правило, происходит в вертикальном порядке, тенденции в политической сфере вынуждают власть к соответствующей реакции, которая, в том числе,

³⁷⁵ Постановление ГД ФС РФ от 22.01.1998 N 2134-II ГД (ред. от 21.12.2017) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 16.02.1998, N 7, ст. 801; 2017, N 52 (ч. I), ст. 8105.

находит выражение в совершенствовании партийного законодательства. Из общего массива таких тенденций следует выделить три основных. Именно они определяют содержание деятельности партий, их функционал и, в конечном счете, влияют на партийный статус.

Первая тенденция связана с общим знаменателем, который прослеживается в разных государствах. Практически вся вторая половина XX в. характеризовалась нарастанием гомогенности общества. Причём оно проявлялось не только в социальном и идеологическом плане, но и в политической плоскости. Такие факторы предопределили изменения в западных партийных системах. При этом в европейских странах уже не одно столетие развивалась социальная стратификация. В определённой степени она спровоцировала трансформацию соответствующих политических форм.

Партийные силы стали заниматься данными процессами в условиях уже сформированной социальной структуры. Тем более у большинства граждан имелось право на участие в политических решениях. В частности, путём личного участия в различных выборах³⁷⁶. Последовавшая подобным образом за этими тенденциями длительная партийно-системная стабильность по концепции Липсета – Роккана получила наименование «замороженная партийная система»³⁷⁷.

Однако последнее тридцатилетие сформировало богатый материал, вызвавший научную динамику. Например, при установлении соответствия между традиционными партийными структурами и условиями, в которых происходят современные социальные процессы. Так появилась концепция партийных систем, существующих в «транзитных» государствах.

Вторая тенденция связана со снижением роли политических партий в демократизации общества. Особенно она наглядна в последние годы. Теперь это не основная форма политического участия граждан. Более того, само общество в условиях социальной стратификации не всегда пользуется партийными «каналами связи» с государственной властью³⁷⁸. Причём подобное наблюдается как в странах с развитой демократией, так и в тех государствах, которые имеют небольшой демократический стаж своего устройства.

Не обошла стороной эта тенденция и Российскую Федерацию. Пожалуй, на примере нашей страны она проявила себя максимально заметно. При первоначальных условиях, когда партии создавались «снизу», победила идея насаждения влиятельной партии «сверху»³⁷⁹. И именно она контролирует как парламентскую, так и правительственную власть, в том числе в субъектах РФ.

При этом нельзя утверждать, что это лишь достижение самой власти. Ключевым фактором в данной тенденции выступило отсутствие интереса

³⁷⁶ Гаман-Голутвина О.В. Некоторые аспекты партийного и политического строительства в России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2010. – Т. 3. – № 1. – С. 104.

³⁷⁷ Цит. по: Мункуева Т.А. Партийное измерение социальных расколов: социологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 2. С. 279.

³⁷⁸ Амиантова И.С. Институционально-ценностные основания коалиционной политики в современных государствах // Сводный реферативный сборник журнала Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2010. – № 5-8. – С. 16б.

³⁷⁹ Никитина Е.С. Особенности и основные этапы становления гражданского общества в России // Власть. – 2010. – № 12. – С. 146.

у большого числа граждан участвовать в партийных структурах либо использовать их как способ влияния на политико-управленческие решения. Тем самым реально авторитетные политические партии не сумели сохранить свои позиции в новых условиях российской партийной системы.

Реализация большинства партийных возможностей происходит не через рядовых граждан, а специально нанятыми людьми, выполняющими основную партийную работу. Можно провести параллель с американской партийной системой, где основную деятельность в политических партиях так же осуществляют профессионалы. Однако условия членства в партиях США значительно мягче требований Федерального закона № 95-ФЗ к членам российских партийных организаций.

Такой подход вызвал популярность непартийных объединений, в форме которых сегодня функционируют разные политические движения. Поскольку они не подпадают под императивные требования партийного законодательства, им нужно меньше временных затрат и финансов для реализации своих проектов. Тем более периодически данные общественные объединения и союзы получают доступ к избирательной системе едва ли не наравне с политическими партиями³⁸⁰.

Поэтому к действующим партийным структурам, особенно в период проведения избирательных кампаний, у рядовых избирателей стало складываться потребительское отношение. Электорат до конца не понимает, какими функциями должны заниматься политические партии. К этому добавляется низкая эффективность реализации предвыборных программ партий и политических сил в 1990-е гг., что наложило значительный отпечаток на доверии граждан.

Именно доступность в демократических условиях альтернативных партиям движений и объединений детерминировало постепенное нивелирование партийного влияния на электорат³⁸¹. При этом различные общественные организации стремятся конкурировать с политическими партиями, в том числе призывая бойкотировать определённые организации либо вовсе отказаться от участия в выборах. Они представляют собой относительно новые формы, в которых выражается гражданское самоопределение. И эти силы способны в определённой степени участвовать в формировании политических предпочтений.

В этой связи следует упомянуть ещё одну – третью тенденцию, определяющую современный статус партийных организаций. Это побочный эффект демократизации. В частности, усиление самого гражданского общества, всё меньше зависящего от политических партий³⁸². Примечательно, что оно основывается на тех же принципах, которыми руководствуются партийные структуры. Главенствующее значение среди них занимает саморегулирование и невмешательство, включая партийное невмешательство в дела самоуправляемых общественных объединений.

³⁸⁰ Оськин С.А. Формирование и функционирование современной российской партийной системы: социально-философский анализ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2010. – № 2. – С. 48.

³⁸¹ Маркова С.А. Политическое самоопределение гражданского общества в постсоветской России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Воронеж, 2003. С. 46; Труфанова О.В. Гражданское самоопределение и солидарность – формула стратегического успеха России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9-1. С. 173.

³⁸² Зырянов И.А. Институт политического многообразия в системе конституционного строя России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2010. – № 5. – С. 42.

Как правило, подобные непартийные организации образуются на основе консолидации гражданских интересов. Они не только выражают их, но и зачастую сами формируют предпочтения своих участников. Несмотря на то обстоятельство, что такие объединения имеют распространение больше в экономической и социальной сферах, со временем они выдвигают политические требования. Во взаимосвязи с государственными структурами или при давлении на них решаются отдельные социальные проблемы, которые проецируются на политический уровень. Например, в виде изменения законов, снижения административного давления, трансформации правоприменительной практики и т.п.

Если оценивать перспективы с точки зрения имеющихся масштабов, то любая политическая партия по-прежнему не может выражать широкие общественные интересы в одиночку. Тем самым гражданское самоопределение перестаёт быть прерогативой партийных организаций и уходит к другим формам гражданского общества.

В борьбе за достижение власти указанная тенденция по-прежнему себя не проявляет. Институты гражданского общества могут быть эффективными в любой другой сфере, но способны добиться своего допуска к избирательным процессам в том объёме, который сегодня имеется у политических партий.

По действующей модели Федерального закона № 95-ФЗ, равно как и по избирательному законодательству, кооперация непартийных структур на выборах бессмысленна до тех пор, пока они не воспользуются партийной формой. Таким образом, партиям уже не столь важно заниматься отдельными группами граждан, поскольку есть эксклюзивная возможность получить целый электорат, взяв для разработки социальную базу непартийных объединений на период проведения выборов.

На фоне трансформации процесса демократизации российской политической системы изменился вектор развития политической реальности, в которой функционируют партийные силы.

Так, с 2012 г., когда были внесены поправки касательно требований к статусу политических партий, в Российской Федерации произошёл существенный рост их количества (до 74 зарегистрированных организаций). Такая тенденция позволила преодолеть влияние иных, непартийных общественных объединений, претендующих ранее на участие в выборах. В этом прослеживается намеренная монополизация избирательных прав в руках партийных структур. Можно даже сказать, что участие в избирательной системе стало специальным правом, доступным преимущественно политическим партиям, особенно когда речь идёт о федеральном уровне.

Для примера достаточно обратиться к президентским выборам 2018 г., когда из 8 зарегистрированных кандидатов лишь 1 выступал в качестве самовыдвижения (В.В. Путин). Остальные кандидаты были представлены от политических партий, в том числе таких, которые не имели существенного веса в политической системе. Однако предоставление им особого механизма осуществления избирательных прав за счёт снижения количества требований (по

сбору подписей, по их верификации) подкрепила выводы экспертов об искусственно созданном в России партийном преимуществе³⁸³.

Впрочем, в рамках мировой политической практики партии никогда не идентифицировались с общественно-политическими движениями. Как правило, последние могли перерастать в официальную партийную организацию. Однако даже такие процессы не позволяли зарубежным странам сравнивать их статусы, т.е. государство не наделяло эти общественные объединения партийными возможностями. Различались и функции, которые они выполняли в национальных политических системах.

Так, и в Европе, и в США политические движения имели привязку к конкретной общественно-политической задаче. Это предопределило их стихийный характер. Если задача решена или необходимость в её достижении отпадает, то теряет свою актуальность и соответствующее политическое движение. Кроме того, такие формы гражданской активности не нуждаются в достижении самой власти. Им «удобно» лишь воздействовать на неё, а именно – на отдельные политико-управленческие решения, в том числе выраженные в законах.

Примером трансформации политических движений в партийную структуру служит движение «зелёных». В частности, в ФРГ оно приобрело партийно-правовой статус и активно участвует на выборах. В региональном сегменте этой партийной силе даже удаётся добиться значимых результатов. В 2016 г. «Зелёные» получили первое место на выборах в земельный ландтаг Баден-Вюстенберга. По итогам федеральных парламентских выборов они приобрели 67 мандатов в Бундестаге (8,9% от общего числа голосов). Более того, по итогам выборов в Европарламент в 2014 г. данная партийная сила получила 10,7% голосов.

Примечательно, что для обретения избирательных, а затем и парламентских функций политическим движениям приходится соглашаться с требованиями партийного законодательства. И только в России они не смогли получить депутатских мандатов на федеральном уровне даже в партийном статусе.

Вместе с тем институционализация является этапом в более широком явлении – политической систематизации партийных организаций³⁸⁴. Поэтому определённые стадии политического воздействия на партийные отношения можно, на мой взгляд, рассматривать как соответствующую стадию развития партийной системы.

³⁸³ Долгих Ф.И. Субъекты государственной правотворческой политики России в области регулирования деятельности политических партий // Юридический мир. 2018. № 3. С. 52-56; Белозеров В.В. К вопросу о конституционно-правовом статусе политических партий как субъектов избирательного процесса // В сборнике: Актуальные проблемы конституционного и международного права. Материалы Второй ежегодной конференции. Ставрополь, 2018. С. 21-24; Комкова Г.Н. Права большинства и принцип равенства политических партий: проблемы реализации // В сборнике: Выборы в конституционной системе власти. Материалы IX Международного Конституционного Форума. 2018. С. 74-78.

³⁸⁴ Телков А.С. Политические партии и партийные системы: направления институциональной трансформации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2002. 187 с.; Мелешкин И.Г. Идеологии политических партий в условиях трансформации партийной системы современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Санкт-Петербург, 2008. 210 с.; Чижов Д.В. Политические партии как институт гражданского общества и политической системы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2006. 223 с.

Впрочем, выделение отдельных этапов даже в самом механизме государственного признания партийных организаций среди учёных вызывает дискуссии.

Большая группа исследователей, основываясь на анализе нормативной регламентации всех общественных объединений, выделяют три ключевых этапа институционализации: международный, конституционный и административный³⁸⁵. Нередко данные стадии рассматривают в качестве урвней политической институционализации³⁸⁶.

Признание на соответствующем уровне политических партий постепенно развивает процесс по государственному регулированию по принципу «от общего к частному», конечным итогом которого выступает принятие специального закона, устанавливающего особенности партийных отношений.

Исходя из этого, такой подход можно условно назвать формальным, поскольку институционализация партий сводится к определённому закреплению их возможностей в государственно-правовых актах. Примечательно также то обстоятельство, что в данном подходе формально-юридическое закрепление партий, как участников политических отношений, рассматривается в качестве равнозначного признания их государственным институтом³⁸⁷. Такое восприятие вытекает из факта, что институционализация неизбежно сопровождается наделением партий определённой компетенцией, что является необходимым условием обеспечения демократического режима в стране³⁸⁸.

Впрочем, внутри формального подхода относительно стадий институционализации имеются расхождения.

Например, международную стадию подвергают сомнению зарубежные исследователи, полагая при этом, что политические партии не могут рассматриваться как часть государственной власти, а, следовательно, не включаются в процесс институционализации публичной политики³⁸⁹. Поэтому в государственных масштабах происходит определение места партий в политической системе, а в институциональном плане производится уточнение предмета их деятельности³⁹⁰.

Таким образом, в данном подходе можно обнаружить попытку совмещения политической и правовой институционализации партий в зависимости от уровня их формально-юридического закрепления, но отсутствует учёт фактических партийных процессов, которые могут значительно отличаться от содержания правовых норм.

Аналогичное восприятие стадий институционализации наблюдается в развитии политической мысли на современном этапе. Исследователи выделяют

³⁸⁵ Маллакурбанов А.А. Институционализация парламентских партий России в условиях постсоветских трансформаций. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2010. – С. 41; Дюгурова А.И. Институционализация партийной системы: понятие и основные признаки // Теории и проблемы политических исследований. – 2012. – № 1. – С. 39.

³⁸⁶ Шабров О.Ф. Партогенез и партийные системы: параметры, классификация, российская реальность // Социология власти. – 2006. – № 1. – С. 17; Рогачева Л.И. Общественные объединения как социальные институты самоорганизации граждан // Власть. – 2010. – № 3. – С. 18.

³⁸⁷ Маллакурбанов А.А. Институционализация парламентских партий России в условиях постсоветских трансформаций. – С. 31.

³⁸⁸ Корзун В.И. Правовая институционализация политических партий // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2013. № 6. С. 146-150.

³⁸⁹ Avril P. Essais sur les partis politiques / P. Avril. – P., 1990. – P. 131.

³⁹⁰ Patrzalek A. Zagodnienie instytucjonalizacji partii politycznych w Czamej Africe / A. Patrzalek // Paristwo i prawo. – 1974. – № 4. – P. 51-67.

конституционный этап, на котором формулируются общие принципы государственного регулирования партийной деятельности, и административный, в рамках которого происходит детализация статуса политических партий³⁹¹.

Впрочем, попытки провести какую-то жёсткую границу между конституцией и административно-бюрократическими практиками при выделении этапов институционализации партий сопровождаются внутренним противоречием.

Несмотря на особое положение конституционного акта в политической системе, он является, прежде всего, законом. Соответственно, установление в нём норм, затрагивающих партийные отношения, является ничем иным, как формальной стадией институционализации вне зависимости от того, в каких параметрах – общих или специальных – происходит регламентация партийной деятельности.

Более того, все принципы, сопровождающие партийные отношения, как правило, содержатся в законах, которые непосредственно регулируют деятельность политических партий. Поэтому априори невозможен их разрыв с конституционными принципами, причём как непосредственно связанными с партийной деятельностью, так и со всеми остальными.

Также следует отметить, на мой взгляд, несостоятельность выделения конституционной стадии политических партий в силу того факта, что партийная деятельность регламентируется далеко не только при помощи законов. Достаточно значительный массив институциональной базы партийных отношений состоит из иных регуляторов, не отнесённых к законодательству. К инструментам государственного регулирования политических партий относятся и подзаконные акты, и даже нормы, облечённые в политические традиции.

Таким образом, указанное разграничение этапов институционализации по формальному критерию является весьма условным и искусственным. Конституционное закрепление любых положений о политических партиях следует рассматривать как факт их признания со стороны государства. Примечательно при этом, что даже отсутствие специального законодательства, посвящённого партийным отношениям, не может считаться поводом к сомнениям в наличии у партийных организаций соответствующих функций и возможностей. Кроме того, указание в конституциях на возможность существования политических партий уже следует понимать как оформление их статуса, представляющего значимость для государства и общества.

Довольно неоднозначное воплощение получил «конституционный» этап институционализации политических партий в мире. В большинстве своём конституции упоминают о партиях в общих чертах применительно к правам и свободам граждан, как, например, во Франции³⁹² и Италии³⁹³. В некоторых случаях конституционные положения лишь упоминают о

³⁹¹ Овсепян Ж.И. Конституция Российской Федерации как основа формирования политических партий и осуществления партийно-политических проектов // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 31-38; Дарков А.А. Историческое значение Конституции РФ для правового регулирования деятельности политических партий // Закон и право. 2009. № 2. С. 7-9.

³⁹² Конституция Французской Республики от 4 октября 1958 г. // Конституции зарубежных стран: сборник / сост., предисл. В.Н. Дубровин. – М.: Юрлитинформ, 2003. – С. 49–65.

³⁹³ Конституция Итальянской Республики: Одобрена решением Учредительного собрания в заседании 22 декабря 1947 г. – С. 69–92.

наличии партий как участников политических процессов (Австрия³⁹⁴). Встречаются конституции, в которых вообще нет никаких указаний на существование политических партий (США³⁹⁵). К числу последних условно можно отнести и Конституцию Российской Федерации за тем лишь исключением, что в ней содержится принцип многопартийности³⁹⁶. Однако это не мешает сложившейся практике, при которой ряд государственных актов достаточно подробно описывают положение партий в обществе.

Отсутствие в конституционных нормах каких-либо указаний на отношения не отменяет и не запрещает их существования. Более того, конституционная реальность предполагает не только дословное воспроизведение конституционно-правовых принципов и ценностей, но и их формирование.

Вместе с тем история подтвердила несовпадение факта создания партий с их государственным признанием. Последнее, как правило, происходило хронологически позднее в условиях, когда партийные организации уже функционировали. Тем не менее, разделять данные процессы представляется малопродуктивным в силу их тесной взаимосвязи.

В частности, приоритет фактически возникших партийных отношений над дальнейшим государственным вмешательством постулируется многими политологами³⁹⁷. Напротив, приоритет закона над партийной деятельностью провозглашен в юриспруденции³⁹⁸. Также встречается подход о равнозначном соотношении правовых и политических норм в регламентации партийных отношений³⁹⁹.

По данному поводу следует отметить, что сам по себе процесс институционализации связан с формированием определённого вида отношений. Без наличия устоявшихся общественных связей их государственное признание бессмысленно. Если государство регулирует отношения, которых нет в реальности, то такое явление имеет вполне определённые цели,

³⁹⁴ Союзный конституционный закон от 1 октября 1920 г. (Конституция Австрии) // Конституции буржуазных государств Европы / пер. под ред. Г.С. Гурвича. – М.: Изд-во иностр. лит., 1957. – С. 14–73.

³⁹⁵ Конституция Соединённых Штатов Америки: Принята Конвентом 17 сентября 1787 г. // Конституции зарубежных стран: сборник / сост., предисл. В.Н. Дубровин. – С. 240–257

³⁹⁶ Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. от 21.07.2014) // Российская газета, N 237. – 1993; Собрание законодательства РФ, 28.07.2014, N 30 (Часть I), ст. 4202.

³⁹⁷ Зимина Н.В. Институционализация политических партий как политико-правового института в современной России (региональный аспект). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Чита, 2008. С. 58; Фокина В.Э. Институционализация политических партий и становление многопартийности (историко-правовой аспект) // В сборнике: «Человек. Культура. Общество». Сборник статей 6 Международной научно-практической конференции. Под редакцией В. П. Кошарного, Н. В. Розенберг. Пенза, 2014. С. 88.

³⁹⁸ Резников Е.В. Правовое положение политических партий и их правовая институционализация в России // В сборнике: Право. Законность. Демократия Ростовщиков И.В. Сборник научных трудов. Под ред. И.В. Ростовщикова. Волгоград, 2003. С. 183.

³⁹⁹ Пяткина Т.Ю. К вопросу о правовом регулировании взаимоотношений политических партий и государства // В сборнике: Культурологический подход в экономико-правовом развитии региона. XIV Макаркинские научные чтения. Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Мордовский гуманитарный институт». 2014. С. 372; Толочко А.В. Современное регулирование организации и деятельности политических партий в России: конституционно-правовой аспект // В сборнике: Конституция Российской Федерации и развитие современной государственности: теория и практика (к 20-летию Конституции Российской Федерации) материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ответственный редактор: В.Г. Ермаков. 2013. – С. 374.

рассматриваемые всегда как дефект в регулировании политической системы⁴⁰⁰. Соответственно, институт политических партий всегда будет вторичен на фоне фактически сложившихся партийных отношений.

Вместе с тем не стоит списывать со счетов политический фактор, определяющий содержание партийных норм. Когда речь идет о регулировании политической системы при помощи юридических механизмов, неизбежен конфликт интересов государства и иных акторов публичной политики. Решается ли он принятием соответствующего закона, вопрос неоднозначный, о чём свидетельствуют многочисленные обращения в высшие судебные органы со стороны так называемых «незарегистрированных» партий⁴⁰¹. Примечательно, что ряд правоприменительных актов включаются в процесс институционализации политических партий⁴⁰². Хотя в российских условиях такое явление встречается редко, его наличие неизбежно в качестве одного из этапов построения политической реальности.

Равным образом не сложилось единого подхода к наличию такой стадии институционализации политических партий, как свобода во внутреннем регулировании партийных отношений. На государственном уровне общепризнанно, что партийная деятельность регламентируется внешними и внутренними нормами⁴⁰³. Однако последние зачастую не рассматриваются в качестве правовых норм по целому ряду причин.

Прежде всего, они всегда вторичны по отношению к «внешним» инструментам государственного регулирования, которые устанавливают пределы партийного нормотворчества⁴⁰⁴.

Кроме того, уставы организаций, к числу которых относятся и партии, традиционно не расцениваются в качестве нормативно-правовых актов⁴⁰⁵.

⁴⁰⁰ Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8. С. 8; Суслова Н.В. Дефекты права, причины образования // Проблемы права. 2013. № 1 (39). С. 130.

⁴⁰¹ См. подробнее: Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 N 1251-О «По жалобе гражданина Тюлькина Виктора Аркадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 25 Федерального закона «О политических партиях» // Вестник Конституционного Суда РФ, N 1, 2013; Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2014 N 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», части шестой статьи 29 Федерального закона «Об общественных объединениях» и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда «Костромской центр поддержки общественных инициатив», граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренского и В.П. Юкечева» // Вестник Конституционного Суда РФ, N 4, 2014.

⁴⁰² Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2007 N 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой политической партии «Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов» // Собрание законодательства РФ, 23.07.2007, N 30, ст. 3989.

⁴⁰³ Ильинский И.П. Политическая система современного капитализма / И.П. Ильинский, А.А. Мишин, Л.М. Энтин. – М.: Междунар. отношения, 1983. – С. 121.

⁴⁰⁴ Коляса В.С. Правовое регулирование членства в политических партиях // В сборнике: IX Международный научный конгресс «Роль бизнеса в трансформации общества – 2014» Сборник материалов. М., 2014. С. 417; Казаченко А.А. Конституционно-правовое регулирование внутренней организации политических партий в современном демократическом государстве // Правоохранительные органы: теория и практика. 2005. № 1 (6). С. 90.

⁴⁰⁵ Сологуб С.В. Конституционно-правовое регулирование статуса политических партий в Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2006. С. 79; Решетников О.М. Административно-правовое регулирование деятельности партии в России // Актуальные проблемы современной науки. 2014. № 5 (79). С. 65.

Собственно, и правовыми их назвать достаточно сложно в силу того, что их обеспечением занимается не государство, а сама партия и её члены⁴⁰⁶.

Однако ошибочно полагать, что внутрипартийные нормы предназначены только для членов партии, поскольку в рамках избирательного и парламентского процессов учёт корпоративных особенностей той или иной партийной организации обязателен в отдельно взятых случаях.

В то же время, как утверждают отдельные исследователи, в силу равноправия партий невозможно говорить о существенном значении для их публичного статуса внутренних регуляторов⁴⁰⁷.

В связи с этим следует отметить, что институционализация не ограничивается только формированием соответствующих возможностей и функций партий по отношению к обществу и государству. Она затрагивает также консолидированный интерес граждан при участии в партийных и межпартийных отношениях, что имеет гораздо более широкий диапазон регулирования, нежели подход, отождествляющий партии исключительно с корпоративной формой.

В пользу наличия корпоративной стадии институционализации политических партий говорит то обстоятельство, что модели регулирования внутрипартийных отношений нередко становятся обычаями. Несмотря на законодательно провозглашенную свободу партийных организаций в установлении собственных норм и регламентов, на практике многие из них учитывают традиционные подходы к решению внутриорганизационных вопросов.

Исходя из этого, следует признать, что данный вид отношений приобретает устойчивый и общепризнанный характер. Такой параметр выступает неотъемлемым институциональным атрибутом. Если учесть, что при внутрикорпоративном нормотворчестве необходимо руководствоваться государственными актами, то регламентация отношений, складывающихся в рамках партии, соответствует критериям их общего регулирования. Это означает, что в пределах институционализации партий имеется корпоративная стадия, которая обладает своими особенностями.

Таким образом, в качестве стадий институционализации политических партий следует рассматривать не только государственное признание партийных организаций, но и политическую практику, в рамках которой выделяется административно-бюрократическая стадия (со стороны уполномоченных органов власти) и корпоративная стадия (в форме внутрипартийного взаимодействия).

⁴⁰⁶ Дарков А.А. Некоторые научные концепции исследования правового регулирования деятельности политических партий // Право и государство: теория и практика. 2009. № 3 (51). С. 142.

⁴⁰⁷ Митин Г.Н. Особенности конституционно-правового регулирования статуса политической партии как юридического лица. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2010. С. 81; Кожевников О.А. Некоторые проблемы правового регулирования деятельности политических партий в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2005. № 1. С. 57.

ГЛАВА IV. ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

4.1. Институциональные условия участия российских политических партий в политическом процессе

Сложившаяся иерархия политический партий выражается в доминировании «партий власти». Оппозиционные партии занимают свои ниши, но не могут претендовать на политическую власть в полной мере. В этом заключается основное отличие российского института политических партий от западных демократических систем. Существовав в качестве корпоративных площадок по выдвижению кандидатов на выборах, западные партийные структуры сегодня выполняют функцию т.н. «электоральных машин». Между тем в плоскости массового политического сознания российских граждан очерчиваются другие требования, не всегда соответствующие зарубежным институциональным моделям партийной деятельности.

В большинстве сложившихся в Российской Федерации политических партиях нивелировалось стремление к работе с т.н. «массовым избирателем». Во многих из них партийная деятельность заиклена вокруг лидера, чьё окружение длительное время занимает высокие партийные должности. Тем самым рядовые члены не допускаются до выработки электоральной стратегии партии, что, в свою очередь, негативно влияет на политическую активность граждан.

Данная особенность подтверждает, что неформальные практики, как таковые, отсутствуют в деятельности новых партийных структур. Все они повторяют два варианта своего развития:

- по клубному типу – для оппозиционных партий;
- по бюрократическому типу – в рамках правящей партии.

Таким образом, исследователи признают, что в аспекте институционализации подобные политические практики, заимствованные из демократических систем, сопровождаются в российских реалиях прежним ценностно-нормативным подходом⁴⁰⁸. И отчасти указанная тенденция оправдана попытками мотивировать усреднённый тип политического поведения. Определяющее значение в обозначенном процессе приобрела власть, и это подтверждает выдвигаемый Д. Нормом принцип решающей силы государства, на котором строятся все институциональные трансформации⁴⁰⁹.

Основное отличие российского института политических партий от западных систем заключается в недостаточности хронологических ресурсов, поскольку многие зарубежные партии прошли полный цикл институционализации. Существовав в качестве корпоративных площадок по выдвижению кандидатов на выборах, западные партийные структуры сегодня выполняют функцию т.н. «электоральных машин»⁴¹⁰. Между тем в плоскости массового политического сознания российских граждан очерчиваются другие требования, не всегда соответствующие зарубежным институциональным моделям партийной деятельности⁴¹¹.

⁴⁰⁸ Кертман Г.Л. Статус партии в российской политической культуре // Полис. Политические исследования. 2007. № 1. С. 120-131.

⁴⁰⁹ Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ. 2010. С. 91, 256 с.

⁴¹⁰ Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии. // Полис. Политические исследования. 1996. № 5. С. 16-27.

⁴¹¹ Шашкова Я.Ю., Девятярова А.И. Особенности институциональной роли партий в Российской Федерации // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2018. № 4. С. 180-188.

Стадия, на которой электорат оценивает и принимает партии как основной инструмент достижения политических целей в избирательной системе, продолжает динамично развиваться. Её сопровождают различные институциональные условия, которые с неоднозначной степенью эффективности сказываются на предпочтениях избирателей и на позиции правящей власти по отношению к новым партийным формам.

Например, сама по себе партийная свобода получила фрагментарное раскрытие в Федеральном законе № 95-ФЗ. Так, в п. 1 ст. 8 она выражается в праве партий определять собственную внутреннюю структуру. При этом сам закон устанавливает довольно подробную систему партийных подразделений, наличие которых ставится в прямую зависимость от наличия у них зарегистрированного статуса.

Также свобода политических партий раскрывается через систему прав по определению собственной деятельности. В частности, по ч. 1 ст. 8 Федерального закона № 95-ФЗ партийные организации определяют цели, методы и формы такой деятельности, что вытекает из политической составляющей их направленности. Каким образом они могут реализовать данную свободу, закон не уточняет и, собственно, не может определять.

Однако ключевое значение в приведённом примере имеет отнюдь не содержание партийной свободы. Акцент сделан именно на наличии тех ограничений и запретов, которые установлены государством через Федеральный закон № 95-ФЗ. Отсюда может сложиться вывод о том, что такое вмешательство в деятельность политических партий не может производиться иным образом. Косвенно это подтверждается небольшим количеством законов и подзаконных актов, определяющих вопросы внутрипартийного устройства. В то же время применяются положения, трактуемые в административно-бюрократической системе в качестве явных ограничений и запретов.

Так, в рамках участия политических партий в избирательных процессах действуют специальные условия, изложенные в двух центральных законодательных актах. В частности, это:

- глава IV Федерального закона № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации»⁴¹², всецело посвящённая партийным организациям;

- глава 5 в Федеральном законе № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»⁴¹³.

В свою очередь, это предопределяет тезис, что слишком часто меняющееся законодательство основано на политическом оправдании неизменности конституционных принципов. Их ключевое предназначение – очерчивать пределы в государственном вмешательстве. Такие же пределы предопределяют объём вносимых в законодательство изменений. В противном случае, как отмечают отдельные мыслители, развивается ситуация, близкая к «начальному этапу беззакония»⁴¹⁴. Тогда любую правовую

⁴¹² Федеральный закон от 10.01.2003 N 19-ФЗ (ред. от 05.12.2017) «О выборах Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 2. ст. 171; 2017. № 50 (Часть III). ст. 7545.

⁴¹³ Федеральный закон от 22.02.2014 N 20-ФЗ (ред. от 04.06.2018) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 8. ст. 740; 2018. № 24. ст. 3417.

⁴¹⁴ Экштайн К. Основные права и свободы: По российской Конституции и Европейской Конвенции. – М.: Nota Bene, 2004. – С. 29.

норму в соответствии с курсом публичной политики возможно модифицировать неограниченное количество раз, что является одним из признаков диктатуры⁴¹⁵.

Учитывая российские условия, можно выявить определенную закономерность в развитии институциональных условий участия партий в политической системе.

По аналогии с положением, сложившимся в начале XX в., в 1990-х годах отсутствовали специальные консолидированные условия для партийной деятельности, что влекло низкую эффективность их институционализации. Главным образом, партийные отношения рассматривались в плоскости общественных объединений, что определило их общие институциональные рамки на длительный период. Ряд политических процессов затрагивали деятельность органов государственной власти, участие в которых принимали партии. Примечательно, что столь длительное отсутствие специальных институциональных условий, посвященных политическим партиям, не воспринималось в литературе как дефект их развития⁴¹⁶.

Впрочем, принятие в 2001 г. Федерального закона «О политических партиях» продемонстрировало зависимость партийных тенденций от политического курса в стране. В отличие от аналогичных процессов в других отношениях, содержание институционализации имело исключительно политический характер, что заложено в самой идее многопартийности.

Формализация политической реальности произошла уже не при помощи традиций, как ранее, а через закон. Его цель (стабилизировать политические процессы) во многом обеспечивалась партийной перегруппировкой на парламентском уровне и на уровне субъектов федерации.

Впрочем, указанная цель не является спецификой лишь Российской Федерации. Примерно схожие тенденции наблюдались и в странах Европы ещё в послевоенное время. Подобная концепция получила наименование «рационализированный парламентаризм»⁴¹⁷. Примером этому явлению служит Франция в момент образования Пятой республики.

В частности, при такой системе ограничению подвергается вся законодательная власть. В политическом смысле происходит ослабление т.н. «партийного режима»⁴¹⁸. При этом на передний план выходит достижение стабильности в правительственной деятельности⁴¹⁹. Корректировке также подвергается функционирующая система разделения властей и действующая многопартийная система⁴²⁰.

⁴¹⁵ Там же.

⁴¹⁶ Солдатов С.А. Общественные организации в Российской Федерации: политико-правовое и институциональное исследование. М.: Статут, 1994. С. 15; Юдин Ю.А. Политические партии и право в современном государстве. М.: Форум-Инфра-М., 1998. – С. 42; Яргомская Н.Б. Избирательная система и уровень партийной фрагментации в России // Полис: Политические исследования. 1999. № 4. С. 122–129.

⁴¹⁷ Павлова Л.Н. Альманах парламентаризма // Право и образование. 2018. № 5. С. 166–167; Коновалова Л.Г. Многопартийность и обеспечение связи населения с механизмом государства как признаки парламентаризма: вопросы конституционно-правовой теории // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 1. С. 28–31.

⁴¹⁸ Широков О.А. Партийные системы как инструмент легитимации политической власти // Коммуникология. 2016. Т. 4. № 5. С. 69–82; Макаренко Б.И. Теория партийных систем полвека спустя // Политическая наука. 2018. № 1. С. 122–147.

⁴¹⁹ Пшизова С.Н. Какую партийную модель воспримет наше общество? // Полис (Политические исследования). – 1998. – № 4. – С. 105.

⁴²⁰ Чередов И.Г. Эволюция определений и типологий политических партий // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 111. – С. 313.

Вместе с тем между европейскими и российскими условиями институционализации политических партий имеются принципиальные различия. Появление закона с преобладанием императивных требований хоть и совпадало с европейскими политическими принципами, но обернулось другим результатом.

Партии и парламент в Российской Федерации перестают влиять на принятие судьбоносных политико-управленческих решений. Из субъектов федерации в столицу перешли и меры ответственности. Теперь они распространяются не столько на рядовых партийных членов, а сколько на управленческих субъектов в партийной организации. К последним принято относить и парламентские фракции, образованные по партийному критерию. Однако выдвижение исполнительной власти взамен законодательной по наиболее значимым вопросам, в том числе институционального дизайна, соответствует европейским трендам.

Исходя из этого, содержанием институционализации российских политических партий выступает отображение воли правящей политической группы в систематизации государственных и партийных норм, направленных на укрепление политической системы и на стабилизацию отношений по формированию и выражению интереса граждан в специализированных объединениях. Соответственно, любые институциональные процессы в области партийных отношений напрямую связаны с политическими тенденциями в стране.

Данный тезис подтверждается также последними изменениями в области партийного законодательства. Наибольший интерес представляют поправки, вступившие в силу 4 апреля 2012 г. Очередная редакция Федерального закона №95-ФЗ со стороны научного сообщества стала восприниматься в качестве соответствующей реакции правящей власти на интенсификацию оппозиционных движений в декабре 2011 г.⁴²¹ Произведённые существенные изменения в партийном законодательстве продемонстрировали стремление политической элиты опередить действия протестного движения для стабилизации политической ситуации. Во многом это было связано с тем, что прежний нормативный материал перестал выполнять указанную задачу и нуждался в оперативной трансформации с учётом новых политических реалий.

Изменение Федерального закона «О политических партиях» происходило стремительно, что позволяет провести параллели с особенностями принятия самого закона в 2001 г. В частности, рассмотрение законопроекта в стенах Государственной Думы производилось в более сжатые сроки, чем это предусмотрено для внесения законодательных поправок. Специалисты связывали данное обстоятельство с окончанием срока президентских полномочий Д. Медведева, а также с целью по скорейшему снижению внесистемной оппозиционной активности в обществе⁴²².

⁴²¹ Сизых Ю.А. «Либерализация» законодательства о политических партиях в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 1. С. 49; Цапко М.И. Современное состояние и основные направления совершенствования законодательства о политических партиях // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 2 (32). С. 81; Амиров М.Г., Булатов О.Ш. Конституционно-правовые новеллы в законодательстве Российской Федерации о политических партиях: проблемы и перспективы применения на практике // Юридический вестник ДГУ. 2013. № 1. С. 60.

⁴²² Федоров В.А. Совершенствование российской политической системы и роль оппозиционных партий // Труд и социальные отношения. – 2012. – № 7. – С. 131; Ефимович Н.В. Проблемы становления доминирующей политической партии в России // Актуальные проблемы современной науки. – 2013. – № 4. – С. 119; Кислицына И.С., Кислицын С.А. Сайты политических партий – каковы перспективы? Анализ интернет-коммуникаций в период избирательных кампаний 2007-2012 гг. // Политическая наука. – 2013. – № 1. – С. 225; Иванова М.В. Партийная реформа в период правления Президента В.В. Путина // Ars Administrandi. – 2010. – № 2. – С. 68.

Значимой поправкой стало занижение прежней минимальной численности партийных членов как ключевого условия государственной регистрации партии: с 40 000 человек до 500. Такое существенное послабление со стороны власти имело спорный характер.

С одной стороны, происходила либерализация партийной системы, которая представляла острую необходимость для функционирующей политической системы⁴²³.

Вместе с тем, с другой стороны, данная новелла неизбежно должна была повлечь появление огромного числа т.н. «карликовых партий» и пёстрый набор участников политических процессов на низовом уровне. Последнее, как и в начале 90-х гг., лишь ставит потенциальных избирателей перед сложным и непонятным выбором, учитывая то обстоятельство, что основные политические цели партий часто совпадают, а в некоторых случаях даже их предвыборные программы не отличаются существенно друг от друга.

В то же время избежать подобного снижения численного порога партий было уже невозможно, поскольку в судебной и административной практике недостаточность членов партии выступало наиболее частым основанием для отказа со стороны Министерства юстиции РФ в их регистрации. Поэтому многими оппозиционно настроенными лидерами общественного мнения данное обстоятельство всегда расценивалось как искусственное ограничение политических свобод и существенный дефект в заставшей демократизации российской партийной системы.

Впрочем, внедрение такого институционального условия для крупных политических партий, в принципе, не имело никакой реальной угрозы, поскольку они всегда проходили парламентский избирательный порог в 5% (7% в 2011 г.), в отличие от малочисленных оппозиционных блоков. Соответственно, «карликовые партии», созданные благодаря либерализации партийной системы, вынуждены в свете парламентских выборов образовывать союзы с другими мелкими политическими объединениями для того, чтобы решить данную проблему⁴²⁴. Учитывая, что в российских условиях оппозиционные силы зачастую существенно разобщены и не договороспособны, не стоит сомневаться в том, что произведённые изменения не повлияют существенно на расстановку сил в государстве⁴²⁵. Подтверждением этому стали результаты парламентских выборов в Государственную Думу 7-го созыва в 2016 г., когда «правящая партия» приобрела конституционное большинство, в том числе за счёт выборов по одномандатным округам.

⁴²³ Садовникова Г.Д. Эволюция института народного представительства: основные этапы и особенности становления // Аграрное и земельное право. – 2010. – № 10. – С. 114; Гудков Д.С. Партийная система и гражданское общество // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2011. – Т. 259. – № 8. – С. 11; Салихов Д.Р. Оппозиционная деятельность в России: проблемы и перспективы // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 7. – С. 55.

⁴²⁴ Попова О.В. Политико-партийный ландшафт в новом электоральном цикле // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2011. – № 3. – С. 103; Нудненко Л.А. Правовые гарантии парламентской оппозиционной деятельности в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации // Государство и право. – 2011. – № 8. – С. 17; Васильева С.В. Институционализация парламентской оппозиции как гарантия представительной демократии // Сравнительное конституционное обозрение. – 2009. – № 3. – С. 16.

⁴²⁵ Шувалова Л.В. Парламентское большинство как феномен общественно-политической жизни // Вестник Российской нации. – 2011. – Т. 1-2. – № 15-16. – С. 55; Валеев Х.А. Выборы как инструмент стабилизации состояния общества // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2011. – № 3. – С. 31.

Однако из-за резких и существенных изменений отечественное партийное законодательство нельзя назвать стабильным. На этапе развития институционализации в начале 2000-х годов это объяснялось идеей, что формирование механизма государственного регулирования партийных отношений нуждалось в определённой временной апробации. Уже на фоне поправок 2011-2012 гг. стало очевидно, что уверенность в существующем порядке у политических акторов значительно снизилась, особенно при условии, что имеется возможность столь быстрого и значительного видоизменения институциональных основ⁴²⁶.

Вместе с тем отмеченная внезапная динамика в содержании институционализации не гармонирует с основными демократическими принципами, среди которых главенствующее положение занимает условие о понятных и прозрачных правилах политических процессов, применимых ко всем «игрокам».

По мнению В.В. Лапаевой, Федеральный закон № 95-ФЗ стал индикатором состоявшейся политической борьбы. В результате произошло «навязывание» одной модели государственного вмешательства в партийные права и свободы на фоне альтернативы принятия другого законопроекта⁴²⁷.

Как отмечает С. Заславский, политизирование партийных возможностей происходит вовсе не при принятии закона, а при его соответствующем применении⁴²⁸. Тем самым за основу берётся новый политический порядок, т.е. административно-бюрократическая реальность, в которой строятся отношения с участием политических партий.

Собственно, разграничение фактической и юридической основы партийной деятельности, по представлению Г.Н. Митина, влияет на объединение политических и правовых норм⁴²⁹.

Однако попытки поиска политического усмотрения применительно к институционализации партийных организаций вполне целесообразны. Любое правовое регулирование происходит преимущественно при участии государства. Через соответствующие законы реализуется преобладающая политическая воля, особенно при регламентации партийных отношений. Поэтому многие правовые нормы являются формой выражения проводимой государственной политики⁴³⁰.

Вместе с тем политические особенности влияют на выбор определённого механизма регулирования, на содержание ограничительных и запретительных норм. В аспекте партийных отношений они выявляются при измерении объёма требований, предъявляемых в качестве институционального условия

⁴²⁶ Завадская М.А. Проблема измерения политической институционализации: современное состояние исследований // Политическая наука. – 2009. – № 3. – С. 61; Степанченко В.А. Вектор трансформации политической системы России: феномен малопартийности // Власть. – 2009. – № 9. – С. 23.

⁴²⁷ Лапаева В.В. Закон о политических партиях: в чем суть альтернативных подходов // Журнал российского права. 2001. № 2. С. 15.

⁴²⁸ Заславский С. Закон о политических партиях принят. Что дальше? // Сравнительное конституционное обозрение. 2002. № 1. С. 15.

⁴²⁹ Митин Г.Н. Ошибочное понимание закона о политических партиях // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 13. С. 14.

⁴³⁰ Решетников О.М. Партии в российской политике начала XXI в. // Исторические науки. 2012. № 1. С. 42-43; Богославский Е.А. Правовая политика и формы ее реализации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 141-144; Пузиков Р.В. Формы реализации правовой политики // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 1 (129). С. 163-171.

регистрации партии. Если в один период численность партийных членов должна достигать не менее 50 тыс. человек, а затем данное требование снижается до 500 человек, то речь стоит вести не о политической борьбе, а о трансформации государственной политики. Особенно актуален данный вывод на фоне особенностей принятия определённых законов (на примере их скоротечного прохождения через сложные законодательные барьеры).

Основной смысл при выборе средств и способов государственного воздействия на партийные отношения имеет другой компонент – это природа политических партий. Исходя из решения этого вопроса, можно определиться с методами и принципами, сопровождающими развитие или деградацию партийной деятельности⁴³¹.

Закрепление в конституции известных политических и общественных свобод на фоне гарантий относительно прав граждан на объединение представляется первичным пределом в государственном вмешательстве в партийные дела. Такой механизм традиционно применяется в европейской политической системе, но с другим содержанием.

В российской политической системе сложился несколько иной подход. В частности, провозглашённое Конституцией РФ право на партийное объединение уточняется в более узком диапазоне. По ст. 2 Федерального закона № 95-ФЗ определён предмет данного права. Схожий механизм наблюдается в ст. 9, где содержатся ограничения при реализации партийной деятельности. Что же касается ст. ст. 11, 15, 23 и др., то в них можно наблюдать государственные требования к осуществлению соответствующих партийных возможностей, а иногда и обязанностей.

Большинство условий, предъявляемых к политическим партиям, имеют очевидный административный характер, поскольку и на этапе создания партийной организации, и в момент прекращения её статуса все отношения возникают только с органами исполнительной власти, а именно – с Министерством юстиции РФ.

Такая природа политических партий объясняет преобладание разрешительного типа государственного регулирования⁴³². Отсюда следует неизбежность доминирования требований к регистрации партий, поскольку в отношениях с органами власти как в процессе партийного функционирования, так и в процессе проведения различных выборов невозможно поведение, основанное на альтернативе⁴³³.

⁴³¹ Укин С.К. Предмет и метод правового регулирования – единственные ли критерии разделения системы права на отрасли права // Научные труды SWorld. 2007. Т. 12. № 3. С. 39а; Сорокина Ю.В. Метод правового регулирования как проявление сущностных свойств права // Вопросы российского и международного права. 2011 г. № 1. С. 13; Байтин М.И., Петров Д.Е. Метод регулирования в системе права: виды и структура // Журнал российского права. 2006. № 2 (110). С. 91.

⁴³² Валяев Ю.К. Метод разрешения в административном праве. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2009. С. 72; Демин А.А. Метод правового регулирования как критерий отграничения административного права от других отраслей российского права, включая конституционное // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2004. № 2. С. 30.

⁴³³ Шишпарёнок О.Н. Правовое регулирование взаимодействия государственных органов субъектов Российской Федерации с политическими партиями // Вестник Института законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского. 2012. № 2 (17). С. 18; Николаев А.С. Принципы и формы взаимодействия органов государственной власти и политических партий // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2006. № 6. С. 46.

Поэтому институциональные условия партийного участия содержатся не только в Федеральном законе № 95-ФЗ, но и в иных нормативно-правовых актах. Например, в области финансирования парламентских партий, применительно к административной ответственности политических партий, а также в процессе осуществления ими избирательных прав выдвигает разный набор институциональных условий.

За основу в решении поднятой проблемы необходимо взять объекты государственного воздействия, причём на фоне целей существования российских партийных организаций.

Так, в качестве объекта институционализации политических партий принято выделять два типа отношений.

Первый тип складывается в связи с реализацией конституционного права, принадлежащего каждому гражданину в аспекте объединения и политического многообразия. Эти отношения испытывают на себе влияние демократических принципов, сформулированных в конституционной плоскости и постулируемых в формальном ключе применительно ко всей политической системе.

Второй вид отношений возникает между партиями и государством. Однако считать их исключительно административными нельзя, поскольку они развиваются не только по поводу деятельности органов исполнительной власти. Данный вывод следует из ст. 10 Федерального закона № 95-ФЗ. В ней сформулирован запрет на вмешательство органов власти в осуществление партийной деятельности. Аналогичный принцип сформулирован и в международно-правовой плоскости.

Тем самым выделение методов государственного вмешательства не сопряжено с институционализацией самих партий. Это происходит в связи со спецификой объекта.

Так, преамбула Федерального закона № 95-ФЗ сформулировала основные цели, которые преследуются государством касательно партийных отношений. Само по себе закрепление прав и обязанностей необходимо для достижения и последующего поддержания конституционно провозглашённого политического многообразия. Аналогичная цель раскрывается через конституционную ценность в виде многопартийности. Кроме того, существование партийного законодательства направлено на равенство политических партий. Это достигается при помощи гарантий, необходимых при реализации партийных прав и свобод.

Наиболее близкими к категории «цель» в рамках государственного воздействия являются принципы, которые, как и методы, принято делить на общие и специальные применительно к каждому отдельно взятому институту. Принципы выполняют функцию границ, безусловных правил, соблюдение которых позволяет достичь целей и задач того или иного процесса, в том числе и политического⁴³⁴.

Аналогичным образом можно спроецировать значение принципов на институционализацию политических партий. В своём общем виде они сформулированы в Конституции РФ.

⁴³⁴ Почтарь Т.М. Принципы права в системе правового воздействия // Вестник юридического факультета Коломенского института (филиала) ФГБОУ ВПО «Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ)». 2014. № 9. С. 51; Тирских М.Г., Черняк Л.Ю. Место принципов права в системе российского права // Академический юридический журнал. 2009. № 2 (36). С. 7.

Так, взаимодействие партий и государства строится через провозглашение принципа невмешательства⁴³⁵. При этом политические партии могут и должны воздействовать на государственную власть, а в ответ государство не вправе ограничивать партийную деятельность.

Достигнуть такой формулы в рамках политической реальности достаточно сложная задача. Прежде всего, из-за того, что государство является основным участником политической системы, в которой функционируют партийные организации. Именно оно полномочно регламентировать до определённой степени партийные отношения, устанавливая, в том числе, запреты, необходимые для ограждения общества от негативного воздействия со стороны недобросовестных политических сил.

В то же время оценить право на вмешательство в партийные отношения на фоне абстрактных конституционных положений практически невозможно. В один этап демократизации Российской Федерации такое государственное воздействие носит фрагментарный характер. В другой же период происходит активизация государственного внимания к партийной деятельности. При этом, сужая диапазон применения партийной свободы, государство открывает для данных организаций ряд преимуществ, которые отсутствовали ранее⁴³⁶.

Например, за годы действия Федерального закона № 95-ФЗ политические партии практически сразу получили льготный статус в избирательной системе. При этом исследователи полагают, что такой прерогативы явно недостаточно на фоне провозглашения многих других партийных принципов⁴³⁷.

Если в 2000-е гг. подобный избирательный монополизм был сопряжён с довольно жёсткими требованиями к самому партийному статусу, то в последние годы Федеральный закон № 95-ФЗ демонстрирует их внезапное ослабление. В частности, это выразилось в снижении порога регистрации партии с минимальным количеством членов. Примечательно, что глава государства говорил об этом ещё в 2008 г.⁴³⁸, но реализация данного проекта произошла лишь в следующем электоральном цикле.

Так, нормативно установленная численность партийных членов составляла длительный период 50 тыс. человек. Сегодня данная планка сни-

⁴³⁵ Постников А.Е. Конституционно-правовые основы взаимодействия политических партий и государства // Журнал российского права. 2013. Т. 5. № 197. С. 11; Косонов Е.В. Проблемы и перспективы реформирования политических партий в России // Федерализм. 2012. № 3. С. 177.

⁴³⁶ Демидова Т.К. Роль политических партий в модернизации России сквозь призму исторической традиции // Вестник Забайкальского государственного университета. 2011. № 6. С. 81; Царевский С.Н. Взаимодействие политических партий и структур гражданского общества в современной России // Альманах современной науки и образования. 2010. № 2-1. С. 71.

⁴³⁷ Заикин С.С. Некоторые аспекты «монополизма» политических партий // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 6. С. 79; Решетников О.М. Политические партии в истории современной российской государственности // Исторические науки. 2012. № 1. С. 44; Милованова М.Ю. Партнерство политических партий и общественных объединений как социальная база модернизации современной России // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. № 2. С. 136; Морозов В.Б. Развитие конституционно-правового регулирования статуса политических партий в России с учетом интересов защиты конституционного строя // Право и образование. 2012. № 4. С. 92.

⁴³⁸ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 05.11.2008 // Парламентская газета. № 69. 7-13.11.2008.

жена до 500. Более того, перестала действовать норма о минимальной численности членов в региональных отделениях. Теперь сама политическая партия определяется с данным вопросом через свой устав. Собственно, такая либерализация значительно расширила партийные свободы, заложенные ещё в начале 1990-х гг.

Из принципа демократизма появилась такая партийная обязанность, как ротация управленческого звена. В частности, устав партии должен определить, каким образом и в какой период будет происходить замена руководящего состава партии. Речь идёт лишь о двух уровнях партийного управления. Это коллегиальные партийные органы, действующие на постоянной основе, и региональные отделения партии. Однако фактически указанная ротация носит декоративный характер, не позволяющий отделить партию от её бессменного лидера.

Отсюда можно сделать вывод, что именно в принципах партийных отношений заложены стратегии потенциальных изменений государственных требований к политическим партиям. В свою очередь, это выражается в изменении состава обязанностей, сковывающих партийную свободу.

Действующее законодательство закрепляет целую группу принципов, с помощью которых происходит не только реализация партийной деятельности, но и её государственное регулирование. Их система строится на добровольности, равноправии, самоуправлении, законности и гласности деятельности политических партий. Указанные категории образуют политическую реальность, в которой должны функционировать все политические партии: как добившиеся власти, так и стремящиеся к ней.

Однако изменение требований к партийным организациям не может нарушать известный конституционный баланс. Речь идёт о соотношении партийных прав и свобод. В частности, государственному вмешательству может подвергаться только внешняя часть партийных отношений. Это те отношения, которые политическая партия строит с другими субъектами.

Внутрипартийные отношения, как правило, подвергаются правовому регулированию лишь в самой минимальной степени. Однако в Российской Федерации почти в равной мере регламентируются и внешние, и внутренние вопросы партийной деятельности, причём не в пользу свободы усмотрения политических партий.

В то же время принципы партийной системы должны напрямую отражаться на балансе прав и свобод, образующих конституционный статус политических партий.

По ст. 8 Федерального закона «О политических партиях» можно выделить две группы принципов.

Первая касается партийных возможностей на фоне свободы общественных объединений. Они конкретизируют диапазон их реализации (например, на добровольной основе и в силу равноправия участников).

Вторая категория позволяет выделить возможности партий среди смежных непартийных организаций. Примером этого может служить ограничение участия в партиях до категории граждан Российской Федерации, что, напротив, недопустимо для иных общественных объединений, в том числе политического типа.

Вместе с тем разграничение партийных прав и свобод лишь на конституционные и отраслевые не имеет определяющего значения. Как известно,

п. 1 ст. 55 Конституции РФ установил равное значение для всех прав, содержащихся в законах различных уровней. Более того, далеко не все права, принадлежащие партиям и их членам, можно отнести к поименованным, т.е. указанным напрямую законом⁴³⁹. Особенно это актуально в аспекте политической направленности реализации подобных прав. При всём при этом п. 2 ст. 8 Федерального закона № 95-ФЗ обязывает партии соблюдать лишь те права, которые принадлежат гражданам по Конституции.

Аналогичным образом выглядит принцип территориальности партийной деятельности. Очевидно, необходимость провозглашения такой гарантии связана с исторической особенностью институционализации российской партий. Если раньше, в условиях отсутствия специального партийного законодательства, могли существовать региональные партии, то сегодня абсолютизировано условие о деятельности исключительно общедо-федеральных партийных организаций. На фоне отсутствия аналогичного требования в Конституции РФ принцип территориальности отличает политические партии от других общественных организаций.

Так, общественные объединения могут иметь не только федеральный статус, который закреплён лишь за общероссийскими объединениями. Законодательство выделяет также объединения межрегионального уровня. Такие структуры могут заниматься своей основной деятельностью в определённом количестве субъектов федерации. При этом число региональных представительства не превышает половину от общего количества. В противном случае такая организация претендует на общероссийский статус.

Аналогичным образом закон допускает функционирование общественных объединений в рамках одного субъекта федерации и даже в рамках одного муниципального образования. Партийные организации не имеют такой классификации, хотя их политические возможности могут зависеть от региональной и местной специфики. В частности, при проведении соответствующих выборов в органы власти или в органы, занимающиеся местным самоуправлением.

Указанное сравнение говорит о несовпадении положения партийных и непартийных организаций в политической системе. Примечательно, что до 2002 г. таких отличий, по существу, не наблюдалось.

Например, в ст. 47 Федерального закона № 95-ФЗ подчёркивалось требование о реорганизации тех общественных объединений, которые ранее занимались политической деятельностью. Все они обладали на протяжении первых двух лет применения Федерального закона № 95-ФЗ правом приобрести партийный статус. В противном случае подобные структуры теряли функции политического объединения и не могли пользоваться партийными привилегиями, прежде всего, в рамках избирательной системы.

Отсюда следует, что до появления специальных государственных требований между политическими партиями и общественно-политическими объединениями и движениями не существовало принципиальной разницы. Тем самым их статус в политической системе был практически

⁴³⁹ Таева Н.Е. Диспозитивность в конституционном праве Российской Федерации // Проблемы права. 2016. № 1 (55). С. 24; Крыткина М.С., Сафронов В.В. К вопросу о конституционной концепции основных прав и свобод личности // Вестник научных конференций. 2016. № 5-4 (9). С. 161; Должиков А. Толкование конституционных прав // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 4 (113). С. 144.

идентичен. Они обладали равным правом на участие в различных выборах. Собственно, мера по устранению непартийных структур от основных политических возможностей не противоречит принципам территориальности и партийного членства⁴⁴⁰.

В рамках ст. 8 Федерального закона № 95-ФЗ выделяют принципы, благодаря которым определяется особенность в статусе партийных организаций. Общий их смысл заключается в том, что политическая партия наделена свободой при решении своих внутренних вопросов. К ним закон отнёс не только цели и методы партийной деятельности, но и внутреннюю структуру, и особенности партийного управления. Однако данная свобода действует до тех пор, пока не затронет установленные государством ограничения и запреты. При этом последние могут иметь лишь законный характер.

Например, принцип партийного равноправия в буквальном своём толковании означает, что все политические партии наделены одинаковым правовым статусом, т.е. равными правами и обязанностями. Однако очевидно, что между партийными структурами имеются значительные отличия в их возможностях, причём даже в избирательной системе.

В этом плане необходимо провести отличие между термином «равноправие» и «равенство» применительно к партийным организациям. В частности, принцип равноправия – это предоставление одинакового объёма партийных прав. При этом права партий не зависят от их политических ценностей, установок и ориентаций. Так, каждая политическая партия обладает избирательными правами и обязанностями, т.е. может принимать участие в различных выборах и референдумах.

Равенство же имеет примерно такую смысловую нагрузку, как и принцип добровольности применительно к партийной деятельности. С одной стороны, члены партии равны между собой при внутрипартийных вопросах (например, в аспекте партийного управления). Однако и члены разных партий должны оставаться равными в своём политико-правовом статусе. Так же происходит с реализацией добровольности партийной деятельности. Помимо беспрепятственного вступления и выхода граждан в рамках политической партии, добровольность проявляется и при построении внешних партийных отношений. В частности, при образовании партийных коалиций, избирательных объединений, совместных политических проектов.

Помимо названных непосредственно в законе принципов партийных прав и обязанностей следует упомянуть и отдельные принципы, которые сложились в рамках политической реальности, т.е. не имеют формально-юридического выражения в действующих законах. Примером таких принципов может служить партийная независимость. Она граничит с применением принципа партийного самоуправления, дополняя его более глубоким содержанием. Помимо того, что члены партии самостоятельно решают, каким образом будет происходить управление партийными делами, конституционно запрещено любое вмешательство, как государственное,

⁴⁴⁰ Сербин М.В. К вопросу о новом порядке создания и деятельности политических партий в Российской Федерации // Закон и право. 2012. № 6. С. 16; Васецкий А.А., Королькова Н.Д. Политические партии и выборные системы как факторы формирования публичной политики // Управленческое консультирование. 2012. № 1. С. 39; Богатырева Л.В. Эволюция ролей и функций партий в российской политической системе в 2000-е гг.: кризис легитимности неизбежен? // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2012. № 4. С. 16.

так и иное, в вопросы партийной деятельности. Если подобное влияние со стороны общества и государства необходимо в силу обеспечения конституционного строя, то его пределы должны определяться исключительно законодательным способом.

Взаимосвязь принципов партийной системы прослеживается в плоскости определения степени независимости политических партий. Так, все партийные свободы сопряжены с необходимостью соблюдения законов. Это прямо установлено в п. 1 ст. 27 Федерального закона № 95-ФЗ. Примечательно, что помимо нормативно-правовых актов, принятых государственными инстанциями, партии обязаны следовать требованиям своих уставов.

Однако в более узком значении сформулировано требование о соблюдении прав и свобод человека. В частности, Федеральный закон № 95-ФЗ назвал необходимость соответствия лишь конституционными правам, в то время как по ст. 55 Конституции РФ все субъективные права и свободы, провозглашённые разными законами, имеют равнозначную юридическую силу. Тем самым политические партии должны соблюдать права, провозглашённые не только в конституционных нормах, но и в нормах иных законов.

Также ограничивающее соотношение принципов партийной независимости и законности прослеживается в аспекте действующих запретов. Например, партийная свобода не должна быть связана с провозглашением или с фактической направленностью на насильственное изменение конституционного строя.

Федеральный закон № 95-ФЗ уточняет, что под этот запрет подпадает стремление нарушить территориальную целостность Российской Федерации. К данной категории отнесена и государственная безопасность. Поэтому политические партии не могут создавать вооруженные и военизированные формирования, впрочем, как и все другие объединения, осуществляющие свою деятельность на территории России.

Кроме того, партийная свобода упирается в вопросы национальной и социальной принадлежности граждан. Запрещена направленность партийной деятельности на разжигание любого вида розни (не только расовой и национальной, но и религиозной, и даже социальной). Аналогичный запрет действует на ориентации партий в своей политической деятельности исключительно на подобные признаки. Применительно к этому пределу партийной свободы добавлено ограничение по представительству партиями граждан одной профессии.

Ряд запретов уточняют пределы действия принципа невмешательства в партийную деятельность. Так, политические партии не могут создавать собственные структуры в рамках публичной власти. Закон уточняет, что сюда отнесены не только органы власти и органы, занимающиеся местным самоуправлением. Аналогичный запрет применяется к сфере Вооруженных Сил Российской Федерации, к сфере деятельности правоохранительных и иных государственных органов. Более того, партии не могут вмешиваться в деятельность как государственных, так и негосударственных организаций. Отдельным пунктом уточняется схожий запрет партийного участия в образовательном процессе, осуществляемом учебными заведениями любого типа.

Вполне естественным принципом можно считать и гражданскую принадлежность политических партий. Так, запрет любого участия иностранных партийных организаций на территории Российской Федерации априори не нуждается в своём государственном закреплении. Это вытекает из политических норм, которыми обязаны руководствоваться все партии и политические движения.

Таким образом, в российском пространстве подобные особенности подтверждают тезис о том, что сегодня институциональные условия находятся на уровне своего формирования. Построение соответствующих партийных отношений испытывает влияние той специфики, которая сложилась в большинстве отечественных политических институтов. Она связана с их возникновением по вертикальному типу. До тех пор, пока такой порядок будет считаться наиболее эффективным в построении институтов гражданского общества, содержание институциональных условий участия партий в политической системе невозможно считать стабильным.

4.2. Особенности институционализации партии «Единая Россия»

Институционализация «Единой России» происходила за счет активного привлечения государственных ресурсов. Речь идет не столько о государственном финансировании, сколько о поддержке «партии власти» со стороны исполнительной власти в виде мобилизации «административного ресурса». Высокая степень институционализации «Единой России» необходима правящей политической элите для поддержания собственной легитимности и повышения устойчивости политической системы.

На первом этапе институционализации «Единая Россия» стала мощным инструментом централизации политической власти в России. Автором высказана позиция, в соответствии с которой необходимо признать за «партией власти» не только мобилизационную, но и функцию политического представительства, охватывающую большой круг социальных групп, так или иначе одобряющих решения «Единой России» на ранних этапах её институционализации. Однако жёсткое ограничение электро-альной конкуренции сначала со стороны самой партии, а затем и органов исполнительной власти негативным образом сказались на образе данной политической силы.

Формирование в России партийной системы с доминирующей партией и ее ускоренная институционализация были связаны с решением задачи по централизации власти в России, построения системы «вертикали власти». Институционализация «Единой России» породила систему иерархии партий в России. Первую группу партий представляют парламентские институционализированные партии, вторую группу – старые институционализированные внепарламентские партии, третью группу – новые слабо институционализированные партии. Особенностью российской партийной системы является то, что партии не переходят из одной группы в другую, что говорит о слабой межпартийной конкуренции.

По оценке ряда учёных, институционализация любой политической партии должна завершаться обретением ею определённой ценности и стабильности. С. Хантингтон отмечал, что в качестве конечного результата

данного процесса партия становится институтом политической системы⁴⁴¹. Напротив, по мнению П. Бурдые, завершение институциональных процессов сводится к необходимости осознанного подхода в объединении людей в определённую политическую партию, чтобы посредством данной организации осуществлять запланированные действия в политической практике⁴⁴².

Указанные подходы, несмотря на их расхождения в смысловом понимании институциональных тенденций, в определённой мере могут быть спроецированы на особенности создания и развития партии «Единая Россия». Однако вопрос о завершенности институционализации этой организации остаётся открытым в современной политической науке.

В плоскости концепции, сформулированной П. Бурдые, потребность участия граждан в деятельности партии «Единая Россия» в разные периоды её функционирования имела неоднозначный характер. Отнесение данного объединения к кадровому типу партийных структур всегда сопровождалось условным значением⁴⁴³.

С одной стороны, на этапе формирования «Единой России» прослеживались черты кадровой партии. Данный вид описал ещё М. Дюверже, наделив его вполне конкретными признаками⁴⁴⁴:

- ограниченный круг участников;
- наличие высокопоставленных в обществе и в политической системе партийных членов;
- отсутствие потребности опираться на мнение масс и, как следствие, непостоянная структура.

С другой стороны, принятие в 2001 г. жёсткого варианта закона, регулирующего партийную деятельность в Российской Федерации, повлияло на обретение «Единой Россией» признаков массовой партии. К их числу относились:

- разветвлённая сеть региональных и местных отделений;
- необходимость отбора партийных членов для выдвижения кандидатов на выборах;
- централизация структуры;
- потребность во введении партийной дисциплины.

Поскольку изначально объединение нескольких политических сил в консолидированную партийную структуру преследовало цель опосредовать интересы правящей российской элиты, в качестве одного из барьеров выступили институциональные условия проведения выборов. Главным образом, институционализация т.н. «партии власти» в Российской Федерации происходила на фоне необходимости сохранить условно демократические нормы и формализовать их для обеспечения внешне конкурентной политической системы⁴⁴⁵.

⁴⁴¹ Huntington S. Political Development and Political Decay // World Politics. 1965. Vol. 17. № 3, pp. 386–430.

⁴⁴² Бурдые П. Социология политики [Пер. с фр., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко]. – М.: Социо-Логос, 1993. С. 119, 336 с.

⁴⁴³ Шиллов В.Н. Современные российские политические партии: опыт типологии по названиям // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2015. № 19 (216). С. 161–165; Кочкарлова Э.А. Некоторые вопросы взаимодействия органов государственной власти и политических партий // Modern Science. 2019. № 4-1. С. 201–206; Амирова Г.М. Формирование «партии власти» и утверждение её монополии в современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Уфа, 2009. 197 с.

⁴⁴⁴ Дюверже М. Политические партии / Пер. с франц. М.: Академический Проект, 2000. С. 164.

⁴⁴⁵ Соколов В.А. Трансформация «партии власти» в партийной системе современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Ярославль. 2010. С. 59.

При этом монополизация партий избирательных процессов всегда предполагала ограничение электоральной конкуренции, прежде всего, в ущерб тех партийных сил, которые не вписывались в идеологические рамки лидеров «Единой России». Собственно, на такой результат – сокращение числа организаций, способных принимать участие в выборах – были направлены основные действия «партии власти».

Примечательно, что внешнепартийные намерения сопровождались схожими институциональными тенденциями внутри партии «Единая Россия». На момент своего формирования в 2001–2003 гг. управлением партий занимался центральный политический совет. Так, в Высший совет «Единой России» вошли лидеры объединившихся организаций: Юрий Лужков (от движения «Отечество»), Сергей Шойгу (от партии «Единство») и Минтимер Шаймиев (от движения «Вся Россия»). Помимо этого, на учредительном съезде был образован Генеральный совет партии, на который возлагалась функция по практическому политическому руководству партийными делами. Его возглавил А. Беспалов, который одновременно управлял центральным исполнительным партийным комитетом. Тем самым руководящие должности имели рассредоточенный характер и не предполагали выдвижение центральной фигуры в аппарате управления «Единой России».

В практической плоскости обнаружить принципиальные отличия в трёх дублирующих друг друга управленческих структурах «партии власти» не представлялось возможным. Функции Генерального совета, в целом, совпадали с полномочиями Высшего совета. Кроме того, на начальном этапе институционализации все руководящие органы имели символический характер, а их влияние на партийных членов было незначительным⁴⁴⁶.

Однако уже в 2004 г. прежняя структура внутрипартийного управления подверглась значительной трансформации. Вместо Высшего политического совета была введена должность партийного председателя, которую занял Борис Грызлов, возглавлявший на тот момент фракцию «Единая Россия» в Государственной Думе.

Указанное реформирование структуры управления партии совпало с тенденциями по централизации федеральной и региональной власти в стране. В литературе данный процесс получил название «партизация»⁴⁴⁷ по аналогичному выражению, высказанному секретарём президиума Генерального совета «Единой России» В. Володиным. В силу того, что парламентское большинство в субъектах федерации принадлежало «партии власти», именно оно стало определять кандидатуры в губернаторском корпусе. При помощи модификации законодательных требований в 2004–2005 гг. прямые выборы глав российских регионов были заменены на парламентское определение личности губернатора.

Приведённый исторический экскурс демонстрирует совпадение внутренних и внешних партийных процессов. Централизация власти в самой

⁴⁴⁶ Клешарь Е.А. Тенденция развития правящих партий в современной России (на примере партии «Единая Россия»). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Ростов-на-Дону, 2009. С. 36. 137 с.

⁴⁴⁷ Кынев А.В. Пределы принудительной партизации в России // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 6 (85). С. 115–124; Золотухина Ю.Ю., Мартин И.А., Жидких В.П. Административный ресурс как фактор управляемой многопартийности // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2018. № 2. С. 50–54.

«Единой России» шла параллельно с выстраиванием властной вертикали в отношениях «центр – регион». В рамках институционализации такой тренд получил наименование «институциональный дизайн»⁴⁴⁸, в силу чего расценивается исследователями в качестве одного из базовых условий превращения политической партии в институциональную стратегию⁴⁴⁹.

В качестве цели такой стратегии учёные называют консервацию политических ресурсов на фоне сложившихся демократических институтов (парламентские и президентские выборы, формирование исполнительной власти, легитимация принятых политико-управленческих решений)⁴⁵⁰. Собственно, в реализации данной институциональной стратегии прослеживаются особенности институционализации «партии власти», выделяемой в современной политической науке в качестве самостоятельного института⁴⁵¹.

Главенствующий институциональный критерий – объединение правящей группы – выступает основной спецификой создания партии «Единая Россия». Вместе с тем такая интеграция лиц с разными идеологическими убеждениями производилась для образования института, способного разрешать внутриэлитные конфликты⁴⁵². Этот тренд в полной мере соответствует институционализации кадровых партий, однако в российских условиях 2000-х гг. он приобрёл прямо противоположный характер.

Потребность в расширении «социальной базы» партии «Единая Россия» позволила правящей элите заняться включением в партийные члены основного массива публичных служащих. Несмотря на действовавший с 1995 г. запрет для государственных должностных лиц использовать своё служебное положение в интересах политических партий, с момента образования «Единой России» именно работники органов исполнительной власти обеспечили переход партии от кадрового типа к массовому⁴⁵³.

Однако административное звено было не единственным в кадровом потенциале развивающейся «партии власти». В 2005–2006 гг. в «Единую Россию» вступили руководители финансово-промышленных групп, име-

⁴⁴⁸ Голосов Г.В., Лихтенштейн А.В. Партии власти и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Полис. 2001. № 1. С. 6-14; Аствацатурова М.А., Дзахова Л.Х. Институциональный дизайн «партии власти» в политическом проекте российской идентичности // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2012. № 3. С. 7-14; Ситник А.Ю. Феномен моноцентричности российской партийной системы // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2009. № 4 (70). С. 24-30.

⁴⁴⁹ Саква Р. Дилеммы развития российской партийной системы // Политическая наука. 2010. № 4. С. 167-190.

⁴⁵⁰ Назаров И.И. «Партия власти»: системный анализ представительства в государственных органах власти // Pro nunc. Современные политические процессы. 2014. № 1 (13). С. 24-38.

⁴⁵¹ Хенкин С. «Партия власти»: штрихи к портрету // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 1997. № 1. С. 28-35; Диких А.А. Типология «партий власти» // В мире научных открытий. 2014. № 1-1 (49). С. 576-590; Завадская М.А. Думские инкубенты и «партия власти» (кросстемпоральный анализ) // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2012. № 3 (66). С. 121-131.

⁴⁵² Шапошникова Е.А. «Партии власти» в России: отечественное определение понятия и этапе функционирования // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2015. № 23. С. 74-78.

⁴⁵³ Михалева Г.М. Партии бывают разные: «Единая Россия» как административная партия // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2007. № 3 (53). С. 30-44; Мухоматов Р.С. Роль партии «Единая Россия» в консолидации элит на муниципальном уровне // Ars Administrandi. Искусство управления. 2015. № 1. С. 85-94.

ющих условный негосударственный статус. Расширение кадровых каналов для рекрутирования партийных членов позволило разбавить, но не подавить численное превосходство публичных служащих в составе партии.

В частности, доля государственных и муниципальных служащих в составе «Единой России» в 2007 г. насчитывала 59% от общего числа членов⁴⁵⁴. Представителей бизнеса было примерно 3,8%. Рабочие профессии представлены в кадровом составе «партии власти» 17,6%. Низкая доля учащихся и студентов – 5,5%, а также пенсионеров – 6,3%.

Однако уже в 2010 г. соотношение указанных социальных групп в численном составе «Единой России» претерпело значительные изменения. Так, доля государственных служащих сократилась до 13,2%; студенты и пенсионеры в совокупном виде составили уже 26% от общего числа членов. Количество предпринимателей сохранилось на уровне 4%⁴⁵⁵.

По оценкам отдельных исследователей, указанные изменения в социальном составе партийных членов изначально преследовали цель реализовать своеобразный «общественный договор»⁴⁵⁶. Главным образом, он должен был действовать между крупными представителями бизнеса и чиновниками, чтобы разрешать при помощи партийных механизмов конфликты касательно вопросов собственности.

Фактически курс «партии власти» сменился на нивелирование рисков, связанных с электоральными процессами в стране. Во многом ограничение политической конкуренции было проведено ещё до образования «Единой России». Федеральный закон № 95-ФЗ создал особые институциональные условия, позволяющие новой бюрократической партии (в трактовке М. Вебера) постепенно захватить рычаги управления сначала на федеральном, а затем и на региональном уровнях.

Прежде всего, рамки партийной системы, сформулированные в Федеральном законе «О политических партиях», резко сузили политическое пространство при формировании представительных учреждений российского государства. Если ранее имелось право на участие избирательных блоков и прочих объединений, составлявших большинство на предвыборном этапе, то с 2001 г. такие участники приобретают чёткую институционализированную платформу.

Если жизнеспособное объединение желает продолжать свою деятельность, оно обязано стать организацией, соответствующей критериям данного закона, т.е. приобрести партийный статус. Это наглядно выразилось в образовании партии «Единая Россия», созданной на базе слияния двух других протосубъектов – избирательных блоков «Единство» и «Отечество – Вся Россия». Подобная новая конфигурация партий обеспечивала преимущественное положение для формирующейся правительственной партии.

Кроме того, принятие закона позволило власти провести ревизию прежде образованных партийных организаций, поскольку они обязаны были пройти перерегистрацию по более серьёзным условиям, т.е. их ста-

⁴⁵⁴ Цит. по: Осягин М.В. Социально-политическая напряжённость как фактор трансформации партии «Единая Россия» // Аллея науки. 2018. Т. 7. № 11 (27). С. 795-799.

⁴⁵⁵ Цит. по: Закатнова А. Клики — и в партии // Российская газета (19 мая 2010) [Электронный ресурс] доступ – свободный (дата обращения: 04.11.2019).

⁴⁵⁶ Глебова И.И. Русская власть и ее партия // Политическая концептология. 2011. № 3. С. 128.

тус подвергся «пересмотру». Расширение минимального численного состава партии до 10 тысяч членов как раз отражало фактическую сторону вопроса. Это «побуждало» политических активистов, которые ранее участвовали в разрозненных блоках и объединениях, консолидироваться в более крупный институт, чтобы иметь в его рамках соответствующие формальные возможности.

Возникла парадоксальная ситуация. С одной стороны, итоги избирательных кампаний регионального и федерального масштаба ярко демонстрировали приверженность электората партийным организациям, что, в свою очередь, должно было побудить членов избирательных блоков и союзов самостоятельно решить вопрос о приобретении партийного статуса.

С другой стороны, до введения в действие Федерального закона № 95-ФЗ такая инициатива в политической системе страны фактически отсутствовала. Тем самым можно констатировать, что без вертикального мотивирования в приобретении партийного статуса немислима дальнейшая институционализация партийной системы по корпоративному типу.

Несмотря на факты занятия подавляющего большинства мест в парламенте именно партийными организациями, низовые звенья политической системы не торопились кооперироваться на постоянной основе. Это объяснялось очевидной выгодой образования временных объединений в период избирательных кампаний, что не обязывало поддерживать стабильность политических целей и задач. При сохранении таких условий существование в России партий попросту ставилось под сомнение. Зачем нужны отдельно сформированные партийные организации, если право на участие в выборах могут получать и другие объединения? На этот вопрос российское законодательство 1990-х гг. никак не отвечало, хотя было очевидно, что на высшем уровне такой ответ рано или поздно придётся дать.

Правда, по-прежнему оставался вариант приобрести партийный статус самостоятельно. Тем более, что для общественных объединений на протяжении двух первых лет применения Федерального закона № 95-ФЗ присутствовала льгота в реализации данного права. Однако на фоне и политических, и экономических факторов воспользоваться подобным способом сумели далеко не многие. В частности, удачные примеры показали лишь такие партии, как «Единая Россия» и «Народно-патриотический союз Родина».

Кроме того, одновременно с созданием и развитием «партии власти» шла реформа местного самоуправления, которая ориентировалась на ключевые принципы Европейской хартии 1985 г. Поскольку Российская Федерация ратифицировала данный международный договор в 1998 г., на неё накладывалась обязанность продолжить отделение муниципального уровня власти от государственного. По аналогии с парламентским и губернаторским составом в российских регионах довольно быстро были достигнуты цели ограничения электоральной конкуренции на уровне местного самоуправления. В частности, возможность избрания главы муниципального образования отдавалась представительным органам местного самоуправления. В свою очередь, их состав в каждый электоральный цикл демонстрировал фактически монопольный статус «Единой России».

Несмотря на функции национального регулятора, «партия власти» не стремилась вытеснить с политического рынка всех конкурентов. Ряд партийных структур, образованных за 1990-е гг., продолжали участвовать в выборах всех уровней и даже получать определённые мандаты в представительных органах. Тем не менее, именно на «Единую Россию», а не на специализированные органы государственной власти Российской Федерации, была возложена задача контролировать партийную систему и выработать для неё новые политические нормы.

По верной мысли М.Х. Фарукшина, институционализированная среда строится на соответствующем поведении⁴⁵⁷. Поэтому определяющим признаком институционализации партий выступает норма, регламентирующая поведение. Причём значение имеют не любые нормы, а лишь те из них, которые становятся обычными, образцовыми, повторяющимися, т.е. имеют устойчивый характер⁴⁵⁸. Данный признак можно наблюдать на примере регулирующих функций партии «Единая Россия».

Ключевым политическим принципом в избирательных процессах, происходящих в Российской Федерации 2000-х гг., становится центральное положение «партии власти» и вспомогательный статус некоторых других партийных объединений. По итогам выборов в Государственную Думу 2003 г., помимо подавляющего большинства мандатов, доставшихся «Единой России» (300), в нижнюю палату парламента прошли лишь такие партии, как КПРФ (52 депутата), ЛДПР (36 депутатов), «Родина» (36 депутатов). При этом были вытеснены из парламентской деятельности правые партии – «Яблоко» и СПС. Большинство других партийных сил не смогли преодолеть избирательный порог в 5%.

Заданный на парламентских выборах 2003 г. тренд по центральному положению «Единой России» становится политической нормой, ограничивающей возможности других партий не только получать голоса избирателей, но и участвовать в выборах разных уровней. В этой связи следует согласиться с тезисом, высказанным А.И. Дюгуровой, о несовпадении институционализации отдельно взятой партии и партийной системы⁴⁵⁹. В обозначенном примере данный вывод актуализируется высокой степенью институционализированности «партии власти» и обратными процессами по отношению ко всем российским политическим партиям.

Вместе с тем парламентские выборы последних лет демонстрируют попытку реализации отдельных принципов, сформулированных Федеральным законом № 95-ФЗ. Так, некоторые политические партии для создания своего списка кандидатов начали практиковать т.н. «праймериз» или первичные внутрипартийные выборы. Подобная практика наблюдалась даже на выборах в Государственную Думу 2016 г. В частности, её использовали две партийные структуры – Единая Россия и РПР-ПАРНАС.

Безусловно, такое стремление приближает политические ценности к сложившейся политической реальности, в которой реализуются избирательные принципы. Однако фактическая сущность проведённых праймериз небезупречна с точки зрения политической конкуренции. Например, успех на

⁴⁵⁷ Фарукшин М.Х. Политические институты демократического общества // Всероссийская научная конференция «Перспективы развития современного общества», 13-14 декабря 2002 г. Часть I: материалы. – Казань: Казанский гос. техн. ун-т, 2003. – С. 130-146.

⁴⁵⁸ Там же.

⁴⁵⁹ Дюгурова А.И. Институционализация партийной системы в Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Казань, 2011. С. 41. 171 с.

внутрипартийных выборах, проводимых в 2016 г. «Единой Россией», не означала, что кандидат-победитель окажется в итоговом партийном списке, выдвигаемом на парламентских выборах. Известен случай, когда больше 20 партийных членов оказались в избирательном списке в обход обязательного участия в праймериз. Кроме того, лица, получившие выигрышные места по итогам предварительного голосования, по различным формальным причинам заменялись на тех, кто показал значительно меньший результат.

Сказанное подтверждает совпадение внутрипартийных и внешнепартийных тенденций, образующих условную политическую традицию, выработанную «Единой Россией». Ограничение политической конкуренции ведётся не только по отношению к другим партийным организациям, но и среди собственных членов.

Отчасти это объясняется отсутствием цельной идеологической платформы, на которой должна строиться партийная деятельность. Даже в законодательных нормах, действующих в Российской Федерации, каждая партия должна демонстрировать определённую политическую идеологию. Однако в разные периоды своего развития «Единая Россия» придерживалась различных идеологических воззрений – от ярко выраженного социалистического до либерального толка. При этом попытка провозгласить себя консервативной партией в настоящее время оборачивается прямо противоположными решениями, противоречащими консерватизму (повышение пенсионного возраста, расширение рамок приватизации, реформа здравоохранения и образования и др.).

В то же время выполнение «партий власти» функций Министерства юстиции и Центральной избирательной комиссии Российской Федерации относительно остальных партийных организаций не является институциональным условием. В данном аспекте речь идёт о сращивании административного аппарата, призванного осуществлять технические государственные полномочия, с партийным.

Указанный дефект противоречит базовым принципам, сформулированным как на конституционном, так и на отраслевом законодательном уровне касательно равноправия партий и невмешательства государства в партийные дела. В действительности практически на всех выборах – от местных до федеральных – наблюдалась активная поддержка кандидатов от «Единой России» со стороны высокопоставленных должностных лиц (губернаторов, глав муниципалитетов, отраслевых министров, Президента РФ и др.). Во многих случаях во главе партийного списка ставились люди, занимающие государственные должности в исполнительной власти и очевидным образом не стремящиеся к парламентской деятельности.

Центральный статус «Единой России» в избирательной и партийной системах подтверждается тем обстоятельством, что её кандидаты долгое время не принимали участие в дебатах с конкурирующими политическими структурами. Как и органы исполнительной власти не стремятся вступать в публичные дискуссии с представителями общественности, предпочитая лишь судебные и административные процедуры, так и «партия власти» длительный период своего развития стремилась игнорировать обвинения со стороны политических конкурентов. Только с 2011 г. кандидаты от правящей полити-

ческой силы стали участвовать в официальных предвыборных дебатах, на которых в большинстве случаев выступали от имени государства и отмечали достижения власти как свои собственные⁴⁶⁰.

Отчасти такой подход был оправдан тем обстоятельством, что партия базировалась на широком участии публичных служащих (представителей исполнительной власти) и конституционным большинством в Государственной Думе по итогам выборов 2007 г. Однако подобные процессы не носят институционального характера, основываясь на соответствующей государственной политике, а не на действиях партии. Тем самым целенаправленная помощь со стороны государственной власти одной из партийных сил и использование её в качестве подконтрольного инструмента политической борьбы имеет обратный вектор, значительно отличающийся от партийной институционализации.

Во многом в указанной технологии прослеживаются традиции советской политической системы по поддержке огромной корпоративной структуры, которая рано или поздно становится влиятельной силой. В таком ракурсе консолидирующая функция «Единой России» не подлежит сомнению за тем лишь исключением, что является не партийной, а государственной.

Имеющаяся электоральная конкуренция между партиями должна сопровождаться непредсказуемостью и неподконтрольностью всех вопросов одной политической силе. Поэтому институционализация «партии власти», как отмечает П.В. Панов, выступает механизмом реализации соответствующей государственной политики по работе с электоратом и с элитами⁴⁶¹. Из данного вывода можно заключить, что «Единая Россия» рассматривается в качестве институционального способа, а не политического института.

Если говорить о «партии власти» через призму унификации политической системы по вертикальному типу, то она всецело выполняет функции соответствующего политического института. Вместе с тем отождествление государственных институтов с политическими не всегда представляется удачным решением.

Если партия, являясь правящей, не выполняет функции контроля по отношению к государственной власти, она демонстрирует отсутствие ключевого назначения партийной организации. Как отмечал К. Джанда, партия считается институционализированной, когда воспринимается в общественном сознании в качестве отдельного элемента, не отождествляемого с конкретными партийными лидерами⁴⁶². Применить данный критерий к «Единой России» по-прежнему сложно, в силу чего следует признать, что рассматриваемая политическая партия продолжает находиться в процессе своей институционализации.

⁴⁶⁰ Исимбекова З.А. Технологии электоральной конкуренции партий власти в парламентских кампаниях современной России (на примере партии «Единая Россия» // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2013. № 6 (39). С. 10-15; Трушева А.А. Консервативные ценности российских граждан и членов партии «Единая Россия» (политико-культурный анализ). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2017. С. 94. 206 с.

⁴⁶¹ Панов П.В. «Единая Россия» как инструмент консолидации элит на местных выборах / Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах / Под ред. Ю.Г. Коргунока, Е.Ю. Мелешкиной, Г.М. Михалевой. М.: «КМК». 2009. С. 148 – 149

⁴⁶² Джанда К. Сравнение политических партий: исследование и теория // Современная сравнительная политология. М.: МОНФ, 1997. С. 84-144.

Так, в 2018–2019 гг. на большинстве проводимых в стране региональных и местных выборах «партия власти» не стремилась выдвигать кандидатов из числа партийных членов. В Москве и Московской области многие сторонники «Единой России» участвовали в избирательных процессах в качестве самовыдвиженцев, стараясь не демонстрировать аффилированность с данной политической силой.

Не менее парадоксальной выглядела технология, использованная на президентских выборах 2018 г., когда В.В. Путин выступил как самовыдвиженец, а его избирательная команда собирала подписи избирателей в поддержку выдвинутой кандидатуры. Помимо рекламного эффекта, данный шаг вызвал недоумение у большого числа исследователей на фоне того, что глава государства всегда ассоциировался с партией «Единая Россия».

Таким образом, необходимо признать за «партией власти» не только мобилизационную, но и представительскую функцию, охватывающую большой круг социальных групп, так или иначе одобряющих решения «Единой России» на ранних этапах её институционализации. Однако жёсткое ограничение электоральной конкуренции сначала со стороны самой партии, а затем и органов исполнительной власти негативным образом сказались на институциональном образе данной политической силы.

4.3. Специфика институционализации оппозиционных политических партий

Усиление ограничений электоральной конкуренции в начале 2000-х гг. способствовало институционализации системных партий, стремящихся к центристским позициям. Системные оппозиционные партии не испытывали проблем с институционализацией. Более радикальная политическая оппозиция не смогла преодолеть ограничения электоральной конкуренции. В частности, российские либеральные партии не смогли найти значимой социальной опоры в российском электорате и начиная с 2007 года не получали представительства в Государственной Думе. Попытки создать и институционализировать либеральные партии, выступающие с центристских позиций, успехом не увенчались.

Термин «оппозиция» в современной политической науке претерпел значительные изменения. Как отмечает О.И. Зазнаев, следует различать данное понятие в научном и практическом смыслах, поскольку в публичной политике и в аспекте политических партий оппозиция означает людей и движения, которые не находятся во власти, но стремятся туда попасть⁴⁶³. Традиционно речь идёт о разделении партийных организаций на парламентские и непарламентские⁴⁶⁴, а также о способах политической борьбы – насильственные и ненасильственные (законные и незаконные)⁴⁶⁵.

Однако в настоящий момент в России всё чаще в категорию «оппозиционных партий» зачисляются всех активных участников политической системы, выступающих против «партии власти». С 2012 г. организованных

⁴⁶³ Зазнаев О.И. Парламентаризация в постсоветских странах // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. № 1. С. 119–130; Зазнаев О.И. Преимущества и недостатки президентской, парламентской и полупрезидентской систем // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 5. С. 133.

⁴⁶⁴ Бигазиева С.С. Особенности парламентской оппозиции в политическом процессе современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Саратов, 2013. 184 с.; Воскресенский А.Е. Политическая оппозиция в современном российском обществе: состояние и тенденции развития. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2005. 126 с.

⁴⁶⁵ Сергеев С.А. Политическая оппозиция в современной России (федеральный и региональный аспекты). Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. Казань, 2005. 390 с.

партийных структур, претендующих на политическую конкуренцию, стало значительно больше.

Российский институт политических партий в этой плоскости занимает среднее положение. Прежде всего, наличие массива специальных требований делает конкурентную среду для партийных возможностей инвариантной. Достаточно соблюдать ряд формальных условий, чтобы политическая партия приобрела оформленный статус, т.е. была легитимирована со стороны государства.

Об этом свидетельствует статистика Министерства юстиции Российской Федерации, в соответствии с которой с момента либерализации партийного законодательства в 2012 г. за три года в стране было зарегистрировано 94 организации⁴⁶⁶. Из них 17 партий прекратили своё существование в период с 2012 по 2016 гг.⁴⁶⁷ Эти цифры свидетельствуют об исключительно административном подходе к деятельности политических партий, ряд из которых предпринимают попытки повторно зарегистрироваться и приобрести официальный статус.

В частности, редакция закона от 4 апреля 2012 г. оценена никак иначе, как реакция на оппозиционную активность. Причём, речь шла именно о несистемной оппозиции, не имеющей твёрдой партийной основы по прежним нормам Федерального закона № 95-ФЗ. Уличные протесты, усилившиеся с декабря 2011 г. и продолжавшиеся по май 2012 г., считаются одним из социально-политических факторов резкой либерализации государственных требований к партиям⁴⁶⁸.

Стабилизация общества не обеспечивалась сохранением прежней концепции партийной системы. Действия несистемной (непартийной или псевдопартийной) оппозиции нуждались в опережении, что повлекло ровно 16 поправок. Все они значительно изменили вектор институционализации политических партий. Однако их принятие происходило по известной скорости, сопровождавшей появление первоначального текста Федерального закона № 95-ФЗ ещё в 2001 г.

В частности, когда законопроект проходил обсуждение в Государственной Думе, были значительно урезаны сроки для возможности внести в него изменения. Такая тенденция обосновывалась, прежде всего, тем обстоятельством, что истекал срок президентских полномочий Д.А. Медведева, а также последующим скорейшим погашением протестной активности оппозиционно настроенных масс⁴⁶⁹.

⁴⁶⁶ По данным официального сайта Министерства юстиции РФ. [Электронный ресурс] URL: <http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok> (дата обращения: 01.02.2016).

⁴⁶⁷ Список политических партий, в отношении которых внесена запись о прекращении деятельности самой политической партии и её региональных отделений. Официальный сайт Министерства Юстиции РФ (minjust.ru). (дата обращения: 01.02.2016).

⁴⁶⁸ Румянцев А.Г. Много партий хороших и разных?.. Анализ изменений российской закона «О политических партиях» с точки зрения экономической теории демократии // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 6 (91). С. 57-75; Надольная А.А., Панько А.Г. Оппозиционные партии в политическом поле современной России: попытка типологизации // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012. № 1 (60). С. 267-271.

⁴⁶⁹ Федоров В.А. Совершенствование российской политической системы и роль оппозиционных партий // Труд и социальные отношения. – 2012. – № 7. – С. 131; Ефимович Н.В. Проблемы становления доминирующей политической партии в России // Актуальные проблемы современной науки. – 2013. – № 4. – С. 119; Кислицына И.С., Кислицын С.А. Сайты политических партий – каковы перспективы? Анализ интернет-коммуникаций в период избирательных кампаний 2007-2012 гг. // Политическая наука. – 2013. – № 1. – С. 225; Иванова М.В. Партийная реформа в период правления Президента В.В. Путина // Ars Administrandi. – 2010. – № 2. – С. 68.

Изменённый в пользу «либерализации» процесса по созданию партий Федеральный закон № 95-ФЗ преследовал цель легализовать так называемую «внесистемную оппозицию»⁴⁷⁰. Тем самым ряду «незарегистрированных партий» представилась прекрасная возможность обрести долгожданный статус и начать участвовать в избирательных процессах хотя бы на муниципальном уровне.

С другой стороны, ряд исследователей отнеслись критично к подобным законодательным трансформациям. Так, снижение минимальной численности партийных членов до 500 было расценено как возвращение к т.н. «микропартиям»⁴⁷¹. Говорилось о прямой дестабилизации политической системы и о негативных тенденциях в избирательном процессе. Если малочисленная партия не набирает достаточного для избирательного порога количества голосов, то интересы её избирателей остаются неучтёнными. На фоне разрастания подобных партий повышался риск увеличения доли российских граждан, разобщённых в партийном плане⁴⁷².

Даже в стенах Совета Федерации рассматриваемые поправки вызывали глубокую озабоченность. Чрезмерное количество партийных организаций, которое неизбежно появилось бы в результате принятия соответствующего закона, направлено на дезориентацию избирателей⁴⁷³. Тем более данный тренд становится очевиден на фоне дублирующихся программно-целевых установок, демонстрируемых «карликовыми партиями». Однако указанные опасения не оправдались.

Например, на президентские выборы в 2018 г. из числа непарламентских партий своих кандидатов выдвинули лишь 20 из 74 зарегистрированных в Министерстве юстиции РФ партийных организаций. Однако в итоговый избирательный бюллетень попали представители только 5 непарламентских партий и 1 самовыдвиженец.

Другим объектом тревожности у специалистов и государственных деятелей выступал национальный вопрос. Учитывая малочисленность партий по новой трактовке Федерального закона № 95-ФЗ, увеличился шанс

⁴⁷⁰ Петришина-Дюг Г.Г. Политическая партия: понятие и основные признаки // Актуальные проблемы современной науки. – 2013. – № 4. – С. 126; Гриценко Н.П. Российские партии в контексте модернизации политической системы: проблемы и перспективы развития // Человек. Сообщество. Управление. – 2011. – № 1. – С. 20; Лапаева В.В. Право граждан Российской Федерации на объединение в политическую партию: основания и пределы ограничения // Журнал конституционного правосудия. – 2013. – № 1. – С. 5.

⁴⁷¹ Гудков Л.Д., Башлыкова Н. У населения есть запрос на настоящую партию // Коммерсантъ Власть. – 2012. – № 18. – С. 14; Назаров И.И. Элитарно-патронажная система управления политическими партиями в России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 5. – С. 16; Айзатуллов М.М. Проблемные моменты соблюдения политическими партиями прав избирателей // Юридический мир. – 2011. – № 5. – С. 53.

⁴⁷² Иванова В.А. Новый закон о партиях – смена формы или изменение принципов? // Власть. – 2012. – № 7. – С. 119; Цапко М.И. Современное состояние и основные направления совершенствования законодательства о политических партиях // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 2. – С. 79; Амиров М.Г., Булатов О.Ш. Конституционно-правовые новеллы в законодательстве Российской Федерации о политических партиях: проблемы и перспективы применения на практике // Юридический вестник ДГУ. – 2013. – № 1. – С. 60.

⁴⁷³ Сизых Ю.А. Либерализация законодательства о политических партиях в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 1. С. 48; Шашкова Я.Ю. Перспективы реформирования электорального пространства Российской Федерации в контексте новелл законодательства о партиях // PolitBook. 2012. № 1. С. 118; Альтенталлер Д.Н. Трансформация законодательства о политических партиях // Вопросы политологии. 2011. № 1. С. 64.

обретения организационных форм со стороны националистских движений⁴⁷⁴. В то же время практика продемонстрировала несостоятельность и этих опасений, поскольку никакой дискредитации партийного строительства в Российской Федерации за последние годы не наблюдалось⁴⁷⁵.

Помимо требования к общей численности партийных членов изменился подход и к региональным отделениям партий. С поправками 2012 г. численность членов в них может устанавливаться только самой партийной организацией. Вслед за этим нововведением утратило свою актуальность соответствующее основание для приостановления регистрации партии и для её принудительной ликвидации.

В пользу увеличения изменился период, на протяжении которого партии должны были принять участие в выборах. В частности, с 2012 г. в качестве такового считается семилетний диапазон (вместо прежнего пятилетнего срока). Тем самым при отсутствии реализации указанной обязанности партии по-прежнему могут быть закрыты в принудительном порядке.

Аналогичные политические факторы наблюдаются на примере изменений избирательного законодательства в 2012⁴⁷⁶ и в 2014 гг.⁴⁷⁷. Это выразилось в дебюрократизации процедуры вступления в избирательный процесс по парламентским выборам в 2016 г., но исключительно для некоторых российских партий.

Исследователи назвали данное явление «федеральной квалификацией»⁴⁷⁸. В частности, она означает освобождение от обязанности сбора подписей для тех партийных организаций, которые так или иначе задействованы в современной политической системе.

В качестве таковых можно выделить три основные группы участников:

1) партии, которые были представлены в Государственной Думе VI созыва. Их всего 4 – «Единая Россия», «Либерально-демократическая партия России», «Коммунистическая партия Российской Федерации» и «Справедливая Россия»;

⁴⁷⁴ Шрайбер А.Н. Проекты решения демографических проблем современной России политическими партиями // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2012. № 4. С. 234; Хованская Е.В. Политическая партия – власть – элита // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. № 4. С. 271; Решетников О.М. Политическая партия – общественное объединение // Современные гуманитарные исследования. 2013. № 1. С. 83.

⁴⁷⁵ Назаров И.И. Партия власти как специфический фактор формирования новой модели партийной системы постсоветской России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 118. № 2. С. 230; Турищева Н.Ю. Политическая партия как субъект избирательного процесса регионального уровня // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 5. С. 38; Мальцева К.Ф. Партия власти в России: специфика идеологического оформления // Общественные науки. 2011. № 6. С. 243.

⁴⁷⁶ Федеральный закон от 2 мая 2012 г. N 41-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с освобождением политических партий от сбора подписей избирателей на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. N 19. ст. 2275.

⁴⁷⁷ Федеральный закон от 22.02.2014 N 20-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. N 8. ст. 740.

⁴⁷⁸ Кандыба Р.А. Факторы, определяющие особенности думской избирательной кампании 2016 г. // В сборнике: «Научный взгляд на современное общество». Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2015. С. 120; Данилов М.В. Влияние изменений в правовом регулировании участия политических партий в выборах на формирование партийной системы с доминирующей партией // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2015. Т. 15. № 2. С. 77.

2) партии, которые продемонстрировали на парламентских выборах 2011 г. 3-процентный показатель в общей сумме собранных ими голосов. К таковому относится лишь одна действующая партийная организация – «Яблоко»;

3) партии, представленные хотя бы в одном региональном законодательном собрании. Таковы оказались довольно много. Среди них выделялась партия «Коммунисты России», известная своими административными исками и жалобами на действия КПРФ и иных партий. Также среди известных избирателю партийных структур значились – «РПР-ПАРНАС», «Российская партия пенсионеров за справедливость», «Родина», «Гражданская Платформа» и др.

В законодательном порядке реализация права данных политических партий на участие в избирательной кампании было упрощено. Это производилось за счёт занижения уровня требований, исполнение которых обеспечивало попадание на выборы.

Что же касается других партий, то их право на участие в парламентских выборах осталось неизменным, т.е. осуществлялось в общем порядке. Обосновывалось такое положение тем обстоятельством, что они появились относительно недавно в политической системе, не выразив особых достижений даже на региональном уровне. Применительно к тем партийным структурам, которые уже имели определенный политический стаж своей деятельности, напротив, ставилась в упрек их незначительная активность на прежних выборах. Это согласуется с обязанностью политических партий участвовать в избирательной системе на протяжении определенного периода, в противном случае им может грозить принудительная ликвидация (пп. «в» п. 3 ст. 41 Федерального закона № 95-ФЗ).

Собственно, именно такую законодательную трансформацию обещал Владимир Путин. В частности, в 2012 г. в рамках форума «Селигер – 2012» на вопрос о необходимости подобной модели либерализации прав и обязанностей политических партий он ответил, что новые политические силы, желающие приобрести партийный статус, только таким образом сумеют понять степень своей общественной поддержки⁴⁷⁹.

Идея модернизации партийных прав и обязанностей, основанная на конституционном принципе многопартийности и политического плюрализма, показала с 2012 г. избирательный подход государства в реализации принципа равноправия политических партий. Так, для одних партийных структур это выразилось в явной поддержке за счёт льготного порядка реализации отдельных прав и свобод. Другие же партии оказались перед значительным барьером на пути к выборам, преодолеть который никто из них не смог.

Тем самым условия, при которых государство лишь минимально будет воздействовать на данные организации, позволило фактическим обстоятельствам повлиять на «жизнеспособность» партий. Это можно было наблюдать на примере парламентских выборов в 2016 г., когда из 77 зарегистрированных партийных организаций фактически приняли участие только 14, а сумели преодолеть избирательный порог – 4 партии, помимо 2 одномандатных кандидата от партий «Гражданская платформа» и «Родина».

⁴⁷⁹ Стенограмма встречи представлена на электронном портале «Наша молодёжь». [Электронный ресурс] URL: http://nasha-molodezh.ru/go/forums/vstrecha_vladimira_putina_s_uchastnikami_foruma_seliger_2012_chast_1.html Доступ – свободный (дата обращения: 28.01.2016).

Другой вопрос касается жизнеспособности партий в пространстве с регламентированной политической свободой. Вследствие этого в социологическом представлении содержательная сторона любого воздействия на общественные отношения закладывается в такой критерий институционализации, как установка⁴⁸⁰. Применительно к отдельным социальным явлениям исследователи, затрагивая институциональный аспект, также используют категории «образец» и «стандарт»⁴⁸¹.

Учитывая активность организационных комитетов в России по созданию партий, следует предположить, что восприятие существующего законодательства со стороны учредителей партийных организаций найдется на высоком уровне. В противном случае попытки зарегистрировать партию вообще не предпринимались бы. Тем самым возведение сложившейся нормативно-правовой базы в разряд установки произошёл в 2012 г. после достижения протестными движениями значительных послаблений со стороны власти. Во всяком случае, такую констатацию можно наблюдать у исследователей, специализирующихся на данном вопросе⁴⁸².

Вместе с тем применение такого критерия, как установка, вряд ли целесообразно по нескольким причинам.

Во-первых, любая норма права, особенно императивного характера, может рассматриваться в качестве неперменного стандарта, соблюдение которого сопровождается принудительной силой государства.

Во-вторых, цель любого регулирования заключается в установлении определённого образца поведения.

В-третьих, нарушение правовых «установок» в области партийной деятельности чревато утратой субъектности, т.е. принудительным прекращением статуса партии. Тем самым иного варианта для существования партийных организаций, кроме как полного соответствия специальному законодательству, в Российской Федерации с 2001 г. не сформировалось.

В качестве примера можно проиллюстрировать ситуацию со статусом Республиканской партии России (позднее – РПР-ПАРНАС). В 2007 г. организация была принудительно ликвидирована на основании решения Верховного Суда Российской Федерации в связи с недостаточной численностью партийных членов (по состоянию на 2007 г. закон требовал в составе партий не менее 50 тыс. человек)⁴⁸³.

⁴⁸⁰ Сваллфорс С. Институты, установки и политический выбор // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 4. С. 150; Корж Н.В. Проблема ценностей и установок в социологии // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2011. № 3. С. 329.

⁴⁸¹ Салмина А.А. Установки населения по отношению к социальной роли государства в России и Германии // Власть. 2015. № 10. С. 177; Казурова О.Ю., Корякина Т.Н. Правовая социализация молодежи и отношение индивида к праву и закону в зависимости от социально-правовой установки (типа правового сознания) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2003. № 3. С. 159.

⁴⁸² Комарова В.В. Политические партии в современной России (проблемы институционализации) // Проблемы права. 2014. № 2 (45). С. 12; Дорожкин Ю.Н., Даминдарова Ф.В. Партии в современной России: реальные политические акторы или их имитация? // Власть. 2014. № 11. С. 94.

⁴⁸³ Определение Верховного Суда РФ от 16.01.2007 по делу N 12-Г06-11 «Дело о ликвидации республиканского отделения политической партии и исключения данных о нем из ЕГРЮЛ передано на новое рассмотрение, поскольку суд первой инстанции неправильно определил обстоятельства, имеющие значение для дела, выводы, изложенные в решении суда первой инстанции, не соответствуют обстоятельствам дела».

Представители Республиканской партии России обратились в Европейский суд по правам человека, который в 2011 г. констатировал незаконность принудительной ликвидации данной организации⁴⁸⁴. Уже в 2012 г. Верховный Суд России постановил отменить ранее принятое решение о прекращении статуса политической партии.

Однако возобновление статуса у данной организации произошло в несколько этапов. Сначала, в январе 2012 г., были отменены ранее принятые судебные акты по делу о ликвидации партии. На данное определение Министерства юстиции подано частную жалобу, полагая, что возобновление производства по делу нецелесообразно. Правда, чуть позднее, в марте 2012 г., ведомство отозвало и свою жалобу, и иск о принудительной прекращении регистрации Республиканской партии России.

В апреле 2012 г. потребовалось вынести окончательное решение об обязанности Министерства юстиции Российской Федерации произвести восстановление статуса партии⁴⁸⁵. Лишь в мае 2012 г. данное решение было исполнено, а представителям РПР выдано свидетельство о государственной регистрации.

Примечательность приведённого примера из правоприменительной практики заключается в нескольких значимых обстоятельствах.

Прежде всего, это первый и единственный случай восстановления партийного статуса в России при помощи Европейского Суда по правам человека. В силу этого он стал прецедентом в толковании особенностей применения отдельных оснований для прекращения деятельности политических партий. В частности, партию нельзя ликвидировать лишь за факт несоответствия численности её членов установленным законом требованиям. Вместе с тем соответствующая норма в ст. 41 Федерального закона № 95-ФЗ сохранилась, как и судебная практика по его реализации.

Ещё одним важным составляющим дела РПР стало поведение Министерства юстиции Российской Федерации, которое даже в условиях наличия решения Европейского Суда по правам человека предпринимало попытки замедлить процесс восстановления статуса партии. Тем самым можно отметить особую зависимость института политических партий от их административного признания при помощи государственной регистрации.

Впрочем, сами представители партии и ряд исследователей называли другие причины конфликта власти с Республиканской партией России — политического свойства⁴⁸⁶. Однако в структуре институционализации данный случай наглядно демонстрирует императивность действующего партийного законодательства.

⁴⁸⁴ Постановление ЕСПЧ от 12.04.2011 «Дело «Республиканская партия России (Republican party of Russia) против Российской Федерации» (жалоба N 12976/07). По делу заявитель жалуется на отказ российских властей внести изменения в ЕГРЮЛ, а также на ликвидацию партии Верховным Судом РФ по причине несоблюдения ею требований о минимальной численности и минимальном количестве региональных представительств. По делу допущено нарушение требований ст. 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Бюллетень Европейского Суда по правам человека, 2011, N 12.

⁴⁸⁵ Определение Верховного Суда РФ от 19.04.2012 N АКПИ12-588 «Дело о ликвидации политической партии прекращено в связи с отказом истца от заявленных требований и принятия данного отказа судом; произведен поворот исполнения решения суда».

⁴⁸⁶ Жедь Б.А. Особенности политической конкуренции в условиях либерализации многопартийности в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2013. № 3. Т. 13. С. 96; Андропова И.В., Камалетдинова А.И. Особенности позиционирования либеральных партий в информационно-коммуникативном пространстве современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2015. № 3. Т. 15. С. 79.

Стоит отметить, что прекращение производства по делу РПР произошло в большей степени по процессуальным основаниям, в том числе благодаря принятию поправок в Федеральный закон № 95-ФЗ в части уменьшения численности членов партий до 500 человек.

При этом прецедентный характер решения Европейского суда по правам человека не повлиял на российскую судебную практику, в которой ранее сложилось четкое следование условиям, установленным законом касательно минимальной численности партийных членов.

В связи с этим можно привести пример с «Российской коммунистической рабочей партией – Российской партией коммунистов» (далее – РКРП-РПК), которая в 2007 г. обращалась в Конституционный Суд страны с просьбой проверить на соответствие конституционным положениям основания ликвидации партий, закреплённые в Федеральном законе № 95-ФЗ⁴⁸⁷. В частности, нарушение общей численности членов партий и снижение численного состава в региональных партийных отделениях, за что данная организация была лишена государственной регистрации.

Альтернативой ликвидации партии по Федеральному закону от 20 декабря 2004 года N 168-ФЗ⁴⁸⁸ была её реорганизация в форме преобразования в общественное объединение непартийного статуса. Тем самым законодатель оставлял возможность учредителям партий на период несоответствия императивным требованиям переходить в смежную организационно-правовую форму.

По мнению ряда партий, в том числе выраженному РКРП-РПК в своём заявлении к Конституционному Суду, установление в Федеральном законе «О политических партиях» обязанности соответствовать такой минимальной партийной численности членов (на момент обращения в 2007 г. – 50 тыс. членов) нельзя рассматривать как разумное. Вследствие этого она нарушает конституционное право граждан объединяться в политические партии, а равно ограничивает их право на представительство собственных интересов в парламентах федерального и регионального уровней.

Также спорным считался подпункт «ж» пункта 1 статьи 18 Федерального закона №95-ФЗ касательно обязанности представлять списки членов, составляющих региональные партийные отделения, в целях государственной регистрации. Данное требование представители РКРП-РПК посчитали «формой государственного контроля над идеологическим многообразием, над свободой мысли и слова, мнениями и убеждениями, не совпадающими с официальной позицией на существующий политический, экономический, социальный порядок в стране»⁴⁸⁹. Соответственно, и ликвидация партий по причине несоблюдения указанных условий также, по мнению РКРП-РПК, вступает в противоречие с Конституцией РФ.

⁴⁸⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2007 N 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой политической партии «Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов» // Собрание законодательства РФ», 23.07.2007, N 30, ст. 3989

⁴⁸⁸ Федеральный закон от 20.12.2004 N 168-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» // Собрание законодательства РФ», 27.12.2004, N 52 (часть 1), ст. 5272.

⁴⁸⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2007 N 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой политической партии «Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов».

Ранее Конституционный Суд Российской Федерации высказал в своём Постановлении № 1-П от 2005 г. идею о природе монопольного права партий на осуществление общественно-политической деятельности⁴⁹⁰. При этом данная монополия напрямую вытекает из властных отношений, в которых непременно принимают участие партийные организации.

Вместе с тем в условиях добровольности данных объединений они представляют собой необходимый институт представительной демократии, поскольку обеспечивают возможность граждан участвовать в политической жизни. Следовательно, они направлены на поддержание постоянного взаимодействия гражданского общества с государством, что немислимо без целостности и устойчивости национальной политической системы.

Кроме того, Конституция Российской Федерации, называя ключевые принципы партийной деятельности, не содержит норм об особенностях создания, осуществления деятельности, реорганизации и ликвидации партий, а равно в ней отсутствуют условия и порядок реализации российскими гражданами своего права объединяться в политические партии.

Конституционный Суд констатирует такой признак российской многопартийной системы, как поэтапность её формирования – в целях обеспечения устойчивости и гарантии политического волеобразования народа. Эта особенность сопровождает характер правовой институционализации партий в том виде, который представлен на момент рассмотрения заявления РКРП-РПК в 2007 г.

В связи с такой спецификой Конституционный Суд признал функциональное предназначение Федерального закона 1995 г. «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», который при помощи установления смешанной (мажоритарно-пропорциональной) избирательной системы способствовал «политическому структурированию общества и становлению партийно-политической системы»⁴⁹¹.

Переход к партийной монополии на выборах поставил государство в условия, при которых возникла объективная потребность в обеспечении партиям возможности объединять большие группы населения на фоне конституционного принципа многонациональности. Справиться с такой задачей, по мнению Конституционного Суда, способны лишь крупные и чётко структурированные партийные организации, что подчёркивает необходимость закрепления законодательным образом минимальной численности их членов. Тем самым объясняются предпосылки тех изменений, которые произошли в нормативно-правовой базе, направленной на стабилизацию избирательного процесса.

В этом обосновании государство находится в зависимости от этапа развития собственной политической системы, что и постулируется в Постановлении Конституционного Суда от 2007 г. Исходя из такой официальной версии, можно выделить ещё один показатель, влияющий на степень институционализации оппозиционных политических партий, – идеология.

⁴⁹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 01.02.2005 N 1-П «По делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 3 и пункта 6 статьи 47 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой общественно-политической организации «Балтийская республиканская партия» // Вестник Конституционного Суда РФ, N 1, 2005.

⁴⁹¹ П. 3.1. Постановления Конституционного Суда РФ от 16.07.2007 N 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой политической партии «Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов».

Стоит отметить, что данная составляющая выделяется практически всеми исследователями и, так или иначе, рассматривается в плоскости господствующих в обществе представлений относительно определённых процессов. В частности, доминирующим подходом в политической социологии является отождествление всех принимаемых в стране норм с соответствующей политикой государства⁴⁹².

Применительно к партиям постулируется идея неизбежности трансформации законодательства вслед за изменением конкретно-исторических условий. Это напрямую отмечается в позициях Конституционного Суда Российской Федерации, который в Постановлении по делу РКРП-РПК подчёркивает принадлежащее государству в лице федерального законодателя право определять минимальную численность партийных членов в качестве условия признания правосубъектности политических партий⁴⁹³. Тем самым констатируется их непостоянный характер, поскольку требования к партиям могут меняться, т.к. они не имеют произвольную основу и объективно связаны с задачами, которые решает законодательство в рамках политической системы.

Более того, изменение норм является своеобразной обязанностью государства, призванного обеспечивать адекватность условий функционирования партий по отношению к принципам конституционного строя. Исходя из этого, Конституционный Суд делает заключение, что такая политика Российской Федерации не отменяет и никоим образом не умаляет права граждан объединяться в политические партии, а равно не влечёт их несоразмерного ограничения⁴⁹⁴.

Таким образом, частые изменения партийного законодательства (минимальная численность членов в 2004 г. – 50 тыс. человек, в 2012 г. – 500), обусловленные историческими особенностями развития национальной политической системы, не могут характеризовать степень институционализации партий в Российской Федерации как высокую на фоне стабильности аналогичного института в ряде зарубежных стран.

Вместе с тем в условиях господствующей в стране концепции идеализма, реализуемой в рамках российского партийного права, трансформация условий существования оппозиционных организаций является неотъемлемым показателем развития соответствующих политических процессов.

Получается, что изменение идеологической составляющей, как степени институционализации, сопряжено с неизбежностью процесса модернизации оппозиционных политических партий. Однако, что именно происходит на государственном уровне, развитие или вертикальное поощрение нестабильности, остаётся вопросом открытым. Равным образом сложно оценить эффективность подобного механизма государственного

⁴⁹² Мацко С.В. Государственная идеология и право современной России (теоретико-правовое исследование). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Уфа, 2003. С. 47; Казанцев Н.М. Идеология права государству или идеология государства праву? // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 48; Мызникова Е.А. Цель в праве в контексте правовой идеологии // Современные гуманитарные исследования. 2011. № 1. С. 104.

⁴⁹³ П. 3.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 16.07.2007 N 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой политической партии «Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов».

⁴⁹⁴ Там же. П. 6.

вмешательства на фоне сложившейся в России судебной и административной практики и позиций наднациональных правозащитных институтов в лице Европейского суда по правам человека.

В связи с этим следует выделить такой показатель институционализации оппозиционных партий, как символ или образ института⁴⁹⁵. Данный критерий наиболее гармонично сочетается с позицией Конституционного Суда Российской Федерации относительно государственных требований к статусу партий.

В частности, как и любой социальный институт, политические партии находятся в активной форме реализации общественных отношений, т.е. демонстрируют постоянную динамику. Соответственно, установление количественных критериев не может носить дискриминационный оттенок в силу того обстоятельства, что данное требование не мешает партиям выдвигать разнообразные политические программы.

Кроме того, эти критерии являются равными для всех партийных организаций, т.е. не посягают на принцип их равноправия, в отличие от внедрённых в 2012 г. льготных условий по участию в парламентских выборах для партий с «федеральной квалификацией». Тем самым право граждан на объединение в партии не ограничивается за счёт усложнения механизма его осуществления (путём достижения соответствия изменяющимся требованиям закона).

Символы, как степень институционализации политических партий, заключаются в тенденциях социальной практики. Если граждане в большинстве своём стремятся к соблюдению критериев создания партийных организаций, значит, данные требования рациональны и достижимы.

Именно такой тезис постулируется Конституционным Судом Российской Федерации при оценке оснований для принудительной ликвидации партий. В частности, в обоснование данного вывода приводится по состоянию на 1 января 2007 года официальная статистика Федеральной регистрационной службы при Министерстве юстиции Российской Федерации, в соответствии с которой из 33 зарегистрированных политических партий ровно половина (17 организаций) привели свой статус в соответствие с новыми требованиями законодательства, а три партии в добровольном порядке решили преобразоваться в соответствующие общественные объединения⁴⁹⁶.

Исходя из этого государство заявляет о критерии разумности как симболе институционализации. Следовательно, при неблагоприятном развитии социально-политической практики сохранение требований к статусу партий может расцениваться в качестве чрезмерных условий для реализации конституционного права на объединение граждан.

⁴⁹⁵ Абросимова Н.В. Технологии создания общественного образа институтов политической власти. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Санкт-Петербург, 2004. С. 81; Новикова Т.Е. Трансформация социального института СМИ в «медиа»: от отражения объективной действительности к созданию образом субъективной реальности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. № 2 (26). С. 132; Захарова М.В. Ценности и образы права // Государство и право. 2008. № 9. С. 105.

⁴⁹⁶ П. 3.3 Постановления Конституционного Суда РФ от 16.07.2007 N 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой политической партии «Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов».

Конституционный Суд России назвал данный критерий «разумной достаточностью» в привязке к образу партии на общенациональном уровне⁴⁹⁷. Исходя из этого, данный символ должен ограничить с двумя интересами.

С одной стороны, это общественные интересы самих граждан, объединяющихся в партии при соблюдении ряда условий. При этом созданная организация должна достигать поставленных перед собой учредительных задач и выполнять функции, возложенные на неё в качестве образа социального института.

С другой стороны, присутствие в статусе партий общенационального элемента как бы заставляет их руководствоваться принципом соразмерности своих возможностей в условиях правового государства. Таким образом, высокий численный порог членства в партийных организациях помогает им достигать данную идеологическую задачу.

Следовательно, степень институционализации оппозиционных политических партий в Российской Федерации формируется из следующих показателей: характера и стабильности норм, их идеологической основы, правоприменительной практики и соразмерности в установлении требований к статусу партийных организаций, достигаемого за счёт особенностей реализации конституционного права граждан на объединение.

Вполне закономерно, что любые запреты и ограничения, выдвинутые законодателем при конструировании партийной деятельности, также относятся к категории юридических обязанностей. В частности, недопустимость построения партии на признаках профессиональной или религиозной принадлежности, сформулированная в п. 3 ст. 9 Федерального закона № 95-ФЗ, предопределяет соответствующую обязанность уже функционирующих партийных организаций не придерживаться таких установок.

Примечательно при этом, что в российском законодательстве отсутствует официальная дефиниция, например, профессиональной деятельности. Исходя из данного пробела, до конца неясен смысл запрета, содержащегося в ст. 9 Федерального закона № 95-ФЗ. Единственным уточнением в этом вопросе служит абз. 3 п. 3 ст. 9, в котором подчёркивается запрет на присутствие в партийных рядах граждан из одной профессии.

На практике в Российской Федерации существуют отдельные зарегистрированные политические партии, которые явственно позиционируют себя как представителей определённой профессиональной среды. Так, Партия «Роста» с момента своего учреждения в 2008 г. активно продвигает идею политического представительства малого бизнеса, т.е. индивидуальных предпринимателей и некоторых категорий юридических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность⁴⁹⁸. Одновременно с этим российское законодательство не относит занятие бизнесом к какой-либо профессиональной сфере, акцентируя данную категорию преимущественно к трудовым правоотношениям. В связи с этим следует выделить деятельность таких партийных организаций, как «Трудовая партия России» и «Аграрная партия России».

Кроме того, в связи с нарушением требований о численности зарегистрированных региональных отделений в 2017 г. была принудительно

⁴⁹⁷ Там же.

⁴⁹⁸ Официальный сайт Партии Роста [Электронный ресурс] <https://rost.ru/page/manifest> – доступ свободный. Дата обращения: 14.03.2018.

ликвидирована «Партия Духовного Преображения России»⁴⁹⁹. Однако и по наименованию данной организации, и по заявленным ею задачам в своей деятельности вытекало, что она построена на признаке религиозной принадлежности своих членов. Вместе с тем данное основание для прекращения её правосубъектности не было задействовано контролирующими органами.

Примечательно, что обязанность по обеспечению запретов, связанных с религиозной принадлежностью партийных членов, оспаривалась в практике Конституционного Суда Российской Федерации.

В частности, представители общероссийской общественной политической организации под наименованием «Православная партия России» в 2004 г. добились запроса в Конституционный Суд Российской Федерации от Коптевского районного суда г. Москвы относительно установления смысла норм, содержащихся в п. 3 ст. 9 Федерального закона № 95-ФЗ⁵⁰⁰. Представители партии полагали, что данные законоположения вступают в противоречие с ч. 2 ст. 19 и ч. 1 ст. 30 Конституции Российской Федерации в плоскости нарушения свободы объединений, а также игнорирования принципа равноправия. Кроме того, заявители считали, что оспариваемые нормы Федерального закона № 95-ФЗ не гармонируют с положениями ч. 5 ст. 13 Конституции, где в обобщённом виде сформулированы основания для запрета деятельности соответствующих общественных объединений.

С аналогичной жалобой относительно конституционности п. 3 ст. 9 Федерального закона № 95-ФЗ обратился представитель другой политической партии под названием «Российская Христианско-Демократическая партия»⁵⁰¹. Последней Министерством юстиции Российской Федерации было отказано в государственной регистрации. Помимо этого, данное политическое объединение изначально использовало в своём наименовании слово «русский», что недвусмысленно подтверждало акцент партии на национальный признак.

Во взаимосвязи со ст. 30 Конституции Российской Федерации суд не обнаружил закрепления права граждан на объединение именно в политические партии, но подтвердил, что в аспекте других конституционных норм (ст.ст. 1, 13, ч. ст. 15, ст.ст. 17 и 32) в Российской Федерации данное право выступает в качестве неотъемлемой части права граждан на объединение, а соответствующая свобода в деятельности политических партий имеет юридические гарантии своего осуществления. Следовательно, Конституция Российской Федерации направлена не только на защиту свобод уже действующих политических партий, но и на реализацию свободы с момента создания партийных организаций.

⁴⁹⁹ Решение Верховного Суда РФ от 05.12.2017 по делу N АКПИ17-1000 «О ликвидации политической партии в связи с несоответствием количества региональных отделений партии требованиям пп. «а» п. 2 ст. 3 ФЗ «О политических партиях».

⁵⁰⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2004 N 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина» // Вестник Конституционного Суда РФ, N 1, 2005.

⁵⁰¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2004 N 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина» // Вестник Конституционного Суда РФ, N 1, 2005.

Касательно обязанности партий не строить свою деятельность на признаках профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности Конституционный Суд отметил допустимость возможных ограничений конституционного права на объединение при помощи федеральных законов. Последние могут содержать подобные обязанности в той степени, в какой это нужно при обеспечении защиты основ конституционного строя, а также нравственности, здоровья, прав и законных интересов, обороны и безопасности страны, как это предусмотрено в ч. 3 ст. 55 Конституции.

Рассматриваемые обязанности вытекают из положений Международного пакта о гражданских и политических правах (п. 2 ст. 22) и норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод (п. 2 ст. 11). На основании данных международных документов осуществление права на объединение в политическую партию не может подлежать каким-либо ограничениям, за исключением предусмотренных законом и необходимых для демократического общества при соблюдении интересов национальной безопасности и обеспечения общественного порядка, а равно для предотвращения беспорядков и совершения преступлений, для охраны здоровья и нравственности, в целях защиты прав и свобод других лиц.

Обладая правом на регламентацию и уточнение названных конституционных положений, государство определяет ряд партийных обязанностей, которые являются элементом правового статуса партии. Так, поскольку Федеральный закон № 95-ФЗ построен на принципе недопустимости ограничения партийного членства по признакам профессиональной, социальной, расовой, национальной или религиозной принадлежности, а равно в зависимости от пола, происхождения, имущественного положения, места жительства (п.п. 1 и 10 ст. 23), сформулирована соответствующая обязанность партий строить свою деятельность в строгом соблюдении данных принципиальных требований.

Кроме того, политические партии создаются для достижения государственной власти и местного самоуправления, т.е. с целью осуществлять управление всем обществом. В силу ч. 2 ст. 14 Конституции РФ религиозные объединения должны быть отделены от государства, что невозможно при их участии в деятельности политических партий. Если партийная организация будет построена исключительно или преимущественно на идеях религиозного характера, то она является религиозным объединением, подменяющим собой политическую партию. Последняя, как конституирует суд, создается вовсе не в целях выражения и защиты определённых религиозных интересов, иначе для реализации данной задачи российское законодательство предусматривает иные организационно-правовые формы.

Конституционный суд подчёркивает, что конституционные принципы плюралистической демократии, многопартийности и требования относительно светского государства всегда должны трактоваться в аспекте прав и обязанностей политических партий с учетом исторического развития страны. Это не означает, что должен учитываться контекст именно национального и конфессионального состава общества, включая особенности

во взаимодействии между государством, политической властью, этническими группами и различными религиозными конфессиями⁵⁰².

Более того, конституционный принцип светского государства в представлении ряда стран, где присутствует моноконфессиональное или мононациональное устройство общества на фоне развитых традиций религиозной терпимости и плюрализма, автоматически не может проецироваться на Российскую Федерацию. Следовательно, допустимость образования в отдельных государствах политических партий, которые основаны на идеологических представлениях о христианской демократии, не является императивом в российской конституционной реальности.

На момент вынесения Конституционным Судом РФ постановления № 18-П (2004 г.) был сделан примечательный вывод о том, что на тот период российское общество и соответствующие политические партии не приобрели в достаточной степени прочного опыта своего демократического существования. Тем самым функционирование партий на национальных или религиозных признаках в российских условиях обязательно ориентировано на преимущественное отстаивание лишь прав определённых этнических или религиозных групп. Поэтому допустимая законом и Конституцией партийная конкуренция вместо такой конституционной ценности, как консолидация российского общества, способна привести лишь к его расслоению за счёт противопоставления этнических и религиозных ценностей.

Ещё один принципиальный вывод, сложившийся в конституционной практике, связан с недопустимостью политизации религии, запрету на политический фундаментализм и клерикализацию партий. Указанные негативные явления, в представлении Конституционного Суда РФ, могут повлечь отторжение религии, выступающей одной из форм социальной идентичности, что, в свою очередь, вытеснит ее из той системы факторов, которые призваны консолидировать российское общество.

Что касается обязанности по недопустимости использования национального признака, то её отсутствие неизбежно повлечёт преобладание в выборных органах власти лишь представителей тех партий, которые выражают интересы крупных этнических групп. Такая обстановка нанесёт ущерб интересам других этнических групп, считающихся малыми, что прямо противоречит конституционному принципу правового равенства, особенно в аспекте национальной принадлежности граждан (ч. 2 ст. 6, ч. 4 ст. 13 и ч. 2 ст. 19 Конституции РФ)⁵⁰³.

С момента выражения данных выводов прошло 14 лет, однако новых позиций относительно регламентации рассмотренных партийных обязанностей Конституционный Суд РФ не выработал. Это позволяет утверждать, что конституционная реальность, в которой реализуются соответствующие партийные права и обязанности, продолжает находиться в стадии своего формирования.

⁵⁰² Постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2004 N 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина» // Вестник Конституционного Суда РФ, N 1, 2005.

⁵⁰³ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2004 N 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина» // Вестник Конституционного Суда РФ, N 1, 2005.

Подтверждением этой констатации выступает ещё один пример из правоприменительной практики.

На протяжении 2011–2014 гг. происходили судебные тяжбы между Министерством юстиции РФ и представителями незарегистрированной «Пиратской партии России». Так, в результате судебных слушаний в 2011 г. использование данного названия не было признано в качестве противоречащего законодательству Российской Федерации, однако в регистрации партийной организации отказано в связи недостаточным количеством информации, которую заявители предоставили в Министерство юстиции⁵⁰⁴.

В 2013 г. вновь последовал отказ в регистрации данной партии в связи с тем, что термин «пиратство» по Уголовному кодексу Российской Федерации (далее – УК РФ) считается преступным деянием. Аналогичным образом произошло и в 2014 г. при очередном отказе Министерства юстиции в регистрации факта создания «Пиратской партии». Суды поддержали позицию уполномоченного органа исполнительной власти⁵⁰⁵, породив новый прецедент в реализации обязанности партий использовать в своих наименованиях соответствующие законодательству словесные конструкции.

Примечательно, что в ст. 6 Федерального закона № 95-ФЗ говорится о необходимости соблюдения лишь требований законодательства в области интеллектуальной собственности, а не норм, содержащихся в УК РФ. В то же время в п. 1 ст. 27 говорится об обязанности партии соблюдать в своей деятельности все правовые нормы, действующие на территории Российской Федерации. При этом непонятно, применима ли данная обязанность к незарегистрированной партийной организации. Ответ на данный вопрос мог бы дать Европейский суд по правам человека, который в 2015 г. принял жалобу представителей «Пиратской партии» в отношении действий Министерства юстиции РФ по противодействию в оформлении своего правового статуса. Однако в настоящий момент о судьбе поданного иска ничего не известно.

⁵⁰⁴ Хамидуллина А.А., Семенова Е.А. Пиратская партия в России и за рубежом: правовая роль и принципы деятельности // Новая экономика – новое общество. 2011. № 6. С. 246–250.

⁵⁰⁵ Апелляционное определение Московского городского суда от 10.07.2014 по делу N 33-27725 «В удовлетворении требования отказано, поскольку наименование политической партии не соответствует требованиям законодательства РФ» и определение Московского городского суда от 15.12.2014 N 4г/6-12092 «Об отказе в передаче кассационной жалобы на судебные акты по делу по заявлению на неправомерные действия уполномоченного органа об отказе в регистрации политической партии при ее создании».

ГЛАВА V. ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

5.1. Противоречия и препятствия в процессе институционализации российских партий

Дальнейшее реформирование российской системы ограничения электоральной конкуренции должно быть направленно на повышение открытости и прозрачности избирательного процесса. Региональные выборы 2019 года в России выявили серьезные проблемы в регулировании процесса выдвижения и регистрации кандидатов. Стремление современной партийной политики к персонализации избирательной кампании выдвигает новые требования к системе регулирования электоральной конкуренции. На нынешнем этапе требуется дополнительная система верификации подписей избирателей, требуется внедрении системы отслеживания за процедурой голосования, установление дополнительных гарантий для наблюдателей на выборах.

В российской партийной системе часто прослеживаются пробелы, вызванные конфликтом политических норм и установок, которыми нередко руководствуются партии. Тем самым их институционализация неизбежно испытывает это влияние, по-разному отражаясь на партийных организациях, в том числе на парламентских партийных фракциях. Последние нередко заявляют о необходимости расширения возможностей и свобод партий и критикуют действующее государственное вмешательство в партийные дела.

На примере институционализации российских партий прослеживается динамика развития отношений как между ними и государством, так и между партийными и непартийными объединениями. Это выражается в периодических изменениях, вносимых в законодательство, причём они резко контрастируют с прежним вариантом регулирования партийных отношений.

В любом периоде институционализации партий прослеживалась основная цель по стабилизации политических институтов. Причём достижение данной цели нередко сопровождалось императивными методами, что не всегда положительно оценивается в плоскости развития гражданского общества.

Отчасти вина в этом лежит на нестабильности государственной политики. Если на протяжении 1990-х гг. государство так и не могло определить, кого именно считать политическими партиями и для каких задач они нужны, то 2000-е гг. появляются макропартийные структуры, не терпящие серьёзной политической конкуренции. А уже к 2012 г. происходит резкое ослабление партийных обязанностей и регистрационных требований, что вновь увеличивает количество малочисленных политических партий.

Подобные колебания законодательства подтверждают экспериментальный подход государства к построению политической системы. Во многом это происходит за счёт абстрактного содержания конституционных ценностей, не меняющихся с 1993 г. Толкуя их сначала в одном ключе, а затем, спустя десятилетие, в иной плоскости, правящая власть не

позволяет сформироваться той партийной системе, которая заложена в Конституции РФ. При этом нельзя говорить о нарушении конституционных принципов, ведь категория «многопартийность» не расшифровывается ни в самих конституционных нормах, ни в позициях Конституционного Суда РФ.

Однако сторонники комплексного института политических партий отмечают, что, помимо общих требований к партийной деятельности, должны существовать специальные нормы, рассредоточенные в различных актах⁵⁰⁶. Тем самым закономерны противоречия и нестыковки между государственными требованиями и партийными возможностями.

Так, в специальной литературе выделяется три группы дефектов российского института политических партий:

1) институциональные противоречия, которые возникают внутри партийных отношений⁵⁰⁷ (во многом благодаря неоднозначным государственным требованиям);

2) системные коллизии, при которых наблюдается конфликт между партиями и уполномоченными органами исполнительной власти⁵⁰⁸, а также с институтами, отвечающими за организацию избирательного процесса⁵⁰⁹);

3) дефекты государственной политики, когда противоречия наблюдаются на стратегическом уровне между государством и партиями⁵¹⁰).

В комплексном подходе институционализация партийных организаций воспринимается в более широком значении. Но подобный подход нельзя считать удачным, поскольку в нём сочетаются разные методы и тенденции, которые изначально находятся в противоречии друг с другом. При этом они могут соответствовать в определённой плоскости политическим и даже конституционным ценностям, что не всегда может совпадать с их реальным значением. Проследим эту особенность на примере соотношения статус парламентских партий.

⁵⁰⁶ Заславский С.Е. Политические партии России (процесс правовой институционализации). Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2004. С. 286; Головинов А.В. Особенности реализации конституционного принципа идеологического многообразия в законодательстве о политических партиях // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 3 (91). С. 45.

⁵⁰⁷ Патрушева Н.С. О трансформации статей Федерального закона «О политических партиях» в контексте российской многопартийности и федерализма // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2016. № 1 (32). С. 30.

⁵⁰⁸ Дементьев В.С. правовой статус фракции политической партии в законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации // В сборнике: О политико-правовой модернизации в государстве: вопросы теории и практики 2016. С. 138.

⁵⁰⁹ Приказчикова О.В., Клопова А.А. Государственные и правовые аспекты участия политических партий в выборах // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции. 2016. № 5 (44). С. 33; Письменов В.Н., Письменов Ю.В. О проблемах участия политических партий в избирательной кампании 2016 года // В сборнике: Актуальные проблемы правового регулирования деятельности общественных объединений: российский и зарубежный опыт Региональный научный круглый стол. Сборник научных статей. Ответственный редактор В.В. Корovin. 2016. С. 159.

⁵¹⁰ Долгих Ф.И. Правовые аспекты создания, государственной регистрации и ликвидации политических партий в России. М.: «Юрист», 2016. 248 с.; Аминова Г. Государственная регистрация политических партий и их региональных отделений: анализ судебной практики // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 1 (110). С. 121-138.

Прежде всего, в этом вопросе наблюдается разрозненность государственных требований. Кроме конституционных положений, они содержатся в Регламенте Государственной Думы, который больше касается формирования депутатских объединений⁵¹¹. Поэтому в институциональном плане важны положения из Федерального закона от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»⁵¹² (далее – Федеральный закон № 3-ФЗ).

В частности, в ст. 7.1 говорится о фракционных требованиях к политическим партиям. Но они имеют расхождение со смежными требованиями из Регламента Государственной Думы.

Так, Федеральный закон № 3-ФЗ упоминает лишь те фракции, которые образуются при помощи федерального списка. Речь идёт о списке кандидатов, которые были допущены по нормам избирательного законодательства к участию в выборах в Государственную Думу.

Что же касается дефиниций, изложенной в п. 1 ст. 16 Регламента Государственной Думы, то в ней фракция раскрывается шире. В частности, она может включать в себя тех депутатов, которые избирались от одномандатных округов. Более того, говорится о правах депутатов, которые представляют одномандатный округ, однако во фракцию их может выдвигнуть определённая политическая партия.

Данный пример подтверждает негативный контекст существования дублирующих требований. Если в Регламенте они оперативно изменились, то в федеральном законе остался прежний вариант, не учитывающий отсутствие партийной принадлежности депутатов. Примечательно, что рассмотренные нормативные акты регламентируют парламентские отношения и не должны противоречить друг другу, поскольку разрабатываются самими законодательными палатами.

Это подтверждается ещё одним пробелом. Так, п. 3 ст. 7.1 Федерального закона № 3-ФЗ носит бланкетный характер. В нём определяется необходимость регулирования фракционной деятельности нормами из Федерального закона № 95-ФЗ. Однако в последнем таких норм не наблюдается. Партийное законодательство не определило условия, по которым существуют соответствующие партийные фракции. Более того, данный вопрос должен регулироваться парламентским законодательством, но на деле подчинён исключительно политическим нормам.

Государство зафиксировало в рамках Федерального закона № 95-ФЗ лишь гарантии по реализации партийных прав тех организаций, которые не имеют своего представительства в законодательных собраниях. Причём речь идёт не только о федеральном уровне, но и о парламентах субъектов федерации. Кроме указанных условий, государство не выделило требований, позволяющих регулировать деятельность партий в соответствующих законодательных органах.

⁵¹¹ Постановление ГД ФС РФ от 22.01.1998 N 2134-П ГД (ред. от 02.11.2016) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. ст. 801.

⁵¹² Федеральный закон от 08.05.1994 N 3-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. N 2. ст. 74; 2016. N 27 (часть II). ст. 4244.

Это объясняется различиями в интересах партий и государства при реализации парламентской деятельности. Аналогичным образом отличаются и объекты соответствующих политических институтов. Тем самым уклон на комплексный характер партий не сочетается с той политической реальностью, в которой они реализуются.

Более корректно установить на государственном уровне отличия между такими субъектами, как политические партии и объединения парламентариев. Для этого требуется внести уточнения в Федеральный закон № 3-ФЗ, а равно в Регламент Государственной Думы. В частности, это позволит устранить имеющиеся противоречия ввиду динамики парламентской деятельности и условий её осуществления в России.

Примерно схожая противоречивая картина наблюдается на примере соотношения партийных возможностей в избирательном процессе. Так, сложилась ситуация, при которой участвовать на выборах от имени политической партии могут граждане, не состоящие в данной организации.

Это наглядно прослеживалось на выборах в Государственную Думу 2016 г. Практически во всех партийных списках оказывались кандидаты, не обладающие партийным членством. Особенно ярко это проявилось у двух политических сил: РПР-ПАРНАС и Партия «Роста».

С точки зрения п. 4 ст. 6 Федерального закона от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»⁵¹³ (далее – Федеральный закон № 20-ФЗ) такое положение вполне допустимо. Политические партии свободны в формировании собственных списков, предлагаемых для регистрации на соответствующих выборах.

В политической плоскости также нельзя говорить о нарушении. Даже напротив, при наличии новой и незнакомой электорату партии вполне логично формировать избирательный список из тех личностей, которые могут принести партийной структуре определённую известность. Выявлены случаи, когда непартийные граждане были обозначены в федеральном списке кандидатов под первым номером. Так, в частности, поступила партия «Роста», поставив Ирину Хакамаду во главе своего списка. На втором месте у партии «ПАРНАС» значился беспартийный гражданин В. Мальцев.

Указанные политические принципы нарушают не только условия развития партийной системы, но и статус партийных членов. Кроме того, возможность выдвижения от партии кандидата, не связанного с ней членством, противоречит правам и свободам самих членов данной политической партии.

В политической плоскости подобная избирательная технология широко зарекомендовала себя в отечественной практике проведения избирательных кампаний⁵¹⁴. Специалисты называют её «Паровоз» (реже – «Буксир»). Это связано с функцией, которую призвана выполнить некая известная и авторитетная личность, внезапно оказавшаяся в партийном списке. Как правило, такая манипуляция происходит накануне избирательной кампании, что позволяет обеспечить некое «подтягивание» малознакомой и непопулярной политической партии как бы вслед за выдвинутым кандидатом.

⁵¹³ Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ (ред. от 05.04.2016) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 8. ст. 740; 2016. № 15. ст. 2054.

⁵¹⁴ Купцов О.П. Виды избирательных технологий с точки зрения юриспруденции // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 144; Жуков К.С. Политическое соперничество в современной России и технология избирательных кампаний // Известия Байкальского государственного университета. 2006. № 3. С. 96; Гаджиева К. Некоторые правовые аспекты избирательных технологий // Закон и право. 2007. № 10. С. 5.

Примечательно, что на выборах данную технологию используют не только вновь образованные партии. Подобная картина нередко наблюдается у партий с большим электоральным стажем. Так, на президентских выборах, проходивших в марте 2018 г., от КПРФ был выдвинут беспартийный кандидат – П. Грудинин. Аналогичная ситуация возникла и при выдвижении К. Собчак от политической партии «Гражданская инициатива».

Отчасти объяснить легализацию указанной политической технологии допустимо с точки зрения партийной свободы. Поскольку закон не содержит запрета на её использование, данный метод достижения политических задач выбирается самой партией, т.е. является внутрипартийным делом, в которое государство не может вмешиваться. Тем самым эти отношения по партийному выбору кандидатов должны регламентироваться не государством, а партиями.

В конституционной плоскости подчёркивается доминирование диспозитивных начал в реализации партийных прав и свобод. Однако при обращении к субъективным правам граждан, объединившихся в соответствующую политическую партию, прослеживается явное нарушение. Более того, изначально нивелируются политические интересы партийных членов на избрание в законодательные органы.

Это происходит путём намеренного отстранения членов политической партии от возможности осуществить свои избирательные права через ту структуру, в которую они объединились. Примечательно, что преимущество отдаётся непартийному гражданину, т.е. без установления обязанности вступить в партию.

На фоне того обстоятельства, что кроме избирательных процессов у политических партий нет иных эффективных возможностей воздействовать на власть, данное игнорирование партийного членства нарушает политическую логику в существовании партийных организаций. Отсюда следует, что обширный объект конституционной свободы объединения граждан в политические партии искусственно сужается до технического участия партийных членов в незначительных вопросах (проведение съездов, избрание органов партийного управления). В результате закономерно скептическое отношение к деятельности политических партий, игнорирующих приоритет собственных членов в пользу временной политической фигуры на выборах.

Также не соблюдается принцип, установленный п. 4 ст. 8 Федерального закона № 95-ФЗ. В частности, это обязанность политической партии по созданию для членов равных условий на представительство в соответствующих списках кандидатов на выборы.

Таким образом, существующая основа в применении на выборах некоторых политических технологий отрицательно сказывается на партийных возможностях. Не случайно и политологи⁵¹⁵, и социологи⁵¹⁶ негативно оценивают подобные манипуляции с сознанием избирателей.

⁵¹⁵ Никитин А.А. Концептуальные основы избирательных технологий в современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Саратов, 2012. С. 95; Чернов О.В. Методологические и методические основы использования политических технологий в избирательных кампаниях. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2006. С. 47.

⁵¹⁶ Ковалева Т.В. Манипулятивные и контрманипулятивные технологии в современных избирательных кампаниях. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Тюмень, 2007. С. 83; Козина О.С. Деструктивные социальные информационно-политические технологии в избирательном процессе // Ямалский вестник. 2016. № 2 (7). С. 29.

Вместе с тем иных вариантов попасть в активную часть политической системы у партий с незначительным электоральным стажем в российских условиях практически не существует. Особенно данное явление становится очевидным на фоне тождественности предвыборных партийных программ. Кроме того, избирательное законодательство установило довольно небольшие сроки по сбору подписей, по подаче документов и по следующему проведению агитации. Поэтому новые политические партии вынуждены использовать те ресурсы, которые им доступны в данный конкретный момент.

Можно констатировать, что отечественное законодательство содержит определенные пробелы вовсе не из-за динамично меняющихся избирательных процессов. Это является результатом существования той политической реальности, в которой функционируют партии.

В связи с этим можно провести параллель с условиями, действовавшими в 1990-х гг. в аспекте развития партийных отношений. В частности, тогда не выдвигались никакие требования к политическим технологиям, применяемым партиями и иными объединениями на выборах. Это выразилось в изобилии сомнительных способов привлечения внимания электората со стороны многих избирательных блоков.

Что же касается современного этапа, то прослеживается определенная группа требований, призванных нивелировать партийную активность. Преимущественно, они имеют применение в избирательной системе. Тем самым прослеживается развитие институционализации, влияющей на партийные возможности как в позитивном, так и в негативном свете.

На фоне этого в Российской Федерации продолжает отсутствовать запрет для действующих глав субъектов РФ на участие в парламентских выборах. Как известно, в довольно многих регионах губернаторы даже возглавляют партийные списки при проведении избирательных кампаний. Особенно наглядно данная тенденция проявилась на примере выборов в Государственную Думу 2016 г.

Глава субъекта федерации считается основным руководителем исполнительной власти в конкретном регионе. Если он стремится возглавить список политической партии на парламентских либо муниципальных выборах, то нарушается известный конституционный принцип разделения властей. При этом очевидно, что при победе на таких выборах действующий губернатор не покинет свой пост. Как правило, происходит его замена в партийном списке в пользу ближайшего партийного соратника либо список сдвигается на одну фамилию.

Поскольку закон никак не регламентирует данный вопрос, в ряде субъектах федерации указанная избирательная технология стала применяться на постоянной основе. На фоне схожей тенденции к привлечению известных политических и общественных деятелей для новых или малоизвестных политических партий участие глав регионов в избирательной поддержке лидирующей партии не гармонирует с демократическими принципами, сформулированными не только в Конституции РФ, но и в конституционно-уставных актах самих субъектов федерации.

Вместе с тем парламентские выборы последних лет демонстрируют попытку реализации отдельных принципов, сформулированных Федеральным законом № 95-ФЗ. Так, некоторые политические партии для создания своего

списка кандидатов начали практиковать т.н. «праймериз» или первичные внутрипартийные выборы. Подобная практика наблюдалась даже на выборах в Государственную Думу 2016 г. В частности, её использовали две партийные структуры: Единая Россия и РПР-ПАРНАС. Безусловно, такое стремление приближает конституционные ценности к сложившейся политической реальности, в которой реализуется избирательное законодательство. Однако фактическая сущность проведённых праймериз безупречна с институциональных условий партийной деятельности.

Помимо этого, остаётся открытым вопрос о пределах государственного вмешательства в партийные дела. Последнее служит основным барьером в дальнейшей институционализации российских политических партий. Поскольку в Российской Федерации проблемами подобных институциональных противоречий в партийных отношениях никто не занимается, можно проследить убедительность сделанного вывода на примере прецедентов, сформулированных Европейским судом по правам человека (далее – ЕСПЧ).

Так, в рамках дела Народно-республиканской партии (Cumhuriyet Halk Partisi) против Турции, рассмотренного в 2016 г., был поставлен вопрос о диапазоне возможностей государства по осуществлению административного контроля над партийной деятельностью. В отношении партии-заявителя были проведены итоговые проверки отчетов за 2007-2009 гг., по результатам которых Конституционный суд Турции расценил часть партийных расходов как незаконные. Вследствие этого отдельные активы партии были конфискованы соразмерно сумме выявленных неправомерно потраченных средств (свыше 1 000 000 евро). Тем самым представители партии посчитали, что нарушено их право на объединение, гарантированное в ст. 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁵¹⁷.

В целом, признавая состоятельность требований государства к финансовым аспектам партийной деятельности, ЕСПЧ подчеркнул, что унифицированных принципов осуществления подобного административного контроля среди национальных властей не сложилось. Тем самым отсутствует какая-либо единая международно-правовая база, регламентирующая порядок и пределы проведения контрольных мероприятий. Вместе с тем свобода усмотрения государства в этом вопросе не является безграничной.

В частности, в случае, когда проверка финансов партии влечёт значительное затруднение её последующей деятельности, необходимо вести речь о государственном вмешательстве в конституционное право на объединение.

ЕСПЧ выделил два критерия, по которым сегодня представляется возможным оценить границы дозволенного контроля в отношении партийных организаций:

1) «непредсказуемость неправомерных расходов» – национальное законодательство должно содержать чёткие условия отнесения тех или иных партийных расходов к категории «законных» и «незаконных». Если ясность в правовых нормах в силу широты их формулировки отсутствует (как это было в законодательстве Турции до 2011 г.), то данная ситуация легализует злоупотребления со стороны инспекционных органов в отношении партий;

⁵¹⁷ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заклучена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. ст. 163.

2) «непредсказуемость санкций» – если законодательство предусматривает превентивный характер первичных мер ответственности, они должны быть соразмерны допущенному правонарушению. Так, по турецкому законодательству в качестве таковой меры выступает предупреждение, выносимое в особом порядке по инициативе главного прокурора. Однако отсутствовала грань между предупреждением и конфискацией за одно и то же нарушение, вследствие чего политические партии не в состоянии определить, какое наказание будет к ним применено за ошибки в финансовой квалификации их расходов.

Немаловажным следует признать вывод ЕСПЧ о широком спектре тех видов деятельности, которые сегодня осуществляют политические партии. Это непосредственным образом усложняет возможность соотнесения тех или иных действий партийной организации с её задачами, сформулированными в уставе и в законодательстве. Тем самым при помощи правового регулирования государство может вмешиваться в партийные отношения, но посредством тех формулировок и выражений в законодательных нормах, которые будут позволять разумно подходить к их толкованию и применению.⁵¹⁸

Таким образом, поиск противоречий институционализации партийных организаций на государственном уровне, на мой взгляд, является архаичным способом исследования современных партийных отношений. Сами же коллизии, сопровождающие процесс формирования политической реальности, имеют более глубокие корни и связаны с причинами, которые лежат в политико-социальной плоскости. Это наглядно прослеживается на примере имущества партий.

Так, по условиям ст. 28 Федерального закона № 95-ФЗ имущество партии является её исключительной собственностью и не находится ни в какой экономической связи с партийными членами. Однако до сих пор законодатель чётко не решён вопрос о возможности возложения дополнительной ответственности на членов партии в случае недостаточности имущества для оплаты партийной задолженности.

Любая политическая партия имеет внешние черты некоммерческого юридического лица. Она считается хозяйствующим субъектом. Это позволяет ей вступать в разнообразные имущественные отношения, совершать сделки и операции с финансами. Вполне закономерно, что партия должна нести риск убытков. Наиболее наглядно это прослеживается в период избирательных кампаний, которые часто становятся дорогостоящим мероприятием даже на муниципальном уровне.

Однако в Российской Федерации не сложилось условий возмещения ущерба для участников партийных отношений, особенно для внешних субъектов (для контрагентов партии). При этом партийная организация может находиться в неплатёжеспособном состоянии.

Так, п. 1 ст. 65 ГК РФ содержит гарантию от ликвидации политических партий в связи с их экономическим банкротством. Поэтому по аналогии с п. 2 ст. 123.4 ГК РФ члены политических партий не могут иметь дополнительной ответственности в связи с неисполненными обязательствами данных организаций.

⁵¹⁸ Информация о Постановлении ЕСПЧ от 26.04.2016 по делу «Народно-республиканская партия (Cumhuriyet Halk Partisi) против Турции» (жалоба N 19920/13). По делу обжалуется непредсказуемая с правовой точки зрения и поэтому незаконная конфискация активов политической партии. По делу допущено нарушение требований статьи 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2016. N 9 (171).

Это требование не сочетается с п. 5 ст. 28 Федерального закона № 95-ФЗ, по которому партии обязаны самостоятельно установить тех уполномоченных лиц, на которых может возлагаться определенная финансовая ответственность. Речь идет о т.н. «финансовой деятельности» политической партии, однако никакой дефиниции по этому поводу закон не раскрывает.

В судебной практике поднятая проблема решается не вполне однозначно. Как правило, судебные инстанции толкуют п. 5 ст. 28 Федерального закона № 95-ФЗ в широком контексте. Они воспринимают «финансовую деятельность» партийных организаций как набор разнообразных имущественных операций со стороны уполномоченных партийных органов и должностных лиц. Главное условие при этом – все они должны быть направлены на реализацию партийных целей⁵¹⁹.

Однако вопрос расширения имущественной ответственности политической партии относительно её «уполномоченных лиц» в судебной практике не подтверждён. Судебные инстанции возлагают санкции на региональные партийные отделения. Особенно это наглядно при проведении избирательных кампаний⁵²⁰.

Поэтому п. 5 ст. 28 Федерального закона № 95-ФЗ в своём практическом воплощении рассматривается преимущественно в плоскости финансирования участия партий в выборах. Что же касается ответственности «уполномоченных лиц», то она является ничем иным, как административной ответственностью⁵²¹. Последняя наступает при определенных нарушениях, касающихся оформления и назначения сформированного избирательного партийного фонда. Равным образом оценивается поведение партийного кандидата в плане использования данных финансов.

⁵¹⁹ Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.10.2009 по делу N А48-2779/08-7 «По делу о взыскании задолженности по оплате продукции и процентов за пользование чужими денежными средствами»; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.02.2012 N 09АП-37147/2011 по делу N А40-89684/11-98-794 «Исковые требования о взыскании задолженности по договору займа удовлетворены правомерно, поскольку материалами дела установлено, что ответчиком не исполнены обязательства по возврату истцом заемных денежных средств».

⁵²⁰ Определение Верховного Суда РФ от 06.04.2005 N 86-Г05-15 «В удовлетворении заявления об отмене регистрации кандидата в депутаты отказано правомерно, поскольку не нашли подтверждения доводы заявителя о том, что печатные агитационные материалы выпускались и размещались с целью создания положительного образа кандидата в депутаты»; Апелляционное определение Владимирского областного суда от 26.08.2014 по делу N 33-3182/2014 «В удовлетворении заявления об отмене регистрации кандидата на должность главы города отказано правомерно, поскольку на дату принятия решения о выдвигении лица кандидатом на должность главы города и на дату его регистрации в качестве кандидата на эту должность он не являлся членом всероссийской политической партии, поэтому мог быть выдвинут кандидатом в депутаты другой политической партией».

⁵²¹ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 13.06.2006 по делу N А26-624/2006-25 «Отказывая ФСС РФ во взыскании с регионального отделения политической партии штрафа за повторное в течение одного года нарушение срока представления расчетной ведомости по средствам фонда, суд сделал ошибочный вывод о том, что в решении ФСС РФ о привлечении отделения к ответственности не указано, что последним допущено повторное нарушение сроков представления установленной отчетности, и отсутствуют данные о том, какими документами и сведениями это обстоятельство подтверждается»; постановление Астраханского областного суда от 12.02.2016 N 4а-7/2016 «Об отмене актов о привлечении к ответственности по ст. 5.64 КоАП РФ (нарушение порядка (срока) представления сведений о поступлении и расходовании средств политической партии...); Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 03.07.2014 по делу N А19-17119/2013 «В удовлетворении требования отказано, поскольку специальный избирательный счет по своей правовой природе отвечает всем признакам счёта, понятие которого приведено в статье 11 НК РФ, так как подразумевает заключение договора банковского счёта, на основании которого подлежит открытию, возможность зачисления и расходования денежных средств с него».

По итогам проведённого в рамках данного параграфа исследования необходимо выделить следующие выводы относительно факторов, способствующих деформациям институционализации политических партий в Российской Федерации:

1. В доктрине понятие институционализации партий трактуется в излишне широком значении, который позволяет придать им комплексный характер. Однако подобный подход лишь провоцирует противоречия между политической, избирательной и партийной системами, между парламентскими и непарламентскими партиями. Тем самым отдельные противоречия имеют искусственную природу. Данные проблемы могут приобрести технический характер, если рассматривать партий в их специальном значении.

2. В партийной и парламентской деятельности по-разному оцениваются отдельные возможности политических партий. Это препятствует динамике их институционализации. Тем самым требуется установление институциональных границ между такими акторами, как политические партии и парламентские объединения депутатов. Добиться этого можно при помощи корректировки норм и расширения партийных свобод.

3. Отсутствие запрета на использование некоторых избирательных технологий нарушает конституционные права и свободы не только политических партий, но и граждан, объединившихся в них. Современная политическая реальность предоставляет ограниченный набор возможностей на участие в выборах малоизвестным и непопулярным партийным организациям. При этом решение данных проблем происходит не при помощи уточнения предвыборных программ и проведения соответствующей агитации, а через теневые политические технологии. На подобные условия влияют сжатые сроки, предусмотренные избирательным законодательством, и ряд барьеров, которые установлены для участия в выборах кандидатов от партий. Тем самым узкая трактовка политических принципов и ценностей предопределяет специфику российской партийной системы.

4. Свобода усмотрения государства в осуществлении контроля над деятельностью партий не является безграничной. В случае, когда такой контроль влечёт значительное затруднение в партийной деятельности, необходимо вести речь о государственном вмешательстве в конституционное право на объединение. В правоприменительной практике сложилось два критерия, по которым сегодня представляется возможным оценить границы дозволенного контроля в отношении партийных организаций:

а) «непредсказуемость правонарушений расходов» – национальное законодательство должно содержать чёткие условия отнесения тех или иных партийных расходов к категории «законных» и «незаконных»;

б) «непредсказуемость санкций» – если законодательство предусматривает превентивный характер первичных мер ответственности, они должны быть соразмерны допущенному правонарушению.

5.2. Институциональные ограничения формирования новых партий в России

Политические реформы 2011-2012 гг. привели к появлению множества новых партий, однако процесс их институционализации протекает медленно. Действующее российское законодательство открывает возможности для регистрации партий, однако участие новых партий в выборах показывает их низкую популярность среди избирателей. Институционализация новых российских партий сталкивается с проблемой кризиса института партий. Доминирование электронных средств массовой информации приводит к персонализации партийной политики. Избиратели судят о партии по ее лидеру, обращая мало внимания на программу партии и партийный бренд. Успех институционализации новых российских партий зависит от партийных лидеров, их узнаваемости и активности.

Сравнительно недолгая современная история партийных отношений в Российской Федерации демонстрирует стремление властей найти оптимальную модель, которая удовлетворяла бы и интересы общества, и интересы государственного режима.

Институт политических партий зависит от внутригосударственных условий развития политических отношений. При этом они подвержены влиянию европейских тенденций, активно проявляющихся в XXI в.:

- выделение внутри гражданского общества меньших самоуправляемых единиц;
- зависимость публичной политики от стратегий, реализуемых средствами массовой информации;
- воздействие со стороны глобализационных процессов, осложнённых противоположной тенденцией по региональной интеграции;
- усиление экологических проблем в политической повестке;
- попытки международной организованной преступности вмешиваться в государственные вопросы;
- необходимость предупреждения и борьбы с национальным и региональным экстремизмом.

Тем самым общий подход к тому, что партии заняты преимущественно достижением власти, а не её реализацией, мешает сконцентрироваться на выполнении предвыборных программ, что в европейской политике предопределяет электоральные предпочтения. В российских условиях прямой зависимости между данными обстоятельствами по-прежнему не прослеживается, что сопряжено с многочисленными политическими технологиями, не запрещёнными государством.

Указанный перечень проблем влияет на избирательные и парламентские возможности политических партий. В свою очередь, это перестраивает понимание конституционного принципа многопартийности, когда государство намеренно поддерживает существование множества партийные структур, но допускает до выборов лишь ограниченный их состав⁵²².

В указанных условиях политические партии отстраняются от своей ключевой функции – быть посредником между электоратом и властью.

⁵²² Великая Н.М., Голосеева А.А. Роль институтов гражданского общества в общественном диалоге в современной России // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2009. № 2. С. 32; Вологина Э.А. Реализация многопартийности в Российской Федерации // Философия права. 2009. № 4. С. 52.

Фактическое участие принимают лишь те партийные структуры, которые представляют условное большинство граждан. При этом условное меньшинство в своей совокупности образует серьёзный процент населения, чьи интересы не получают воплощения на выборах.

Кроме того, при достижении власти партийные организации не способны её контролировать, т.е. не участвуют в активной части реализации государственной политики.

Институционализация отвечает на вопрос, каким идеальным типом могут быть политические партии в определенный промежуток развития. Какие именно функции они способны фактически выполнять в Российской Федерации?

С момента последних крупных преобразований в рамках партийного законодательства нивелировалась потребность в создании массовых политических партий. Период их существования был искусственно заменен на разрастание партийных структур по аналогии с 1990 гг., за тем лишь исключением, что макропартийные объединения сохранили свои позиции. Тем самым задача достижения власти за счёт определенных технологий на выборах перекрыла задачу по рекрутированию новых членов. В свою очередь, получение внимания от электората стало первостепенным фактором даже в условиях отсутствия политического стажа.

Доминирование политических технологий над партийными возможностями стало мировым трендом. Соответственно, представители российских политических сил зачастую демонстрируют непоследовательность в выборе своего партийного членства, а в отдельных случаях и вовсе стараются не входить в состав той или иной партии, что не мешает им участвовать в избирательных кампаниях под эгидой определённой партийной организации.

Указанный тренд не является чем-то качественно новым в российской политической системе, поскольку его корни уходят в 1990-е гг., когда законодательство вообще никоим образом не определяло возможность использования тех или иных избирательных технологий.

Сегодня наметилась тенденция частичного контроля над применением сомнительных средств политической борьбы со стороны партийных организаций. Следовательно, одним из направлений институционализации, по моему мнению, станет сближение избирательной и партийной систем с необходимостью выработки прозрачных и действенных правил политических процессов для всех партий, имеющих право участвовать в выборах.

Объективная необходимость в этом отчётливо обнажилась в период предвыборной кампании 2016 г. В частности, политики отмечают целый ряд нарушений ключевых принципов партийной системы⁵²³, направленных на обеспечение равноправия и равных возможностей по представительству в списках кандидатов. Первое проявилось в административных барьерах для попадания непарламентских партий в избирательный бюллетень, а второе выразилось в непрозрачности формирования федеральных списков кандидатов от партии.

⁵²³ Новиков Д.В., Печерица В.Ф. Политические партии как элемент системы современного российского политического монополизма // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 1 (49). С. 75; Болховитина Т.С. Политическое участие внепарламентских партий в избирательной кампании 2016: сравнительный расклад // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 6; Кабышев С.В., Ермаков А.Д. К вопросу о конституционных целях политических партий // Избирательное законодательство и практика. 2016. № 1. С. 31.

Либерализация партийного законодательства в 2011–2012 гг. преследовала цель «разбавить» политическую систему множеством мелких игроков, не имевших до этого момента организационной формы. Однако власть не провозглашала возможности их быстрого попадания в федеральный парламент. Следовательно, в избирательном законодательстве сформировался широкий диапазон для усмотрения административных органов в лице Министерства юстиции и Центральной избирательной комиссии РФ. Оба данных властных института проявили наибольшую активность в устранении отдельных партий от участия в парламентских выборах, в том числе на региональном уровне.

Так, в начале августа 2016 г. Верховный Суд Российской Федерации принял постановление о прекращении деятельности политической партии «Воля», члены которой систематически проявляли активность в отдельных регионах и, в особенности, в Самарской области, где дислоцировались лидеры данной организации. Партия имела определённую социальную базу в различных субъектах федерации, принимала участие в многообразных политических акциях, в том числе неоднократно пыталась попасть на выборы местного и регионального уровней. В 2011 г. лидер партии С.М. Пеунова пробовала баллотироваться в кандидаты на выборы Президента Российской Федерации, но не смогла преодолеть барьер по сбору подписей избирателей ввиду коротких сроков. Примечательно, что после этих скандальных событий количество необходимого объёма подписей на государственном уровне было снижено.

Риторика партии «Воля» в медийном пространстве, в основном при помощи сетевых ресурсов в Интернете, характеризуется как леворадикальная, что послужило поводом для исков прокуратуры в отдельных регионах о признании агитационных материалов организации экстремистскими⁵²⁴. На основании судебных решений о признании листовок партии противозаконными Министерство юстиции внесло их в соответствующий реестр экстремистских материалов⁵²⁵. Самой партии были вынесены письменные предупреждения, одно из которых оспорено в Замоскворецком районном суде г. Москвы. На основании этих фактов, а также других инцидентов с участием партии «Воля» в Орловской и Свердловской областях, Верховный Суд РФ удовлетворил административный иск Министерства юстиции РФ и решил ликвидировать данную партийную организацию⁵²⁶.

В формально-юридическом аспекте системность нарушений, допущенных партией «Воля», представляется очевидной, а сам процесс по ликвидации организации – закономерным. Вместе с тем представители самой партии отмечают, что о факте рассмотрения административных ис-

⁵²⁴ Решение Ленинского районного суда г. Ульяновска от 4 сентября 2015 г.; решение Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 9 июля 2015 г.

⁵²⁵ Распоряжение Минюста России от 28 октября 2015 г. N 1602-р // официальный сайт Минюста России в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (N 3124) (minjust.ru/extremist-materials?field_extremist_content_value=&page=15); распоряжение Минюста России от 15 января 2016 г. N 26-р // (N 3246) (minjust.ru/extremist-materials?field_extremist_content_value=&page=16).

⁵²⁶ Решение Верховного Суда РФ от 09.08.2016 N АКПИ16-735 «Требование удовлетворено, поскольку осуществление партией экстремистской деятельности влечет за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда общественному порядку, общественной безопасности, законным интересам физических и юридических лиц, обществу и государству и создает реальную угрозу причинения такого вреда».

ков в региональных судах их надлежащим образом не извещали. В результате чего они не смогли реализовать принцип состязательности сторон в административном судопроизводстве.

Например, Судебная коллегия по административным делам Ульяновского областного суда своим апелляционным определением от 26 июля 2016 г. отменила решение Ленинского районного суда г. Ульяновска от 4 сентября 2015 г. касательно признания печатных материалов партии «Воля» экстремистскими. На момент рассмотрения дела о ликвидации партии в Верховном Суде РФ в производстве апелляционных инстанций Свердловской и Орловской областей находились жалобы представителей партии на решения нижестоящих судов относительно тех же вопросов.

Кроме того, скоротечный характер последующих действий административных органов говорит об ангажированности данных дел. Так, Управление Федеральной налоговой службы по г. Москва, несмотря на то, что партия «Воля» была зарегистрирована в г. Самара, внесло запись о ликвидации данной организации в Единый государственный реестр юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) через 6 дней после вынесения решения Верховного Суда РФ. Тем самым уже с 15 августа 2016 г. представители партии не смогли реализовать процессуальное право на обжалование решений судов первой инстанции, поскольку юридически партии уже не существовало.

Примечательно, что решение Верховного Суда о ликвидации партии на момент внесения соответствующей записи в ЕГРЮЛ не вступило в силу, поскольку лишь 23 августа 2016 г. оно было принято в окончательной форме. С этого момента исчисляется срок на обжалование данного решения. Однако реализовать указанное право не имелось возможности по причине прекращения правосубъектности у административного ответчика, т.е. у партии как юридического лица.

В общей совокупности фактов становится очевидным, что представители органов власти торопились в реализации положений ст. 41 Федерального закона № 95-ФЗ применительно к партии «Воля», что позволило членам данной организации апеллировать к категории «политических преследований». Даже процессуальных нарушений, допущенных со стороны органов исполнительной власти в части реализации не вступившего в силу решения Верховного Суда РФ, достаточно для обращения представителей партии в ЕСПЧ, где уже рассматривалось схожее дело с участием партии «РПР-ПАРНАС».

Таким образом, обозначенный пример наглядно демонстрирует необходимость модернизации партийного законодательства. В частности, у политических партий должны быть дополнительные гарантии, совмещённые с процедурами их ликвидации. На сегодняшний день такие гарантии сводятся лишь к запрету ликвидации парламентских партий по отдельным основаниям (за несоответствие численности региональных отделений и членов) в течении пяти лет после выборов, а также запрет на ликвидацию партий с момента опубликования решения о проведении выборов и до поведения итогов выборов. Однако указанные гарантии не распространяются на случаи установления признаков экстремизма в деятельности партий.

Кроме того, представляется откровенно сомнительным преследование политических партий в период предвыборных процедур, в рамках которых в Российской Федерации и без того сложились весьма жёсткие условия отбора партийных организаций на парламентские выборы. Например, введе-

ние моратория на административное судопроизводство в отношении партий, изъявивших желание участвовать в региональных или федеральных выборах, в период регистрации списков кандидатов представляется наиболее эффективной мерой в российских условиях. Тем самым малочисленные политические игроки, на мой взгляд, получают правовой иммунитет от необоснованного использования процессуальных инструментов борьбы государства с оппозиционными силами, как это происходит в отдельных зарубежных странах (например, в Великобритании, Швеции и США).

Впрочем, отсутствие такого инструмента недопуска партий к выборам, как их скоротечная ликвидация, не гарантирует воплощение принципа равноправия на уровне деятельности Центральной избирательной комиссии РФ (далее – ЦИК РФ). В частности, практика предвыборных процессов 2016 г. показала, что ни одна партия, которая не была представлена в законодательных собраниях регионов, не смогла преодолеть административные барьеры, выдвинутые ЦИК РФ.

В частности, речь идёт о порядке проверки собранных подписей избирателей, необходимых для регистрации партийного списка кандидатов на выборы в Государственную Думу. К данному этапу были допущены лишь три партии, две из которых (Партия «Великое Отечество» и Союз труда) заявили о выполнении параметров по сбору минимум 200 тысяч подписей, при этом в каждом субъекте федерации разрешилось зафиксировать не более 7 тысяч подписей. Однако в ходе проверки в ЦИК РФ был выявлен целый ряд нарушений в оформлении подписных листов у обеих партий, вследствие чего им вынесен отказ в регистрации списков кандидатов.

Представители данных партий утверждали, что нормативные основы проведения проверок подписей избирателей содержат условия, которые не выполнимы в короткие сроки (порядка двухнедельного периода для оформления подписных листов). Действительно, два постановления ЦИК РФ в своей совокупности содержат около 40 способов признания собранных подписей избирателей нелегитимными⁵²⁷. При этом более половины из таких методик не касаются подлинности самих подписей, а направлены на проверку оформления сопроводительных документов. Вполне естественно, что преодолеть такой административный барьер на пути к участию в парламентских выборах не смогла ни одна внесистемная партия.

Следует отметить, что сбор подписей избирателей является в мире довольно архаичной формой предвыборных барьеров, которые приходится преодолевать партиям. Не случайно на выборах 2016 г. появились партии с «федеральной квалификацией» (14), которые были освобождены от столь обременительного процесса. Даже представители тех партийных организаций, которые подали в ЦИК РФ собранные подписи, говорили о необходимости изменения избирательного и партийного законодательства в части решения данного вопроса⁵²⁸.

⁵²⁷ Постановление ЦИК России от 22.06.2016 № 13/108-7 (ред. от 12.07.2016) «О вопросах, связанных с оформлением, приемом и проверкой подписных листов с подписями избирателей, собранными в поддержку выдвижения федеральных списков кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва» // Вестник ЦИК России. 2016. № 11; постановление ЦИК России от 22.06.2016 № 13/109-7 «О вопросах, связанных с оформлением, приемом и проверкой окружной избирательной комиссией подписных листов с подписями избирателей, собранными в поддержку выдвижения (самовыдвижения) кандидата в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва» // Вестник ЦИК России. 2016. № 11.

⁵²⁸ Партия «Великое Отечество» обратилась в Конституционный Суд РФ. [Электронный ресурс] <https://nstarikov.ru/blog/70801> (дата обращения: 24.11.2016).

Вместе с тем значительное увеличение числа политических партий после 2012 г. (77 организаций) не позволяет говорить о возможности их беспрепятственного допуска к избирательному процессу. В этой связи, на мой взгляд, прослеживается определённая бюрократическая «ловушка» в рамках института выборов и возможности партийного участия в них.

С одной стороны, у общества имеется вполне состоятельное требование о приемлемых критериях для государственной регистрации партий, что получило отражение в нынешней редакции Федерального закона № 95-ФЗ.

С другой стороны, усиление барьеров в предвыборный период нивелирует существование десятка политических партий, не сумевших попасть в парламентскую систему Российской Федерации даже на региональном уровне. Тем самым «либерализация» партийного законодательства произошла за счёт ужесточения избирательного права, которое представляет большую ценность для рядового гражданина, чем организация партийной деятельности.

Тем самым, несмотря на изменение партийного законодательства, правила участия в выборах остаются непрозрачными, что позволяет ряду исследователей подвергать сомнению вопрос о соблюдении ряда демократических принципов в Российской Федерации⁵²⁹. Впрочем, проблемы российской демократии заключаются далеко не только в сложившихся правовых нормах, но и в политическом сознании самих граждан, активность которых в партийной деятельности уже не столь высока, в отличие от смежных процессов в 1990-х гг.

Развитие в России партийных организаций имеет циклический характер. Преимущество в этом процессе отведено политическим настроениям в обществе. Благодаря им, государство контролирует политическую систему, под которую подстраиваются нормы. Так, происходит либо увеличение, либо уменьшение объёма требований к обретению партийного статуса.

Таким образом, любые изменения в соотношении партийных возможностей и государственных требований происходят в силу двух ключевых обстоятельств:

- 1) стремление оптимизировать политический режим в условиях излишне широких конституционных формулировок;
- 2) активизация общества на политическое участие в определенных процессах.

Тем самым произведённая на современном этапе либерализация партийного системы в Российской Федерации имеет временный характер. Она сопряжена с усилением избирательных барьеров, преодоление которых позволяет политическим партиям непосредственным образом заниматься своей основной деятельностью. Напротив, без доступа к избирательной системе существование любой партийной организации теряет ключевой смысл. И, судя по статистике проводимых в России избиратель-

⁵²⁹ Раньжина И.В. Демократия и федерализация: принцип взаимодействия // В сборнике: Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 155; Журавлев Д.В. Проблема актуализации ценностных ориентиров в гибридных демократиях: российский пример // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. № 3. С. 120; Упоров И.В. Теоретические и правоворегулирующие проблемы представительной демократии в России // Новая наука: Проблемы и перспективы. 2016. № 6-3 (85). С. 289.

ных кампаний 2016–2018 гг., таких политических объединений становится излишне много, что вынуждает вернуться к императивной модели регистрации партийных структур.

Оптимизация партийного и избирательного законодательства Российской Федерации является не единственным инструментом дальнейшей институционализации партий.

К настоящему времени назрела потребность определиться с количественным составом самой российской партийной системы. При этом необходимо руководствоваться не только спецификой избрания парламента и Президента РФ, но и структурой российского общества, нуждающегося в более широком представительстве на высшем уровне.

Реализация этой социально-политической задачи во многом позволит избежать неудовлетворительного состояния жизнедеятельности политических партий, которые преимущественно завязаны на личности своего лидера. Кроме того, такое направление государственной политики вынудит партийные структуры определиться со своей идеологией, которая от одного электорального цикла к другому претерпевает противоречивые трансформации в рамках одних и тех же партийных организаций.

Требования, предъявляемые к государству, равным образом должны распространяться на все партийные структуры. Недопустимо существование политических партий с авторитарно-корпоративным стилем внутреннего управления на фоне постулируемых ею же демократических ценностей, оформляемых в виде конституционных норм. Тем самым практика, при которой партийные члены разделены на некие категории по принципу значимости их голосов, нарушает политический баланс, при котором функционируют институты гражданского общества. При этом не стоит отрицать критерий численного большинства, сопровождающийся наложением должного объема политической ответственности за принимаемые партиями решения.

Партийная деятельность должна считаться олицетворением высшей формы гражданского общества. В ней выражаются индикаторы происходящей демократизации отечественной политической системы. Учитывая общепризнанный принцип самоуправления, именно политические партии обязаны демонстрировать прогресс в самостоятельном успешном решении собственных задач по управлению государственными делами. Тем самым от политической эффективности партийных структур сегодня зависит уровень гражданского сознания и способности выражать политические интересы электората, а не выдавать собственные частные амбиции за волю общества.

Среди препятствий, из-за которых российская партийная система склонна к застою и медленной модернизации, можно выделить падение авторитета политических партий, особенно в условиях их быстрого создания и столь же скорого прекращения. Помимо этого, сложившаяся как в начале, так и в конце XX в. обстановка с разнообразными формами общественно-политической активности переросла в политическую традицию. Для выражения политических интересов не требуется вступление в партию. Достаточно принимать участие в деятельности иного общественного объединения, не имеющего даже собственной организационной основы. Поэтому попытки законодательным образом придать политическим партиям приоритет в решении данных вопросов сопровождаются чрезмерным доминированием государственных требований, т.е. вмешательства в партийные дела.

Другим фактором, препятствующим развитию истинной многопартийности, служит традиция к абсолютизации проводимых в стране политических реформ. Если происходит либерализация законодательства, то непременно разрастается количество участников, претендующих на партийный статус. Когда ужесточаются требования к политическим партиям, тогда стихийно образованные организации быстро теряют свои возможности и ресурсы, предпочитая внесистемную оппозиционную активность.

Изменения законодательства свидетельствуют о попытке создать сразу две центристские политические партии, однако это задача так и не нашла своего практического воплощения из-за крайне несовпадающих политических интересов на фоне обширного регионального парламентаризма.

Сегодня по-прежнему сложно говорить о самостоятельности института оппозиционных партий. Несмотря на то, что партийные отношения подчинены воле самих участников, они испытывают сильно влияние административно-бюрократических сил. На фоне отсутствия пределов партийной самостоятельности и доминирующих политических традиций и норм выстроить партию в стройную структуру получается со значительным замедлением. Такая особенность вынуждает государство усиливать контроль не только над основной партийной деятельностью, но и над осуществлением значимых избирательных и парламентских свобод.

В подобных обстоятельствах «оппозиционных партии» утрачивают ключевые институциональные черты и становятся инструментом проводимой государственной политики по отношению к гражданскому обществу в то время, как ситуация должна развиваться прямо противоположным образом.

Схожие процессы наблюдались на примере избирательных и парламентских процессов. Устранение протестной активности в институционализированных формах рано или поздно приводит к разрастанию других способов оппозиционной борьбы с непопулярными государственными решениями. Вместо того, чтобы интегрировать граждан для легального выражения мнений и влиять на политико-управленческие решения, оппозиционная деятельность становится неподконтрольной ни государству, ни партиям. Такая обстановка способна привести к нивелированию партийных функций и стихийной трансформации партийной системы.

5.3. Траектории развития институционализации российских политических партий в условиях ограниченной электоральной конкуренции

Ограничения электоральной конкуренции в современной России ведет к недопредставленности общественных интересов. Четырех парламентских партий недостаточно, чтобы отобразить интересы российского общества. Новые политические партии либо не могут преодолеть ограничения электоральной конкуренции, либо слабо связаны с обществом и не могут заинтересовать своей программой и лидерами рядового избирателя. Высокая степень институционализации парламентских партий не способствует развитию связей между властью и обществом. В этой ситуации требуется продолжение реформирования избирательного законодательства и дальнейшее совершенствование системы ограничений электоральной конкуренции.

Поиск социальной базы новыми партиями может помочь им институционализироваться быстрее, чем это происходит сейчас. Это может быть возможно при условии либерализации законодательства и появлении инициативы среди самих граждан. Активизация «местной» политики может стать катализатором институционализации партий. Тем самым в современной политической реальности даже при наличии порядка реализации рассматриваемого права на объединения могут присутствовать значительные барьеры, связанные с политикой, проводимой отдельно взятым субъектом РФ.

Дальнейшая либерализация партийного законодательства должна сопровождаться созданием равных и честных условий межпартийной конкуренции. Гарантом равенства должна стать независимая судебная система. Кроме того, необходимы меры по совершенствованию механизмов регистрации избирателей и подсчетов голосов. Будущее российской политической системы напрямую зависит от ее способности учитывать возникающие запросы граждан. Политические партии являются уникальным институтом, связывающим общество и власть. Институционализация российских партий – это важнейший процесс создания канала взаимодействия общества и элиты. От успешности институционализации партий зависит устойчивость всей политической системы России.

Для целой группы государств постсоветского пространства характерен признак «партии власти», которая образована при помощи «административного ресурса» и организационных действий со стороны президентов, премьеров, губернаторов для использования ее как фундамента своей власти. При этом наглядна материальная и медиатическая поддержка близких к ней олигархических группировок финансово-промышленного характера. Такая тенденция иногда приводит к конфликту между ветвями власти.

Неопределенность социальной базы у «партий власти», а также неконкретность их идейных основ на фоне быстрого морального износа вынуждают протекание процесса по коренной реорганизации партийно-политических систем во многих постсоветских территориях. Это происходит с помощью образования различных крупных блоков как левого, так и правого, и даже центристского характера.

Значительные мероприятия в данном направлении уже апробированы в рамках российских условий. В частности, блокировка парламентских фракций посредством поддержки президентской политики усилило консолидирующие тенденции на левом фланге вокруг КПРФ, и отчасти на правом, хотя и со значительным отставанием либеральных сил в определении объединительных тенденций. Собственно, на такую направленность нацелен и Закон о политических партиях, невзирая на ряд кардинальных изменений, произведенных в нем в 2011–2012 гг.

Вместе с тем, процесс по формированию в России, Украине, Беларуси, Молдове партийной системы в современных условиях и с ориентацией на европейский опыт наталкивается на значительные барьеры. К их числу необходимо, прежде всего, назвать отсутствие даже в минимальных пределах договоренности между отдельными политическими игроками по наиболее важным проблемам, требующим решения в стране. Хотя в некоторых направлениях единение политических партий очевидно, особенно

в части внешней политики и построения международных отношений в условиях обострения конфликтов с Европейским Союзом и США по отдельным территориям постсоветского пространства. Но и полное заимствование отдельных западноевропейских моделей не является сегодня решением данной проблемы, учитывая то обстоятельство, что их эффективность также не безупречна и вызывает больше вопросов, чем ответов.

В этой связи необходимо отметить, что такая неполная трансформация восточных партийно-политических систем, а также отмеченные недостатки в западных системах являются отнюдь не случайными. Их можно рассматривать в качестве отражения глубинных тенденций социального развития и в условиях постиндустриальных стран, и в обстановке государств, стремительно приближающихся к ним по уровню экономического и политического развития⁵³⁰. Поэтому стоит констатировать, все европейские государства нуждаются в модернизации собственных систем политических партий, которые по-прежнему должны оставаться связующим звеном власти и общества, поскольку демократия без такого звена просто немыслима.

Одно из основных направлений внутри политической системы, требующих постоянного совершенствования, выступает государственная регистрация партий, поскольку именно данный процесс подвержен воздействию со стороны временных факторов, изменения политической обстановки в стране и иных накапливающихся проблем в обществе. В российских условиях в этой связи крайне полезна практика развития механизма государственной регистрации партийных организаций, сформировавшаяся в зарубежных странах.

На фоне законодательных актов иностранных государств, регулирующих регистрацию и процедуру создания политических партий, следует учесть, что увеличение количества политических партий в России произошло относительно не так давно. Поэтому в историческом соотношении отечественную многопартийность нельзя прямым образом сравнить с многолетним и более широким опытом, которым владеют зарубежные политические системы. Исходя из этого, наше законодательство в данных вопросах считается сравнительно молодым и продолжает, по большому счету, формироваться⁵³¹.

Между тем, ключевые принципы, на которых построены создание и осуществление деятельности политических партий, закреплены в рамках международного права. Например, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. в ст. 22 установил право каждого человека на свободу объединений и ассоциаций с другими. Осуществление данного права не может ограничиваться никакими средствами, за исключением тех, которые предусмотрены законодательным образом и продиктованы необходимостью обеспечения интересов государственной и общественной безопасности, а также общественного порядка, охраны здоровья и

⁵³⁰ Яськова Л.В. Политическая партия как социальная организация // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2011. Т. 259. № 8. С. 57

⁵³¹ Чередов И.Г. Эволюция определений и типологий политических партий // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 111. – С. 309; Дюгурова А.И. Индикаторы институционализации политических партий в России // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 153. – № 1. – С. 174.

нравственности населения и защиты прав и свобод других лиц. Указанная норма, в целом, не запрещает устанавливать законным путем ограничения на реализацию данного права в отношении лиц, которые находятся в составе вооруженных сил и полиции⁵³².

Проанализировав зарубежный опыт, затрагивающий политические системы, можно выявить достижения и недостатки в рамках отечественного подхода к этой же сфере. Более того, данный метод позволяет, как правило, построить прогноз развития российского механизма государственной регистрации партийных организаций.

Довольно специфичный режим деятельности политических партий наблюдается в традиционной англо-американской системе. Для США и Великобритании характерно полное отсутствие упоминания о партиях в конституционном законодательстве. В частности, Конгресс США вопросам правового регулирования партийной деятельности практически никогда не занимался. Единственное, что подвергалось законодательному воздействию, это финансовые аспекты проведения избирательных кампаний, а также вопрос предупреждения и пресечения коррупции, связанные с деятельностью политических партий. «Вряд ли вскоре может появиться обширное федеральное регулирование партий», – полагает политолог из Пенсильванского университета Б. Хеннесси, и данный тезис имеет тенденцию к существованию⁵³³.

Порядок осуществления деятельности политическими партиями в США устанавливается, прежде всего, нормами гражданского и избирательного законодательства, причем не федерального, а регионального масштаба. Что же касается процедуры создания политических партий, то в США данный круг вопросов вообще не получил никакого законодательного закрепления ни на уровне отдельных штатов, ни в федеральном качестве. Поэтому рассматривая американское законодательство, приходится констатировать, что в данной политической системе традиционная государственная регистрация политических партий, свойственная европейским странам и Российской Федерации, в частности, попросту не осуществляется. Во многом это продиктовано той особенностью, что на политической арене США исторически сложились только две влиятельные партии – демократическая и республиканская, а третьей масштабной политической силы там просто не существует. И такая ситуация продолжается еще со времен гражданской войны.

По мнению одного крупнейших исследователей американской партийной системы У.Д. Барнхэма, «если бы позволяли избирательный закон и политическая традиция США, мы уже некоторое время назад увидели бы появление отчетливой многопартийной системы»⁵³⁴. Но многолетняя история доказала, что сложившиеся партии имеют довольно большой электорат и периодически сменяют друг друга у власти. Вместе с тем, помимо партий, внутри Конгресса США регулярно возникают иные объединения

⁵³² Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – №17 (1831). – Ст.291.

⁵³³ Hennessy B. On the Study of Party Organization. Approaches to the Study of Party Organization. – Boston, 1968. – P. 10.

⁵³⁴ Burnham W.D. American Politics in the 1970s: Beyond Party? The Future of American Political Parties. – Beverly-Hills-L., 1975. – P. 259.

политиков, особенно тех парламентариев, которые по отдельным вопросам расходятся с позицией своей партии. Подобные парламентские группы не имеют официального статуса, их именуют кокусами, формируемыми по самым разным критериям, начиная от политических и заканчивая религиозными убеждениями. Как правило, они наблюдаются в рамках либеральных и консервативных крыльев североамериканских партий.

В ФРГ обязывают все партийные организации иметь устав, причем его содержание регламентировано законодательством. В отличие от российского подхода, немецкие партии должны отражать в уставе, помимо прочего, меры ответственности для своих членов, а также механизм их наложения и реализации. Установлены требования к организационной структуре партий, при этом ключевым параметром её оценки является возможность членов партии на соразмерное участие в партийном волеобразовании. Не менее подробно регламентирован порядок проведения партийных съездов и ежегодных собраний.

Еще одним отличительным от российского законодательства институтом немецкого партийного законодательства следует признать наличие представителей у членов партии. В частности, члены партии вправе передать свои полномочия по отдельным вопросам, включая вопросы голосования, своим представителям, которые должны осуществлять данные полномочия на собраниях членов политической партии⁵³⁵.

Затрагивая структурные особенности немецких партий, стоит отметить требование § 14 Закона ФРГ о необходимости создания партийных третейских судов, членство в которых приобретается с помощью избрания на четырехлетний срок. В отдельном разделе «Внутреннее устройство партии» Закон ФРГ допускает возможность роспуска и исключения из партии, как и обычных членов, так и целые территориальные организации. Также установлено требование, в соответствии с которым направленные на партийные съезды и собрания представители таких организаций не могут быть связаны их решениями. Отчасти такая норма продиктована особо трепетным отношением немцев к культу партийных лидеров, что требует гарантий для максимальной возможности отдельных членов партий выражать собственное мнение по разным вопросам.

Таким образом, немецкое партийное законодательство довольно императивно подходит к внутреннему устройству и организации внутренней жизни партий, стесняя их в довольно жесткие рамки. В определенной степени это объясняется опасениями о возрождении в Германии авторитарных партий.

Примечательным является допустимость образования в Германии партий клерикальной направленности. Наиболее ярким представителем таковых является Христианско-демократический союз (ХДС). Политическая идеология данной организации построена на христианских убеждениях и имеет ярко выраженную религиозную основу. Следует отметить, что в России Федеральный закон «О политических партиях» запрещает существование политических партий, осуществляющих деятельность в соответствии с принципами религиозной принадлежности, что может иметь

⁵³⁵ Глухова А.В., Матвеев Е.В. Межпартийная конкуренция в современной Германии сквозь призму конфликтологии // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2011. – Т. 7. – № 3. – С. 188.

место в виде указания на это в уставе и партийной программе цели по защите религиозных интересов, а равно использование подобных целей в официальном названии политической партии.

Также, в отличие от Российской Федерации, в ФРГ партии не имеют обязанности пройти государственную регистрацию. Она необходима лишь в тех случаях, партии имеют желание приобрести правовой статус юридического лица. Кроме того, партии не ограничены императивными установками во времени для прохождения регистрационной процедуры.

Непосредственно сами этапы государственной регистрации политических партий регламентированы в подробном ключе Германским Гражданским Уложением, причем в том же разделе, который касается правового положения союзов лиц. К их числу законодательно отнесены и политические партии. § 21 Германского Гражданского Уложения установил, что «союз, не преследующий извлечение прибыли в качестве цели своей деятельности, приобретает правоспособность после регистрации в реестре союзов, который ведется в соответствующем участковом суде»⁵³⁶.

Исходя из этого, становится очевидным различие механизмов государственной регистрации политических партий в Российской Федерации и ФРГ. В частности, реестр некоммерческих союзов, среди которых есть и политические организации, находится в ведении не на специально уполномоченных органах, а у субъектов, осуществляющих функции правосудия, т.е. у участковых судов (Amtsgerichte), которые признаны элементами в системе общих судов Германии.

В отличие от российского механизма государственной регистрации политических партий, во французском варианте отсутствует институт административного отказа в регистрации партийных организаций. Запрет на осуществление деятельности партиями накладывается исключительно в судебном порядке. Без судебного решения политическая партия действует свободно и каким-либо ограничениям не подвержена.

Участие иностранного элемента в партийной организации французской модели не допускается. Это означает, так же, как и в Российской Федерации, что иностранные граждане не вправе быть членами партий, а сами партии не могут финансироваться из-за рубежа и от иностранцев.

Помимо партий, во Франции статусом политических организаций обладают и другие общественные объединения, которые поставили в качестве основной цели политического характера⁵³⁷. Аналогичный режим наблюдается и в Германии.

Особенностью партийной системы Мексики можно признать обязанность в процессе государственной регистрации представить партийный девиз и эмблемы. В Российской Федерации данный вопрос является полностью автономией самой партии и не имеет обязательного решения. В связи с этим, законодательство Мексики устанавливает ряд требований и запретов, связанных с индивидуализацией партий. В этой части можно

⁵³⁶ Германское право: справочное издание (Серия: Современное зарубежное и международное частное право) / пер. с нем.: А.А.Лизунов и др.; научн. ред. В.В.Залесский; авт. введения В.Бергман, Е.А. Суханов. – М.: Междунар. Центр фин.-эконом. развития, 1996. – Ч.1. Гражданское уложение = Teil I, Bürgerliches Gesetzbuch. – С. 19.

⁵³⁷ Беше-Головко К. Конституционная логика многопартийной системы Франции // Сравнительное конституционное обозрение. – 2010. – № 4. – С. 7.

обнаружить схожий российскому запрет на существование политических партий по религиозному мотиву.

Примечательно, что большинство субъектов Российской Федерации не наделяют территориальные представительства партий свойствами политико-правового статуса. Это выражается в том, что региональное избирательное законодательство всё же рассматривает политическую партию как единый субъект.

Так, Избирательный кодекс г. Москвы⁵³⁸ в своих общих положениях употребляет преимущественно термин «политическая партия». Однако в ч. 1 ст. 25 в рамках дефиниции избирательного объединения между партиями и региональными отделениями фактически поставлен знак равенства. В частности, избирательное объединение по московскому законодательству раскрывается либо в качестве соответствующей политической партии (тогда её правовой статус определяется по Федеральному закону № 95-ФЗ), либо в статусе регионального партийного отделения. К последнему варианту Избирательный кодекс Москвы ставит условие о том, что подобное представительное политическое партии должно быть создано в Москве. Более того, оно должно иметь государственную регистрацию, привязанную территориально к г. Москва.

Аналогичный подход прослеживается в п. 2.1 ст. 28 данного закона, в котором выделено право политических партий выдвигать кандидатов на выборы главы этого субъекта РФ. Точно такое же право принадлежит региональным партийным отделениям. Указанный подход заложен и в других нормах Избирательного кодекса г. Москвы: при выдвижении партийного списка на муниципальных выборах (п. 3.1 ст. 28), при составлении уполномоченным органом списков объединений, обладающих избирательными правами (п. 14 ст. 31), при установлении списка документов, необходимых для представления в уполномоченный орган (п. 4 ст. 33) и т.д.

Гораздо реже упоминаются региональные партийные отделения в нормах Избирательного кодекса Республики Татарстан⁵³⁹. В нём при уточнении механизма реализации избирательных прав и обязанностей говорится о политических партиях как о целостных организациях.

Тем самым можно констатировать, что между региональным законодательством и политической практикой возникло расхождение в понимании сущности территориальных партийных подразделений.

Указанный аспект выявляет другое институциональное противоречие. Так, выделяя отдельные свойства правосубъектности у региональных партийных отделений (по ст. 15 и ст. 27), закон, в сущности, вызвал затруднение в трактовке той дефиниции, которая заложена в п. 3 ст. 3. Аналогичным образом произошло с закреплением обязанности несения имущественной ответственности при нарушении партийных обязательств за региональными подразделениями (по п. 4 ст. 28).

⁵³⁸ Закон г. Москвы от 06.07.2005 № 38 (ред. от 17.05.2018) «Избирательный кодекс города Москвы» // Ведомости Московской городской Думы. – 19.08.2005. – № 8. – ст. 166; Вестник Мэра и Правительства Москвы. – № 27. – 22.05.2018.

⁵³⁹ Избирательный кодекс Республики Татарстан от 07.05.2007 № 21-ЗРТ (принят ГС РТ 05.04.2007) (ред. от 07.06.2018) // Ведомости Государственного Совета Татарстана. – 2007. – № 5. – ст. 384; Собрание законодательства Республики Татарстан. – 2018. – № 44 (часть I). – ст. 1602.

Получается, что в общих нормах Федерального закона № 95-ФЗ региональное партийное отделение рассматривается исключительно в качестве территориального структурного подразделения. Оно не наделено статусом организации, в отличие от политической партии в целом.

Более неоднозначный характер приобрела норма о факте создания регионального отделения. В частности, это выражается в решении, принятом уполномоченным руководящим органом политической партии. Такое решение, в свою очередь, выражает волевой акт в виде партийного намерения на образование определенного структурного подразделения применительно к конкретному субъекту РФ. Тем самым такое решение не выступает интересом лишь руководящего аппарата. Оно выражает волю всей партийной организации.

Кроме того, сам Федеральный закон № 95-ФЗ установил факт существования региональных партийных подразделений как обязательное институциональное условие создания всей политической партии. Тем самым следует говорить не о праве, а о партийной обязанности по принятию решения на образование собственных подразделений, как минимум, в половине субъектов федерации.

Лишь после регистрации партийного статуса, т.е. с уже имеющимся минимальным количеством региональных подразделений, политическая партия приобретает возможность образовывать другие свои территориальные представительства по мере возникновения такой потребности.

Получается, что базовое количество региональных партийных отделений образуются не при помощи решения руководящего органа партии, а при помощи другого обстоятельства. Таковым выступает прямое государственное требование. Партия лишь оформляет исполнение данной меры через соответствующий акт, составленный своим руководящим аппаратом.

Однако один признак волеспособности политической партии при создании региональных подразделений касается выбора соответствующего субъекта РФ. Речь идёт о том субъекте федерации, в котором партия решит разместить своё региональное представительство.

Выявленные противоречия предопределяют нарушения в толковании институциональных условий существования партий. В определённых случаях на практике судебные органы используют подобные коллизии в интересах административных органов, т.е. в интересах «партии власти»⁵⁴⁰.

Если брать категорию широты административных и судебных усмотрений, обозначенную в Постановлении ЕСПЧ от 26.04.2016 по делу «Народно-республиканская партия против Турции», то применительно к имущественным партийным возможностям она присутствует в полной мере в Российской Федерации, т.е. является дефектом институционализации.

⁵⁴⁰ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.05.2017 N Ф04-1278/2017 по делу N А03-14706/2016 «О взыскании с регионального отделения, а в случае недостаточности средств с политической партии в порядке субсидиарной ответственности долга по арендной плате и неустойки»; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.09.2017 N Ф09-4981/17 по делу N А76-25015/2016 «О взыскании долга по договорам оказания услуг, выполнения работ, при недостаточности или отсутствии денежных средств у регионального отделения партии взыскании их в порядке субсидиарной ответственности с всероссийской политической партии»; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 15.03.2017 N 07АП-1279/2017(1), 07АП-1279/2017(2) по делу N А03-14706/2016 «О взыскании с регионального отделения политической партии, а в случае недостаточности денежных средств с политической партии в порядке субсидиарной ответственности долга по арендной плате и неустойки».

Снятие обозначенных коллизий следует произвести, обративших к историческим особенностям российской партийной системы. Ещё в период выработки проекта Федерального закона № 95-ФЗ высказывались идеи о коллективной сущности политической партии. Она должна была стать не просто организационно-правовой формой, а неким политическим союзом. Причём такое объединение включало бы в себя именно региональные партийные структуры и даже целые общественные организации. Последние после 2001 г. подверглись ликвидации или реорганизации в связи с прекращением ряда их политических прав (в области выборов).

В настоящий момент подобная проблема сохранила свою актуальность в административно-судебной практике. Это вызвано не только чрезмерным количеством императивных государственных требований. Данный вопрос детерминирован также фактически образовавшимся имущественным статусом у региональных отделений политических партий. Тем самым требуется либо наделить их правами, которые свойственны политическим партиям, либо признать структурными подразделениями партий.

Собственно, именно практическая область становится особенностью отдельных субъектов РФ в части реализации партийных возможностей. Помимо имущественных аспектов и вопросов привлечения региональных отделений к ответственности, нередко возникают споры, связанные с основной партийной деятельностью – с выборами.

Во всех региональных законах, регламентирующих избирательную систему, подтверждено право партий участвовать в соответствующих выборах, которые проходят на территории субъекта федерации. Более того, для реализации данного конституционного права существует целая система гарантий, обозначенных в избирательном законодательстве. Однако административная практика демонстрирует отдельные неблагоприятные тенденции по использованию пробелов в законах о региональных и местных выборах в ущерб партийным интересам.

Так, примечателен случай отстранения представителей партии «Яблоко» на выборах, проходивших в Республике Карелия в 2006 г. В частности, это была избирательная кампания в республиканское законодательное собрание. Региональный избирательный комитет принял решение о снятии партийного списка кандидатов от данной организации в связи с выявленными несоответствиями устава партии избирательному законодательству. Речь шла о выделении в партийном уставе «Яблока» двух категорий членов. Одна группа – просто члены партии, а вторая категория – зарегистрированные партийные члены. Последние наделались большим объёмом внутрипартийных прав, поскольку обладали решающим голосом при решении внутренних вопросов политической партии. Получалось, что формирование списка кандидатов производилось не большинством голосов членов, а партийным меньшинством.

Примечательно, что региональные избирательные комитеты не наделены полномочиями по выявлению нарушений в уставах общенациональных политических партий. Эта прерогатива Министерства юстиции РФ. Однако именно действия Избирательного комитета Карелии лишили партию «Яблоко» участия в парламентских выборах.

Решить указанную проблему в административном порядке не удалось, хотя ЦИК РФ поддержал позицию данной политической партии. Но и обращение в судебные инстанции не позволило в оперативном виде вернуть

представителей «Яблоко» на региональные выборы, проходившие в Республике Карелия. Факт законности решения республиканского избиркома подтвердил и Верховный Суд Карелии, и Верховный Суд РФ⁵⁴¹. Такая позиция властей вынудила представителей данной партии обратиться в наднациональный институт защиты прав и свобод – в ЕСПЧ.

Лишь в 2016 г. было вынесено постановление, которым признавался факт незаконного отказа в участии партии «Яблоко» на парламентских выборах в Карелии. Это произошло ровно через десятилетие с момента, когда случилось само нарушение. Представители политической партии отметили, что данное решение не имеет практического эффекта, поскольку повлиять на республиканскую избирательную систему оно не сумеет. Однако был принципиален подход, что ограничение партийных прав в России нуждается в соответствующем международном признании.

Вместе с тем, в европейской системе прав и свобод нет указания на какие-либо коллективные субъекты, в том числе на политические партии. Поэтому ЕСПЧ констатировал лишь нарушение избирательных прав относительно граждан, являющихся партийными членами⁵⁴². В частности, было подчеркнуто несоблюдение ст. 3, содержащейся в протоколе 1 к Европейской конвенции о защите прав человека. В данной норме говорится о субъективном праве на свободные выборы, которое в рамках возникшего прецедента стало распространяться на всю партийную структуру.

Подобная оценка ЕСПЧ избирательных процессов, происходящих в субъектах РФ, побуждает политические партии проецировать международную судебную практику на последующие выборы, в том числе на федеральном уровне. Например, в 2016 г. партия «Яблоко» пыталась признать недействительными в судебном порядке результаты проведенных выборов в Государственную Думу, однако решением Верховного Суда РФ было отказано в этом требовании⁵⁴³. После очередной попытки обжаловать данную позицию⁵⁴⁴ партия «Яблоко» заявила о готовности обратиться в ЕСПЧ с целью признать факты многочисленных нарушений на прошедших парламентских выборах⁵⁴⁵.

Помимо избирательного законодательства и практики его реализации, субъекты федерации наделены полномочиями в области воплощения гарантий по реализации отдельных парламентских прав политических партий. Сегодня можно сказать, что данные полномочия являются обязанностью субъектов РФ, поскольку в п.2 ст. 26.2 Федеральном законе

⁵⁴¹ Решение Верховного Суда РФ от 02.10.2006 № ГКПИ06-1324 «Об оставлении без удовлетворения заявления об отмене Постановления Центризбиркома РФ от 19.09.2006 № 186/1178-4 «О жалобе С.С. Митрохина, председателя регионального отделения в городе Москве Российской объединенной демократической партии «ЯБЛОКО» // Вестник Центризбиркома РФ. – № 11. – 2006.

⁵⁴² Постановление ЕСПЧ от 08.11.2016 «Дело «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко» и другие (Yabloko Russian United Democratic Party and Others) против Российской Федерации» (жалоба N 18860/07) // Электронно-справочная правовая система «Консультант Плюс», доступ – под паролем.

⁵⁴³ Решение Верховного Суда РФ от 29.11.2016 N АКПИ16-1123 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующим Постановления ЦИК России от 23.09.2016 N 56/541-7».

⁵⁴⁴ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 14.03.2017 N АПЛ17-29 «Об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ от 29.11.2016 N АКПИ16-1123, которым было оставлено без удовлетворения заявление о признании недействующим Постановления ЦИК России от 23.09.2016 N 56/541-7».

⁵⁴⁵ «Яблоко» задумалось об обращении в ЕСПЧ по поводу итогов выборов в Госдуму // По данным информационного агентства «Интерфакс» [Электронный адрес] <http://www.interfax.ru/russia/539114> Доступ – свободный. Дата обращения: 13.07.2018.

№ 95-ФЗ содержится соответствующее требование о необходимости регламентации участия непарламентских партий в пленарных заседаниях региональных законодательных собраний.

Существует лишь два варианта правового регулирования данного вопроса. Первый – это принятие соответствующего закона в субъекте федерации. Однако на сегодняшний день ни в одном регионе не использован данный способ регламентации партийного права.

Второй вариант – это установление права политических партий на участие в отдельных заседаниях регионального парламента в регламентах, содержащих основы законодательной деятельности в субъекте РФ. Практически во всех действующих регламентах законодательных собраний содержится отдельная норма, уточняющая порядок осуществления указанного партийного права.

Так, в Регламенте Государственного Совета Республики Татарстан⁵⁴⁶ этому посвящена ст. 46.1. Реализация права на участие в пленарном заседании Государственного Совета возможна лишь один раз в календарный год. На этом фоне следует отметить, что в п. 2 ст. 26.2 Федерального закона № 95-ФЗ установлено ограничение «не менее одного раза в год», что позволяет субъектам РФ увеличивать количество подобных случаев.

Кроме того, по ст. 46.1 Регламента Государственного Совета Республики Татарстан решение о предоставлении права на участие в пленарном заседании партиям, не представленным в республиканском парламенте, выносится Президиумом Государственного Совета. В этом аспекте наблюдается некоторое расхождение с федеральной нормой, согласно которой весь порядок реализации данного партийного права, включая сами вопросы, в обсуждении которых принимают участие непарламентские партии, должен определяться либо в законе субъекта РФ, либо в регламенте его законодательного собрания. Тем самым в Республике Татарстан можно наблюдать закрепление широкого усмотрения Президиума Государственного Совета в допуске непарламентских партий на пленарные заседания.

Последнее выражается также в том, что именно Президиум Государственного Совета Татарстана определяет, какие вопросы и в каком порядке будут рассматриваться при участии представителей непарламентских партий. Такая норма из п. 4 ст. 46.1 Регламента Государственного Совета Республики Татарстан прямо нарушает требование ст. 26.2 Федерального закона № 95-ФЗ касательно правовой определенности в реализации рассматриваемого партийного права.

Впрочем, встречаются регламенты региональных законодательных собраний, в которых вообще не уточняется механизм реализации права политических партий на участие в пленарных заседаниях. Например, в ст. 52 Регламента Законодательного Собрания Свердловской области⁵⁴⁷ сказано лишь о праве политических партий, не представленных в данном органе, присутствовать на открытом заседании не менее одного раза в год.

⁵⁴⁶ Постановление Государственного Совета Республики Татарстан от 26.02.2004 № 2632 (ред. от 21.12.2017) «О Регламенте Государственного Совета Республики Татарстан» // Ведомости Государственного Совета Татарстана. – 2004. – № 2 (1 часть); Собрание законодательства Республики Татарстан. – 2018. – № 1 (часть I). – ст. 0008.

⁵⁴⁷ Постановление Законодательного Собрания Свердловской области от 16.12.2014 № 1924-ПЗС (ред. от 06.06.2017) «О Регламенте Законодательного Собрания Свердловской области» // Собрание законодательства Свердловской области. – 2015. – № 12-4 (2014). – ст. 1931; Областная газета. – № 101. – 08.06.2017.

Однако кто принимает подобное решение и в каком порядке – Регламент Заксобрания Свердловской области умалчивает, делая отсылку к федеральному законодательству.

Указанные варианты партийного доступ к региональным парламентам говорят о том, что с момента его появления не произошло существенного развития в воплощении данной гарантии. Тем самым в современной политической реальности даже при наличии порядка реализации рассматриваемого права могут присутствовать значительные барьеры, связанные с политикой, проводимой отдельно взятым субъектом РФ.

Для преодоления этого дефекта необходимо более подробно расписать в регламентах законодательных собраний субъектов РФ критерии принятия решений о допуске представителей политических партий к участию на пленарных заседаниях. В частности, указать основания, по которым партийной организации может быть отказано в реализации данного права (при наличии нарушений парламентской дисциплины в предыдущие периоды, при наличии систематических нарушений в исполнении обязанностей регионального отделения и т.п.).

Также требуется увеличить количество партийного участия в пленарных слушаниях региональных парламентов с установленного федерального ограничения в виде одного раза за год до нескольких раз, особенно по вопросам, имеющим для субъекта федерации особую значимость (например, принятие бюджета). Это повысит демократичность законодательных собраний, особенно в тех регионах, чьи конституции и уставы постулируют такой принцип.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политические партии в современных политических системах претерпевают трансформацию их функций. Определение партий как исключительно массовых политических организаций уступает место пониманию партий как институтов структурирующих процесс принятия решений. Угасание заинтересованности граждан в партийном членстве является одним из проявлений трансформации партий. Эти процессы непосредственно определяют современную институционализацию партий, в том числе и в России.

Определяющее значение в институционализации имеет содержательный компонент. Развитие политических партий во многом зависит от их формального признания со стороны государства, что фактически означает формирование и поддержку партийной системы. Вместе с тем формализация института политических партий не рассматривается сегодня в качестве единственного показателя обретения соответствующей институциональной формы.

Основой институционализации выступают сами партийные отношения, объединяющиеся в определенные виды по системному признаку. Обретение ими юридической формы рассматривается как реакция государства на потребность в императивном регулировании данных отношений, т.е. проявление политического интереса к силам, которые могут стать конкурентами для правящей элиты.

Институциональный подход, выступивший основным в данной работе, позволяет проанализировать процесс институционализации партий не только с правовой стороны, но и с точки зрения влияния неформальных институтов. В данном ракурсе большой интерес представляет анализ институционализации партий через призму условий межпартийной конкуренции.

Конституционные принципы плюралистической демократии, многопартийности и требования относительно светского государства всегда должны трактоваться в аспекте свобод, принадлежащих политическим партиям с учетом исторического развития страны. Это не означает, что должен учитываться контекст именно национального и конфессионального состава общества, включая особенности во взаимодействии между государством, политической властью, этническими группами и различными религиозными конфессиями.

Формирование сбалансированной системы ограничений электоральной конкуренции является важнейшей задачей любого государства. С одной стороны, правила электоральной борьбы должны упорядочивать соперничество партий. С другой стороны, ограничение электоральной конкуренции не должны создавать барьеры для институционализации новых партий, выражающие значимые конструктивные общественные интересы.

Содержанием институционализации политических партий выступает отображение воли правящей политической группы в систематизации партийных отношений, их стабилизации для устойчивого формирования и выражения интереса граждан в специализированных политических объединениях. Поэтому любые институциональные процессы в области партийных отношений напрямую связаны с политическими тенденциями в стране. Сложившийся институт политических партий в России является

отражением воли акторов государственной политики, в рамках которой происходит определение требований к их деятельности для планомерного ограничения электоральной конкуренции.

История российского партогенеза, несомненно, связана с высокой ролью государства и формированию партий «сверху». Советский опыт формирования однопартийной системы отразился в формировании современной российской партийной системы с доминирующей партией.

Институционализация российских партий затрагивает не только этапы по законодательному оформлению статуса партийных организаций, но и развитие внутрипартийного (корпоративного) нормотворчества при помощи устава, внутренних регламентов, решений и прочих документов, содержащих правила поведения для участников партийных отношений. Соответственно, рассматривать только правовое регулирование деятельности политических партий как их институционализацию, по моему мнению, чрезмерно узкий подход, не отражающий действительного масштаба политической реальности.

Конституционное закрепление любых положений о политических партиях следует рассматривать как факт признания со стороны государства их субъектности. Примечательно при этом, что даже отсутствие специального законодательства, посвященного партийным отношениям, не может считаться поводом к сомнениям в наличии партийных организаций как участников политических процессов, происходящих в стране. Кроме того, указание в конституциях на возможность существования политических партий уже следует понимать как оформление института, представляющего значимость для государства и общества.

Институционализация не ограничивается только формированием соответствующих требований к партиям. Она затрагивает также консолидированный интерес граждан при участии в партийных и межпартийных отношениях, что имеет гораздо более широкий диапазон регулирования, нежели подход, отождествляющий партии исключительно с организационно-правовой формой юридического лица.

Этапы институционализации партий в постсоветской России были следующие. На первом этапе партогенеза с конца 80-х до 1993 года российский партии лишь оформлялись в качестве зачаточных объединений. На втором этапе с 1993 по 1999 год российские партии значительно продвинулись вперед в институциональном плане, однако партийная система оставалась хаотичной. С 2000 года и по настоящее время российская власть активно выстраивала «вертикаль власти», где «партия власти» стала важнейшим институтом политической системы общества.

С одной стороны, отсутствие специальных требований на протяжении 90-х гг. означает в формальном ключе недостаточную институционализацию партийных отношений. С другой стороны, увеличение нормативного материала в области политических партий с 2001 г. снижает уровень их саморегулирования, расширяя возможности государства по воздействию на партийные отношения.

Российский институт политических партий в этой плоскости занимает среднее положение. Прежде всего, наличие массива специальных требований делает институциональную среду для партийных организаций более инвариантной. Достаточно соблюдать ряд формальных условий,

чтобы образовать политическую партию в её оформленном виде. Однако фактически реализовать основные партийные функции, прежде всего, по отношению к электорату, вызывает значительные сложности, обострённые политическими нормами.

Следовательно, степень институционализации политических партий в Российской Федерации формируется из следующих показателей: характера и стабильности государственных требований, их идеологической основы, административно-бюрократической практики и соразмерности в установлении требований к статусу партийных организаций, достигаемой за счёт особенностей реализации конституционного права граждан на объединение.

Процесс институционализации политических партий подразумевает, что некоторые партии более сильно институционализированы, а некоторые партии институционализированы в меньшей степени. Для более точного определения данных различий предлагается использовать критерии институционализации партий: длительность существования партии, уровень электоральной поддержки, обладание ее представителями депутатскими местами в органах власти разного уровня и муниципальных органах, наличие внутрипартийных конфликтов и расколов. Для российских партий не свойственно обладание должностями в органах исполнительной власти, поэтому данный критерий не включен в указанный выше перечень.

В современной России именно «партия власти» достигла наивысших показателей политической институционализации. «Единая Россия» доминирует в Государственной Думе РФ. Ее фракции также доминируют в органах представительной власти субъектов России и в органах представительной власти муниципального уровня.

Институционализация внепарламентских российских политических партий затрудняется высокими ограничениями электоральной конкуренции. Об этом говорит как неизменный состав партий в Государственной Думе РФ, так и активизация оппозиционной активности в рамках митингов, шествий и демонстраций. В последнее время большие вопросы возникают по поводу регулирования процедуры выдвижения кандидатов и проверке подписей граждан, которые собираются кандидатами для выдвижения. Таким образом, система ограничений конкуренции благотворно влияет на высокий уровень институционализации парламентских партий, но одновременно не дает институционализироваться новым партиям.

Кроме того, представляется откровенно сомнительным преследование политических партий в период предвыборных процедур, в рамках которых в российской избирательной системе и без того сложились весьма жёсткие условия отбора партийных организаций на парламентские выборы. Например, введение моратория на административное судопроизводство в отношении партий, изъявивших желание участвовать в региональных или федеральных выборах, а именно: в период регистрации списка кандидатов. Тем самым малочисленные политические игроки, на мой взгляд, получают иммунитет от необходимого использования процессуальных инструментов борьбы государства с оппозиционными силами.

Вместе с тем значительное увеличение числа политических партий после 2012 г. (77 организаций) не позволяет говорить о возможности их беспрепятственного допуска к избирательному процессу. В этой связи, на мой взгляд,

прослеживается определённая институциональная «ловушка» в рамках механизма государственного воздействия на партийные отношения.

С одной стороны, у общества имеется вполне состоятельное требование о приемлемых критериях для государственной регистрации партий, что получило отражение в нынешней редакции Федерального закона № 95-ФЗ.

С другой стороны, усиление барьеров в предвыборный период нивелирует существование десятка политических партий, не сумевших попасть в парламентскую систему Российской Федерации даже на региональном уровне. Тем самым «либерализация» партийного законодательства произошла за счёт ужесточения избирательного права, которое в конституционном смысле представляет большую ценность для рядового гражданина, чем организация партийной деятельности. Тем самым, несмотря на изменение требований к партийной деятельности, правила участия в выборах остаются непрозрачными.

Исходя из этого, можно предположить, что либерализация партийного законодательства Российской Федерации на современном этапе носит срочный характер и с изменением государственной политики последует постепенный возврат к прежней императивной модели партийных корпоративных форм.

Требования, предъявляемые Конституцией РФ к государству, равным образом должны распространяться на все партийные структуры. Недопустимо существование политических партий с авторитарно-корпоративным стилем внутреннего управления на фоне постулируемых ею же демократических ценностей. Тем самым практика, при которой партийные члены разделены на некие категории по принципу значимости их голосов, нарушает принципы политической системы, в которой функционируют институты гражданского общества. При этом не стоит отрицать критерий численного большинства, сопровождающийся наложением должного объёма политической ответственности за принимаемые партиями решения.

Партийная деятельность должна считаться олицетворением высшей формы гражданского общества. В ней выражаются индикаторы происходящей демократизации отечественной политической системы. Учитывая общепризнанный принцип самоуправления, именно политические партии обязаны демонстрировать прогресс в самостоятельном успешном решении собственных задач по управлению государственными делами. Тем самым от политической эффективности партийных структур сегодня зависит уровень гражданского сознания и способности выражать политические интересы электората, а не выдавать собственные частные амбиции за волю общества.

Дальнейшая либерализация партийного законодательства должна сопровождаться созданием равных и честных условий межпартийной конкуренции. Гарантом равенства должна стать независимая судебная система. Кроме того, необходимы меры по совершенствованию механизмов регистрации избирателей и подсчёта голосов. Будущее российской политической системы напрямую зависит от ее способности учитывать существующие и возникающие вновь запросы и требования граждан. Политические партии являются уникальным институтом, связывающим общество и власть. Институционализация российских партий – это важнейший процесс создания канала взаимодействия общества и элиты. От успешности институционализации партий зависит устойчивость всей политической системы России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

I. Нормативные правовые акты и официальные документы

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. от 21.07.2014) // Российская газета. № 237. 1993; Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 30 (Часть I). ст. 4202.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. ст. 163.
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 1831.
4. Декларация прав и свобод человека (утв. СНД СССР 05.09.1991 N 2393-1) // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 37. ст. 1083.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. (в ред. от 23.06.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1; 2016. № 26 (Часть I). ст. 3891.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.06.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. ст. 2954; Российская газета. № 139. 28.06.2016.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации / Часть первая, от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301; 2016. № 27 (часть II). ст. 4287.
8. Федеральный закон от 23.05.2015 N 133-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и в Федеральный закон «О политических партиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 21. – ст. 2985.
9. Федеральный закон от 2 мая 2012 г. N 41-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с освобождением политических партий от сбора подписей избирателей на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. N 19. ст. 2275.
10. Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ (ред. от 05.04.2016) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 8. ст. 740; 2016. № 15. ст. 2054.
11. Федеральный закон от 20.12.2004 N 168-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» // Собрание законодательства РФ», 27.12.2004, N 52 (часть 1), ст. 5272.
12. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. от 03.07.2016 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. ст. 3822; 2016. № 27 (Часть I). ст. 4231.

13. Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О выборах Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 2. – ст. 171; 2015, N 29 (часть I), ст. 4357.

14. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 05.04.2016) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 24. – ст. 2253; 2016, N 15, ст. 2054.

15. Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 09.03.2016) «О политических партиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 29. – ст. 2950; 2016. – № 11. – ст. 1493.

16. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42. ст. 5005; 2016. № 27 (Часть I). ст. 4231.

17. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 09.03.2016) «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. ст. 145; 2016. № 11. ст. 1494.

18. Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 02.06.2016) «Об общественных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 21. – ст. 1930; 2016. – № 23. – ст. 3303.

19. Федеральный закон от 08.05.1994 N 3-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. N 2. ст. 74; 2016. N 27 (часть II). ст. 4244.

20. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. (ред. от 02.11.2016) № 2134-ПГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 801; 2016. № 26. Ст. 3090.

21. Постановление ЦИК России от 22.06.2016 № 13/108-7 (ред. от 12.07.2016) «О вопросах, связанных с оформлением, приемом и проверкой подписных листов с подписями избирателей, собранными в поддержку выдвижения федеральных списков кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва» // Вестник ЦИК России. 2016. № 11.

22. Постановление ЦИК России от 22.06.2016 № 13/109-7 «О вопросах, связанных с оформлением, приемом и проверкой окружной избирательной комиссией подписных листов с подписями избирателей, собранными в поддержку выдвижения (самовыдвижения) кандидата в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва» // Вестник ЦИК России. 2016. № 11.

23. Приказ Минюста России от 29.01.2015 № 13 «Об утверждении образцов документов, представляемых в Министерство юстиции Российской Федерации (его территориальный орган) для государственной регистрации политической партии и ее регионального отделения» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 09.02.2015.

24. Приказ Минюста России от 30.12.2011 № 456 (ред. от 31.05.2016) «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством юстиции Российской Федерации государственной функции по осуществлению контроля за соответствием деятельности некоммерческих организаций уставным целям и задачам, филиалов и представительств международных организаций, иностранных некоммерческих неправительственных организаций заявленным целям и задачам, а также за соблюдением ими законодательства Российской Федерации» // Российская газета. № 58. 16.03.2012; Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 29. 18.07.2016.

25. Федеральный закон от 18.05.2005 № 51-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 21. – ст. 1919; 2013. – № 27. – ст. 3439. (утратил силу).

26. Федеральный закон от 21.06.1995 N 90-ФЗ (с изм. от 17.11.1998) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 26. – ст. 2398; 1999. – № 26. – ст. 3178. (утратил силу).

27. Основные государственные законы Российской империи, Высочайше утвержденные Императором 23 апреля 1906 г. // Собрание узаконений Российской империи. – 1906. – Отд. 1-е. – № 98. – Ст. 603. (утратили силу).

28. Временные правила об обществах и союзах: Именной высочайший Указ Правительствующему Сенату от 4 марта 1906 г. // Собрание узаконений Российской империи. – 1906. – Отд. 1-е. – № 48. – Ст. 308. (утратили силу).

29. Временные правила о собраниях: Именной высочайший Указ Правительствующему сенату от 4 марта 1906 г. // Там же. Собрание узаконений Российской империи. – 1906. – Отд. 1-е. – № 48. – Ст. 309. (утратили силу).

30. Учреждение Государственной думы: Манифест от 20 февраля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1906. – Собр. 3-е. – Т. XXVI. – Отд. 1-е. – Ст. 27424. (утратил силу).

31. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики: Принята на внеочередной сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апреля 1978 г. – М.: Известия, 1993. – 126 с. (утратила силу).

32. Постановление Верховного Совета СССР от 09.10.1990 № 1709-1 «О введении в действие Закона СССР «Об общественных объединениях» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1990. – № 42. – ст. 840. (утратило силу).

33. Конституция Французской Республики от 4 октября 1958 г. // Конституции зарубежных стран: сборник / сост., предисл. В.Н. Дубровин. – М.: Юрлитинформ, 2003. – С. 49–65.

34. Конституция Итальянской Республики: Одобрена решением Учредительного собрания в заседании 22 декабря 1947 г. – С. 69–92.

35. Союзный конституционный закон от 1 октября 1920 г. (Конституция Австрии) // Конституции буржуазных государств Европы / пер. под ред. Г.С. Гурвича. – М.: Изд-во иностр. лит., 1957. – С. 14–73.

36. Конституция Соединенных Штатов Америки: Принята Конвентом 17 сентября 1787 г. // Конституции зарубежных стран: сборник / сост., предисл. В.Н. Дубровин. – С. 240–257.

37. Закон Украины «О политических партиях в Украине» // Офіційний вістник України. – 2001. – № 17. – Ст. 728.
38. Устав Волгоградской области от 24.02.2012 N 1-ОД (принят Волгоградской областной Думой 14.02.2012) (ред. от 23.05.2018) // Волгоградская правда. – № 35. – 29.02.2012; № 61. – 01.06.2018.
39. Конституция Чеченской Республики (принята на референдуме 23.03.2003) (ред. от 17.01.2016) // Вести Республики. – № 18. – 29.03.2003; № 22. – 09.02.2016.
40. Конституция Кабардино-Балкарской Республики от 01.09.1997 № 28-РЗ (принята Парламентом КБР 01.09.1997) (ред. от 19.10.2015) // Кабардино-Балкарская правда. – № 177. – 09.09.1997; Официальная Кабардино-Балкария. – № 42. – 23.10.2015.
41. Устав (Основной Закон) Алтайского края от 05.06.1995 № 3-ЗС (ред. от 01.12.2015) // Алтайская правда, N 235, 20.10.1999; Сборник законодательства Алтайского края, № 236, ч. 1, декабрь, 2015, с. 61.
42. Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия (принято Конституционным Собранием РК – ХТ 05.04.1994) (ред. от 09.06.2018) // Ведомости Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия. – 1996. – стр. 10; Хальмг унн. – № 99-100. – 14.06.2018.
43. Конституция Республики Бурятия от 22.02.1994 (принята Верховным Советом РБ 22.02.1994) (ред. от 09.05.2018) // Бурятия. – № 43. – 09.03.1994; Официальный Интернет-портал Правительства Республики Бурятия www.egov-buryatia.ru, 10.05.2018.
44. Конституция Республики Башкортостан от 24.12.1993 № ВС-22/15 (ред. от 04.03.2014) // Ведомости Верховного Совета и Правительства Республики Башкортостан. 1994. № 4 (22). ст. 146; Ведомости Государственного Собрания – Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. 24.03.2014. № 9(447). ст. 419.
45. Конституция Республики Татарстан от 06.11.1992 (ред. от 22.06.2012) // Республика Татарстан. – № 87-88. – 30.04.2002; № 125-126. – 26.06.2012.
46. Конституция (Основной закон) Республики Саха (Якутия) (ред. от 08.06.2012) (принята на внеочередной одиннадцатой сессии Верховного Совета Республики Саха (Якутия) двенадцатого созыва постановлением от 04.04.1992 N 908-ХІІ) (Текст Конституции (Основного закона) РС(Я) утвержден Законом РС(Я) от 17.10.2002 54-3 N 445-II) // «Якутские ведомости», N 7, 26.04.1992; «Ил Тумэн» – 22.06.2012.
47. Конституция Республики Карелия (принята ВС КАССР 30.05.1978, изложена в новой редакции Законом РК от 12.02.2001 N 473-ЗРК) (ред. от 10.02.2016) // Собрание законодательства РК. № 2. 2001. ст. 106; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 11.02.2016.
48. Избирательный кодекс Республики Татарстан от 07.05.2007 № 21-ЗРТ (принят ГС РТ 05.04.2007) (ред. от 07.06.2018) // Ведомости Государственного Совета Татарстана. – 2007. – № 5. – ст. 384; Собрание законодательства Республики Татарстан. – 2018. – № 44 (часть I). – ст. 1602.
49. Закон г. Москвы от 06.07.2005 № 38 (ред. от 17.05.2018) «Избирательный кодекс города Москвы» // Ведомости Московской городской Думы. – 19.08.2005. – № 8. – ст. 166; Вестник Мэра и Правительства Москвы. – № 27. – 22.05.2018.

50. Постановление Законодательного Собрания Свердловской области от 16.12.2014 N 1924-ПЗС (ред. от 06.06.2017) «О Регламенте Законодательного Собрания Свердловской области» // Собрание законодательства Свердловской области. – 2015. – № 12-4 (2014). – ст. 1931; Областная газета. – № 101. – 08.06.2017.

51. Постановление Государственного Совета Республики Татарстан от 26.02.2004 № 2632 (ред. от 21.12.2017) «О Регламенте Государственного Совета Республики Татарстан» // Ведомости Государственного Совета Татарстана. – 2004. – № 2 (1 часть); Собрание законодательства Республики Татарстан. – 2018. – № 1 (часть I). – ст. 0008.

52. Постановление ЕСПЧ от 08.11.2016 «Дело «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко» и другие (Yabloko Russian United Democratic Party and Others) против Российской Федерации» (жалоба N 18860/07) // Электронно-справочная правовая система «Консультант Плюс», доступ – под паролем.

53. Постановление Европейского Суда по правам человека от 12.04.2011 «Дело «Республиканская партия России (Republican party of Russia) против Российской Федерации» (жалоба № 12976/07). По делу заявитель жалуется на отказ российских властей внести изменения в ЕПРЮЛ, а также на ликвидацию партии Верховным Судом РФ по причине несоблюдения ею требований о минимальной численности и минимальном количестве региональных представительств. По делу допущено нарушение требований ст. 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 12.

54. Информация о Постановлении Европейского Суда по правам человека от 26.04.2016 по делу «Народно-республиканская партия (Cumhuriyet Halk Partisi) против Турции» (жалоба № 19920/13). По делу обжалуется непредсказуемая с правовой точки зрения и поэтому незаконная конфискация активов политической партии. По делу допущено нарушение требований статьи 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2016. № 9 (171).

55. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.04.2014 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», части шестой статьи 29 Федерального закона «Об общественных объединениях» и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда «Костромской центр поддержки общественных инициатив», граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренского и В.П. Юкечева» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2014. № 4.

56. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2007 № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой политической партии «Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 30. ст. 3989.

57. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 01.02.2005 № 1-П «По делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 3 и пункта 6 статьи 47 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой общественно-политической организации «Балтийская республиканская партия» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2005. № 1.

58. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2004 N 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина» // Вестник Конституционного Суда РФ, N 1, 2005.

59. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 1251-О «По жалобе гражданина Тюлькина Виктора Аркадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 25 Федерального закона «О политических партиях» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2013. № 1.

60. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 14.03.2017 N АП117-29 «Об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ от 29.11.2016 N АКПИ16-1123, которым было оставлено без удовлетворения заявление о признании недействующим Постановления ЦИК России от 23.09.2016 N 56/541-7» // Документ официально не опубликован. СПС «Консультант Плюс» – Электронный ресурс, доступ – свободный.

61. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.04.2012 № АКПИ12-588 «Дело о ликвидации политической партии прекращено в связи с отказом истца от заявленных требований и принятия данного отказа судом; произведен поворот исполнения решения суда» // Документ официально не опубликован. СПС «Консультант Плюс» – Электронный ресурс, доступ – свободный.

62. Определение Верховного Суда РФ от 16.01.2007 по делу N 12-Г06-11 «Дело о ликвидации республиканского отделения политической партии и исключении данных о нем из ЕГРЮЛ передано на новое рассмотрение, поскольку суд первой инстанции неправильно определил обстоятельства, имеющие значение для дела, выводы, изложенные в решении суда первой инстанции, не соответствуют обстоятельствам дела» // Документ официально не опубликован. СПС «Консультант Плюс» – Электронный ресурс, доступ – свободный.

63. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 06.04.2005 № 86-Г05-15 «В удовлетворении заявления об отмене регистрации кандидата в депутаты отказано правомерно, поскольку не нашли подтверждения доводы заявителя о том, что печатные агитационные материалы выпускались и размещались с целью создания положительного образа кандидата в депутаты» // Документ официально не опубликован. СПС «Консультант Плюс» – Электронный ресурс, доступ – свободный.

64. Решение Верховного Суда РФ от 05.12.2017 по делу N АКПИ17-1000 «О ликвидации политической партии в связи с несоответствием количества региональных отделений партии требованиям пп. «а» п. 2 ст. 3 ФЗ «О политических партиях» // Документ официально не опубликован. СПС «Консультант Плюс» – Электронный ресурс, доступ – свободный.

65. Решение Верховного Суда РФ от 29.11.2016 N АКПИ16-1123 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующим Постановления ЦИК России от 23.09.2016 N 56/541-7» // Документ официально не опубликован. СПС «Консультант Плюс» – Электронный ресурс, доступ – свободный.

66. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 09.08.2016 № АКПИ16-735 «Требование удовлетворено, поскольку осуществление партий экстремистской деятельности влечет за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда общественному порядку, общественной безопасности, законным интересам физических и юридических лиц, обществу и государству и создает реальную угрозу причинения такого вреда» // Документ официально не опубликован. СПС «Консультант Плюс» – Электронный ресурс, доступ – свободный.

67. Решение Верховного Суда РФ от 02.10.2006 № ГКПИ06-1324 «Об оставлении без удовлетворения заявления об отмене Постановления Центризбиркома РФ от 19.09.2006 № 186/1178-4 «О жалобе С.С. Митрохина, председателя регионального отделения в городе Москве Российской объединенной демократической партии «ЯБЛОКО» // Вестник Центризбиркома РФ. – № 11. – 2006.

68. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.05.2017 N Ф04-1278/2017 по делу N А03-14706/2016 «О взыскании с регионального отделения, а в случае недостаточности средств с политической партии в порядке субсидиарной ответственности долга по арендной плате и неустойки» // Документ официально не опубликован. СПС «Консультант Плюс» – Электронный ресурс, доступ – свободный.

69. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.09.2017 N Ф09-4981/17 по делу N А76-25015/2016 «О взыскании долга по договорам оказания услуг, выполнения работ, при недостаточности или отсутствии денежных средств у регионального отделения партии взыскании их в порядке субсидиарной ответственности с всероссийской политической партии» // Документ официально не опубликован. СПС «Консультант Плюс» – Электронный ресурс, доступ – свободный.

70. Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 03.07.2014 по делу № А19-17119/2013 «В удовлетворении требования отказано, поскольку специальный избирательный счет по своей правовой природе отвечает всем признакам счета, понятие которого приведено в статье 11 НК РФ, так как подразумевает заключение договора банковского счета, на основании которого подлежит открытию, возможность зачисления и расходования денежных средств с него» // Документ официально не опубликован. СПС «Консультант Плюс» – Электронный ресурс, доступ – свободный.

71. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.06.2006 по делу № А26-624/2006-25 «Отказывая ФСС РФ во взыскании с регионального отделения политической партии штрафа за повторное в течение одного года нарушение срока представления расчетной ведомости по средствам фонда, суд сделал ошибочный вывод о том, что в решении ФСС РФ о привлечении отделения к ответственности не указано, что последним допущено повторное нарушение сроков представления установленной отчетности, и отсутствуют данные о том, какими документами и сведениями это обстоятельство подтверждается» // Документ официально не опубликован. СПС «Консультант Плюс». – Электронный ресурс, доступ – свободный.

72. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 15.03.2017 N 07АП-1279/2017(1), 07АП-1279/2017(2) по делу N А03-14706/2016 «О взыскании с регионального отделения политической партии, а в случае недостаточности денежных средств с политической партии в порядке субсидиарной ответственности долга по арендной плате и неустойки» // Документ официально не опубликован. СПС «Консультант Плюс» – Электронный ресурс, доступ – свободный.

73. Апелляционное определение Московского городского суда от 10.07.2014 по делу № 33-27725 «В удовлетворении требования отказано, поскольку наименование политической партии не соответствует требованиям законодательства РФ» // Документ официально не опубликован. СПС «Консультант Плюс» – Электронный ресурс, доступ – свободный.

74. Определение Московского городского суда от 15.12.2014 N 4г/6-12092 «Об отказе в передаче кассационной жалобы на судебные акты по делу по заявлению на неправомерные действия уполномоченного органа об отказе в регистрации политической партии при ее создании» // Документ официально не опубликован. СПС «Консультант Плюс» – Электронный ресурс, доступ – свободный.

75. Постановление Астраханского областного суда от 12.02.2016 № 4а-7/2016 «Об отмене актов о привлечении к ответственности по ст. 5.64 КоАП РФ (нарушение порядка (срока) представления сведений о поступлении и расходовании средств политической партии...)» // Документ официально не опубликован. СПС «Консультант Плюс» – Электронный ресурс, доступ – свободный.

76. Решение Кемеровского областного суда от 17.07.2015 по делу № 3-386/2015 «Требования о ликвидации с исключением из ЕГРЮЛ регионального отделения политической партии удовлетворены, поскольку не были устранены нарушения, связанные с непредоставлением сведений о поступлении и расходовании средств политической партии» // Документ официально не опубликован. СПС «Консультант Плюс» – Электронный ресурс, доступ – свободный.

77. Апелляционное определение Владимирского областного суда от 26.08.2014 по делу № 33-3182/2014 «В удовлетворении заявления об отмене регистрации кандидата на должность главы города отказано правомерно, поскольку на дату принятия решения о выдвижении лица кандидатом на должность главы города и на дату его регистрации в качестве кандидата на эту должность он не являлся членом всероссийской политической партии, поэтому мог быть выдвинут кандидатом в депутаты другой политической партией» // Документ официально не опубликован. СПС «Консультант Плюс» – Электронный ресурс, доступ – свободный.

78. Кассационное определение Костромского областного суда от 05.10.2011 № 33-1492 «В удовлетворении исковых требований о регистрации обращений и предоставлении ответов отказано правомерно, поскольку действующим законодательством на политические партии не возложена обязанность регистрации обращений граждан и направления на них ответов» // Документ официально не опубликован. СПС «Консультант Плюс» – Электронный ресурс, доступ – свободный.

II. Монографии, учебники, учебные пособия

79. 25 лет назад (Из дневника Л.А. Тихомирова) // Красный архив: Исторический журнал. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. – Т.Четвертый-пятый (сорок первый-сорок второй). – С.104–147.

80. Аверьянов, А.М. Комментарий к Федеральному закону «О политических партиях» / А.М. Аверьянов, Н.А. Васецкий, Ю.К. Малов. – М.: Юрайт-М, 2002. – 128 с.

81. Бержель, Ж.-Л. Общая теория права / под общ. ред. В.И. Даниленко. – М.: Nota Bene, 2000. – 576 с.

82. Братановский С.Н., Завгородний М.А. Политические партии как субъекты административного права. Монография. Саратов: Электронно-библиотечная система IPRbooks, 2012. – 193 с.

83. Братановский, С.Н. Административно-правовое регулирование организации и деятельности политических партий в Российской Федерации / С.Н. Братановский, Д.В. Развеев. – М.: Директ-Медиа, 2012. – 207 с.

84. Бурдые П. Социология политики [Пер. с фр., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко]. – М.: Социо-Логос, 1993. 336 с.

85. Васильцов, С.И. Думские партии в системе социально-политических институтов / С.И. Васильцов, С.П. Обухов. – М.: Центр исслед. политической культуры России, 2007. – 136 с.

86. Вебер М. Политические работы (1895-1919) / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. 424 с.

87. Витрук, Н.В. Право, демократия и личность в конституционном измерении (история, доктрина, практика): избранные труды (1991-2012 гг.) / Н.В. Витрук. – М.: Норма, 2012. – 687 с.

88. Гаджимагомедов, Г.А. Участие Правительства Российской Федерации в законодательной деятельности / Г.А. Гаджимагомедов, Г.П. Ивлиев. – М.: Норма, 2008. – 224 с.

89. Германское право: справочное издание (Серия: Современное зарубежное и международное частное право) / пер. с нем.: А.А.Лизунов и др.; научн. ред. В.В.Залесский; авт. введения В.Бергман, Е.А. Суханов. – М.: Междунар. Центр фин.-эконом. развития, 1996. – Ч.1. Гражданское уложение = Teil 1, Bürgerliches Gesetzbuch. – 552 с.

90. Головченко А.В. Партии и идеологии в постсоветской России. Проблемы становления отечественного либерализма / А. В. Головченко, В. И. Головченко. Саратов : Саратовский источник, 2011. 187 с.

91. Голосов, Г.В. Партийные системы России и стран Восточной Европы: генезис, структуры, динамика / Г.В. Голосов. – М.: Весь Мир, 1999. – 152 с.

92. Гончаров Л.А. Современная межпартийная конкуренция в политической практике России и Германии / Л. А. Гончаров. – Воронеж: Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2008. – 137 с.

93. Гражданское общество – общество граждан. Коллективная монография / Морев М.В., Гужавина Т.А., Смолева Е.О., Каминский В.С., Косыгина К.Е., Уханова Ю.В., Головчин М.А., Попов А.В., Россошанский А.И. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2018. С. 14. 206 с.

94. Даниленко, В.Н. Политические партии и буржуазное государство / В.Н. Даниленко. – М.: Юридическая литература, 1984. – 192 с.

95. Джанда К. Сравнение политических партий: исследование и теория // Современная сравнительная политология. М.: МОНФ, 1997. С. 84-144.
96. Долгих, Ф.И. Правовые аспекты создания, государственной регистрации и ликвидации политических партий в России / Ф.И. Долгих. – М.: Юрист, 2016. – 248 с.
97. Дюверже, М. Политические партии / Пер. с фр. Л. А. Зиминой. – М.: Акад. проект, 2000. – 558 с.
98. Евдокимов, В.Б. Партии в политической системе буржуазного общества: научн. изд. / В.Б. Евдокимов. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 159 с.
99. Елисеев С.М., Исаков И.Ж., Кирсанова Н.П. Политические процессы и институты на постсоветском пространстве. Санкт-Петербург: Межрегиональный институт экономики и права, 2009. 244 с.
100. Ермаков, А.Д. Конституционные цели в программах политических партий современной России / А.Д. Ермаков; под ред. Кабышева В.Т. – Смоленск, 2004. 99 с.
101. Жалинский, А. Введение в немецкое право / А. Жилинский, А. Рехт. – М.: Спарк, 2001. – 767 с.
102. Журнал Соповещания с.-петербургских членов ЦК Союза 17 октября. 19 мая 1907 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций, заседаний ЦК: в 2 т. / отв. ред. В.В. Шелохаев; авт. предисл., введ. и коммент. Д.Б. Павлов. – М.: РОССПЭН, 1996. – Т.1. Протоколы съездов и заседаний ЦК: 1905–1907 гг.
103. Законотворчество думских фракций, 1906–1917 гг.: документы и материалы: К 100-летию с начала деятельности Государственной думы в России / Фонд изучения наследия П.А. Столыпина; редкол.: И.И. Демидов, В.В. Шелохаев; под ред. П.А. Пожигайло. – М.: РОССПЭН, 2006.
104. Заславский, С.Е. Политические партии России: Проблемы правовой институционализации / С.Е. Заславский. — М.: Институт права и публичной политики, 2003. — 300 с.
105. Золотых М.В. Демократический транзит: теория и практика перехода в условиях современной России: диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук. Воронеж, 2012. 201 с.
106. Ивановский, В.В. Учебник административного права: Полицейское право, право внутреннего управления / В.В. Ивановский. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Казань: Б.и., 1907. – 546 с.
107. Иванченко, А.В. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии / А.В. Иванченко, А.Е. Любарев. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 222 с.
108. Ильинский, И.П. Политическая система современного капитализма / И.П. Ильинский, А.А. Мишин, Л.М. Энтин. – М.: Междунар. отношения, 1983. – 303 с.
109. Исаев, Б.А. Партология. Т. 1. История партий / Б.А. Исаев. – СПб.: Балтийский гос. технический ун-т, 2007. – 251 с.
110. Кандыба Р.А. Политические партии: опыт институционализации и деятельности в условиях демократизации политической системы России / Р. А. Кандыба. – Пятигорск: ПГУ, 2017. – 194 с.

111. Категории политической науки: (очерки) / [М. Х. Фарукшин и др.; науч. ред. М. Х. Фарукшин]; Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, Каф. политологии. – Казань: Центр инновационных технологий, 2007. – 294 с.
112. Куниг, Ф. Политические партии // Государственное право Германии: сокр. пер. нем. 7 – го изд.: в 2 т. / отв. ред. Б.Н.Топорнин. – М.: ИГ-ПАН, 1994. – Т.1. – С.100–120.
113. Лапаева, В.В. Право и многопартийность в современной России / В.В. Лапаева. – М.: НОРМА, 1999. – 298 с.
114. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М.: Аспект Пресс, 1997. 287 с.
115. Леонтьева Е.Ю. Процесс институционализации общественных движений и организаций в современном российском обществе (региональный аспект): научно-информационное издание / Е.Ю. Леонтьева, А.Н. Леонтьев, Н.А. Скобелина. Волгоград: Политехник, 2006. 237 с.
116. Лепехин, А.А. Политико-правовая институционализация государственной собственности в условиях российской федерализации / А. А. Лепехин. М.: Арктогея, 2005. – 26 с.
117. Любарев, А.Е. Выборы в Москве: Опыт двенадцати лет 1989 – 2000 / А.Е. Любарев. – М.: Стольный град, 2001. – 412 с.
118. Мальцев, Г.В. Социальные основания права / Г.В. Мальцев. – М.: Норма, 2011. – 799 с.
119. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право / Айзенберг А.М., Александров Н.Г., Алексеев С.С., Лукашева Е.А., и др.; Редкол.: Лукашева Е.А. (Отв. ред.), Мицкевич А.В., Самошенко И.С., Фарберов Н.П., Шебанов А.Ф. – М.: Юрид. лит., 1973. – 647 с.
120. Марченко М.Н., Фарукшин М.Х. Буржуазные политические партии. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1987. 133 с.
121. Матвеев, В.Г. Право публичных собраний: Очерк развития и современной постановки во Франции, Германии и Англии / В.Г. Матвеев. – СПб.: Типография т-ва «Общественная Польза», 1909. – 393 с.
122. Мексиканские Соединенные Штаты: Конституция и законодательные акты / пер. с исп.; сост., ред. и авт.вступит.ст. О.А.Жидков. – М.: Прогресс, 1986. – С.136–217.
123. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Антология мировой политической мысли. М.: Мысль, 1997. Т. II. 832с.
124. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 190 с.
125. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ. 2010. 256 с.
126. Ориу М. Основы публичного права / пер. с фран. под ред. Е. Паушканиса и Н. Челяпова. – М.: Изд-во Коммунистической академии, 1929. – 760 с.
127. Острогорский, М.Я. Демократия и политические партии: в 2 т. / М.Я.Острогорский; пер. с фр. А.М.Демьяновой. – М.: Ком. Акад., 1930. – Т.2. Соединенные Штаты Америки. – 375 с.
128. Парк Р. Конкуренция // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. / Пер. ... Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. Ч.1. М., 2002. С. 392-394.

129. Парламенты: Сравнительное исследование структуры и деятельности представительных учреждений 55 стран мира = *Parliaments* / подготовлено М.Амеллером; пер. с англ. под ред. З.И.Луковниковв; вступительная статья Ф.И. Калинычева, В.В.Евгеньева. – М.: Прогресс, 1967. – 512 с.
130. Платонова, Н.И. Финансирование текущей деятельности политических партий в России и зарубежных странах. Сравнительно-правовой анализ / Н.И. Платонова. М.: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2017. 255 с.
131. Политические партии западных стран: теория и современное состояние: монография / Е. Н. Спасский. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. 168 с.
132. Постников, А.Е. Институты конституционного права / А.Е. Постников, С.И. Носов, М.А. Мещерякова, И.В. Плюгина, Е.Е. Никитина. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Юриспруденция, 2013. – 495 с.
133. Правые в 1915 – феврале 1917 (По перлюстрированным департаментом полиции письмам: публикация Ю.И. Кирьянова // Минувшее: Исторический альманах / ред.кол.: Н.Богомолов и др.; гл.ред. В. Аллой. – М.; СПб.: Atheneum: Феникс, 1993. – Вып.14. – С.145–225.
134. Разенков А.С. Образование политической партии: вопросы генезиса политического института и его функционирования. М.: Полиграф сервис, 2018. 188 с.
135. Рогозин, И.И. Политические партии в истории России: от самодержавия до перестройки: монография / И.И. Рогозин. – СПб: Сударыня, 2006. – 142 с.
136. Рыбаков А.В. Политические институты: проблемы теории и актуальная практика / А. В. Рыбаков. М.: МАИ-ПРИНТ, 2009. 223 с.
137. Савич, Г.Г. Новый государственный строй России: справочная книга / Г.Г. Савич. – СПб.: Б.и., 1907. – XXIV, 602 с.
138. Сергеев С.Г. Внеконституционные политические институты в Российской Федерации: модернизация институциональной подсистемы. Саратов, 2014. 196 с.
139. Солдатов, С.А. Общественные организации в Российской Федерации: политико-правовое и институциональное исследование / С.А. Солдатов. – М.: Статут, 1994. – 191 с.
140. Стешенко, Л.А. История государства и права России. Академический курс / Л.А. Стешенко, Т.М. Шамба. В 2 т. Т. 2: XX в. – М.: Норма, 2003. – 734 с.
141. Фарукшин М.Х. Буржуазные политические партии: Социально-философский анализ / М. Н. Марченко, М. Х. Фарукшин. – М.: Высш. шк., 1987. – 133 с.
142. Федеративная Республика Германии: Конституция и законодательные акты: Пер. с нем. / редкол.: В.А. Тумашев (пред.) и др.; сост. Т.Г. Моршаккова; под ред. и со вступ. ст. Ю.П. Урьяса. – М.: Прогресс, 1991. – 472 с.

143. Фоменко С.С. Институт парламентаризма в политической системе современной России: этапы, факторы и тенденции развития. Монография / С. С. Фоменко. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2011. 224 с.
144. Французская республика: Конституция и законодательные акты / пер. с фр.; под ред. В.А. Туманова. – М.: Прогресс, 1989. – 448 с.
145. Фролова О.А. Политическая системы США: институты и акторы. М.: Российский университет дружбы народов, 2016. 144 с.
146. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
147. Хертуев, Р.Ю. Конституционно-правовая ответственность политических партий в Российской Федерации / Р.Ю. Хертуев. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2013. – 185 с.
148. Чернякин В.Г. Политические институты. Методология исследования. Монография / В. Г. Чернякин ; Акад. экономической безопасности МВД России. М.: АЭБ МВД России, 2006. 154 с.
149. Шапошникова Е.А. Российская партийная система в контексте совершенствования института выборов: монография. – Рязань: Рязанский гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2017. –103 с.
150. Экштайн К. Основные права и свободы: По российской Конституции и Европейской Конвенции: учеб. пособие для вузов. – М.: Nota Bene, 2004. – 496 с.
151. Юдин, Ю.А. Политические партии и право в современном государстве / Ю.А. Юдин. – М.: Форум-Инфра-М., 1998. – 288 с.

III. Статьи в периодических изданиях

152. А.И. Гучков рассказывает // Вопросы истории. –1991. – № 9/10. – С. 194.
153. Абрамов А.В. Политический институт и политическая институционализация: определение понятий // Власть. 2010. № 5. С. 53-55.
154. Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8. С. 3-12.
155. Аванесян С.Р. Понятие и сущность партийной идентичности в условиях современного развития России // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1. С. 37-42.
156. Авдеев Д.А. Республиканский монархизм или конституционализация российской формы правления // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2014. № 3. С. 54-62.
157. Автономов А.С. Партии и партийные системы в России и в мире: история и современность // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 8. С. 31-39.
158. Аглеева Л.Т. Проблемы правового регулирования предвыборной агитации в свете изменений избирательного законодательства // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 7. С. 17-19.
159. Айбатов М.М. Политические партии и правовая культура избирателей // Вестник Дагестанского государственного университета. 2012. № 2. С. 33-36.

160. Айзатуллов М.М. Проблемные моменты соблюдения политическими партиями прав избирателей // Юридический мир. 2011. № 5. С. 52-54.
161. Акопян М.С. Политические партии России в контексте мирового экономического кризиса // Евразийский юридический журнал. 2012. № 50. С. 135-138.
162. Александров К.А. Картельные партии в структуре партийно-политического представительства современной России // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 3. С. 112-116.
163. Александрова Л.П. Политические партии: история и документы // Гуманитарный вектор. 2012. № 2. С. 228-231.
164. Алисова Л.Н. Современные политические партии России: испытание законом // В сборнике: Россия в процессе реформ: социально-политические аспекты. М., 2009. С. 181-191.
165. Альтенталлер Д.Н. Трансформация законодательства о политических партиях // Вопросы политологии. 2011. № 1. С. 62-69.
166. Амиантова И.С. Институционально-ценностные основания коалиционной политики в современных государствах // Сводный реферативный сборник журнала Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2010. № 5-8. С. 16b-16b.
167. Аминова Г. Государственная регистрация политических партий и их региональных отделений: анализ судебной практики // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 1 (110). С. 121-138.
168. Амиров М.Г., Булатов О.Ш. Конституционно-правовые новеллы в законодательстве Российской Федерации о политических партиях: проблемы и перспективы применения на практике // Юридический вестник ДГУ. 2013. № 1. С. 57-61.
169. Андреева Р.В. Неформальные политические институты в сравнительной политологии // В сборнике: Наука ЮУрГУ. Материалы 66-й научной конференции. 2014. С. 990-995.
170. Андропова И. В., Камалетдинова А. И. Особенности позиционирования либеральных партий в информационно-коммуникативном пространстве современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2015. № 3. Т. 15. С. 76-81.
171. Анненкова В.Г. Федерация как форма государственного устройства: содержание и основные направления // Базис. 2017. № 2 (2). С. 23-26.
172. Арановский К.В. Политические партии в электоральном контексте и в российской перспективе // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 4. С. 36-48.
173. Аронов Д.В. Теоретические аспекты определения статуса монарха и монархической составляющей государственной власти в либеральных конституционных проектах начала XX в. как основа думского законотворчества либеральных партий 1906-1907 гг. // В сборнике: Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Центр истории парламентаризма. 2014. С. 27-32.
174. Артемьева Т.В. Политические институты и политические процессы в контексте академических модернизаций // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2 (43). С. 114-117.

175. Аствацатурова М.А., Дзахова Л.Х. Институциональный дизайн «партии власти» в политическом проекте российской идентичности // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2012. № 3. С. 7-14.

176. Атамкулова Е.Т. Права и обязанности политической партии как организации // Наука, новые технологии и инновации. 2011. № 2. С. 253-256.

177. Аяцков Д.Ф. Электоральные рейтинги для региональных отделений политических партий как основа «работы над ошибками» // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2012. № 2. С. 84-88.

178. Багаева А.В. История парламентского права и его современная специфика // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2015. № 9. С. 87-96.

179. Баишев Р.М. Становление и развитие национально ориентированных партий и движений в России // Поволжский педагогический поиск. 2013. № 1 (3). С. 190-192.

180. Балыхин А.Г. Понятие и признаки местного самоуправления как института политической системы Российской Федерации // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. № 3. С. 224-228.

181. Барамидзе С.М. Ответственность политических партий по российскому законодательству // Вестник Удмуртского университета. 2010. № 2-1. С. 105-107.

182. Барамидзе С.М. Понятие и признаки политических партий в Российской Федерации // Вестник Удмуртского университета. 2009. № 2-2. С. 179-184.

183. Барис В.В. Партийная система и формы реализации власти в условиях демократии // Труд и социальные отношения. 2009. № 5. С. 88-91.

184. Батурин Ю.М. Феномен конституционности: правовое и нравственное измерение // Труды по интеллектуальной собственности. 2013. Т. 12. № 1. С. 4-25.

185. Белозеров В.В. К вопросу о конституционно-правовом статусе политических партий как субъектов избирательного процесса // В сборнике: Актуальные проблемы конституционного и международного права. Материалы Второй ежегодной конференции. Ставрополь, 2018. С. 21-24.

186. Белякович Е.В. Понятие и пределы правового регулирования // Сибирский юридический вестник. 2006. № 4. С. 3-9.

187. Березина Н.И. Миф как политический институт: проблемы определения // Философия права. 2007. № 1 (20). С. 57-59.

188. Беседина В.А. Генезис и развитие социально-правовых институтов, их функций и принципов права в условиях трансформирующегося российского общества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. Т. 8. № 35. С. 31-36.

189. Беседина В.А. Роль социально-правовых институтов в формировании правового государства в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2007. № 1. С. 127-132.

190. Беше-Головко К. Конституционная логика многопартийной системы Франции // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 4. С. 5-15.

191. Богатырева Л.В. Эволюция ролей и функций партий в российской политической системе в 2000-е гг.: кризис легитимности неизбежен? // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2012. № 4. С. 5-19.
192. Богославский Е.А. Правовая политика и формы ее реализации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 141-144.
193. Бойко С.И. Регулирование связей политических партий с институтами государственной службы в контексте обеспечения политической стабильности // В сборнике: Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Военная академия войсковой ПВО ВС РФ; Научный редактор Амозов В. Г. 2010. С. 31-37.
194. Болховитина Т.С. Политическое участие внепарламентских партий в избирательной кампании 2016: сравнительный расклад // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 3-9.
195. Большаков И.В. Политическая культура, неформальные институты и стабильность системы // Власть. 2011. № 2. С. 70-73.
196. Бондарчук И.В. Легализация общественных организаций и политических партий в механизме защиты конституционного строя Украины // NB: Вопросы права и политики. 2013. № 6. С. 135-151.
197. Бондарчук И.В. Общественные организации и политические партии в Украине: особенности и проблемы конституционно-правового регулирования // Вопросы российского и международного права. 2013. № 4. С. 74-91.
198. Бондарь Н.С. Конституционные ценности и политика: конституционализация политики, но не политизация конституционных ценностей // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 1. С. 23-30.
199. Борзова И.С. Оппозиционные группы: влияние на мировую политику // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 2 (29). С. 47-51.
200. Борисов И.Б. Общественный контроль на выборах как фактор легитимности власти // Юридический мир. 2012. № 9. С. 58-61.
201. Босова Е.Н. Изменения избирательного законодательства как фактор развития избирательной системы // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 2 (40). С. 84-87.
202. Босова Е.Н. Контроль на выборах: политико-правовой аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2019. Т. 19. № 1. С. 102-105.
203. Ботоева Ч.К. Особенности установления пределов правового регулирования // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2009. Т. 9. № 4. С. 6-9.
204. Буташин Д.А. Организация как субъект и объект коллективной деятельности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2013. № 3. С. 29-35.
205. Буюк Т.Р. Становление системы с доминирующей партией в современной России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2009. № 4. С. 213-215.
206. Вагина Л.С. Партии России в процессе политической социализации молодого поколения (на примере Оренбургской области) // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 1. С. 189-197.

207. Вагина Л.С. Теоретические основы исследования деятельности политических партий как субъекта политики в современной России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 5 (124). С. 37-42.

208. Валеев Х.А. Выборы как инструмент стабилизации состояния общества // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2011. № 3. С. 29-34.

209. Васецкий А.А., Королькова Н.Д. Политические партии и выборные системы как факторы формирования публичной политики // Управленческое консультирование. 2012. № 1. С. 34-42.

210. Василевич Г.А. Юридические аспекты обеспечения конституционности (законности) в государстве // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2009. № 2. С. 9-21.

211. Васильев Е.П., Воробьев И.Н. Совершенная конкуренция и монополия: теоретические пределы // Современная конкуренция. 2008. № 2 (8). С. 130-135.

212. Васильева С.В. Институционализация парламентской оппозиции как гарантия представительной демократии // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 3. С. 14-21.

213. Великая Н.М., Голосеева А.А. Роль институтов гражданского общества в общественном диалоге в современной России // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2009. № 2. С. 28-48.

214. Верительникова А.В. Взаимодействие правовых и политических норм в современном обществе // Вестник ВЭГУ. 2009. № 5. С. 141-145.

215. Визгунова Ю.И. Противоречия и перспективы процесса демократических перемен в Мексике // Латинская Америка. 2010. № 2. С. 36-47.

216. Власов А.Р. Фракции парламентских партий как субъект политико-правовых отношений // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. Серия: Право. 2014. № 12 (3). С. 13-21.

217. Вовчук Д.Е., Серебrenников С.С. Консерватизм как идеология ведущих политических партий Европы // Власть. 2009. № 3. С. 136-140.

218. Волков М.М. Становление понятия политический институт // Мир современной науки. 2018. № 5 (51). С. 86-88.

219. Волкова Е.А. Куда идет законодательство о политических партиях // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 1. С. 29-33.

220. Волкова М.А. Цели и принципы деятельности политических партий в контексте участия граждан в управлении делами государства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14. № 2-1. С. 344-348.

221. Вологина Э.А. Реализация многопартийности в Российской Федерации // Философия права. 2009. № 4. С. 52-56.

222. Володина С.В. Параметры избирательной системы как объект реформирования: технологии влияния // Полис. Политические исследования. 2014. № 5. С. 108-117.

223. Волчкова Н.Н. Институционализация права депутатов законодательных органов субъектов РФ на запросы и вопросы к должностным лицам исполнительных органов субъекта РФ // Образование и общество. 2014. Т. 6. № 89. С. 89-92.

224. Вольчик В. Роль группы специальных интересов в эволюции института власти-собственности в России // Управление мегаполисом. 2008. № 2. С. 155-175.
225. Воронов Е.Н., Ельникова Е.В., Лернер Л.А., Метушевская Т.И., Нехороших А.М. Правовые традиции и их институционализация в российской правовой системе // Цивилист. 2008. № 1. С. 96-99.
226. Ворошилов А.С. Экономические, политические и идеологические институты как симметричные элементы институциональных матриц // Colloquium-journal. 2019. № 1-6 (25). С. 14-15.
227. Вышкварцев В.В. Двойное членство и партийное сторонничество в российских политических партиях // Современный юрист. 2013. № 3. С. 88-103.
228. Гавроева Е.С. Заявления депутатов IV Государственной Думы как источник по истории раскола фракции октябристов // В сборнике: Герценовские чтения 2017. Актуальные проблемы русской истории. Сборник научных и учебно-методических трудов. 2018. С. 272-276.
229. Гаганов А.А. Партия без регистрации: кто вправе заниматься политической деятельностью // В сборнике: Партия нового типа: необходимость и перспективы создания в России Научно-экспертная сессия (семинар). Центр научной политической мысли и идеологии (Центр Сулакшина). М., 2015. С. 50-64.
230. Гаджиева К. Некоторые правовые аспекты избирательных технологий // Закон и право. 2007. № 10. С. 3-8.
231. Гайдук В.В. Политические партии в условиях российского федерализма: послевыборная трансформация // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2011. № 1. С. 7-13.
232. Галкина Е.В. Демократия и гражданское общество: поиск оптимальных моделей и путей развития // Власть. 2009. № 4. С. 42-45.
233. Гаман-Голутвина О.В. Некоторые аспекты партийного и политического строительства в России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2010. Т. 3. № 1. С. 104-106.
234. Гаман-Голутвина О.В. Политические институты как предмет политического анализа // Власть. 2009. № 2. С. 130-132.
235. Гамбаров Ю.С. Политические партии в их прошлом и настоящем // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. II. № 2 (3). С. 134-150.
236. Гарипов Р.Ф. Формализация политической ответственности партийных организаций // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 1. С. 207-212.
237. Гельман В.Я. «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2010. № 2 (57). С. 6-24.
238. Герасимова Н.Р., Володина Т.А. Пределы правового регулирования: вопросы теории и практики // Социально-политические науки. 2013. № 4. С. 17-18.
239. Герман Р.Э. Исторический подход в политике: сущность, цели, институционализация // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2010. № 3 (79). С. 63-68.
240. Гильманов В.В. Методы исследования современных российских партий как механизмов электорального рекрутирования правящих элит и лидеров // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 2А. С. 172-182.

241. Гимаев И.З. Развитие институтов социально-политического аудита в России // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2018. № 5 (143). С. 140-143.

242. Глебова И.И. Русская власть и ее партия // Политическая концептология. 2011. № 3. С. 128.

243. Глухова А.В., Матвеев Е.В. Межпартийная конкуренция в современной Германии сквозь призму конфликтологии // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7. № 3. С. 182-191.

244. Голдобина З. Г. Юридический прагматизм и социологическое направление в американском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2008. №1. С. 17-26.

245. Головашина О.В., Жуков Д.С. Нелинейные эффекты динамики социально-политических институтов // Ineternum. 2012. № 2 (7). С. 49-59.

246. Головин А.Г. Политические партии как один из институтов, обеспечивающих реализацию права граждан Российской Федерации участвовать в управлении делами государства // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 8. С. 2-6.

247. Головинов А.В. Особенности реализации конституционного принципа идеологического многообразия в законодательстве о политических партиях // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 3 (91). С. 43-46.

248. Головченко В.И. Восприятие партий как носителей идеологии в политической культуре современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2009. Т. 9. № 3. С. 103-108.

249. Голосов Г.В., Лихтенштейн А.В. Партии власти и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Полис. 2001. № 1. С. 6-14.

250. Гончаров Л.А. Межпартийная конкуренция в структуре современной демократии: политико-институциональные особенности // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. №2. С. 173-175.

251. Гончарова О.А. Взаимодействие политических партий с институтами гражданского общества // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2011. № 1. С. 89-97.

252. Горбачев А.А., Сковиков А.К. Тенденции и противоречия в процессе формирования российского парламента // Право и политика. 2011. № 5. С. 752-761.

253. Горохов В.А. Доминирующая партия и отношения «принципал – агент» между центральной властью и главами исполнительной власти субъектов РФ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7. № 1. С. 126-135.

254. Граник В.В. Характеристика экстремистских организаций и объединений // Российский следователь. 2013. № 7. С. 32-34.

255. Грачев Н.И. Концепция народного суверенитета: происхождение, практика реализации и основные противоречия // Философия социальных коммуникаций. 2009. № 7. С. 36-52.

256. Гриднева О.В., Незнамова А.А. Право политических партий на защиту деловой репутации // Социально-политические науки. 2017. № 1. С. 68-71.
257. Гриценко Н.П. Российские партии в контексте модернизации политической системы: проблемы и перспективы развития // Человек. Сообщество. Управление. 2011. № 1. С. 17-25.
258. Гришин Н.В. Институционализация государственной электоральной политики // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2015. Т. 11. № 1. С. 89-107.
259. Гриценко А.В. В России упрощена процедура создания политических партий // Некоммерческие организации в России. 2012. № 3. С. 58.
260. Грохотов А.В. Организационные аспекты образования политических партий в современной России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2011. № 5. С. 53-56.
261. Грохотов А.В. Организационные аспекты партийного рекрутмента в современной России // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 3. С. 68-73.
262. Грухин Ю.А. К вопросу использования юридической техники в правотворчестве // В сборнике: Проблемы юриспруденции сборник научных статей и тезисов. Новосибирск, 2015. С. 26-28.
263. Грызлов Б.В. Современный этап развития российского парламентаризма // Сводный реферативный сборник журнала Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2008. № 1-4. С. 22b-23.
264. Гудков Д.С. Партийная система и гражданское общество // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2011. Т. 259. № 8. С. 5-13.
265. Гудков Л.Д., Башлыкова Н. У населения есть запрос на настоящую партию // Коммерсантъ Власть. 2012. № 18. С. 14-15.
266. Гузь Н.А. Финансирование политических партий: отечественный и зарубежный опыт // В книге: Социально-экономические проблемы современной российской экономики. М., 2014. С. 235-260.
267. Гуторова А.Н. Деятельность политических партий в условиях представительной демократии // Современное общество и право. 2012. № 3. С. 63-73.
268. Гуторова А.Н. Исторические предпосылки и тенденции правового регулирования участия политических партий в народном представительстве // Современное общество и право. 2012. № 1. С. 36-44.
269. Данилов М.В. Влияние изменений в правовом регулировании участия политических партий в выборах на формирование партийной системы с доминирующей партией // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2015. Т. 15. № 2. С. 76-80.
270. Данилов М.В. Привлечение в партии новых членов как технология политизации общественных отношений // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 3. С. 20-24.
271. Дарков А.А. Значение исследования истории правового регулирования деятельности политических партий для юридической науки и юридического образования // Закон и право. 2009. № 7. С. 31-34.

272. Дарков А.А. Некоторые научные концепции исследования правового регулирования деятельности политических партий // Право и государство: теория и практика. 2009. № 3 (51). С. 142-144.

273. Дарков А.А. Периодизация истории правового регулирования деятельности политических партий в России // Право и государство: теория и практика. 2009. № 5. С. 122-125.

274. Дементьев В.С. Правовой статус фракции политической партии в законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации // В сборнике: О политико-правовой модернизации в государстве: вопросы теории и практики 2016. С. 137-139.

275. Деметрадзе М.Р., Морозов В.Н. Современное подходы к правовым оценкам институтов гражданского общества (постсоветское пространство) // Вестник Академии права и управления. 2010. № 20. С. 54-65.

276. Демидова Т.К. Партии как субъекты модернизации: теоретическая модель и политическая практика // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 2. С. 540-543

277. Демидова Т.К. Роль политических партий в модернизации России сквозь призму исторической традиции // Вестник Забайкальского государственного университета. 2011. № 6. С. 79-85.

278. Дереникьян К.А. Формальные и неформальные институты и механизмы их формирования // Вестник университета. 2009. Т. 1. № 2. С. 89-98.

279. Джалилов Э.А. Административные права политической партии // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 1. С. 93-96.

280. Джалилов Э.А. Некоторые вопросы толкования Федерального закона «О политических партиях» // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 2. С. 64-65.

281. Джалилов Э.А. Организационно-правовые формы участия политических партий в выборах и референдумах // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 1. С. 92-95.

282. Джалилов Э.А. Юридическая ответственность политических партий как межотраслевой институт права // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 1 (16). С. 131-134.

283. Диких А.А. Типология «партий власти» // В мире научных открытий. 2014. № 1-1 (49). С. 576-590.

284. Добролюбов С.В. Коллективный агент и коллективный субъект: некоторые основания концептуализации // Социологический журнал. 2012. № 2. С. 53-79.

285. Добрюк К.И., Добрюк Я.К. Типология социальных организаций // Труды Дальневосточного государственного технического университета. 2005. № 141. С. 97-102.

286. Долгих Ф.И. Ограничения на создание и деятельность политических партий // Юридический мир. 2014. № 5. С. 14-18.

287. Долгих Ф.И. Партийное право в системе российского права // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. № 5. С. 8-12.

288. Долгих Ф.И. Политическая конкуренция в России и политические партии // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 2. С. 9-14.
289. Долгих Ф.И. Предпринимательская деятельность политических партий // Проблемы экономики и юридической практики. 2016. № 2. С. 145-151.
290. Долгих Ф.И. Субъекты государственной правотворческой политики России в области регулирования деятельности политических партий // Юридический мир. 2018. № 3. С. 52-56.
291. Долгова И.В., Швейко Н.В. Монополия и конкуренция // Финансы и кредит. 2001. № 3 (75). С. 44-59.
292. Доленко Д.Д. Сравнительный анализ правового положения политических партий в федеративных государствах на примере ФРГ и РФ // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 101. С. 213-218.
293. Должиков А. Толкование конституционных прав // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 4 (113). С. 125-151.
294. Дорожкин Ю.Н., Даминдарова Ф.В. Партии в современной России: реальные политические акторы или их имитация? // Власть. 2014. № 11. С. 92-97.
295. Дорофеев С.Н. Право граждан на объединение как правовой фундамент создания политических партий: российский и мировой опыт // Право и управление. XXI век. 2007. № 2. С. 115-119.
296. Дорошко М.П. Роль институтов гражданского общества в формировании правовой политики современной России // Современное право. 2015. № 2. С. 24-29.
297. Дугарова А.А., Баинов А.С. Политические партии в муниципальных выборах (региональный аспект) // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 2. С. 101-106.
298. Дудников Е.В. Проблемы государственной поддержки политических партий в современной России // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 1. С. 88-93.
299. Дюверже М. Политические институты и конституционное право // Социология власти. 2011. № 5. С. 206-217.
300. Дюгурова А.И. Индикаторы институционализации политических партий в России // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. № 1. С. 173-180.
301. Дюгурова А.И. Институционализация партийной системы: понятие и основные признаки // Теории и проблемы политических исследований. 2012. № 1. С. 27-46.
302. Дюгурова А.И. Институционализация партийных систем: введение в проблему // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2010. № 1. С. 199-204.
303. Дюгурова А.И. Теоретический инструментальный анализ партийных систем // Система ценностей современного общества. 2009. № 8. С. 33-38.
304. Евстифеев Р.В. Элиминативные стратегии в системе электоральной конкуренции современной России // Выборы: теория и практика. 2014. № 2 (30). С. 24-28.

305. Ежевский Д.О. Современная специфика некоторых субъектов избирательного процесса в Российской Федерации // Юстиция. 2015. № 1. С. 3.

306. Емельянова Л.А. Исторические и социально-политические основы конкуренции // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 5. С. 252-261.

307. Епархина О.В. Политические институты и отношения в современной России: социостратификационный контекст исследований // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2008. № 8. С. 103-109.

308. Ерзнкян Б.А. Исследование институциональных понятий и характерных особенностей формальных и неформальных институтов // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 20. С. 076-083.

309. Ерыгин Я.А. Понятие юридической личности политической партии // Современное общество и право. 2017. № 1 (26). С. 84-93.

310. Ерыгин Я.А. Проявление двойственной правовой природы политических партий как юридических лиц частного и публичного права // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 12. С. 20-23.

311. Ерыгина В.И. История партийного нормотворчества в России // История государства и права. 2008. № 5. С. 19-21.

312. Ерыгина В.И. Многопартийность как одна из правовых гарантий свободы общественного мнения // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 2. С. 26-30.

313. Ефанова Е.В., Лукьяненко К.К. Оппозиция и стабильность в российской Федерации: институционализация и конфигурация // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2012. №4. С. 89-93.

314. Ефимович Н.В. Проблемы становления доминирующей политической партии в России // Актуальные проблемы современной науки. 2013. № 4. С. 119-122.

315. Жедь Б.А. Особенности политической конкуренции в условиях либерализации многопартийности в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2013. № 3. Т. 13. С. 94-99.

316. Жедь Б.А. Политическая конкуренция и проблема социальной стабильности: соотнесение концептов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2013. Т. 13. № 2. С. 68-72.

317. Жихарев К.Л. Базовые институты институциональной матрицы: общество, хозяйство, экономика // Российский экономический интернет-журнал. 2008. № 2. С. 23.

318. Жуков К.С. Политическое соперничество в современной России и технология избирательных кампаний // Известия Байкальского государственного университета. 2006. № 3. С. 94-97.

319. Журавлев Д.В. Проблема актуализации ценностных ориентиров в гибридных демократиях: российский пример // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. № 3. С. 116-124.

320. Журавлева В.Ю. Политические партии США в институтах власти и в обществе // США и Канада: экономика, политика, культура. 2005. № 4. С. 53-71.

321. Журавлёва И.А. Институционализация социальных практик и трансформация социальных институтов в обществе знаний // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7-2. С. 77-82.
322. Завадская М.А. Думские инкубенты и «партия власти» (кросс-секторальный анализ) // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2012. № 3 (66). С. 121-131.
323. Завадская М.А. Проблема измерения политической институционализации: современное состояние исследований // Политическая наука. 2009. № 3. С. 56-70.
324. Зазнаев О.И. Парламентаризация в постсоветских странах // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. № 1. С. 119-130.
325. Зазнаев О.И. Преимущества и недостатки президентской, парламентской и полупрезидентской систем // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 5. С. 133.
326. Зазнаев О.И., Гарипов Р.Ф. Конституционно-правовые проблемы идентификации отдельных органов и должностных лиц с ветвями государственной власти Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 4. С. 138-141.
327. Зазнаев О.И., Гарипов Р.Ф. Политическая ответственность главы региона в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Социология. Политология, выпуск 2. Том 13. 2013. С. 50-54.
328. Заикин С.С. Некоторые аспекты «монополизма» политических партий // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 6. С. 77-81.
329. Замотаев Д.Ю. Эволюция развития и формирования общественных движений и организаций в системе современного демократического общества // Вестник международных научных конференций. 2015. № 4 (8). С. 11-15.
330. Заславский С.Е. Закон о политических партиях принят. Что дальше? // Сравнительное конституционное обозрение. 2002. № 1. С. 14-17.
331. Захаров А.А. Парламентаризм, бикамерализм и федерализм: российская версия // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6. С. 124-127.
332. Захарова М.В. Ценности и образы права // Государство и право. 2008. № 9. С. 105-107.
333. Звягин Ю.Г. В чем заключается парламентское право // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2003. № 5. С. 12-13.
334. Зеленецкий А.С. Участие политических партий в выборах и референдумах // Образование и право. 2010. № 1. С. 192-207.
335. Зенин С.С. Роль конституционных ценностей в формировании гражданского общества и правового государства в Российской Федерации // Проблемы права. 2016. № 3 (57). С. 23-35.
336. Зимин В.А. Политические партии – важнейший элемент политической системы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 408-410.

337. Золотухина Ю.Ю., Мартин И.А., Жидких В.П. Административный ресурс как фактор управляемой многопартийности // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2018. № 2. С. 50-54.

338. Зульфугарзаде Т.Э., Решетников О.М. Особенности правосубъектности политической партии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12-1. С. 104-107.

339. Зырянов И.А. Институт политического многообразия в системе конституционного строя России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2010. № 5. С. 42-45.

340. Зырянов С.Г. Политическая институционализация электоральных процессов в странах с переходными политическими режимами // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. 9. № 1 (34). С. 170-181.

341. Зяблук Н.Г. Политический плюрализм в дискурсе американской политической науки // США и Канада: экономика, политика, культура. 2009. № 1 (469). С. 47-69.

342. Иванов Р.Л. Пределы правового регулирования: понятие и виды // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2011. № 4 (29). С. 6-18.

343. Иванова В.А. Новый закон о партиях – смена формы или изменение принципов? // Власть. 2012. № 7. С. 118-120.

344. Иванова М.В. Партийная реформа в период правления Президента В.В. Путина // *Ars Administrandi*. – 2010. – № 2. – С. 66-73

345. Изергина В.П. Проблема политико-территориального устройства России в программных документах общероссийских политических партий начала XX века // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2010. № 4. С. 76-86.

346. Ильиных А.В. Регистрация политических партий как функция федеральных органов исполнительной власти // В сборнике: Современные проблемы государственного управления. Хабаровск, 2013. С. 39-48.

347. Имомов Х.Ш. Роль политических партий как института конституционного права // Наука и инновация. 2015. № 2 (6). С. 87-89.

348. Ирхин Ю.В. Как понять современную и историческую роль политических институтов? // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 5. С. 356-360.

349. Исаев Б.А. Характеристики партийных систем и вычисление некоторых показателей партиом // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12. № 1. С. 29-51.

350. Исаев Б.А. Эволюция партии власти и партии оппозиции в современной России // Конфликтология. 2015. Т. 4. С. 27-34.

351. Исаев И.А. Социальные (политические) институты и власть // Право и государство: теория и практика. 2008. № 9 (45). С. 26-37.

352. Исимбекова З.А. Технологии электоральной конкуренции партий власти в парламентских кампаниях современной России (на примере партии «Единая Россия») // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2013. № 6 (39). С. 10-15

353. Исимбекова З.А. Эффективность условий и факторов формирования партийных технологий электоральной конкуренции // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2012. № 4 (33). С. 42-48.

354. Кабарухин Д.И. Институционализация механизмов государственно-правовой ответственности в сфере федеративных отношений: региональный аспект // Военно-юридический журнал. 2010. № 10. С. 14-17.
355. Кабарухин Д.И. Федеративная государственность и гражданское общество: институционально-правовые формы взаимодействия // Вестник ТИУиЭ. 2011. №2. С. 62-65.
356. Кабышев С.В., Ермаков А.Д. К вопросу о конституционных целях политических партий // Избирательное законодательство и практика. 2016. № 1. С. 28-35.
357. Каверин К.В. Сущность и основные параметры институциональной недостаточности как категории современного права // Современное право. 2009. № 1. С. 8-12.
358. Казанцев Н.М. Идеология права государству или идеология государства праву? // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 42-50.
359. Казаченко А.А. Конституционно-правовое регулирование внутренней организации политических партий в современном демократическом государстве // Правоохранительные органы: теория и практика. 2005. № 1 (6). С. 88-91.
360. Казбекова М.А. Электоральная конкуренция партий власти с партиями оппозиции в России и Казахстане (сравнительный анализ) // Социология власти. 2009. № 5. С. 179-187.
361. Казурова О.Ю., Корякина Т.Н. Правовая социализация молодежи и отношение индивида к праву и закону в зависимости от социально-правовой установки (типа правового сознания) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2003. № 3. С. 155-161.
362. Калачёв А.П. К вопросу о становлении в СССР законодательства, регулирующего деятельность политических партий // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 2. С. 291-293.
363. Калинин А.Ю. Концепция внутреннего источника права и дефекты правообразования // Право и государство: теория и практика. 2009. № 5. С. 146-150.
364. Калиш Д.Б. Соответствие публичному интересу как критерий конституционности законов: французская доктрина и практика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2016. № 3. С. 32-42.
365. Кандыба Р.А. Факторы, определяющие особенности думской избирательной кампании 2016 г. // В сборнике: «Научный взгляд на современное общество». Сборник статей Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. 2015. С. 118-122.
366. Капицын В.М. Символьная конституционализация национальных интересов // Информационные войны. 2013. № 1 (25). С. 47-54.
367. Капталан И.М. К определению понятия политической партии как субъекта гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 4 (18). С. 83-87.
368. Карибов А.П. Постиндустриальные перспективы развития конкуренции и монополии // Власть. 2012. № 8. С. 76-79.

369. Карпович О.Г. Демократические институты и их роль в системе государственного управления // Политика и общество. 2015. № 3 (123). С. 387-394.
370. Квасова Г.О. Уровни и функции институтов политического рынка // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. № 4 (23). С. 149-156.
371. Кертман Г.Л. Статус партии в российской политической культуре // Полис. Политические исследования. 2007. № 1. С. 120-131.
372. Кимберг А.Н., Налетова А.С. Концепты индивидуального и коллективного субъектов // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 3. С. 17-24.
373. Кинзерская И.Л. Эволюция партийной конкуренции в России (1990-2009) // Политический анализ. 2009. № 9. С. 51-65.
374. Кириленко В.П., Меликян А.Б. Правовое регулирование государственного финансирования политических партий в федеративных государствах // Власть. 2009. № 5. С. 76-79.
375. Кирсанов Д.В. Противоречия в уставном регулировании общественных отношений как источник нарушения режимов конституционности и законности // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2014. № 2 (37). С. 190-194.
376. Кирсанова Н.П. Партии в символическом пространстве политики // Теория и практика общественного развития. 2013. № 5. С. 63-68.
377. Кислицына И.С., Кислицын С.А. Сайты политических партий – каковы перспективы? Анализ интернет-коммуникаций в период избирательных кампаний 2007-2012 гг. // Политическая наука. 2013. № 1. С. 209-231.
378. Кичигин Г.Е. Воздействие партийного законодательства и законодательства о выборах на статус политической партии в регионе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7-2 (33). С. 54-56.
379. Кишаковская О.Г. Эффективность политических партий, как основа их функционирования: методология проблемы // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2010. № 4. С. 174-185.
380. Кленкина О.В. Об отраслевой принадлежности правового статуса политической партии // Известия Академии управления: теория, стратегии, инновации. 2012. № 5 (12). С. 19-22.
381. Клещарь Е.А. Роль права в формировании партийной системы современной России // Юридическая мысль. 2009. № 1 (51). С. 41-45.
382. Ключков В.В. Английское общее право и его влияние на эволюцию политических институтов и практик до начала XIX века // Юристь – Правоведь. 2015. № 6 (73). С. 67-72.
383. Князева М.А. Политологический анализ роли российских политических партий в современных условиях // Власть. 2010. № 7. С. 31-34.
384. Ковалев В.П. Мажоритарная или пропорциональная система? Взгляд из Республики Коми // Полис: Политические исследования. 1998. № 5. С. 161-164.
385. Кожевников В.В., Красман А.И. Пределы правового регулирования и естественное право // Современное право. 2013. № 10. С. 35-41.

386. Кожевников О.А. Некоторые проблемы правового регулирования деятельности политических партий в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2005. № 1. С. 54-60.
387. Козина О.С. Деструктивные социальные информационно-политические технологии в избирательном процессе // Ямальский вестник. 2016. № 2 (7). С. 26-30.
388. Козлихин И.Ю. Политические партии как институт демократического общества // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2007. № 19. С. 70-79.
389. Коздой В.И. Становление политической оппозиции в России: исторический опыт // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 57. С. 199-204.
390. Колядин А.М. Общественно-государственные отношения и некоторые теоретико-методологические проблемы институционализации политического класса // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 5. С. 183-187.
391. Коляса В.С. Правовое регулирование членства в политических партиях // В сборнике: IX Международный научный конгресс «Роль бизнеса в трансформации общества – 2014» Сборник материалов. М., 2014. С. 417-418.
392. Комарова В.В. Политические партии в современной России (проблемы институционализации) // Проблемы права. 2014. № 2 (45). С. 10-15.
393. Комкова Г.Н. Права большинства и принцип равенства политических партий: проблемы реализации // В сборнике: Выборы в конституционной системе власти. Материалы IX Международного Конституционного Форума. 2018. С. 74-78.
394. Комкова Г.Н. Права большинства и принцип равенства политических партий: проблемы реализации // В сборнике: Выборы в конституционной системе власти. Материалы IX Международного Конституционного Форума. 2018. С. 74-78.
395. Кондрашев А.А. Конституционно-правовая ответственность политических партий и иных общественных объединений в российском законодательстве // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 11. С. 15-19.
396. Коновалова Л.Г. Многопартийность и обеспечение связи населения с механизмом государства как признаки парламентаризма: вопросы конституционно-правовой теории // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 1. С. 28-31.
397. Коновалова Л.Г. Парламентское право и парламентаризм: теоретико-правовой аспект // Правовая мысль в образовании, науке и практике. 2017. № 1 (5). С. 37-41.
398. Кононов К.А. Конституционно-правовой институт: поиски сущности категории // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 5. С. 2-8.
399. Конуров А.И., Будылин К.Ю. Субъектность как политологическая категория // Власть. 2012. № 6. С. 148-152.
400. Корж Н.В. Проблема ценностей и установок в социологии // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2011. № 3. С. 327-332.

401. Корзун В.И. Правовая институционализация политических партий // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2013. № 6. С. 146-150.

402. Корнев М.О. О роли и месте региональных отделений политических партий в общественных палатах субъекта федерации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2005. № 2 (38). С. 100-103.

403. Коровин К.С. Неформальные и формальные институты в контексте политического режима (на примере СССР) // Теория и практика общественного развития. 2017. № 8. С. 92-94.

404. Королькова Е.И. Естественная монополия: регулирования и конкуренция // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2001. Т. 5. № 1. С. 83-112.

405. Косогов Е.В. Модернизация политической системы в России: проблемы и перспективы реформирования политических партий // Экономические и гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 9-14.

406. Косогов Е.В. Проблемы и перспективы реформирования политических партий в России // Федерализм. 2012. № 3. С. 175-180.

407. Костишина С.А. Институциональный подход в современной юридической науке // Юрист – Правоведъ. 2012. № 5 (54). С. 80-82.

408. Котляров И. В. Социологическая модель изучения политических партий // Социологический альманах. 2012. № 3. С. 204-222.

409. Кочетков А.П. Западные политологи о гражданском обществе // Вестник Московского университета: Серия 12: Социально-политические исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. №2. С.68–76.

410. Кочкарова Э.А. Некоторые вопросы взаимодействия органов государственной власти и политических партий // Modern Science. 2019. № 4-1. С. 201-206.

411. Кравец И.А. Ценность конституционной телеологии и конституционная легитимность политического и идеологического многообразия: доктрина и практика // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3 (4). С. 80-99.

412. Крыткина М.С., Сафронов В.В. К вопросу о конституционной концепции основных прав и свобод личности // Вестник научных конференций. 2016. № 5-4 (9). С. 161-162.

413. Кубарь И.И. Институт преимущественной покупки в российском праве: отдельные проблемы теории и практики // Право и экономика. 2007. № 7. С. 116-117.

414. Кудрявцева Г.А. Гражданско-правовой статус общественных объединений // Государство и право. 2005. № 3. С. 32-40.

415. Кузьмин А.Г. Праворадикальное движение в современной России: особенности идеологии и перспективы развития. Часть 2 // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2007. Т. 3. № 2. С. 80-95.

416. Кукушкин С.Н. Проблема квалификации объекта корпоративного правоотношения // Юрист. 2014. № 21. С. 10-15.

417. Куликов В.В. Место и роль партийных фракций в парламентах стран Запада: сравнительный анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2006. № 2. С. 193-196.

418. Куликов С.В. Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции // Из глубины времен / ред. кол.: Б.Б. Дубенцов, С.А. Лосев, А.В.Островский (гл.ред.). – СПб., 1995. – Вып. 5. – С. 29-37.
419. Кундохов А.А. Принцип многопартийности по Конституции 1993 года. Роль политических партий в общественно-государственной системе России // В сборнике: Актуальные проблемы конституционного и междуна-родного права. Материалы Второй ежегодной конференции. 2018. С. 135-139.
420. Купцов О.П. Виды избирательных технологий с точки зрения юриспруденции // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 144-146.
421. Курбанов Б.М. Выработка согласованных законодательных реше-ний как конституционная цель (функция) фракций (партийных объедине-ний) в составе парламента демократического правового государства (сравнительно-правовой анализ) // Правозащитник. 2014. № 4. С. 11.
422. Курманов М.М. Политические партии в законодательном органе государственной власти субъекта Российской Федерации: законодатель-ство и первые практические итоги // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2004. № 3. С. 02-05.
423. Куценко К.Е. Базовые подходы к анализу факторов формирова-ния партийных систем // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2008. Т. 4. № 3. С. 115-126.
424. Кынев А.В. Пределы принудительной партизации в России // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 6 (85). С. 115-124.
425. Лаврентьев С.Н. Партия как субъект кадровой политики: теоре-тико-методологические основы // Социология власти. 2011. № 7. С. 54-61.
426. Лаврентьев С.Н. Постдемократический синдром политических партий в России // Власть. 2011. № 12. С. 23-27.
427. Лазарев А.В. Классификация и отличительные признаки совре-менных политических партий // Теория и практика общественного разви-тия. 2011. № 3. С. 226-229.
428. Лайпанова Д.Б. О многообразии партий в истории // Вестник Пя-тигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 4. С. 353-355.
429. Лапаева В.В. Закон о политических партиях: в чем суть альтерна-тивных подходов // Журнал российского права. 2001. № 2. С. 11-18.
430. Лапаева В.В. Право гражданина Российской Федерации на объ-единение в политическую партию: основания и пределы ограничения // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 1. С. 1-8.
431. Лапаева В.В. Роль права в развитии политической системы // Со-циология власти. 2004. № 3. С. 104-115.
432. Ларина О.Г., Ларина Е.А. Теоретико-правовые основы развития политической системы общества и гражданского общества: классифика-ция научных подходов // Право и практика. 2018. № 1. С. 6-11.
433. Ларионова Ю.В. Российская политическая оппозиция в условиях укрепления вертикали власти в начале XXI века // Научные проблемы гу-манитарных исследований. 2009. № 8. С. 19-22.

434. Лебедев В.А., Киреев В.В. Политические партии как элемент демократической политической системы // Проблемы права. 2009. № 1. С. 8-20.

435. Лебедев В.А., Киреев В.В. Проблемы развития учения о политических партиях как элементе политической системы в науке конституционного права // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 15. С. 5-9.

436. Левенков П.В. Многопартийность или множественность партий? // Российский юридический журнал. 2009. № 3. С. 192-197.

437. Лемонджав Р.Р. О правомерности закона в условиях представительной демократии в России // Общество и право. 2012. №2 (39). С. 66–70.

438. Лепский В.Е. Проблемы управления сложностью в совершенствовании механизмов демократии в России // Философия науки. 2013. Т. 18. № 1. С. 202-217.

439. Линец С.И., Линец И.А., Мышьякова Д.В. Институты гражданского общества как субъекты публичной политики в современной Российской Федерации: инициативность и рационализм // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. № 3. С. 171-175.

440. Линецкий А.И. Латентные институты: стихийная стандартизация поведения и её политическое значение // Полис. Политические исследования. 2014. № 6. С. 166-182.

441. Любарев А.Е., Шпагин С.А. Партийная реформа и динамика межпартийной конкуренции на региональных выборах 2012-2018 гг. // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2018. № 4. С. 189-207.

442. Маздогова З.З. Парламентская партия как политико-правовой институт // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 8. С. 85-90.

443. Макаренко Б.И. Выборы: функции и влияние на политические институты // Политическая наука. 2019. № 1. С. 13-32.

444. Макаренко Б.И. Теория партийных систем полвека спустя // Политическая наука. 2018. № 1. С. 122-147.

445. Макаренко И.Л. Участие политических партий в формировании органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: особенности современного конституционно-правового регулирования // Международный журнал конституционного и государственного права. 2018. № 4. С. 102-106.

446. Макарин А.В. Политические институты: к методологии исследования // Политический анализ. 2009. № 9. С. 37-50.

447. Малугин С.Б. Теоретические особенности классификации российской политической оппозиции // Вопросы гуманитарных наук. 2009. № 2. С. 349-356.

448. Мальцева К.Ф. Партия власти в России: специфика идеологического оформления // Общественные науки. 2011. № 6. С. 241-249.

449. Мамедова В.Э. Нормативное регулирование института ответственности членов политической партии // Политика и общество. 2016. № 11 (143). С. 1530-1536.

450. Мамичев В.Н. Правовое регулирование деятельности общественных объединений в России // Вестник СевКавГТИ. 2014. № 18. С. 119-121.

451. Манцуров С.О. Понятие «внесистемная оппозиция» в современном политическом дискурсе // Наука и образование сегодня. 2016. №7 (8). С. 48-50.
452. Маренич Л.А., Омеличкин О.В. Об изменениях в законодательство Российской Федерации сквозь призму особенностей партийной идентичности граждан // Вестник Академии знаний. 2012. № 3 (3). С. 132-135.
453. Маркова Е.Н. Конституционализация политических партий в государствах Восточной Европы // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 15. С. 35-40.
454. Мархинин (мл.) В.В. Среда политической конкуренции: состояние и перспективы партийной системы в современной России (региональные аспекты) // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 2. № 3. С. 345-355.
455. Матросов П.П. Феномен «партии власти» в политической системе РФ // В сборнике: Научно-исследовательская работа обучающихся и молодых ученых Доклады 66-й Всероссийской научной конференции. Научный редактор: В.С. Сютёв. 2014. С. 264-268.
456. Меганов С.А. Партия большевиков в период формирования однопартийной системы (проблемы взаимодействия и конфликты с политическими оппонентами) // В сборнике: Власть и общество: практики взаимодействия и конфликты Материалы Девятой региональной научной конференции. 2015. С. 124-128.
457. Медведев В.Н. Об изменениях избирательного законодательства в условиях российской многопартийности // Вопросы политологии. 2012. № 3 (7). С. 22-31.
458. Медведева В.К. Политическая конкуренция и избирательный процесс // Вопросы политологии. 2012. № 2 (6). С. 44-49.
459. Межиева А.К. Политико-коммуникативный аспект во взаимодействии государства и общества в современной России // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2011. № 1. С. 141-148.
460. Меликян А. Правовая регламентация государственного финансирования политических партий в правовых актах международных организаций // Закон и право. 2011. № 3. С. 22-23.
461. Мельникова Р.И., Федоринов В.Е. Технологии и механизмы взаимодействия оппозиционных политических партий с органами государственной власти в современной России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2012. № 1. С. 125-128.
462. Милованова М.Ю. Партнерство политических партий и общественных объединений как социальная база модернизации современной России // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. № 2. С. 131-140.
463. Минникес И.В., Токмин С.А. Партийный акт как источник права // Академический юридический журнал. 2014. № 4 (58). С. 4-12.

464. Миронов А.Л. Развитие конституционно-правовых основ государственного управления в системе текущего законодательства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. № 4. С. 44-51.

465. Мирошниченко Н.В. Институциональная диагностика как элемент институционального управления // Наука и общество. 2011. № 3 (3). С. 224-227.

466. Митин Г.Н. Динамика имущества политических партий 2005-2010 гг.: проблемы правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 3. С. 42-47.

467. Митин Г.Н. Исключение из политической партии: право гражданина на защиту // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 16. С. 21-23.

468. Митин Г.Н. Ошибочное понимание закона о политических партиях // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 13. С. 12-15.

469. Михайличенко И.В. К вопросу о конституционной институционализации российских политических партий // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 25. С. 34-38.

470. Михалева Г.М. Влияние европейских партийных систем на становление российских партий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2011. № 3. С. 118-126.

471. Михалева Г.М. Изменение институтов выборов и партий в трансформационном контексте // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2018. № 3. С. 213-217.

472. Михалева Г.М. Институт партий: европейская история и российский опыт многопартийности // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. № 1. С. 118-140.

473. Михалева Г.М. Непарламентские партии на улице: праздник и протесты // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2015. Т. 11. № 1. С. 62-75.

474. Михалева Г.М. Основные этапы становления и типологизации европейских партий // В сборнике: Европейский союз / коллектив авторов Медушевский Н.А., Гордеева М.А., Михалева Г.М., Кутырев Г.И. Риски и вызовы современного этапа политической эволюции. М., 2019. С. 149-163.

475. Михалева Г.М. Партии бывают разные: «Единая Россия» как административная партия // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2007. № 3 (53). С. 30-44.

476. Михалева Г.М. Партии, некоммерческие организации новые формы гражданской активности: алгоритмы взаимодействия // Россия и современный мир. 2013. № 1 (78). С. 101-118.

477. Михалева Г.М. Партийная реформа и региональные партийные системы // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2018. № 4. С. 236-245.

478. Михалева Г.М. Эволюция административных партий в современной России // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2009. № 1. С. 93-112.

479. Моисеев А.М. К вопросу о временном характере установления ограничений права граждан на объединение в политические партии // Бизнес в законе. 2008. № 1. С. 26-28.
480. Молокова М.А. Взаимодействие российских федеральных органов законодательной власти с оппозиционными партиями: политологический аспект // Юридический мир. 2010. № 7. С. 30-34.
481. Молокова М.А. Становление и развитие оппозиционных партий в современной России // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 338. С. 57-63.
482. Морозов В.Б. Развитие конституционно-правового регулирования статуса политических партий в России с учетом интересов защиты конституционного строя // Право и образование. 2012. № 4. С. 87-97.
483. Мункуева Т.А. Партийное измерение социальных расколов: социологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 2. С. 275-283.
484. Муравлёв В.Н. Партогенез и партийный спектр современной России // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2007. № 7. С. 17-21.
485. Мурашева Е.Е. Политический центр в партийных системах разного типа // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2010. № 1. С. 77-89.
486. Мусаева Р.М., Махачев Д.Г. К вопросу о роли политических партий в формировании законодательной власти Российской Федерации // Юридический вестник ДГУ. 2011. № 2. С. 15-17.
487. Мухаметов Р.С. Роль партии «Единая Россия» в консолидации элит на муниципальном уровне // Ars Administrandi. Искусство управления. 2015. № 1. С. 85-94.
488. Муштук О.З. Генезис российской многопартийности и современная расстановка партийно-политических сил // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2010. № 2 (241). С. 42-51.
489. Надольная А.А., Панько А.Г. Оппозиционные партии в политическом поле современной России: попытка типологизации // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012. № 1 (60). С. 267-271.
490. Назаров И.И. «Партия власти»: системный анализ представительства в государственных органах // Pro nunc. Современные политические процессы. 2014. № 1 (13). С. 24-38.
491. Назаров И.И. Партия власти как специфический фактор формирования новой модели партийной системы постсоветской России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 118. № 2. С. 229-232.
492. Назаров И.И. Элитарно-патронажная система управления политическими партиями в России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 5. С. 15-18.
493. Наматбекова Н.М. Политические партии в демократической системе // Современные гуманитарные исследования. 2006. № 2 (9). С. 361-364.

494. Нарусланов Э.Ф. Экстремистские организации: становление и современное состояние // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 2 (141). С. 30-32.

495. Нащекина Е.В. Правовой институт приостановления деятельности общественных объединений // История государства и права. 2008. № 8. С. 7-9.

496. Невакшенов А.Е. Дискуссия о цикличности партийной истории в историко-политической мысли США 1970-1980 гг. // Омский научный вестник. 2008. № 5 (72). С. 21-24.

497. Нежданов Д.В. Политический дизайн как инструмент политической борьбы // Власть. 2011. №10. С. 97-99.

498. Нижегородцев Р.М. Проблема формализации институтов: граница между формальным и неформальным в институциональном развитии // Журнал экономической теории. 2008. № 3. С. 179-182.

499. Никитина Е.С. Особенности и основные этапы становления гражданского общества в России // Власть. 2010. № 12. С. 145-148.

500. Никифоров А.Ю. Развитие партийного законодательства в России (конец XX – нач. XXI вв.) // Правовое государство: теория и практика. 2015. Т. 3. № 41. С. 34-38.

501. Никифорова И. Феномен политической конкуренции в системе научных категорий // Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe. 2016. Т. 13. № 3. С. 63-69.

502. Николаев А.С. Принципы и формы взаимодействия органов государственной власти и политических партий // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2006. № 6. С. 45-49.

503. Никоненко С.А. Политические партии как институт политической организации гражданского общества // Культура. Духовность. Общество. 2013. № 6. С. 8-14.

504. Никоненко С.А. Политические партии как институт политической организации гражданского общества // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 10 (102). С. 278-282.

505. Новиков Д.В. Парламент как элемент системы российского политического монополизма // European Social Science Journal = Европейский журнал социальных наук. 2013. № 1. С. 473-479.

506. Новиков Д.В., Печерица В.Ф. Политические партии как элемент системы современного российского политического монополизма // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 1 (49). С. 72-77.

507. Носкова Е.Ю. От «партии власти» к «партии большинства»: этапы эволюции «партии власти // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 11. С. 342-346

508. Нудненко Л.А. Правовые гарантии парламентской оппозиционной деятельности в Государственном Думе Федерального Собрания Российской Федерации // Государство и право. 2011. № 8. С. 12-19.

509. Обухов Д.В. Политическая конкуренция и политический рынок в пространстве социальной реальности // Теория и практика общественного развития. 2011. № 4. С. 38-40.

510. Овчинников А.И. Герменевтико-феноменологическая концепция права. Часть I // Северо-Кавказский юридический вестник. 2010. № 2. С. 14-21.
511. Омаров М.О. Политическая партия: теоретико-методологический аспект определения понятия // Вестник Дагестанского государственного университета. 2013. № 4. С. 158-162.
512. Осипова М.А. Социальные институты в механизме управления обществом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2011. № 1. С. 82-89.
513. Оськин С.А. Формирование и функционирование современной российской партийной системы: социально-философский анализ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2010. № 2. С. 43-54.
514. Осягин М.В. Социально-политическая напряжённость как фактор трансформации партии «Единая Россия» // Аллея науки. 2018. Т. 7. № 11 (27). С. 795-799.
515. Павлова Л.Н. Альманах парламентаризма // Право и образование. 2018. № 5. С. 166-167.
516. Палитай И.С., Затонских А.В. Особенности восприятия современных российских политических партий // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2012. № 2. С. 83-95.
517. Панеях Э.Л. Неформальные институты и формальные правила: закон действующий VS. закон применяемый // Политическая наука. 2003. № 1. С. 33-52.
518. Панкратова М.Е., Рашева Н.Ю., Ивашко Г.В. Право как динамическая структура: теоретическое осмысление системы права // Современное право. 2013. № 7. С. 4-8.
519. Панов П.В. «Единая Россия» как инструмент консолидации элит на местных выборах / Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах / Под ред. Ю.Г. Коргунока, Е.Ю. Мелешкиной, Г.М. Михалевой. М.: «КМК». 2009. С. 148 – 149
520. Пармененков К.Н. Эволюция теоретических представлений о взаимодействии монополии и конкуренции // Экономика. Налоги. Право. 2011. № 3. С. 64-73.
521. Парфенова С.Р. Некоторые вопросы влияния современных политических процессов на детерминацию социальных норм // Вопросы политологии. 2014. № 1 (13). С. 53-57
522. Парфенова С.Р. Парадигма института репрезентативности власти как базового понятия российской политической системы // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2017. № 4 (37). С. 94-99.
523. Пасхина И.С., Телин К.О. «Партия ноль»: российские выборы через призму эффективного числа партий // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 43-53.
524. Патрушев С.В. Институциональная политология в российской перспективе // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2011. № 4. С. 142-148.

525. Патрушева Н.С. О трансформации статей Федерального закона «О политических партиях» в контексте российской многопартийности и федерализма // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2016. № 1 (32). С. 26-32.

526. Паунезева Г.Х. Институционализация политических партий современной России и мировой опыт партийного строительства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. №4. С. 234-238.

527. Пеньков В.Ф. О политических технологиях и социальной базе политических партий в России // Мир и политика. 2010. № 45. С. 12-23.

528. Першин Н.И. Под флагом демократии // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2009. Т. 9. № 6. С. 27-34.

529. Петрик А.Н. Правовая регламентация взаимоотношений общественных организаций с политическими партиями и политическими объединениями // В сборнике: Взаимодействие политической науки с органами государственной власти в формировании политических процессов в Российской Федерации и Новых Независимых Государствах Институт философии и права УрО РАН, 2002; Уральская академия государственной службы, 2002. С. 69-74.

530. Петришина-Дюг Г.Г. Политическая партия: понятие и основные признаки // Актуальные проблемы современной науки. 2013. № 4. С. 123-129.

531. Петрищев М.В. Английская классическая политическая экономия и К. Маркс о рыночной конкуренции // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2012. № 13. С. 165-174.

532. Петрова Е.В. Система средств массовой информации политических партий России: исторический контекст и современное состояние // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2008. № 1. С. 139-146.

533. Пилягина В.А. Демократические ценности и традиции политической конкуренции в аспекте проблем политического участия // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2016. № 1 (3). С. 41-48.

534. Письменов В.Н., Письменов Ю.В. О проблемах участия политических партий в избирательной кампании 2016 года // В сборнике: Актуальные проблемы правового регулирования деятельности общественных объединений: российский и зарубежный опыт Региональный научный круглый стол. Сборник научных статей. Ответственный редактор В.В. Коровин. 2016. С. 157-162.

535. Платонова Н.И. Государственное финансирование политических партий в Российской Федерации // Право и управление. XXI век. 2012. № 1. С. 89-92.

536. Плетнев Д.А., Николаева Е.В. Элементы институциональной структуры в современных корпорациях // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 18 (347). С. 111-122.

537. Пономаренко Е. В. Вопросы социологии конституционного права // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2004. №4. С. 74-77.

538. Пономарь С.П. Политические партии как социальные сети // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2008. № 1. С. 30-40.
539. Попова А.В. Гражданское общество и лоббизм как институты государственно-правового развития России // Юридическая мысль. 2014. № 6 (86). С. 34-38.
540. Попова О.В. Политико-партийный ландшафт в новом электоральном цикле // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2011. № 3. С. 100-107.
541. Попова О.О. Особенности правового регулирования агитационной деятельности политических партий в Российской Федерации // Социум и власть. 2011. № 4. С. 85-88.
542. Поспехов И. К вопросу о легальном определении понятия «политическая партия» // Студенческая наука и XXI век. 2008. № 5. С. 236-238.
543. Постников А.Е. Конституционно-правовые основы взаимодействия политических партий и государства // Журнал российского права. 2013. Т. 5. № 197. С. 5-12.
544. Почтарь Т.М. Принципы права в системе правового воздействия // Вестник юридического факультета Коломенского института (филиала) ФГБОУ ВПО «Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ)». 2014. № 9. С. 49-56.
545. Приказчикова О.В., Клопова А.А. Государственные и правовые аспекты участия политических партий в выборах // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции. 2016. № 5 (44). С. 31-36.
546. Приходько И.Н. Трансформация некоммерческих организаций в политические партии // В сборнике: Теоретические и практические аспекты развития научной мысли в современном мире. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2015. С. 327-331.
547. Прок М.А. Место политических партий в российской политической системе // Аграрное и земельное право. 2009. № 9. С. 43-46.
548. Пузиков Р.В. Формы реализации правовой политики // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 1 (129). С. 163-171.
549. Пшизова С.Н. Какую партийную модель воспримет наше // Полис: Политические исследования. 1998. № 4. С. 101-113.
550. Пяткина Т.Ю. К вопросу о правовом регулировании взаимоотношений политических партий и государства // В сборнике: Культурологический подход в экономико-правовом развитии региона. XIV Макаркинские научные чтения. Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Мордовский гуманитарный институт». 2014. С. 369-376.
551. Радько Д.В. Партообразование в кризисных условиях // Теория и практика общественного развития. 2011. № 7. С. 200-202.
552. Ралько О.В. К вопросу о «правовом законе» и понятии «правовой государственности» // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 12. С. 3-7.

553. Раньжина И.В. Демократия и федерализация: принцип взаимодействия // В сборнике: Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 155-157.

554. Рееда Е.В. Круг коллективных субъектов этнических отношений в Конституции Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 1. С. 24-26.

555. Резников Е.В. Правовое положение политических партий и их правовая институционализация в России // В сборнике: Право. Законность. Демократия. Сборник научных трудов. Под ред. И.В. Ростовщикова. Волгоград, 2003. С. 181-188.

556. Репьева П.В. Роль и значение института политической партии при достижении политического баланса // В сборнике: Право и политика: теоретические и практические проблемы сборник материалов 2-й Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию юридического факультета Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Ответственный редактор: А.В. Малько. 2013. С. 583-585.

557. Решетников О.М. Административно-правовое регулирование деятельности партии в России // Актуальные проблемы современной науки. 2014. № 5 (79). С. 65-66.

558. Решетников О.М. Государство и партии: история взаимоотношений // Власть. 2013. № 1. С. 082-086.

559. Решетников О.М. Имущественное положение политических партий // Актуальные проблемы современной науки. 2016. № 2 (87). С. 143-146.

560. Решетников О.М. О партийном праве // Актуальные проблемы современной науки. 2014. № 5 (79). С. 55-56.

561. Решетников О.М. Партии в российской политике начала XXI в. // Исторические науки. 2012. № 1. С. 42-43.

562. Решетников О.М. Политическая партия – общественное объединение // Современные гуманитарные исследования. 2013. № 1. С. 83-84.

563. Решетников О.М. Политическая партия как субъект правоотношения // Актуальные проблемы современной науки. 2014. № 6 (79). С. 67-68.

564. Решетников О.М. Политические партии в истории современной российской государственности // Исторические науки. 2012. № 1. С. 44-45.

565. Рогачева Л.И. Общественные объединения как социальные институты самоорганизации граждан // Власть. 2010. № 3. С. 16-19.

566. Романов А.В., Зейналова Л.М. История становления политических партий в России // В сборнике: Социально-гуманитарные тенденции: история и современность. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2018. С. 226-230.

567. Романов Б. Особенности формирования политических партий в современной России // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 6. С. 57-64.

568. Романовская Л.Р. Институционализация политических партий в современном российском обществе // В книге: Специфика профессиональной деятельности социальных работников К 100-летию Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. С. 166-169.

569. Рубин А.Л. Конкуренция как политический феномен // *Arg Administrandi. Искусство управления*. 2010. № 3. С. 5-10.
570. Рудакова Е.В. Конституционно-правовые аспекты правопреемства политических партий и иных общественных объединений в Российской Федерации // *Конституционное и муниципальное право*. 2009. № 4. С. 31-34.
571. Румянцев А.Г. Много партий хороших и разных?.. Анализ изменений российского закона «О политических партиях» с точки зрения экономической теории демократии // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2012. № 6 (91). С. 57-75.
572. Рылкина А.П. Конкуренция и конфликт: их статус в политической культуре современного российского общества // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. 2010. № 19 (90). С. 224-230.
573. Савельев П.Ю. Какие партии были в Российской Империи? // *Россия XXI*. 2012. № 2. С. 92-127.
574. Савушкина О.В. Парламентаризм как фактор устойчивого развития и политической стабильности российского общества // *Сводный реферативный сборник журнала Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы*. 2011. № 5-8. С. 18.
575. Савушкина О.В. Парламентская деятельность политических партий // *Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы*. 2003. № 6. С. 10-14.
576. Савченко О.Г. О корпоративной сущности политических партий // *Юридический мир*. 2010. № 12. С. 27-29.
577. Савченко О.Г. Правоспособность политических партий в сфере имущественных отношений // *Юрист*. 2010. № 12. С. 60-63.
578. Садовникова Г.Д. Эволюция института народного представительства: основные этапы и особенности становления // *Аграрное и земельное право*. 2010. № 10. С. 111-116.
579. Садыкова В.И. Политические партии как фактор модернизации общества (на примере Китая и Мексики) // *Управление мегаполисом*. 2010. № 4. С. 137-142.
580. Саетов А.А. Политические стратегии демократической оппозиции в борьбе за власть в современной России // *Общество: политика, экономика, право*. 2019. № 5. С. 27-29.
581. Саква Р. Дилеммы развития российской партийной системы // *Политическая наука*. 2010. № 4. С. 167-190.
582. Саква Р. Партия и власть в современной России: между представительством и мобилизацией // *Политическая наука*. 2015. № 1. С. 60-72.
583. Саламов В.Н. Федерация как форма государственного устройства // *Евразийский научный журнал*. 2017. № 8. С. 65-66.
584. Салихов Д.Р. Оппозиционная деятельность в России: проблемы и перспективы // *Конституционное и муниципальное право*. 2011. № 7. С. 52-57.
585. Салмина А.А. Установки населения по отношению к социальной роли государства в России и Германии // *Власть*. 2015. № 10. С. 171-181.

586. Самсонов Ю.А. Социально-ориентированная андрагогика: развитие мотивации членства в общественных объединениях и партиях // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 9 (113). С. 100-106.

587. Самылов И.В. Понятие и система коллективных субъектов права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. № 4. С. 25-32.

588. Сафонов В.Е. Зачем и для чего нужны политические партии в современной России? // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2010. № 4. С. 35-42.

589. Сафронков В.В. Правовой механизм реализации политическими партиями государственно-властных полномочий // Юридическая мысль. 2010. № 4. С. 104-106.

590. Сваллфорс С. Институты, установки и политический выбор // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 4. С. 146-156.

591. Севостьянов Д.В. История политических партий // Социогуманитарный вестник. 2011. № 1. С. 81-85

592. Семенова Л.З. Политические партии, понятие и сущность // Юридический мир. 2010. № 10. С. 23-29.

593. Сербин М.В. К вопросу о новом порядке создания и деятельности политических партий в Российской Федерации // Закон и право. 2012. № 6. С. 16-18.

594. Сербинович Л.Ю. Конституционно-правовые основы организации и деятельности российских общественных объединений: история и современность // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2008. № 3. С. 106-110.

595. Сергаев Е.А. Институционализация российских партий: стимулы к долговременному членству // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 1. С. 78-82.

596. Сергеев С.Г. Потенциально внеконституционные политические институты как «попутный продукт» партийного строительства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2011. Т. 11. № 4. С. 83-88.

597. Сергиенко Е.А. Институционализация и её последствия в развитии социального познания // В книге: Проблема сиротства в современной России Психологический аспект. М., 2015. С. 120-153.

598. Серов С.Л. Механизм формирования экстремистских организаций в Российской Империи конца XIX – начала XX вв. // История государства и права. 2007. № 23. С. 17-19.

599. Сидоров В.Н. Двойственная правовая природа политической партии // Юридические науки. 2006. № 4. С. 105-107.

600. Сиземская И.Н. Социальное государство и гражданское общество: линии сопряжения в условиях модернизационных трансформаций // Философские науки. 2018. № 2. С. 44-49.

601. Сизых Ю.А. «Либерализация» законодательства о политических партиях в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 1. С. 44-51.

602. Симонов В.А. О системообразующих факторах этнической общности как коллективного субъекта политики и права // В сборнике: Международные юридические чтения Материалы научно-практической конференции: в 5 частях. Омск, 2005. С. 8-13.
603. Ситник А.Ю. Феномен моноцентричности российской партийной системы // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2009. № 4 (70). С. 24-30.
604. Слобожникова В.С. Политические партии современной России: между светскостью и религиозностью // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2005. Т. 5. № 1-2. С. 81-88.
605. Смирнова М.Г. Институционализация социального притязания в праве // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 2. С. 13-34.
606. Соболева Ю.В. Развитие административно-правового регулирования процедуры создания и государственной регистрации политических партий // В сборнике: Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции: в 3 частях. Санкт-Петербургский университет МВД России. 2015. С. 129-133.
607. Сорокин А.Г. Институционализация социал-демократических партий России: исторический опыт и современность // ИСОМ. 2014. №1. С. 67-71.
608. Спасский Е.Н. Понятие политической партии: эволюция основных научных трактовок // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2008. № 4. С. 41-45.
609. Старостенко К.В. Политический плюрализм и политическое многообразие: некоторые проблемы политической теории // Социум и власть. 2010. № 1 (25). С. 34-38.
610. Степанов В.Е. Институт политических партий как отражение процесса общественной самоорганизации // Инновационная экономика и общество. 2018. № 4 (22). С. 84-90.
611. Степанченко В.А. Вектор трансформации политической системы России: феномен малопартийности // Власть. 2009. № 9. С. 21-23.
612. Струнский А.Д. К некоторым вопросам правового регулирования института юридических лиц в РФ и ФРГ: сравнительно-правовой анализ // В сборнике: Актуальные вопросы юриспруденции. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. г. Екатеринбург, 2015. С. 23-26.
613. Субочев В.В. Право и его роль в обеспечении диалектического единства личных, общественных и государственных интересов // Право и политика. 2003. № 12. С. 4-11.
614. Суслов Е.В. Институты как факторы обеспечения политического порядка в демократическом государстве // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2015. № 13 (210). С. 173-179.
615. Суэтин А.К. Парламентское право в Российской Федерации: состояние и проблемы // Право и управление. XXI век. 2008. № 3. С. 34-38.

616. Сычева Ю.В. Понятие политической партии в конституционном праве // В сборнике: Правовые проблемы укрепления российской государственности. Под редакцией В.Ф. Воловича, А.М. Барнашова, В.М. Зуева / Томский государственный университет. Томск, 2008. С. 114-116.

617. Тимербаев Т.А. Роль политических партий в процессе правовой модернизации в России: системно-конституционный анализ // Евразийский юридический журнал. 2012. № 48. С. 144-146.

618. Тимофеева А.А. Советское государство и право: методология и историография проблемы // История государства и права. 2010. № 20. С. 10-13.

619. Тирских М.Г., Черняк Л.Ю. Место принципов права в системе российского права // Академический юридический журнал. 2009. № 2 (36). С. 4-10.

620. Титова Е.В. Механизм воздействия конституционных ценностей на правомерное поведение субъектов конституционно-правовых отношений // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 15. № 4. С. 104-110.

621. Толочко А.В. Многопартийность в системе политических институтов современной России: тенденции и перспективы // Запад-Россия-Восток. Археология. История. Философия. Юриспруденция. 2013. № 1-2. С. 67-73.

622. Толочко А.В. Современное регулирование организации и деятельности политических партий в России: конституционно-правовой аспект // В сборнике: Конституция Российской Федерации и развитие современной государственности: теория и практика (к 20-летию Конституции Российской Федерации) материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ответственный редактор: В.Г. Ермаков. 2013. С. 372-379.

623. Трегубов Н.А. Конкуренция на выборах и мотивы голосования: дискурс и практика // Дискурсология: методология, теория, практика. 2016. № 10. С. 328-352.

624. Трофимов Е.А. Политические партии и представительная демократия в современной России // Дальневосточный аграрный вестник. 2008. №2 (6). С. 94-96.

625. Трунтягин А.А. Демократические и авторитарные тенденции политических партий // Вестник Томского государственного педагогического университета = Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2011. № 11. С. 214-219.

626. Трунтягин А.А. Политические партии и демократическое правление // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2010. №3 (11). С. 68-75.

627. Труфанова О.В. Гражданское самоопределение и солидарность – формула стратегического успеха России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9-1. С. 173-175.

628. Турищева Н.Ю. Политическая партия как субъект избирательного процесса регионального уровня // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 5. С. 37-40.

629. Туфанов А.О., Арефьев М.А., Давыденкова А.Г. Институционализация социальных и культурных феноменов // В сборнике: Культура как предмет философского осмысления материалы научной конференции посвященной 70-летию доктору философских наук, профессора Г. В. Стельмашука, 5 мая 2011 г. Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина. Санкт-Петербург, 2011. С. 70-81.
630. Узунян Т.Т. К вопросу о численности политической партии // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 22. С. 23-25.
631. Узунян Т.Т. Создание и регистрация политической партии // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 9. С. 2-10.
632. Упоров И.В. Теоретические и праворегулирующие проблемы представительной демократии в России // Новая наука: Проблемы и перспективы. 2016. № 6-3 (85). С. 289.
633. Усманов Р.Х. Тенденции и перспективы развития российских партий на этапе десятилетия Конституции Российской Федерации // Астраханские политические исследования. 2003. № 3 (6). С. 116-120.
634. Усманова Р.М. Политические традиции и политические нормы: их роль в публичном регулировании общественных отношений // Юридические исследования. 2012. № 2. С. 25-48.
635. Усманова Р.М. Роль политических норм в публичном регулировании общественных отношений // Право и политика. 2012. № 3. С. 535-540.
636. Усова Ю.В. Политические элиты современной России в контексте позиционирования политических партий // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. С. 95.
637. Фадеев М.К. Особенности анализа научной разработанности вопросов политических партий и партийной системы современной России // Вестник гуманитарного научного образования. 2011. № 2. С. 07-08.
638. Фарукшин М.Х. Политические институты демократического общества // Всероссийская научная конференция «Перспективы развития современного общества», 13-14 декабря 2002 г. Часть I: материалы. – Казань: Казанский гос. техн. ун-т, 2003. – С. 130-146.
639. Федоров В.А. Совершенствование российской политической системы и роль оппозиционных партий // Труд и социальные отношения. 2012. № 7. С. 131-134.
640. Филатов Н.Н. «Ускорение»: особенности концептуализации представлений о политическом времени // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2009. № 1. С. 48-55.
641. Фокина В.Э. Институционализация политических партий и становление многопартийности (историко-правовой аспект) // В сборнике: «Человек. Культура. Общество». Сборник статей 6 Международной научно-практической конференции. Под редакцией В. П. Кошарного, Н. В. Розенберг. Пенза, 2014. С. 86-90.
642. Фокина В.Э. Реализация свободы определения целей политической партии в процессе их внутренней институционализации // В сборнике: Перспективы развития науки и образования Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: В 5 частях. ООО «АР-Консалт». г. М., 2014. С. 133-134.

643. Фомин А.А. Рекрутирование политических элит в Украине: три уровня партийного членства // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: общественные науки. 2013. № 4. С. 9-14.
644. Фомичев М.Н., Коломейченко Е.А. Институт конституционных прав и свобод как ориентир взаимодействия личности и государства: понятие и свойства // Евразийский юридический журнал. 2016. № 11 (102). С. 99-101.
645. Фролов С.С. Социальные институты в современном обществе // Социология власти. 2010. № 3. С. 25-35.
646. Фрумина С. Открытость и прозрачность управления финансами некоммерческих организаций (на примере политических партий) // Финансовая жизнь. 2016. № 2. С. 54-57.
647. Хамидуллин К.Ш. Политические партии как субъекты финансового права // Теория и практика общественного развития. 2012. № 9. С. 274-277.
648. Хамидуллина А.А., Семенова Е.А. Пиратская партия в России и за рубежом: правовая роль и принципы деятельности // Новая экономика – новое общество. 2011. № 6. С. 246-250.
649. Ханукаева А. Партия – партийный лидер – общество: проблемы коммуникации в современной России // Власть. 2006. № 10. С. 20-24.
650. Хенкин С. «Партия власти»: штрихи к портрету // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 1997. № 1. С. 28-35.
651. Хованская Е.В. Политическая партия – власть – элита // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. № 4. С. 270-272.
652. Хуако З.Ю. Партии в контексте исторической и политической социологии // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия I: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 3 (124). С. 155-162.
653. Цапко М.И. Современное состояние и основные направления совершенствования законодательства о политических партиях // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 2 (32). С. 78-84.
654. Цапко М.И. Содержание и проблемы реализации конституционно-правового статуса региональных отделений политических партий в СКФО // Вестник Ставропольского государственного университета. 2011. № 5-1. С. 245-250.
655. Цапко М.И., Малащенко М.С. К вопросу о категориях «институционализация» и «социальный институт» // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2 (36). С. 110-112.
656. Царевский С.Н. Взаимодействие политических партий и структур гражданского общества в современной России // Альманах современной науки и образования. 2010. № 2-1. С. 69-71.
657. Цыгановкин В.А. Государственно-правовое регулирование в институциональной теории права // В сборнике: Юридическая наука в правовом поле России: ценностные ориентиры и перспективы развития Муромцевские чтения: материалы XII Международной научной конференции. Министерство образования и науки Российской Федерации, Российский государственный гуманитарный университет, Институт экономики, управления и права, Юридический факультет; под редакцией Н. И. Архиповой, С. В. Тимофеева. 2012. С. 159-164.

658. Чашин А.Н. Запрещённые субъекты как элементы институциональной подсистемы политической системы // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 9. С. 5-7.
659. Чередов И.Г. Сравнение динамики партийных систем Великобритании, Германии и Франции по методу распределения Нагайамы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2009. Т. 5. № 3. С. 182-191.
660. Чередов И.Г. Эволюция определений и типологий политических партий // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 111. С. 309-317.
661. Чирикова А.Е. Институт региональной власти в России: современные политические тенденции и неформальные практики // Казанский федералист. 2012. № 4. С. 22-51.
662. Чиркин В.Е. О территориальном публичном коллективе и власти народа // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2006. № 5. С. 3-5.
663. Чуаньлинь Н. Процесс институционализации политических партий (на материалах постсоветской России) // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2011. № 2. С. 46-50.
664. Шабанова И.К. От права пролетарского к праву социалистическому: метаморфоза советских правовых установок // Академический вестник. 2013. № 1 (23). С. 78-87.
665. Шабров О.Ф. Партогенез и партийные системы: параметры, классификация, российская реальность // Социология власти. 2006. № 1. С. 15-40.
666. Шадрин А.Е. Трансформация экономических и социально-политических институтов в условиях перехода к информационному обществу // Информационное общество. – 1999. – № 2. – С. 27-33.
667. Шамсиева С.С. Институты гражданского общества и их роль в реализации правовой политики России // Современный юрист. 2014. Т. 1. С. 35-40.
668. Шапиро И. Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики // Полис. Политические исследования. 2001. № 5. С. 54-64.
669. Шаповалов В.Л. Развитие партийной системы на муниципальном уровне как элемент трансформации институциональных основ российского местного самоуправления // Муниципальная академия. 2013. № 1. С. 8-13.
670. Шаповалова Л.Д. Особенности политических партий Российской Федерации как общественных объединений // В сборнике: Государственная власть и общество России в XX веке материалы межвузовской научной конференции. Российский государственный гуманитарный университет, Историко-архивный институт, Кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций; составители: Г. В. Кожевникова, Л. Д. Шаповалова. 2004. С. 179-182.
671. Шапошникова Е.А. «Партии власти» в России: отечественное определение понятия и этапы функционирования // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2015. № 23. С. 74-78.
672. Шапошникова Е.А. Отечественный партогенез: состояние и развитие // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2016. № 2 (313). С. 78-83.

673. Шашкова Я.Ю. Влияние закона «О политических партиях» на партийную систему и политическую ситуацию в РФ // Дневник АШПИ. 2001. № 13-14. С. 321-324.

674. Шашкова Я.Ю. Перспективы переформатирования электорального пространства Российской Федерации в контексте новелл законодательства о партиях // PolitBook. 2012. № 1. С. 112-122.

675. Шашкова Я.Ю., Десятникова А.И. Особенности институциональной роли партий в Российской Федерации // Политическая концептология: журнал мегадисциплинарных исследований. 2018. № 4. С. 180-188.

676. Шилов В.Н. Современные российские политические партии: опыт типологии по названиям // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2015. № 19 (216). С. 161-165.

677. Широков О.А. Партийные системы как инструмент легитимации политической власти // Коммуникология. 2016. Т. 4. № 5. С. 69-82.

678. Шишпарёнок О.Н. Правовое регулирование взаимодействия государственных органов субъектов Российской Федерации с политическими партиями // Вестник Института законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского. 2012. № 2 (17). С. 3-21.

679. Шкель С.Н. Неформальные институты в политическом процессе постсоветских государств // Фундаментальные исследования. 2014. № 12-7. С. 1582-1585.

680. Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии. // Полис. Политические исследования. 1996. № 5. С. 16-27.

681. Шорников Е.И. Правовая политика государства в сфере формирования институтов гражданского общества // Новый юридический журнал. 2012. № 2. С. 6-14.

682. Шрайбер А.Н. Проекты решения демографических проблем современной России политическими партиями // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2012. № 4. С. 231-235.

683. Шуберт К., Кочев И.А. Конец партийной демократии в Германии? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 3. С. 76-92.

684. Шубников Ю.Б. Субъекты и объекты отношений как факторы развития социальных институтов // Мир экономики и права. 2013. № 9. С. 27-31.

685. Шувалова Л.В. Парламентское большинство как феномен общественно-политической жизни // Вестник Российской нации. 2011. Т. 1-2. № 15-16. С. 45-61.

686. Шувалова Л.В. Становление и эволюция национальных политических партий и партийных систем: тенденции и перспективы // Вестник Российской нации. 2010. Т. 4-5. № 12-13. С. 77-87.

687. Эллис Э. Политические партии и возобновление истории // Полис (Политические исследования). 1994. № 2. С. 165-168.

688. Югов А.А. О методах отрасли российского конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 8-14.

689. Юрьев В.М. Политические партии современной России: к характеристике дискурса // Про нипс. Современные политические процессы. 2004. № 2. С. 15-23.

690. Якубова Л.А. Лейбористская партия Великобритании в оппозиции (1979-1997 гг.): модернизационные процессы и формирование новых социальных установок // Вестник ТГПУ. 2011. №11. С. 53-60.
691. Яргомская Н.Б. Избирательная система и уровень партийной фрагментации в России // Полис: Политические исследования. 1999. № 4. С. 122–129.
692. Яськова Л.В. Политическая партия как социальная организация // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2011. Т. 259. № 8. С. 57-64.

IV. Диссертации, авторефераты диссертаций

693. Аарон Т.Д. Становление институтов политического диалога в странах с этнокультурным многообразием. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Ростов-на-Дону, 2018. 207 с.
694. Абакуменко С.Е. Реализация конституционного принципа равенства политических партий в условиях становления пропорциональной избирательной системы в России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 2010. 169 с.
695. Абросимова Н.В. Технологии создания общественного образа институтов политической власти. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Санкт-Петербург, 2004. 273 с.
696. Агафонова К.А. Категория политической свободы в конституционном праве (на примере свободы создания и деятельности политических партий). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2009. 174 с.
697. Александров К.А. Картельная политическая партия как фактор трансформации партийной системы современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Орел, 2013. 165 с.
698. Амирова Г.М. Формирование «партии власти» и утверждение её монополии в современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Уфа, 2009. 197 с.
699. Ананьев В.С. Модернизация политических институтов современной России как фактор вывода страны из глобального экономического кризиса. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2011. 231 с.
700. Атнагулов Р.М. Политические институты: теоретико-методологический аспект. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Казань, 2002. 188 с.
701. Байрамов А.Р.О. Правовое регулирование деятельности политических партий в современных условиях. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1993. 24 с.
702. Барабанов М.В. Политические партии современной России: становление, особенности, перспективы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2006. 148 с.
703. Барашков Г.М. Эволюция коммунистической идеологии: от государственной к партийной в СССР – Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Саратов, 2005. 196 с.

704. Беседина В.А. Социально-правовые институты современного российского общества: особенности формирования и развития. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. Санкт-Петербург, 2005. 40 с.

705. Бигазиева С.С. Особенности парламентской оппозиции в политическом процессе современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Саратов, 2013. 184 с.

706. Блинкова Н.Ю. Правовое положение политических партий на современном этапе: сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Федеративной Республики Германии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2009. 190 с.

707. Бородин К.Г. Современные агропродовольственные рынки: конкуренция, интеграция, регулирование. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. – М., 2005. – 345 с.

708. Валяев Ю.К. Метод разрешения в административном праве. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2009. 187 с.

709. Васильева З.А. Формирование факторов экономического роста хозяйственных систем на основе механизмов конкуренции и сотрудничества. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. – Красноярск, 2006. – 454 с.

710. Ведин Н.В. Диалектика сотрудничества и конкуренции в хозяйственной эволюции общества. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. – Казань, 2007. – 286 с.

711. Волобуева А.Н. Конституционно-правовые основы организации и деятельности политических партий в Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 2005. 218 с.

712. Вороненко Д.Н. Правовой нигилизм и правовой идеализм (теоретико-правовое исследование). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Коломна, 1999. 191 с.

713. Воскресенский А.Е. Политическая оппозиция в современном российском обществе: состояние и тенденция развития. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2005. 126 с.

714. Гагиева Н.Р. Многопартийность в Российской Федерации (история, теория, практика, современность). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Санкт-Петербург, 2008. 161 с.

715. Гайворонская Я.В. Концепция нормативности права в отечественном правоведении (советский и постсоветский периоды). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Санкт-Петербург, 2001. 246 с.

716. Галкин А.П. Институционализация политических партий в современном российском обществе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Волгоград, 1998. 171 с.

717. Глушенко П.П. Конституционные права и свободы граждан Российской Федерации (теоретические и организационно-практические вопросы социально-правовой защиты). Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Санкт-Петербург, 1998. 378 с.

718. Гордеев В.А. Конкуренция и её развитие: политэкономический аспект. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. – Иваново, 2007. –298 с.
719. Григорьева Л.А. Взаимоотношения государства и политических партий в современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2009. 196 с.
720. Грызлов Б.В. Политические партии и российские трансформации: теория и политическая практика. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Санкт-Петербург, 2001. 211 с.
721. Гусева М.М. Политические институты в политической системе современной России: генезис, механизмы функционирования, тенденции. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2007. 202 с.
722. Гуторова А.Н. Политические партии в системе народного представительства. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Орел, 2009. 171 с.
723. Джалилов Э.А. Юридическая ответственность политических партий в Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Тольятти, 2012. 219 с.
724. Дубинина Е.Н. Юридизация отношений в современном обществе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2010. 165 с.
725. Дубровина Е.П. Политические партии как субъекты избирательного процесса в Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2003. 205 с.
726. Дувалов А.Г. Социальные инновации в стратегии управления формированием политической партии: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М., 2006. 172 с.
727. Дудников Е.В. Политический плюрализм и становление многопартийности в Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Воронежский государственный университет. Воронеж, 2011. 230 с.
728. Дюгурова А.И. Институционализация партийной системы в Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Казань, 2011. 171 с.
729. Ермаков А.Д. Политические партии – институт конституционного строя Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 2004. 275 с.
730. Жигун Л.А. Методологические основы регулирования конкуренции в промышленности. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. – Владивосток, 2004. –423 с.
731. Завгородний М.А. Политические партии как субъекты административного права. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 2011. 26 с.
732. Заикин С.С. Соглашения политических партий в конституционном праве России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2013. 219 с.

733. Заславский С.Е. Политические партии России (процесс правовой институционализации). Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2004. 406 с.

734. Зеленко Б.И. Политические партии как институциональный фактор становления гражданского общества в современной России. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2004. 334 с.

735. Зими́на Н.В. Институционализация политических партий как политико-правового института в современной России (региональный аспект). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Чита, 2008. 181 с.

736. Исимбекова З.А. Технологии электоральной конкуренции политических партий на парламентских выборах в современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Саратов, 2013. 212 с.

737. Исмаилов Р.Р. Конституционный статус политических партий в современных федеративных государствах Европы (сравнительно-правовое исследование). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2010. 166 с.

738. Казаченко А.А. Конституционно-правовое регулирование организации и деятельности политических партий в современном демократическом государстве. Сравнительно-правовой анализ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2005. 192 с.

739. Кандыба Р.А. Развитие института политических партий периода трансформации российского общества. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Пятигорск, 2005. 181 с.

740. Кашанина Т.В. Оценочные понятия в советском праве. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Свердловск, 1974. 185 с.

741. Кинзерская И.Л. Влияние электоральных институтов и практик на развитие политической конкуренции в России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Санкт-Петербург, 2009. 192 с.

742. Кистенев К.И. Система субъектов российского права в условиях рыночных отношений. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 2011. 26 с.

743. Клещарь Е.А. Тенденция развития правящих партий в современной России (на примере партии «Единая Россия»). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Ростов-на-Дону, 2009. 137 с.

744. Климанов Р.В. Коллективные субъекты права в сфере рыночных отношений (вопросы общей теории права). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Самара, 2003. 191 с.

745. Ковалева Т.В. Манипулятивные и контрманипулятивные технологии в современных избирательных кампаниях. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Тюмень, 2007. 152 с.

746. Кочьян И.А. Социоструктурная динамика политической системы современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Новочеркасск, 2002. 156 с.

747. Крипак И.И. Сложный коллективный субъект права: проблемы общей теории и практики. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Кострома, 2006. 225 с.

748. Куровская О.В. Организационно-управленческие аспекты функционирования политических партий: социологический анализ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Петербург, 2005. 185 с.

749. Куценко А.Г. Межпартийная политическая конкуренция (российский и международный опыт). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2004. 165 с.

750. Лайпанова Д.Б. Партии в российском политическом процессе: эволюция и специфика функционирования. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Ставрополь, 2009. 159 с.

751. Лашманкин Е.А. Статус фракций политических партий в Государственном Думе Федерального Собрания Российской Федерации (конституционно-правовое исследование). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2012. 175 с.

752. Лермонтов Ю.М. Конституционно-правовая институционализация муниципальной демократии в современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2009. 187 с.

753. Луговская М.Л. Правовое регулирование участия политических партий в избирательном процессе в Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2003. 187 с.

754. Лукашенок И.В. Институционализация новых социальных отношений в современной России. Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. Ростов-на-Дону, 2005. 305 с.

755. Лысенко В.В. Общественные объединения как форма реализации конституционного права на объединение в Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2001. 150 с.

756. Маврин О.В. Процесс трансформации партий и партийных систем современного общества. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Казань, 2004. 143 с.

757. Макеев Д.А. Политическая оппозиция как институт современного российского общества. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2004. 127 с.

758. Маллакурбанов А.А. Институционализация парламентских партий России в условиях постсоветских трансформаций. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Краснодар, 2010. 197 с.

759. Маркова С.А. Политическое самоопределение гражданского общества в постсоветской России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Воронеж, 2003. 199 с.

760. Мацко С.В. Государственная идеология и право современной России (теоретико-правовое исследование). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Уфа, 2003. 204 с.

761. Мелешкин И.Г. Идеологии политических партий в условиях трансформации партийной системы современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Санкт-Петербург, 2008. 210 с.

762. Минина Н.В. Законодательная база становления и функционирования политических партий России в начале XX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Воронеж, 2007. 246 с.

763. Митин Г.Н. Особенности конституционно-правового регулирования статуса политической партии как юридического лица. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2010. 216 с.

764. Моисеев А.М. Конституционное право граждан на объединение в политические партии и судебная практика его защиты. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2008. 180 с.

765. Неровная Н.Н. Конституционно-правовые основы участия российских политических партий в выборах. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Челябинск, 2003. 209 с.

766. Никитин А.А. Концептуальные основы избирательных технологий в современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Саратов, 2012. 232 с.

767. Никитина Н.Н. Диалектика конкуренции и монополии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – Уфа, 2005. – 190 с.

768. Овчинников А.И. Правовое мышление: аксиологический и герменевтический аспекты. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. РнД, 2000. 169 с.

769. Олькова О.Н. Информационная деятельность политических партий в Российской Федерации (конституционно-правовые проблемы). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2009. 191 с.

770. Оськин С.А. Партийное строительство и специфика функционирования политических партий в постсоветской России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Санкт-Петербург, 2004. 222 с.

771. Павленко В.Б. Партии в политической жизни современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 1994. 277 с.

772. Петров М.А. Стратегия развития конкуренции в банковском секторе экономики. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. – Саратов, 2006. – 418 с.

773. Петрова О.Ю. Многопартийность в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Волгоград, 2004. 259 с.

774. Пешков В.П. Политическая оппозиция как социальный институт реформируемого российского общества: эволюция восприятия массовым сознанием. Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. М., 2000. 379 с.

775. Поздняков Д.А. Современная российская многопартийность: юридические механизмы институционализации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ростов-на-Дону, 2004. 173 с.

776. Поздняков П.Н. Правовое положение коллективных публичных субъектов права. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2004. 31 с.

777. Прищеп С.Н. Трансформация политических отношений и её влияние на деятельность политических институтов в постсоветской России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2008. 194 с.

778. Пухкалова М.О. Юридическая легитимация современных российских политических партий. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ростов-на-Дону, 2004. 155 с.

779. Радкевич С.Б. Модель организации современной политической партии: опыт сравн.-политол. анализа. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 1998. 297 с.

780. Радько Д.В. Изменения стратегий деятельности политических партий России в условиях мирового экономического кризиса. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Краснодар, 2012. 215 с.

781. Резников Е.В. Социально-правовое развитие и правовой статус политических партий в России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Волгоград, 2004. 232 с.

782. Романенко О.В. Финансирование политических партий в России: конституционно-правовые проблемы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2004. 197 с.

783. Романович А.Л. Взаимодействие политических партий, блоков и коалиций как фактор демократизации политического процесса в современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2000. 163 с.

784. Русинов В.И. Конституционное право граждан на объединение в политические партии в Российской Федерации (проблемы теории и практики). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Екатеринбург, 1997. 154 с.

785. Русинов В.И. Конституционное право граждан на объединение в политические партии в Российской Федерации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Екатеринбург, 1997. 30 с.

786. Савченко О.Г. Право собственности политических партий. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Владикавказ, 2011. 151 с.

787. Сергеев С.А. Политическая оппозиция в современной России (федеральный и региональный аспекты). Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. Казань, 2005. 390 с.

788. Сергеева Е.В. Формирование методологии анализа политических институтов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Саратов, 2006. 166 с.

789. Соколов В.А. Трансформация «партии власти» в партийной системе современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Ярославль. 2010. С. 59.

790. Сологуб С.В. Конституционно-правовое регулирование статуса политических партий в Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2006. 177 с.

791. Сосина Ю.В. Теоретико-игровые модели политической конкуренции. Диссертация на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук. – М., 2006. –120 с.

792. Стрежнева М.В. Региональные политические институты (на примере Европейского Союза и Содружества Независимых Государств. Социокультурный анализ). Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2000. 303 с.

793. Сызранцев Д.Г. Прагматизм в праве (метод Роско Паунда). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. РнД, 2002. 158 с.

794. Таскаев В.П. Политические партии как социальные корпорации (социологический анализ проблем становления в современной России). Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Екатеринбург, 2008. 186 с.

795. Телков А.С. Политические партии и партийные системы: направления институциональной трансформации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2002. 187 с.

796. Теперик А.В. Конституционные основы участия политических партий в российском избирательном процессе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 2000. 224 с.

797. Тихомирова Ю.С. Правовые формы контроля деятельности политических партий. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2003. 165 с.

798. Токмаков К.К. Право граждан на объединение в политические партии в условиях правового государства. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1992. 22 с.

799. Трущева А.А. Консервативные ценности российских граждан и членов партии «Единая Россия» (политико-культурный анализ). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2017. 206 с.

800. Ужegov Ю.М. Политические партии и общественные организации России на выборах 1995 года в Государственную Думу. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2000. 246 с.

801. Узунян Т.Т. Политические партии в Российской Федерации (конституционно-правовые вопросы создания, регистрации и контроля за деятельностью). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2011. 216 с.

802. Федоренко Н.Г. Влияние политических партий на функционирование российского государства. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2009. 163 с.

803. Халитова А.Х. Выборы как институт политической демократии в трансформирующемся российском обществе (федеральный и региональный аспекты). Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2004. 405 с.

804. Чернов О.В. Методологические и методические основы использования политических технологий в избирательных кампаниях. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2006. 153 с.

805. Чеснов К.В. Конституционно-правовая институционализация системы исполнительной власти в России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Белгород, 2011. 167 с.

806. Чижов Д.В. Российские политические партии как институт гражданского общества и политической системы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2006. 223 с.

807. Шеломенцев В.Н. Общественные объединения в России: теоретико-правовой и институциональный анализ. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2006. 344 с.

808. Шминке А.Д. Система права и система законодательства России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 2012. 30 с.

V. Литература на иностранных языках

809. Avril, P. Essais sur les partis politiques / P. Avril. – P., 1990. – 457 p.

810. Ben-Dor G. Institutionalization and political development: A conceptual and theoretical analysis // Comparative studies in society and history. – Cambridge, 1975. – Vol. 17, N 3. – P. 315-316.

811. Burdeau G. L'Etat. – P., 1970. – P. 9.

812. Burnham W.D. American Politics in the 1970s: Beyond Party? The Future of American Political Parties. – Beverly-Hills-L., 1975. – 420 p.

813. Hays, B.D. Party with the court: political parties and the national judiciary in the creation, maintenance, and transformation of political orders. University of Maryland, College Park. 2004. 318 p.

814. Hennessy, B. On the Study of Party Organization. Approaches to the Study of Party Organization. – Boston, 1968. – 315 p.

815. Huntington S. Political Development and Political Decay // World Politics. 1965. Vol. 17. № 3. pp. 386-430.

816. Levi M. A logic of institutional change // The limits of rationality / ed. by K.S. Cook, M. Levi. – Chicago, 1990. p. 405.

817. Panebianco A. Political parties: Organization and power. – Cambridge: Cambridge univ. press. 1988.

818. Parsons T. Structure and process in modern societies. Glencoe, III, 1960, p. 177.

819. Patrzalek A. Zagodnienie instytucjonalizacji partii politycznych w Czarnej Afryce / A. Patrzalek // Paristwo i prawo. – 1974. – № 4. – P. 51–67

820. Rose R., Mackie T.M. Do Parties Persist or Fail? The Big Trade-Off Facing Organizations // When Parties Fail: Emerging Alternative Organizations / Ed. by K. Lawson, P.H. Merkl. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1988. – P. 533-558.

821. Sobolewski, M. Partii i systemy partyjne swiata kapitalistycznego / M. Sobolewski. – Warszawa, 1977. – 342 p.

822. Transition from cosialism. State and civil Society in the USSR / ed. By Kukathas Ch. – Melbourn, 1991. – 368 p.

823. Wojtomcz, K. Partie w mechanizme władzy panstw Afriki Wschodniej / K. Wojtomcz. – Wroclaw, 1980. – 315 p.

VI. Интернет-ресурсы:

824. «Яблоко» задумалось об обращении в ЕСПЧ по поводу итогов выборов в Госдуму // По данным информационного агентства «Интерфакс» [Электронный адрес] <http://www.interfax.ru/russia/539114> Доступ – свободный. Дата обращения: 13.07.2018.

825. «КПРФ ополчилась на муниципальный фильтр» [Электронный ресурс]: http://www.ng.ru/politics/2019-03-18/3_7533_kprf.html Доступ – свободный (дата обращения: 06.07.2019).

826. «КПРФ помогут пройти муниципальный фильтр на президентских выборах в Республике Татарстан» [Электронный ресурс] <https://www.business-gazeta.ru/article/135216> Доступ – свободный (дата обращения: 06.07.2019).

827. «Муниципальный фильтр преодолели меньше половины» [Электронный ресурс] <http://journalufa.com/12441-municipalnyy-filtr-preodoleli-menshe-pолоviny.html> Доступ – свободный (дата обращения: 06.07.2019).

828. Закатнова А. Клик — и в партии // Российская газета (19 мая 2010) [Электронный ресурс] доступ – свободный (дата обращения: 04.11.2019).

829. Официальный сайт Партии Роста [Электронный ресурс] <https://rost.ru/page/manifest> – доступ свободный. Дата обращения: 14.03.2018.

830. Партия «Великое Отечество» обратилась в Конституционный Суд РФ. [Электронный ресурс] <https://nstarikov.ru/blog/70801> (дата обращения: 24.11.2016).

831. Распоряжение Минюста России от 15 января 2016 г. N 26-п // (N 3246) (minjust.ru/extremist-materials?field_extremist_content_value=&page=16).

832. Распоряжение Минюста России от 28 октября 2015 г. N 1602-п // официальный сайт Минюста России в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (N 3124) (minjust.ru/extremist-materials?field_extremist_content_value=&page=15).

833. Список политических партий, в отношении которых внесена запись о прекращении деятельности самой политической партии и её региональных отделений. Официальный сайт Министерства Юстиции РФ (minjust.ru). (дата обращения: 01.02.2016).

834. Стенограмма встречи представлена на электронном портале «Наша молодёжь». [Электронный ресурс] URL: http://nasha-molodezh.ru/go/forums/vstrecha_vladimira_putina_s_uchastnikami_foruma_s_eliger_2012_chast_1.html Доступ – свободный (дата обращения: 28.01.2016).

835. Уведомление Министерства юстиции Российской Федерации об отказе в государственной регистрации политической партии «Партия народной свободы «За Россию без произвола и коррупции» при ее создании от 21 июня 2011 г. N 15-40062 [Электронный ресурс] URL: http://www.svobodanaroda.org/about/docs/refusal_to_register.php. (дата обращения: 23.06.2019).

836. Уведомление Министерства юстиции Российской Федерации об отказе в государственной регистрации политической партии при создании от 29 декабря 2012 г. N 15-107164/12 [Электронный ресурс] URL: <http://www.pirate-party.ru>. (дата обращения: 23.06.2019).

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Научное издание

Курочкин Анатолий Васильевич

**УКРЕПЛЕНИЕ И УКОРЕНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПАРТИЙ В РОССИИ: ПРОЦЕСС ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ
В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОЙ
ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ**

Монография

Чебоксары, 2021 г.

Ответственный редактор *А.В. Курочкин*

Компьютерная верстка *Д.И. Ларионова*

Дизайн обложки *Н.В. Фирсова*

Подписано в печать 30.07.2021 г.

Дата выхода издания в свет 10.08.2021 г.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Times. Усл. печ. л. 15,345. Заказ К-857. Тираж 500 экз.

Издательский дом «Среда»

428005, Чебоксары, Гражданская, 75, офис 12

+7 (8352) 655-731

info@phsreda.com

<https://phsreda.com>

Отпечатано в Студии печати «Максимум»

428005, Чебоксары, Гражданская, 75

+7 (8352) 655-047

info@maksimum21.ru

www.maksimum21.ru